

THE HISTORY OF THE
CITY OF LONDON

J. G. Nichols

Игнатий Николаевич Потапенко

Канун

Игнатий Николаевич Потапенко — незаслуженно забытый русский писатель, человек необычной судьбы. Он послужил прототипом Тригорина в чеховской «Чайке». Однако в отличие от своего драматургического двойника Потапенко действительно обладал литературным талантом. Наиболее яркие его произведения посвящены жизни приходского духовенства, — жизни, знакомой писателю не понаслышке. Его герои — незаметные отцы-подвижники, с сердцами, пламенно горящими любовью к Богу, и задавленные нуждой сельские батюшки на отдаленных приходах, лукавые карьеристы и уморительные простаки... По-

вести и рассказы И.Н.Потапенко трогают читателя своей искренней, доверительной интонацией. Они полны то искрометного юмора, то глубокого сострадания, а то и горькой иронии.

Произведения Игнатия Потапенко (1856–1929), русского прозаика и драматурга, одного из самых популярных писателей 1890-х годов, печатались почти во всех ежемесячных и еженедельных журналах своего времени и всегда отличались яркой талантливостью исполнения. А мягкость тона писателя, изысканность и увлекательность сюжетов его книг очень быстро сделали Игнатия Потапенко любимцем читателей.

Содержание

I	.0007
II	.0020
III	.0036
IV	.0052
V	.0075
VI	.0097
VII	.0117
VIII	.0152
IX	.0171
X	.0189
XI	.0207
XII	.0240
XIII	.0261
XIV	.0279
XV	.0300
XVI	.0314
XVII	.0332
XVIII	.0353
XIX	.0375
XX	.0398
XXI	.0420
XXII	.0440
XXIII	.0459
XXIV	.0479
XXV	.0498

XXVI.....	0514
XXVII.....	0535

**Игнатий Николаевич
Потапенко
КАНУНЪ
Романъ**

Городъ стоялъ на высокомъ берегу и съ подплывающаго къ нему парохода за много верстъ были видны его церкви и высокіе многоэтажные дома.

А внизу, на узкой и длинной полосѣ, примыкавшей къ морскому заливу, раскинулся особый своеобразный городокъ, созданный моремъ. Огромныя вмѣстилища для зернового хлѣба съ гигантскими элеваторами, угольные склады, пароходныя и транспортныя конторы, небольшіе ресторанчики, харчевни, пивныя, — все это тянулось къ морскому берегу, давно уже подъ тяжестью каменныхъ насыпей, выступавшихъ далеко въ море, утратившему свои природныя очертанія.

Нѣсколько широкихъ моловъ раздѣляли береговую часть залива на гавани, защищая ее отъ прибоя морскихъ волнъ. Гавани были переполнены пароходами, баржами и парусными судами.

Въ нихъ происходило несмолкаемое вѣчное движеніе — нагрузки и выгрузки, оглушительный грохотъ ломовыхъ телѣгъ,

шумный говоръ, переполненный отборными ругательствами полунагихъ, босоногихъ богатырей, таскавшихъ на своихъ плечахъ десятипудовые тюки, свистъ пароходовъ, и все это, вмѣстѣ съ доносившимся сюда отдаленнымъ шумомъ моря, сливалось въ какую-то адскую музыку.

Вдобавокъ ко всему, вдоль береговой линіи тянулась длинная полоса рельсовъ и по ней, шипя и посвистывая, безъ отдыха, сновали локомотивы, таща за собой вереницу товарныхъ вагоновъ, отвозившихъ въ загородные склады разнообразную добычу, привезенную моремъ, которую выгружали на пристаняхъ.

И все это утопало въ темномъ дыму, который положилъ свой налетъ на стѣны всѣхъ зданій, и прибрежная часть города издали казалась черной.

Въ самой крайней гавани, ближайшей къ открытому морю, движеніе было не такое напряженное. Здѣсь приставали только пассажирскіе пароходы, привозившіе сравнительно ничтожное количество грузовъ. Ихъ привѣтливо встрѣчало красивое двухъэтаж-

ное зданіе, подъ сводами котораго городская публика, встрѣчавшая прїѣзжихъ, пряталась во время ненастной погоды. Въ это же зданіе поступали на складъ привезенные и не взятые тотчасъ товары.

На самой же пристани, по ту сторону зданія, прїѣзжающихъ ждали элегантные извожичьи экипажи и омнибусы изъ отелей, сопровождаемые кондукторами.

Было около четырехъ часовъ чуднаго весенняго дня. Южное солнце, никогда не справляющееся съ календаремъ, съ утра палило по лѣтнему и, хотя къ этому часу оно, точно утомленное дневной работой, сбавило силы, но отъ сильно нагрѣтаго имъ булыжника мостовой, отъ каменныхъ стѣнъ и отъ желѣзныхъ крышъ домовъ разило тепломъ, какъ отъ натопленныхъ печей.

Ожидался пароходъ изъ небольшого городка, который стоялъ на рѣкѣ, впадавшей въ море верстахъ въ 70 отъ города.

Среди разнокалиберной публики, которую по внѣшнему виду легко было раздѣлить на классы, какъ дѣлились и мѣста на пароходѣ, попадались люди самыхъ разнообразныхъ

національностей. Здѣсь можно было встрѣтить русскаго чиновника въ фуражисѣ съ кокардой рядомъ съ откормленной бритой фигурой богатаго еврея, ведущаго счастливую торговлю хлѣбомъ, совершенно отрѣшившагося отъ своихъ національных признаковъ и даже брезгливо сторонящагося отъ тонкой высокой фигуры соотечественника въ длинномъ кафтанѣ, съ библейскими пучками волосъ на вискахъ, шныряющаго среди публики и не теряющаго ни минуты, чтобы обдѣлать какое-либо дѣльце. Смуглолицый персъ, ожидающій присылки фруктоваго товара, и длинноносый грекъ; важно раскуривающій папиросу гимназистъ, въ надеждѣ, что по близости нѣтъ начальства, горячо спорящій съ барышней студентъ, толстая баба изъ пригорода, армейскій офицеръ, величественное духовное лицо, — все это смѣшивалось въ одну густую толпу ожидающихъ.

Посреди этой пестрой толпы замѣтно выдѣлялась большая группа людей, державшаяся ото всѣхъ особнякомъ. Ихъ было десятка три, всѣ между собой были знакомы и всѣ

говорили объ одномъ. Группу составляли съ десятокъ мѣстныхъ журналистовъ, три конкурирующихъ издателя, на этотъ разъ объединенныхъ личностью ожидавшагося пассажира, остальные же были друзья, поклонники и поклонницы. Ждали мѣстное журнальное свѣтило, всему городу извѣстнаго фельетониста Зигзагова, который возвращался изъ трехлѣтней административной ссылки.

Издатели трехъ газетъ, вѣчно подсиживавшіе другъ друга на столбцахъ своихъ изданій и изощрявшіе умъ стараніемъ перехватить другъ у друга подписчика, бесѣдовали о дѣятельности городской думы, объ оборотахъ городской торговли и о томъ, что сегодня хорошая погода, и ни однимъ словомъ не касались личности Зигзагова, какъ будто и не его встрѣчали.

У каждаго изъ нихъ на молъ стоялъ собственный экипажъ и каждый надѣялся, встрѣтивъ Зигзагова, отвести его въ гостиницу или даже къ себѣ на квартиру въ своемъ экипажѣ. Зигзаговъ вообще былъ приманка, а Зигзаговъ послѣ трехлѣтней ссылки, конечно, былъ приманкой вдвое.

И всѣ они чувствовали, что въ ближайшемъ будущемъ имъ предстоитъ бороться не на жизнь, а на смерть; что одному изъ нихъ фельетоны Зигзагова обойдутся въ копѣечку. Но каждый былъ готовъ на большія жертвы, лишь бы убить конкурента.

Двое изъ нихъ, маленькій Курчавинъ и величественный красивый обладатель длинной хорошо расчесанной бороды Малеванскій — издавали либеральныя газеты и, казалось бы, ожидаемая добыча въ видѣ фельетониста, возвращавшагося изъ политической ссылки, должна бы разыграться только между ними двумя.

Громоздкій, плечистый, рыжій издатель третьей газеты, по фамиліи Кромѣшный, былъ непримиримый врагъ либерализма и по крайней мѣрѣ хотъ разъ въ недѣлю уговаривалъ своихъ читателей устроить погромъ евреевъ, во множествѣ населявшихъ городъ.

И тѣмъ не менѣе онъ съ одинаковыми шансами надѣялся перетащить къ себѣ Зигзагова. Объяснялось это очень просто тѣмъ, что Зигзаговъ, — талантливый, властный, самостоятельный и хорошо знавшій себѣ цѣну, не

придавалъ никакого значенія убѣжденіямъ своихъ издателей. Названіе газеты для него было пустымъ звукомъ. Какого бы направленія ни придерживалась газета, онъ, вступивъ на ея столбцы, тотчасъ же дѣлался хозяиномъ положенія. Тамъ, въ верхнихъ столбцахъ что-то писали, до чего ему не было дѣла, а онъ всегда писалъ свое. Когда его упрекали въ этомъ издатели либеральныхъ газетъ, онъ говорилъ:- да вѣдь я съ Кромъшнымъ столько же несогласенъ, сколько и съ вами, господа. Между вами разницу составляетъ только подписчикъ. Вы думаете привлечь подписчика либерализмомъ, а онъ консерватизмомъ. Мнѣ же до подписчика нѣтъ дѣла. Мнѣ нуженъ читатель... Вѣдь вотъ меня арестовали и услали вонъ изъ города, въ мѣста, довольно отдаленныя, какъ разъ въ то время, когда я писалъ въ газетѣ Кромъшнаго, а вы продолжали быть либеральными и васъ никуда не услали... И никогда не ушлютъ.

И такъ какъ Зигзаговъ всѣхъ трехъ издателей одинаково презиралъ, и очень любилъ, чтобы они знали объ этомъ, то онъ обыкно-

венно прибавлялъ.

— Мнѣ, милостивые государи, нуженъ осель для того, чтобы я могъ ѣхать на немъ и кричать на весь городъ то, что я думаю, а какой масти этотъ осель — черной, гнѣдой или пѣгой, мнѣ это рѣшительно все равно.

На отдаленномъ горизонтѣ, гдѣ море казалось сливающимся съ небомъ, показалась темная точка, которая все разрасталась, принимала ясныя очертанія, выдѣливъ сперва двѣ мачты, а потомъ и двѣ трубы. Изъ трубъ поднимался и длинными полосами стелился въ воздухъ дымъ.

Встрѣчавшая публика оживилась, заволновалась. Пароходъ уже сдѣлался видѣнъ весь, можно было отличить бѣлую окраску трубъ и пестрый коммерческой флагъ на верхушкѣ одной изъ мачтъ. Вотъ онъ уже огибаетъ узкую оконечность мола, остриемъ врѣзывающуюся въ море. Вотъ онъ уже въ гавани и до пристани доносится равномерное попыхиваніе его машины.

Онъ подошелъ къ пристани вплотную. Публика поостереглась, матросы бросили канаты, ихъ закрѣпили на берегу, начался

долгой медленный причаль, потомъ спустили трапъ.

На палубъ перваго класса, у самаго борта, стоялъ Зигзаговъ — человекъ средняго роста, сухощавый, съ блѣднымъ лицомъ, красивымъ, умнымъ, съ тонкими чертами, съ большимъ лбомъ, съ хорошо сохранившимися прямыми откинутыми назадъ, русыми волосами.

Онъ кланялся встрѣчавшей его группѣ, махалъ шляпой и улыбался. Съ берега раздавались привѣтствія.

Публика толпой сходила по трапу, шумно привѣтствуя своихъ знакомыхъ, а Зигзаговъ не торопился. Онъ не хотѣлъ принимать участіе въ толкотнѣ.

Но въ то время, какъ журналисты и читатели Зигзагова посылали ему привѣтствія съ пристани, громко освѣдомляясь о томъ, хорошо ли ему ѣхалось, не пострадалъ ли онъ отъ морской болѣзни, маленькій издатель мѣстнаго листка, Курчавинъ, не замѣтно куда-то исчезъ и вдругъ изумилъ двухъ другихъ издателей, увидѣвшихъ его на пароходѣ, рядомъ съ Зигзаговымъ.

— Ахъ, чертъ пронырливый! — громко выругался Кромѣшный, вообще не стѣснявшійся въ выраженіяхъ, и сейчасъ-же, раздвигая толпу своими могучими плечами, ринулся по трапу на пароходъ. Третій издатель, счастливый обладатель длинной бороды и красиваго лица, величественно поплыль вслѣдъ за нимъ. пользуясь его работой по раздвиганію толпы, и скоро Зигзаговъ былъ окруженъ всѣми тремя издателями, которые на перерывъ выражали ему свою ласковость.

Почти уже вся публика сошла съ парохода. Носильщикъ несъ небольшой чемоданъ, въ которомъ было заключено все имущество Зигзагова, а владѣлецъ чемодана, сопровождаемый издателями, шелъ по пароходу, затѣмъ спустился на пристань и здѣсь встрѣчавшая его группа сдѣлала ему овацію.

Были тутъ и друзья, съ которыми Зигзаговъ цѣловался, а были и невѣдомыя лица, которымъ онъ пожималъ руки.

И вотъ тутъ-то наступилъ моментъ, когда издатели, каждый порознь, въ умѣ своемъ изобрѣтали способъ вызвать особое довѣріе со стороны Зигзагова, чтобы увезти его въ

своёмъ экипажѣ и тѣмъ завязать литературныя отношенія, но въ то время на пристани появилось новое лицо, которое обратило на себя вниманіе всѣхъ.

Это была очень замѣтная фигура, не только потому, что онъ былъ высокаго роста, но и по той особой манерѣ, которая изобличала въ немъ человѣка съ большимъ значеніемъ и знающаго себѣ цѣну, но на столько умнаго, чтобы не совать это сознаніе впередъ. Онъ держался въ высшей степени скромно и просто и какъ-то нарочито-благодарно улыбался всѣмъ тѣмъ, съ кѣмъ здоровался и говорилъ. Улыбка у него была пріятная, чему способствовали его прекрасные ровные бѣлые зубы. Да видъ ему было не много больше сорока лѣтъ, но его темные жаркіе глаза были необыкновенно молоды и изъ нихъ, какъ изъ переполненной чаши, какъ-то непрерывно лучился умъ, который проявлялся въ каждомъ движеніи его лица, некрасиваго, но пріятнаго, обладавшаго способностью быстро и незамѣтно располагать человѣка въ свою пользу.

На немъ была одноцвѣтная темносѣрая па-

ра, на головѣ высокая мягкая фетровая шляпа, а на лѣвой рукѣ лежала накидка, вродѣ плаща.

Зигзаговъ тотчасъ увидѣлъ его и, оставивъ пожиманіе протянутыхъ къ нему рукъ, стремительно пошелъ къ нему на встрѣчу и протянулъ къ нему обѣ руки.

— Ба! Прелестнѣйшій, чудеснѣйшій... Левъ Александровичъ!.. Просто Левъ! какъ же я радъ, что я вижу васъ!

Левъ Александровичъ крѣпко пожалъ его руку, но они не обнялись и не поцѣловались. Они сейчасъ же повернули по направленію къ выходу. Левъ Александровичъ обнялъ Зигзагова правой рукой за талію и они шли впереди, остальные же группой шествовали за ними.

— Ко мнѣ? — спросилъ Зигзагова Левъ Александровичъ.

— Да чего же лучше... У меня — негдѣ голову преклонить.

— Буду очень счастливъ... Такъ ѣдемъ... Господа, — сказалъ онъ, обратившись къ слѣдовавшей за нимъ группѣ:— я васъ ограблю. Я увезу отъ васъ Максима Павловича.

Всѣ три издателя злились, каждый порознь, но въ то же время они могли быть и довольны. Зигзаговъ не достался ни одному изъ нихъ, значить — на конкуренцію еще остается свобода и каждый можетъ рассчитывать на свое искусство.

На мостовой мола стояли нѣсколько оставшихся извозчичьихъ экипажей, собственные экипажи издателей, а впереди всѣхъ изящное ландо — викторія Льва Александровича Балтова. Кучеръ тотчасъ же подкатилъ. Носильщикъ взвалилъ къ нему на козлы чемоданъ, хозяинъ усадилъ Зигзагова и самъ сѣлъ рядомъ.

Зигзаговъ приподнялся и снялъ шляпу. — Господа, до свиданія, — сказалъ онъ встрѣчавшимъ его. — Благодарю за милую встрѣчу!.. Повѣрьте, страшно цѣню и не забуду...

Лошади тронули и экипажъ быстро помчался. Друзья, почитатели, а съ ними и три издателя остались позади.

— Какъ я радъ, что не опоздалъ, — говоритъ Левъ Александровичъ:- а меня задержали въ управленіи водопровода, мнѣ, вѣдь и тамъ приходится... У насъ чуть не случилось катастрофа. Въ шестнадцати верстахъ отсюда что-то произошло съ трубой... Городъ могъ остаться безъ воды, но уладилось... Какъ я радъ, какъ я радъ!.. И, кажется, я спасъ васъ отъ одного изъ вампировъ? а? Ха, ха... Они хотѣли взять васъ, такъ сказать, на корню... Ха, ха...

— Милый Левъ Александровичъ... Позвольте ужъ разомъ поблагодарить васъ за все, — съ чувствомъ сказалъ Зигзаговъ, пожимая его руку:- И за матеріальное, и за духовное... Вѣдь, не будь васъ, я съ одной стороны отошлалъ бы на казенныхъ хлѣбахъ, а съ другой, пожалуй, просидѣлъ бы тамъ еще годика четыре... Однако, вы приобрѣли большую силу, если одно ваше слово могло сократить мое заточеніе больше, чѣмъ на половину. Вѣдь, я былъ сосланъ на библейское семилѣтіе.

— О, да, да... Одно слово и не больше... Да

вы погодите, мой милый, когда я вамъ расскажу, вы ахнете... Тутъ произошли такія вещи... Но это потомъ, потомъ...

— А что, оцѣнили васъ?

— Надо полагать... Или, покрайней мѣрѣ, согласны оцѣнить...

— Нѣтъ, не томите меня, Левъ Александровичъ... Я такъ жаденъ до новостей, касающихся васъ... Зовутъ?

— Помните Ивана Сергѣевича Ножанскаго?

— Да, какъ же не помнить? Когда онъ былъ здѣсь профессоромъ, а потомъ городскимъ головой, я начиналъ свою журнальную дѣятельность, и онъ шутя грозилъ мнѣ пальцемъ и говорилъ: «изъ молодыхъ да ранній... Да только быть ему въ мѣстахъ не столь отдаленныхъ»... Вѣдь, вотъ онъ пророкомъ оказался!

— Ну, знаете вы, онъ теперь въ Петербургѣ одна изъ крупнѣйшихъ птицъ...

— Знаю, знаю... Да только у птицы этой хватило крыльевъ, чтобы долетѣть до петербургскихъ сферъ, а тамъ онъ, кажется, сложилъ ихъ и больше не летаетъ.

— Нѣтъ, не то... Онъ очень осторожный человекъ. Онъ мнѣ писалъ... Тамъ противъ него со всѣхъ сторонъ наставили пики... Ну, понимаете, онъ выжидаетъ.

— А сколько ему лѣтъ?

— Шестьдесятъ семь...

— Возрастъ, неподходящій для выжиданія... Пора бы и дѣйствовать... Да ничего не выйдетъ... Не вѣрю я въ этого Лео, мечтающаго обновить Россію при помощи финансовыхъ реформъ... Чортъ возьми, не финансы тутъ важны, а духъ — проклятый рабскій духъ, который проникаетъ насъ насквозь. Такъ что же онъ?

— Зоветъ меня... въ помощники.

— Неужели? Туда?

— Зоветъ. Да я артачусь... Торгуюсь, выговариваю условія... Ну, вотъ ему я написалъ о васъ два слова, а ужъ остальное онъ сдѣлалъ.

— Важная новость, важная! — говорилъ Зигзаговъ:— такъ васъ могутъ отнять у насъ каждую минуту?.. Ой, смотрите, Левъ Александровичъ, какъ бы васъ въ самомъ дѣлѣ не сманили... Знаете, какъ поетъ сумасшедшій мельникъ въ «Русалкѣ»:» «заманишь, — а та-

мъ, пожалуй, и удавишь ожерельемъ»... Вотъ этого то ожерелья я для васъ и боюсь... Не ошибаетесь-ли вы на счетъ осторожности Ножанскаго? Боюсь, что не осторожность это, а... «ожерелье»... Ножанскій человекъ узкій, тщеславный... Я же помню, какъ онъ здѣсь гонялся за персидскимъ шахомъ, чтобы получить «Льва и Солнца» степенью выше, чѣмъ ему назначалось... Ну, ужъ знаете, кто за «Львомъ и Солнцемъ» гоняется, тотъ едва-ли годенъ для переустройства Россіи...

— А вотъ теперь онъ только за Львомъ гоняется, — сказалъ Левъ Александровичъ и разсмѣялся. Зигзаговъ тоже смѣялся его шуткѣ.

Экипажъ поднимался въ гору, лошади дѣлали напряженіе.

Вотъ и городъ, настоящій городъ, съ великолѣпно выложенными гранитными плитами улицами, съ высокими каменными красивыми домами, съ рядами зеленыхъ и уже расцвѣтавшихъ акацій на тротуарахъ.

Съ высоты, на которой онъ расположился, видно было безбрежное море и весь заливъ съ гаванью, съ кишѣвшими въ нихъ судами,

съ приморскимъ городкомъ, окутаннымъ дымомъ.

— Сердце неистово бьется у меня! — воскликнулъ Зигзаговъ, оглянувшись назадъ: какъ я люблю этотъ городъ! Сколько въ немъ солнца и радости... А тамъ было холодно и сумрачно!.. Тамъ я былъ золь... Три года минута въ минуту былъ золь и невыносимъ. Милый Левъ Александровичъ, вотъ когда вы будете министромъ, — а вы непременно имъ будете, потому что вы самый умный человекъ въ Россіи, — сдѣлайте такъ, чтобы людей, провинившихся только своими мыслями, ссылали въ теплыя страны. Вѣдь подумайте, въ концѣ концовъ ихъ мыслями питается Россія. На сѣверѣ, въ темныхъ, сырыхъ и непривѣтныхъ углахъ, куда ихъ сваливаютъ, какъ негодный соръ, они озлобляются и мысли ихъ становятся ядовитыми и злыми; а вѣдь эти мысли проникаютъ въ головы обывателей. И оттого литература наша такая злая, и оттого въ Россіи такъ много злыхъ, обозленныхъ людей... Ахъ, чудное солнце! какъ оно славно грѣтъ меня!.. Какъ нѣжно, ласково... Ну, какія же еще новости? Ваша сестрица Елизавета Алексан-

дровна — какъ поживаетъ?

— Ну, она вѣдь у меня изъ мрамора... Она никогда не мѣняется...

— Замужъ не вышла?

— О, нѣтъ... Я ей окончательно помѣшалъ въ этомъ... Увѣрена, что безъ нея я пропаду. Какъ ни убѣждалъ я ее — ни за что.

— Она васъ обожаетъ.

— Да, это у нея большой недостатокъ.

— Ну, и, наконецъ, — милое, очаровательное, прелестное созданіе — Наталья Валентиновна? Надѣюсь, она продолжаетъ вдохновлять будущаго министра...

— О, неизмѣнно... Вчера о васъ говорили съ нею цѣлый вечеръ. Вотъ ваша истинная цѣнительница... Но за то и бранить же она васъ... Я цѣлый вечеръ защищалъ васъ.

— Напрасно. Я виновенъ и не заслуживаю снисхожденія. Сегодня же буду цѣловать ея ручки. Вы меня повезете къ ней?

— Обязательно. Мы обѣдаемъ дома, а вечерній чай пьемъ у Натальи Валентиновны...

— Послушайте, а Володя, вашъ племянникъ, горячая голова?.. Лидеръ крайней лѣвой

будущаго парламента? Живъ? здоровъ? И главное — цѣль? Цѣль? Вѣдь за его ораторскія вспышки на сходкахъ онъ рано или поздно обязательно укатить по моему недавнему адресу...

— Да, знаете, этотъ Володя... Мнѣ стоитъ большихъ усилій и трудовъ сдержать его отъ безумныхъ подвиговъ... Но, слава Богу, въ этомъ году онъ кончаетъ университетъ и теперь какъ разъ держитъ экзамены... Тамъ займется дѣлами и, по всей вѣроятности, кристаллизуется...

— Какое хорошее слово — кристаллизуется!.. Слово благородное, научное, но я сказалъ бы: чтобъ его чертъ побралъ, это слово!.. А скажите, мой дорогой, развѣ это неизбежно?

— Что? Кристаллизація?

— Да, да, вотъ это самое...

— Почти.

— Но вѣдь я же. напимѣрь, не кристаллизовался?..

— Вамъ помѣшалъ талантъ... А онъ, слава Богу, кажется, избавленъ отъ этого бремени... Ну, вотъ и наша улица и мой домъ... Милости прошу, пожалуйста.

Они остановились у подъезда. Выбѣжалъ швейцаръ и, почтительно поклонившись Зигзагову, сказалъ:

— Мое почтеніе-съ, Максимъ Павловичъ!

— А, здравствуй мой благосклонный читатель и теска! — сказалъ Зигзаговъ.

Швейцаръ Максимъ дѣйствительно былъ исправнымъ читателемъ фельетоновъ Зигзагова и очень одобрялъ ихъ. Онъ взялъ съ козелъ чемоданъ и попробовалъ его на вѣсъ.

— Только и всего-съ? — иронически промолвилъ онъ. — Не много у васъ добра-съ, Максимъ Павловичъ! А, впрочемъ, зато въ головѣ много-съ!

Зигзаговъ поднимался по лѣстницѣ и, какъ ребенокъ, всему смѣялся — и замѣчанію швейцара-тески, и самой лѣстницѣ — широкой, красивой, устланной мягкимъ ковромъ, и своему возвращенію, и ласковости хозяина.

На площадкѣ второго этажа уже была растворена дверь. Они вошли.

Левъ Александровичъ занималъ обширную квартиру въ своемъ домѣ. Въ ней было много комнатъ, отдѣланныхъ богато и со вкусомъ, но неимѣвшихъ никакого назначенія. А

жилъ онъ въ квартирѣ вдвоемъ съ своей сестрой, Елизаветой Александровной.

Эта почтенная особа — очень высокая, крѣпкая и нѣсколько грубовато сложенная, ступавшая твердо и рѣшительно своими большими ногами, самолично нарѣзавшая къ обѣду хлѣбъ, ветчину и всякія закуски при помощи своихъ рукъ, по виду созданныхъ для работы, обладала миловиднымъ, хотя не первой свѣжести, лицомъ и прекрасными свѣтлозолотистыми густыми волосами.

Въ лицѣ ея было сходство съ братомъ, а зубы и улыбка дѣлали это сходство очень замѣтнымъ. Ей было не меньше тридцати лѣтъ и правду сказалъ Левъ Александровичъ, — у нея было не мало случаевъ выйти замужъ и именно такъ, какъ она хотѣла: за человѣка солиднаго возраста и почтеннаго положенія, — но она отклоняла главнымъ образомъ изъ любви къ брату.

Если всѣ въ городѣ и вообще — знавшіе Льва Александровича по его исключительной карьерѣ — считали его человѣкомъ выдающимся, то Елизавета Александровна ни на минуту не сомнѣвалась въ его геніальности.

За двадцать лѣтъ этотъ человѣкъ, когда-то, по окончаніи университета, поступившій на службу въ пароходное управленіе маленькимъ скромнымъ органомъ, достигъ вліянія рѣшительно во всѣхъ торговыхъ и промышленныхъ отрасляхъ, какія только были въ этомъ огромномъ коммерческомъ городѣ. Рѣшительно все до него касалось, всюду онъ былъ важнымъ человѣкомъ, обо всемъ съ нимъ совѣтовались и все находилось отъ него въ прямой или косвенной зависимости. Тамъ онъ былъ предсѣдателемъ, здѣсь членомъ правленія, тутъ просто вдохновителемъ.

Ничего не производя и ничѣмъ не торгуя, онъ нажилъ большое состояніе и при томъ, — какъ хорошо знала Елизавета Александровна, — безъ воровства или какихъ бы то ни было сомнительныхъ способовъ.

И она удивлялась только одному, что такого человѣка, котораго она считала единственнымъ во всей Россіи и, можетъ быть, даже въ Европѣ, не зовутъ управлять государствомъ.

Однако, въ послѣднее время и тутъ появилось какое-то движеніе. Братъ говоритъ ей о какомъ-то предложеніи со стороны Ножан-

скаго. Значить, спохватились.

На себя она смотрѣла, какъ на прирожденную хранительницу братскаго благополучія. Она должна была заботиться о его здоровьѣ, о его удобствахъ, беречь его добро и охранять его отъ всякихъ напастей. Она привыкла такъ думать съ пятнадцати лѣтъ, когда послѣ смерти отца перешла на попеченіе брата и ей уже казалось, будто Левъ Александровичъ безъ ея охраны не можетъ обходиться и что на другой день послѣ того, какъ она уйдетъ отъ него, онъ будетъ умирать съ голода, лишится всего своего добра и вообще будетъ безпомощенъ.

И когда представился ей въ первый разъ вопросъ о замужествѣ, она взвѣсила съ одной стороны возможное счастье для нея лично, а съ другой потери, которыя, по ея мнѣнію, неизбежно понесъ бы Левъ Александровичъ, и рѣшила пожертвовать собой.

Правда, особенно большого счастья отъ замужества она для себя не ждала. Ей было чуждо увлеченіе, и къ женихамъ она относилась равнодушно, съ холоднымъ расчетомъ. Весь жаръ своего сердца она отдала брату.

Зигзагова она встрѣтила съ ненатуральной улыбкой. Она знала, что Левъ Александровичъ исключительно хорошо относится къ этому человѣку, но именно потому она сама и чувствовала къ нему холодъ.

И это была не ревность — о, это было бы слишкомъ возвышенно для ея плоской души — а просто боязнь, какъ бы человѣкъ слишкомъ не воспользовался расположеніемъ Льва Александровича и не извлекъ бы изъ него что-нибудь значительное. Поэтому она терпѣть не могла, когда братъ оказывалъ комунибудь покровительство, помогалъ своими средствами или при-страивалъ. Въ первомъ случаѣ былъ прямой ущербъ, а она считала каждый рубль, принадлежащій Льву Александровичу, священнымъ, во второмъ была отвѣтственность.

Ручаться можно только за самага себя, и Левъ, по ея мнѣнію, никому не долженъ былъ давать своего ручательства.

Между тѣмъ Зигзагову, она это знала, Левъ Александровичъ оказывалъ исключительныя услуги. Съ того самого времени, когда его услали изъ города, онъ почти каждый мѣсяць

посылалъ ему деньги, покупалъ для него книги, устраивалъ его дѣла, а въ послѣднее время, рискуя скомпрометировать себя, хлопоталъ за него въ Петербургѣ. Вотъ за это особенно сердилась на Зигзагова Елизавета Александровна. Помилуй Богъ, въ то время, когда Левъ начиналъ дѣлаться тамъ желаннымъ человѣкомъ, когда, быть можетъ, отъ него ждуть чего то важнаго, когда передъ нимъ раскрывается совсѣмъ новая дорога, онъ такъ неостороженъ и изъ-за кого? Изъ-за «посторонняго человѣка».

Елизавета Александровна вносила въ домъ холодъ и принужденность и Левъ Александровичъ это всегда чувствовалъ, но, съ другой стороны, она совершенно избавляла его отъ какихъ бы то ни было заботъ о мелочахъ житейскихъ. Онъ смѣло могъ погружаться въ свои дѣловые интересы и ни о чемъ больше не думать. Поддержаніе въ порядкѣ квартиры, порядокъ въ бѣльѣ, возня съ прислугой, всѣмъ этимъ занималась Елизавета Александровна. Даже о его сюртукахъ и фракахъ она заботилась. чтобы все было свѣжо и модно. У себя въ спальнѣ утромъ онъ

находилъ всегда ту одежду, какая была нужна къ случаю или сезону. Ему оставалось только иногда позволить портному провѣрить ему мѣрку. Даже о качествахъ и цвѣтѣхъ матеріи думала Елизавета Александровна. Словомъ, каждый шагъ его былъ предусмотрѣнъ и охраненъ.

Зигзаговъ внесъ въ строгій и холодный домъ, охраняемый Елизаветой Александровной, беспорядокъ. Съ той минуты, какъ онъ пріѣхалъ, въ комнатахъ, привыкшихъ къ тишинѣ, не переставалъ раздаваться говоръ и смѣхъ. Зигзаговъ говорилъ безъ устали, какъ человекъ долго молчавшій.

Онъ рассказывалъ о своей жизни и ссылкѣ, припоминалъ эпизоды, курьезы, шутилъ, острилъ, самъ заливался дѣтскимъ смѣхомъ и увлекалъ Льва Александровича.

Елизавета Александровна давно не видала брата такимъ оживленнымъ. Ей даже казалось это страннымъ и какъ бы неидущимъ къ нему, она и не подозрѣвала, что эта живость была какъ нельзя болѣе свойственна его душѣ, но всегда подавлена ею.

Зигзагову дали комнату и полчаса, чтобы

принести себя въ порядокъ. Потомъ сѣли за столъ и обѣдали. За обѣдомъ онъ сказалъ:

— Я горю нетерпѣніемъ поцѣловать ручки Наталіи Валентиновны. Вѣдь мы сейчасъ послѣ обѣда къ ней?

И онъ замѣтилъ, что при этихъ словахъ холодное лицо Елизаветы Александровны вытянулось и сдѣлалось непроницаемымъ. Въ другое время онъ заставилъ бы себя быть дипломатичнымъ. Но сегодня онъ не могъ ничего удержать на языкѣ.

— Ахъ, сказалъ онъ, — Елизавета Александровна по прежнему не раздѣляетъ нашего съ вами поклоненія Натальѣ Валентиновнѣ.

Елизавета Александровна тихонько пожала плечами. — Я вообще не умѣю поклоняться никому кромѣ...

— Кромѣ Бога? — закончилъ за нее Зигзаговъ.

— Да, разумѣется... сказала Елизавета Александровна, но, кажется, хотѣла сказать: кромѣ моего брата.

Да, во всякомъ случаѣ можно было сказать съ увѣренностью, что она не поклонница Натальи Валентиновны. Происходило это

прежде всего, конечно, оттого, что Елизавета Александровна была женщина. Но были и другія причины, менѣе общаго характера.

Наталья Валентиновна Мигурская появилась въ жизни Льва Александровича лѣтъ пять тому назадъ. Это была случайная встрѣча въ дачномъ мѣстѣ, на берегу моря, въ маленькомъ паркѣ, гдѣ дачная публика по утрамъ совершала прогулки и пила минеральныя воды.

Скромно одѣтая, высокая, стройная молодая женщина на утреннихъ прогулкахъ всегда появлялась одна, ведя за руку мальчика лѣтъ шести.

На ней было черное платье, простая соломенная шляпа, въ рукѣ зонтикъ, услуги котораго въ утренніе часы рѣдко бывали нужны.

Левъ Александровичъ каждое утро гулялъ въ паркѣ и, встрѣчая ее, почему-то всегда смотрѣлъ не на нее, а на мальчика, который ему очень нравился. Онъ, конечно, видѣлъ и ее, но ни разу не далъ себѣ труда присмотрѣться къ ея лицу и ко всей ея своеобразной фигурѣ.

Но однажды онъ это сдѣлалъ. Онъ сидѣлъ за столикомъ и пилъ какую-то воду, которая

ему была прописана, а она шла по дорогѣ, по обыкновенію, съ мальчикомъ.

И почему то на этотъ разъ онъ внимательно посмотрѣлъ не на мальчика, а на нее, и лицо молодой женщины чѣмъ-то поразило его. Онъ не могъ дать себѣ отчета, чѣмъ именно было замѣчательно это лицо. Она уже прошла, онъ видѣлъ ея спину и могъ только дополнить свои наблюденія замѣтной о ея походкѣ, необыкновенно твердой и бодрой. Въ ней не было той неувѣренности и расплывчатости, какая обыкновенно бываетъ въ походкѣ городскихъ женщинъ.

Нѣсколько слѣдующихъ прогулокъ онъ посвятилъ ей. Онъ садился такъ, чтобы лучше разглядѣть ее, когда она будетъ итти. Аллея была одна и никто изъ гуляющихъ не могъ миновать ее. Всякій разъ она проходила мимо него и онъ пристально всматривался въ ея лицо и съ каждымъ разомъ она все больше и больше привлекала его.

Это было странное лицо: по чертамъ оно было рѣшительно некрасиво. Все въ немъ было неправильно, ни одной выточенной черты, но удивительно привлекательно. Глаза ея,

небольшіе, продолговатые и свѣтлые, какъ-то сіяли веселымъ и радостнымъ умомъ.

Когда же она улыбалась своему мальчику на какое нибудь дѣтское замѣчаніе, лицо ея дѣлалось очаровательнымъ, точно измѣнялись его черты.

При свѣтлыхъ глазахъ, при нѣжномъ цвѣтѣ кожи щекъ, у нея были черные волосы и брови — не густые, но ровными длинными дугами.

Она настолько заинтересовала его, что онъ спросилъ о ней у кого то изъ знакомыхъ, и узналъ, что это жена доктора по женскимъ болѣзнямъ Мигурскаго, извѣстнаго въ городѣ своими романическими исторіями и нѣсколькими скандалами съ хорошенькими паціентками.

Узналъ онъ также, что она съ мужемъ разошлась и живетъ съ своимъ мальчикомъ отдѣльно отъ него.

Его удивляло, что она всегда одна. Такая интересная женщина и безъ поклонниковъ. Обыкновенно на этихъ утреннихъ прогулкахъ дачныя дамы усердно занимались флиртомъ и мало-мальски приличная по наружно-

сти тащила за собой цѣлый отрядъ поклонниковъ.

Левъ Александровичъ почувствовалъ неотразимое желаніе быть ей представленнымъ. Онъ вообще слишкомъ мало занимался женщинами. Этотъ утренній часъ былъ единственнымъ, принадлежавшимъ ему. После прогулки онъ уѣзжалъ въ городъ и тамъ буквально погружался съ головой въ дѣла, которыхъ ему хватало до вечера.

До тридцати шести лѣтъ его — тогдашній возрастъ — онъ ни разу не почувствовалъ сколько-нибудь серьезнаго влеченія къ женщинѣ и ни разу ему не приходила въ голову мысль о женитьбѣ. И это желаніе познакомиться съ нею было у него исключительнымъ.

Но не оказалось ни одного общаго знакомаго. Мигурскую знали очень многіе, то-есть знали, что она жена извѣстнаго доктора Мигурскаго, но никто не былъ съ ней знакомъ.

Но Левъ Александровичъ принадлежалъ къ людямъ, которые, разъ пожелавъ чего-нибудь, никогда не останавливаются передъ препятствіями. И онъ рѣшилъ сдѣлать это

совсѣмъ просто.

Однажды онъ сидѣлъ на скамейкѣ, невдалекѣ отъ павильона, гдѣ выдавались публикѣ минеральныя воды. Пришла съ своимъ мальчикомъ и Мигурская. Оказалось, что и она пила какую-то воду, но, очевидно, относилась къ этому казенно, не дѣлая изъ этого исторіи: минутъ пять она оставалась въ павильонѣ, отпивала положенное и уходила гулять.

Но въ эти пять минутъ она отпускала своего мальчика и позволяла ему бѣгать вблизи павильона.

Мальчикъ подошелъ къ скамейкѣ, гдѣ медленно пилъ по глоткамъ свою воду Левъ Александровичъ. Почему-то мальчикъ заинтересовался имъ и, стоя отъ него въ трехъ шагахъ, пристально смотрѣлъ на него.

— Милый мальчикъ, подойди ближе! — сказалъ ему Левъ Александровичъ.

Мальчикъ былъ нѣсколько удивленъ такимъ приглашеніемъ, но, не видя въ немъ ничего для себя вреднаго, несмѣло подошелъ.

— Ты съ мамой? — спросилъ Левъ Александровичъ.

— Да, мама пьетъ воды! — отвѣтилъ маль-

чикъ.

— Вотъ и я пью воды, — сказалъ Левъ Александровичъ. — Твоя фамилія Мигурскій?

— Да, я Вася Мигурскій...

— Ну, вотъ что, милый Вася... Я очень радъ, что познакомился съ тобой. Ты мнѣ очень нравишься и я хотѣлъ бы также познакомиться съ твоей мамой.

— А она идетъ сюда... Вотъ она идетъ... — сказалъ мальчикъ.

И въ самомъ дѣлѣ Мигурская покончила съ водой и вышла изъ павильона Она видѣла, что мальчикъ стоятъ у скамейки, и сюда направилась. Вася оставилъ Льва Александровича и побѣжалъ къ ней и сказалъ настолько громко, что онъ могъ слышать.

— Тамъ господинъ сидитъ... Я съ нимъ познакомился... И онъ сказалъ, что хочетъ съ тобой тоже познакомиться.

Мигурская чуть замѣтно улыбнулась.

— Хорошо, познакомь меня! — сказала она и, переведя свой взглядъ на Льва Александровича, посмотрѣла ему прямо въ лицо.

Левъ Александровичъ уже поднялся, поставилъ свой стаканъ на скамейку и смѣло

пошелъ по направленію къ ней. Онъ снялъ шляпу.

— Простите и пожалуйста не принимайте это за дерзость... Мнѣ дѣйствительно очень хочется познакомиться съ вами, но никто изъ знакомыхъ не могъ представить меня вамъ... Я знаю, кто вы, а я Балтовъ.

— Балтовъ? — спросила Мигурская и внимательно взглянула въ его глаза. — Настоящій Балтовъ?

— Самый настоящій, по паспорту и именно тотъ, кого вы, по всей вѣроятности, разумѣете, — отвѣтилъ Левъ Александровичъ.

Они пошли рядомъ и гуляли вмѣстѣ часа полтора.

Она спрашивала, почему онъ захотѣлъ познакомиться съ нею, а онъ давалъ, разумѣется, самыя неудовлетворительныя объясненія и потомъ кончилъ шуткой.

— Видите-ли, я замѣтилъ, что здѣсь всѣ женщины, — разумѣется, сколько-нибудь привлекательныя, — окружены поклонниками, а мужчины состоятъ при своихъ дамахъ. Мы же съ вами представляемъ исключеніе и

чуть-ли не одни мы; вы всегда одна съ вашимъ мальчикомъ, я тоже совершенно одинъ. Вотъ я и подумалъ, что намъ надо заключить союзъ.

— Чтобы не быть исключеніемъ? — спросила она.

— Нѣтъ, я надѣюсь, что мы все-таки останемся исключеніемъ.

Попрощавшись съ нею, онъ наклонился, поцѣловалъ мальчика въ лобъ и сказалъ:

— Ну, милый Вася, благодарю тебя за интересное знакомство, которое я сдѣлалъ сегодня.

— Въ такомъ случаѣ, — сказала Мигурская, — сегодня совершилось два интересныхъ знакомства.

Здѣсь они вышли изъ парка. У воротъ стояла коляска Льва Александровича. Онъ простился съ Мигурской, сѣлъ въ экипажъ и уѣхалъ въ городъ въ необыкновенно пріятномъ настроеніи.

На слѣдующій день онъ сдѣлалъ ей визитъ въ маленькой дачкѣ, не близко отъ моря. Онъ не засталъ ее и оставилъ карточку. Потомъ они встрѣчались на утреннихъ прогулкахъ

каждый день и уже всегда гуляли вмѣстѣ.

За лѣто они такъ хорошо узнали другъ друга, что, когда начался зимній сезонъ, Левъ Александровичъ сразу началъ посѣщать домъ Мигурской и бывалъ тамъ запросто, какъ старый знакомый.

Разумѣется, состоялось знакомство Мигурской съ Елизаветой Александровной. Но оно почти пресѣклось на первомъ же визитѣ. Дамы пришлись въ высшей степени не по вкусу другъ дружкѣ. Онѣ обмѣнялись визитами и этимъ ограничились. А затѣмъ пять послѣдующихъ лѣтъ посѣщали другъ друга раза по два въ году и были каждый разъ чрезвычайно любезны.

Зато Левъ Александровичъ всѣ свободные вечера проводилъ у Мигурской. Сюда приходили всѣ, кто хотѣлъ его видѣть. Многіе съ этой цѣлью искали ея знакомства и Мигурская, прежде не возбуждавшая ничьего вниманія, сдѣлалась популярнымъ лицомъ въ городѣ.

Странно, можетъ быть, то, что про нихъ никогда не говорили, что они находятся въ близкихъ отношеніяхъ, почему-то это никому

не казалось. Говорили, что Мигурская другъ Балтова.

Чѣмъ объясняется такая снисходительность мѣстнаго общества, трудно сказать. Можетъ быть, Левъ Александровичъ былъ извѣстенъ за слишкомъ солиднаго человѣка, дорожащаго своей репутаціей, чтобы позволить себѣ такую неурегулированную связь. Вѣдь докторъ Мигурскій жилъ и дѣйствовалъ, находился въ городѣ и даже былъ знакомъ съ нимъ.

И съ тѣхъ поръ, какъ у Льва Александровича завязалась эта дружба, въ отношеніяхъ брата и сестры явилась новая черта. Былъ предметъ, который они всегда обходили молчаніемъ.

Въ первое время, послѣ первыхъ визитовъ, Елизавета Александровна, не зная еще о восхищеніи Льва Александровича, высказалась довольно откровенно.

— Она мнѣ не нравится, — прямо сказала она.

— Чѣмъ? — спросилъ Левъ Александровичъ.

— Не выдержана. Съ перваго же знаком-

ства, совершенно не зная меня, ужасно много говоритъ, какъ будто мы съ нею давно знакомы, и слишкомъ много смѣется. При томъ и положеніе ея странное: мужъ живетъ въ этомъ же городѣ. Если разошлись да еще при такихъ условіяхъ, то должны и разъѣхаться. Ея мужъ ведетъ себя отвратительно. И все это доходитъ до нея, объ этомъ можетъ быть говорятъ при ней. Я въ такомъ положеніи не могла бы быть и недѣли. Уѣхала-бы... И, конечно, она живетъ на его средства...

Левъ Александровичъ слегка вспыхнулъ и возразилъ, что она не знаетъ обстоятельствъ Натальи Валентиновны и потому не должна осуждать ее. Въ томъ то и дѣло, что Наталья Валентиновна отказалась отъ средствъ мужа. У нея были свои, очень небольшія. Они были прежде въ распоряженіи мужа, но она вернула ихъ и живетъ исключительно на нихъ съ своимъ сыномъ.

— И вообще, — прибавилъ Левъ Александровичъ, — Наталья Валентиновна въ высшей степени порядочный человекъ.

Елизавета Александровна поджала нижнюю губу, сдѣлала «мертвое лицо» и, пода-

вивъ въ себѣ «нѣчто», извинилась, да, прямо таки извинилась.

— Я извиняюсь, Левъ. Я, дѣйствительно, не знала... И она прибавила твердо, съ убѣжденіемъ:- это, конечно, совсѣмъ мѣняетъ дѣло.

Она именно хотѣла, чтобы онъ повѣрилъ въ это: что ея мнѣніе о Мигурской перемѣнилось. Почувствовала она, что Мигурская была для него далеко не безразлична. А все, что было мило и дорого Льву Александровичу, она считала себя призванной охранять, хотя бы и въ ущербъ своимъ убѣжденіямъ.

Но дальше она увидѣла, что Левъ Александровичъ все больше и больше «предавался» Мигурской. Сама она никогда не претендовала на его откровенность и сердечныя изліянія. Она не была способна къ проявленію этихъ качествъ и не понимала, что подобная потребность могла быть у другого. И она жила спокойно бокъ о бокъ съ братомъ, не зная ничего изъ того, что дѣлается у него въ сердцѣ и въ головѣ.

Но когда она увидѣла, что Левъ Алексан-

дровичъ всѣ свои свободныя минуты отдаетъ Мигурской, въ ея душѣ проснулись эти новые вопросы: что же онъ можетъ дѣлать у нея цѣлые вечера? Любовь? Чувство? Но ей было извѣстно, что они почти никогда не бываютъ наединѣ.

Вѣчно у Мигурской бывали какіе нибудь посторонніе люди и тамъ шли безконечные разговоры. О чемъ?

Значить, Левъ Александровичъ чувствуетъ потребность говорить, высказываться? А они вѣдь дома часами просиживали за завтракомъ, за обѣдомъ и часто по вечерамъ, почти молча, и ей казалось, что онъ чувствуетъ себя при этомъ также хорошо, какъ она.

Чувства обладанія душой брата у нея не было. О, онъ казался ей слишкомъ большимъ для того, чтобы подчиниться женщинѣ.

Но все же у нея теперь явилось чувство какъ-бы потери. Она была теперь совсѣмъ одна. Левъ Александровичъ только завтракалъ дома и то не всегда, иногда онъ дѣлалъ это въ ресторанѣ, и затѣмъ, возвращаясь домой послѣ полуночи, ложился спать. Обѣдалъ дома очень рѣдко: почти всегда у Натальи Вален-

тиновны или съ кѣмъ нибудь въ ресторанѣ.

И Елизавета Александровна увидѣла себя исключительно въ роли «завѣдующей хозяйствомъ». Это было обидно и это новое чувство ей пришлось затаить. Конечно, ни за что на свѣтѣ она не сказала бы объ этомъ брату.

Да и вообще, разъ это было чувство, этого было совершенно достаточно, чтобы оно осталось спрятаннымъ на вѣчныя времена. Никогда никому она не высказывала своихъ чувствъ

Но были и другіе поводы для безпокойства. Хотя, до поры до времени, къ союзу Льва Александровича съ Мигурской въ городѣ не прилагали никакихъ грязныхъ объясненій, но все же ихъ имена соединяли. Елизаветѣ Александровнѣ казалось, что положеніе Натальи Валентиновны таково, что имя ея, представленное къ имени ея брата, едва-ли можетъ украсить его.

Въ особенности она стала безпокоиться по этому поводу, когда братъ получилъ эти важныя письма отъ Ножанскаго изъ Петербурга. Она знала, что въ Петербургѣ не такъ терпимы, какъ здѣсь. Тамъ Левъ Александровичъ,

если онъ приметъ наконецъ предложеніе Но-жанскаго — а она этого для него желала — сразу попадетъ въ высшій кругъ, гдѣ принимаютъ въ расчетъ каждую мелочь. И если окажется, что въ жизни его важную роль играетъ женщина съ такимъ неопредѣленнымъ общественнымъ положеніемъ, то этого не простятъ.

Вотъ изъ какихъ элементовъ складывались отношенія Елизаветы Александровны къ Мигурской и къ знакомству ея брата съ этой женщиной. Помимо личного отрицательнаго отношенія, какъ къ женщинѣ совсѣмъ другого типа, она еще смотрѣла на этотъ союзъ, какъ на нѣчто, могущее оказать-ся вреднымъ въ предстоящемъ ему совершенно новомъ пути, который казался ей необыкновенно широкимъ и свѣтлымъ.

Объ убѣжденіяхъ Натальи Валентиновны она ничего доподлинно не знала, но изъ того, что у нея постоянно бывали и даже числились ея друзьями такіе люди, какъ Зигзаговъ, попавшій за свои крайнія убѣжденія въ ссылку, и еще нѣкій господинъ Корещенскій, готовившійся когда-то въ профессора, но

попавшій въ опалу, потомъ побывавшій гдѣ-то въ ссылкѣ и теперь служившій чѣмъ-то въ земской управѣ, изъ одного этого она заключала, что общество Мигурской едва ли можетъ быть полезно будущему государственному человѣку.

И, можетъ быть, это было единственное страстное желаніе въ холодной и безстрастной душѣ Елизаветы Александровны: чтобы случилось какое-нибудь чудо, которое охладило бы поклоненіе брата ея этой женщинѣ и заставило бы ихъ разойтись.

IV

Когда они сидѣли еще за обѣдомъ, принесли записку Льву Александровичу. Онъ распечаталъ ее здѣсь же и, читая ее, улыбался. Уже по этому одному легко было догадаться, что она отъ Мигурской.

— Это отъ Натальи Валентиновны, — сказалъ онъ, обращаясь къ Зигзагову, — и относится къ вамъ, Максимъ Павловичъ. Вотъ прочитайте.

Онъ сказалъ это, но не передалъ ему письмо; онъ въ эту минуту подумалъ, что это можетъ обидѣть сестру, и сейчасъ же поправился.

— Впрочемъ, вы, пожалуй, не разберете ея почерка. Я вамъ прочитаю.

И онъ прочиталъ вслухъ: «Не сомнѣваюсь, что вы привезете сегодня блуднаго сына, возвратившагося подъ кровъ родного города. Мы уже приготовили тельца упитаннаго и ждемъ его съ дружески протянутыми руками». Видите, какъ васъ тамъ любятъ! сказалъ Левъ Александровичъ и положилъ письмо на столъ рядомъ съ своей тарелкой.

— Ну, — съ живостью сказалъ Зигзаговъ, когда объѣдъ кончился и Елизавета Александровна разрѣшила имъ встать, — такъ мы, значить, не будемъ терять времени и отправимся къ Натальѣ Валентиновнѣ. Надѣюсь, у васъ, Левъ Александровичъ, нѣтъ никакихъ вечернихъ засѣданій?

— Я озаботился, чтобъ не было — ради вашего прїѣзда.

— Вы сейчасъ ѣдете? — съ легкимъ удивленіемъ спросила Елизавета Александровна, — теперь только восемь часовъ.

— Да, только восемь, — подтвердилъ Зигзаговъ, — мнѣ надо еще привыкнутьъ къ вашему времени, господа. Тамъ на сѣверѣ въ этотъ часъ я уже подумывалъ о томъ, не пора ли ложиться спать, а здѣсь вы сомнѣваетесь, не рано ли ѣхать въ гости.

— Но мы зайдемъ еще ко мнѣ въ кабинетъ и выкуримъ по хорошей сигарѣ.

— Вотъ, вотъ. Этого наслажденія я ровно три года не испытывалъ. Сигара! О! Было преступно даже мечтать о ней. Въ тамошнихъ лавченкахъ нельзя было найти сколько-нибудь куримаго табаку. Все какой-то третій

сортъ. Только благодаря любезности исправника, который какимъ-то чудомъ оказался изъ здѣшнихъ мѣстъ и, какъ онъ объяснилъ мнѣ наединѣ, въ молодости былъ горячимъ радикаломъ и до сихъ поръ въ тайнѣ одобряетъ мои фельетоны, — удалось получить изъ губернскаго города порядочный Табакъ. Ахъ, я вамъ расскажу про исправниковъ. Вы не можете себѣ представить, какіе это либеральные люди... когда остаешься чгъ ними наединѣ. Куда либеральнѣе земскихъ начальниковъ. У нихъ гдѣ-то въ глубинахъ притаился нѣкій видъ души человѣчьей. Исправникъ способенъ расчувствоваться и даже войти въ положеніе. А земскій начальникъ, вѣдь, всегда мечтаетъ попасть въ вице-губернаторы, а можетъ быть и дальше, поэтому въ тайникахъ у него чисто...

Елизавета Александровна съ тоской посмотрѣла на Зигзагова. Ахъ, какъ она не любила его либеральныхъ разглагольствованій. Въ сущности та область понятій, о которой онъ говорилъ, была бесконечно чужда ей. «Исправникъ», «Земскій начальникъ» — были для нея пустыя слова, но

теоретически она знала, что все это относится къ либерализму, за который, какъ оказывается, даже ссылають. И ей казалось, что такія слова вовсе не должны раздаваться подъ сводами ихъ дома.

И при этомъ она, Богъ знаетъ почему, была увѣрена, что и Левъ Александровичъ думаетъ также, какъ она, но допускаетъ все это изъ какой-то непонятной необъяснимой деликатности.

Вообще она не понимала его ласковости по отношенію къ такимъ господамъ, какъ Зигзаговъ и Корещенскій. Это была для нея загадка. Человѣкъ такого большого ума, въ сущности даже геніальный, и вдругъ такая слабость.

Онъ, Левъ Александровичъ Балтовъ, человѣкъ, достигшій благодаря своимъ трудамъ и талантамъ положенія перваго человѣка въ городѣ, человѣкъ, къ мнѣнію котораго прислушиваются всѣ, онъ, уже стоящій одной ногой на лѣстницѣ, которая ведетъ Богъ знаетъ въ какія высокія сферы, ѣдетъ на пароходъ встрѣчать журналиста, возвращеннаго изъ ссылки, человѣка съ опасной репутаціей, мо-

жетъ быть публично заключаетъ его въ объятія, везетъ къ себѣ въ открытомъ экипажѣ, поселяетъ у себя въ домѣ и вообще возится съ нимъ. Это казалось ей невѣроятной слабостью.

Мужчины ушли въ кабинетъ. Елизавета Александровна взглянула на дверь. Она была полупритворена.

Она чуть-чуть приподнялась на мѣстѣ и, вытянувъ шею, взглянула въ ту точку стола, гдѣ стоялъ приборъ Льва Александровича. Письмо, вынутое изъ конверта, лежало тутъ.

Когда она бывала одна, наединѣ сама съ собой, корректность, обыкновенно державшая ее въ струнѣ, значительно ослабляла свои возжи и она тогда относилась къ жизни свободно.

«Наединѣ съ собой человѣкъ можетъ быть даже разбойникомъ... Никто его за это въ тюрьму не посадить» — такова была ея философія.

Она поднялась, тихо подплыла къ двери и совершенно беззвучно притворила ее. Точно также доставилась она къ тому мѣсту, гдѣ только что сидѣлъ ея братъ и взяла въ руки

ПИСЬМО.

Ей ужасно хотѣлось посмотрѣть только на первую строку и на подпись. Обращеніе и подпись — въ нихъ лучше всего выражаются отношенія.

Она развернула письмо. Оно начиналось просто: «Надѣюсь Левъ Александровичъ, что сегодня вечеромъ вы свободны»...

И ужъ она, конечно, не могла отказать себѣ въ удовольствіи прочитать все письмо. И ничего тамъ не было такого, что остановило бы ея вниманіе. Мигурская приглашала къ себѣ, а кончалось письмо словами по поводу Зигзагова, которыя были прочитаны. Внизу же стояла подпись: Наталья Мигурская, и никакой прибавки.

И несмотря на то, что Елизавета Александровна боялась близости брата съ этой женщиной и менѣе всего желала ея, она была разочарована.

Тутъ все же сказала въ ней женщина, которая многимъ способна пожертвовать за тайну, а тайны не было.

Она позвонила, вошелъ лакей.

— Возьмите подносъ и отнесите это пись-

мо въ кабинетъ. Левъ Александровичъ оставилъ его здѣсь.

Черезъ минуту письмо было подано на поднось Льву Александровичу.

Въ началѣ девятаго они выѣхали изъ дома и черезъ десять минутъ были на одной изъ наименѣе центральныхъ улицъ города, гдѣ бойкая торговля мало себя проявляла. Они остановились около трехъ-этажнаго дома и поднялись въ третій этажъ. Здѣсь не было швейцара. Въ городѣ, несмотря на его большую населенность и культурность, швейцары водились только въ немногихъ домахъ.

У Мигурской пріемнымъ днемъ была пятница. Въ этотъ день вечеромъ каждый имѣлъ право рассчитывать быть принятымъ и обыкновенно въ ея маленькой квартирѣ набиралось душъ двадцать.

Раньше ходили къ ней каждый вечеръ. Большею частью тѣ, кто рассчитывалъ встрѣтить здѣсь Льва Александровича. Но это стало ее утомлять и она назначила пятницу.

Было нѣсколько друзей, которые бывали у нея изъ-за нея, такимъ дозволялось приходить во всѣ дни недѣли. Въ числѣ ихъ были

Корещенскій и Зигзаговъ, которые одновременно были друзьями Мигурской и Льва Александровича.

Квартира Натальи Валентиновны состояла всего изъ четырехъ комнатъ. Двѣ изъ нихъ уходили подъ спальни ея и Васи, а остальные двѣ представляли гостинную и столовую. Тутъ она и принимала друзей.

Корещенскій въ этотъ день обѣдалъ у нея. Онъ не зналъ, что прїѣзжаетъ Зигзаговъ. Только сегодня утромъ онъ вернулся изъ уѣзда, гдѣ у него была статистическая работа.

Онъ руководилъ статистическими работами губернскаго земства и занятій у него всегда было по горло. Семья его, съ которой у него какъ-то мало было общаго, жила въ городѣ, но онъ обыкновенно заѣзжалъ туда на полъ часа заявиться и переодѣться, а затѣмъ старался какъ можно меньше быть дома. Жена его была непріятная женщина, всегда искавшая повода къ ссорѣ и крупному разговору, все въ чемъ то всѣхъ упрекавшая, отъ всѣхъ получавшая воображаемая обиды и считавшая всѣхъ негодями. а только себя честной. Она держалась очень крайняго

направленія и постоянно упрекала мужа въ разныхъ отступленіяхъ отъ принциповъ и какихъ-то сдѣлкахъ съ совѣстью, въ чемъ на самомъ дѣлѣ трудно его было упрекнуть.

Дѣти — ихъ было у него трое — учились въ надлежащихъ мѣстахъ, и Корещенскій, занимаясь своей статистикой, воспитаніемъ ихъ совсѣмъ не занимался. Ихъ воспитывала его жена въ своемъ духѣ, который всецѣло былъ воспринять ими. Поэтому и съ дѣтьми у него были холодныя отношенія.

Узнавъ отъ Натальи Валентиновны, что сегодня пріѣхалъ Зигзаговъ и что онъ будетъ здѣсь, онъ съ удовольствіемъ остался на весь вечеръ.

Алексѣй Алексѣевичъ Корещенскій, несмотря на то, что занималъ очень скромное мѣсто по земству, въ городѣ былъ замѣтной фигурой. Хотя его университетская опала, послѣ того, какъ онъ представилъ диссертацию, которая вызвала скандалъ и изъ-за которой, когда факультетъ по политическимъ причинамъ не допустилъ его къ защитѣ, нѣсколько либеральныхъ профессоровъ подали въ отставку (впрочемъ, ихъ пото-

мъ «уговорили» и они остались), — хотя эта опала случилась уже лѣтъ десять тому назадъ, тѣмъ не менѣе ее помнили и всегда при его имени прибавляли: «онъ опальный. Онъ могъ быть профессоромъ, но не допустили».

Спеціалисты впрочемъ знали, что диссертация его, очень острая по направленію, въ научномъ отношеніи была заурядной и бѣдной работой. Но публикѣ до этого не было дѣла. Корещенскій былъ человѣкъ пострадавшій за свои ученыя убѣжденія. Этого было достаточно, чтобы его выдѣляли.

Это былъ человѣкъ какой-то бѣшенной энергіи. Взавшись за земскую статистику, онъ организовалъ ее заново и, начальствуя цѣлымъ отрядомъ, самъ работалъ за десятирýchъ. Постоянно въ разъѣздахъ, въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, онъ обыкновенно спалъ не больше четырехъ часовъ въ сутки, иногда по два дня питался въ пути однимъ чаемъ, но никогда не жаловался, былъ бодръ и дѣятеленъ. Ему нравилось это.

Левъ Александровичъ и отмѣтилъ его, исключительно благодаря этой

нечеловѣческой энергіи. Онъ, конечно, могъ устроить Корещенскаго гораздо лучше. Ему ничего не стоило-бы сдѣлать его членомъ правленія какого-нибудь банка или директоромъ промышленнаго акціонернаго предпріятія. Самъ онъ во всемъ этомъ имѣлъ сильное вліяніе, почти власть.

И онъ предлагалъ Корещенскому, но тотъ отказался. Въ немъ еще горѣлъ огонь общественнаго дѣятеля.

— Погодите, — говорилъ онъ, — вотъ выгоритъ все тамъ, въ душѣ, тогда займу спокойное мѣсто.

Кромѣ того, ему нравилось, что при своемъ занятіи онъ долженъ быть постоянно въ разъѣздахъ и, благодаря этому, имѣлъ право не бывать у себя дома и какъ можно рѣже встрѣчаться съ женой.

По наружности онъ менѣе всего походилъ на человѣка, способнаго къ неусыпной дѣятельности. Громоздкій, плотный, нѣсколько даже наклонный къ ожиренію, съ широкимъ лицомъ, сильно обросшимъ темными волосами, необыкновенно смуглый, похожій на цыгана. На головѣ у него была ку-

ча волосъ — непокорныхъ, курчавыхъ, тонкихъ, смолистаго цвѣта.

Но не взирая на такую тяжесть своего тѣла, онъ носился изъ уѣзда въ уѣздъ, какъ птица, и въ управѣ просиживалъ надъ живыми цифрами по пяти часовъ кряду. И за семь лѣтъ земской службы онъ создалъ новое дѣло. Статистика у него была поставлена удивительно, мѣстное земство сдѣлалось извѣстно въ этомъ отношеніи. На него ссылались, какъ на образецъ, и изъ другихъ земствъ пріѣзжали посмотреть и поучиться у Алексѣя Алексѣевича Корещенскаго.

Ему было это пріятно. Онъ гордился своимъ созданиемъ и это поощряло его своеобразное тщеславіе.

Но Левъ Александровичъ всегда смотрѣлъ на него, какъ на челоѡвка, котораго необходимо привлечь къ такому дѣлу, гдѣ потребуются энергія и способности. И онъ всегда держалъ его въ своихъ планахъ на будущее, которыхъ еще никто не зналъ.

Зигзагова въ домъ Мигурской встрѣтили радостными криками. Максимъ Павловичъ принялся съ дружескимъ жаромъ цѣловать

руки Натольи Валентиновны, и облобызался съ Корещенскимъ. Даже Вася, которому теперь было не больше двѣнадцати лѣтъ, помнилъ его и раздѣлялъ общую радость.

Гостинная, гдѣ они сидѣли, была обставлена очень уютно и мило. Въ ней хорошо сидѣлось, она располагала къ непринужденной бесѣдѣ. И бесѣда лилась безостановочно.

Конечно, прежде всего, дано было слово Зигзагову, отъ котораго требовали, чтобы онъ рассказывалъ о своей жизни въ ссылкѣ.

— Да ничего, господа, ей-ей же, не такъ это плохо, какъ думаютъ. Скверное помѣщеніе, скучная пища, но люди, право же, люди очень интересные и милые. У меня тамъ осталось полгорода пріятелей. Я вѣдь люблю человѣка во всѣхъ его видахъ, а чуть въ немъ открывается какая-нибудь своеобразная черта, такъ ужъ меня тогда и конфетами отъ него не отвлечешь. А городъ изстари служилъ мѣстомъ ссылки и тамъ половина населенія образовалась изъ прежнихъ ссыльныхъ. Вѣдь многіе застрѣваютъ въ мѣстѣ ссылки и дня, когда имъ разрѣшено вернуться, они не ждуть. Ужъ завязались отношенія,

женились, породнились, завели дѣла. А вѣдь это все люди недюжинные. Когда-то они были сосланы за мошенничество, за подлоги и разныя ухищренія съ цѣлью жить лучше, чѣмъ живется. На эти ухищренія, вѣдь, посредственный человѣкъ не пойдетъ, потому что это рискъ, да и способности требуются выше обыденныхъ и характеръ. Теперь они давно уже перестали быть плутами и сдѣлались почтенными гражданами, но печать выдающагося ума и характера не можетъ изгладиться. Она остается и въ потомкахъ. И потому они всегда интереснѣе, гораздо интереснѣе нашихъ здѣшнихъ патентованныхъ честныхъ людей, то-есть тѣхъ, у которыхъ не хватило характера нарушить законъ. Ужъ не говорю о моихъ товарищахъ, политическихъ ссыльныхъ, которые всѣ поголовно принадлежатъ къ высшей расѣ людей, способныхъ жертвовать своимъ высшимъ благомъ ради прекрасной фикціи... Нѣтъ, господа, я рѣшительно не жалѣю. Я пріятно, а главное съ пользой провелъ, три года. Если бы не предательская тоска по роднымъ мѣстамъ, по солнцу и ясному чистому небу,

да по милымъ друзьямъ и по хорошенькимъ ручкамъ Натальи Валентиновны, по возможности ихъ цѣловать, я охотно просидѣлъ бы тамъ еще столько же.

Такъ говоритъ Зигзаговъ и онъ не ломался. Его живой и впечатлительный умъ въ самомъ дѣлѣ умѣлъ найти интересное всюду.

Корещенскій поддержалъ его. Старшинство по ссылкѣ принадлежало ему. Онъ испыталъ ее послѣ эпизода съ диссертацией, которая привела къ изгнанію его изъ родного города. Онъ провелъ въ далекихъ мѣстахъ всего два года.

Когда они перешли въ столовую, гдѣ шипѣлъ самоваръ, и усѣлись вокругъ стола, разговоръ какъ-то незамѣтно коснулся приглашенія Ножанскаго. Всѣ четверо знали о немъ. Левъ Александровичъ не скрывалъ своей переписки съ могущественнымъ человѣкомъ отъ Натальи Валентиновны и отъ Корещенскаго.

— Получили что-нибудь новое, Левъ Александровичъ? — спросила Мигурская, разливавшая чай съ какой-то необыкновенно граціозной манерой, и вскользь обратилась

къ Зигзагову. — Ну, вы, конечно, за три года не разлюбили крѣпкій чай...

— Разлюбиль, Наталья Валентиновна, но только тотъ, тамошній, потому что онъ пахнетъ вѣникомъ, которымъ уже цѣлый день мели комнату, но вашъ навѣрно сейчасъ же люблю.

— Что-нибудь новое? — вторично спросила Наталья Валентиновна Льва Александровича и улыбнулась Зигзагову.

— Да, сегодня, — отвѣтилъ Левъ Александровичъ и сообщилъ о томъ письмѣ, о которомъ говорилъ съ Максимомъ Павловичемъ. Но все то же. Зовъ безъ опредѣленныхъ указаній. Вы необходимы! Вы неизбежны, такого, какъ вы, здѣсь недостаетъ. Я вижу васъ своимъ сотрудникомъ. Но это все очень обще, а я совершенно не выношу общихъ и расплывчатыхъ вещей. Я люблю братья за опредѣленное и ясное. При томъ же приходится сказать и это: сотрудничать съ Ножанскимъ, тогда какъ я почти кореннымъ образомъ не раздѣляю его взглядовъ...

— О, да, онъ передъ вами стучится... Растаетъ какъ дымъ, сказала Мигурская.

— Безусловно! — подтвердилъ Корещенскій. — При васъ ему не сдобровать.

— Кончится тѣмъ, что онъ будетъ просить-ся къ вамъ въ секретари, — сказалъ Максимъ Павловичъ и всѣ разсмѣялись.

— Вотъ именно въ секретари-то я его и не взялъ бы, промолвилъ Левъ Александровичъ. — Скорѣе товарищемъ или даже начальникомъ вытерплю. Но секретарь — это отраженіе моей души. А Ножанскій отражалъ бы ее въ изуродованномъ видѣ.

— Какъ выпуклое зеркало!

— Нѣтъ, какъ вогнутое... У него какой-то вогнутый умъ. Онъ теоретикъ и цифристъ.

— Bravo, bravo! — подхватилъ Зигзаговъ, ужасно любившій новыя и мѣткія опредѣленія:— цифристъ, вотъ слово, которое я запишу въ своей памяти и сдѣлаю его основой десятка моихъ фельетоновъ. Цифристъ, цифровая душа... Это цѣлый міръ....

— Да, цифристъ, иначе я не могу опредѣлить его, — замѣтно воодушевившись, сказалъ Левъ Александровичъ и глаза его загорѣлись какими-то перемѣнчивыми огнями. — Да, цифристъ... Онъ еще убѣжденъ, что

если въ его смѣтахъ сходится балансъ, то этимъ все достигнуто. Я внимательно изучалъ его бюджеты... И всегда только разводилъ руками... Ножанскій устарѣлъ. Онъ устарѣлъ слишкомъ рано, еще даже не состарившись.

— Однако, сказалъ Зигзаговъ, — въ вашихъ словахъ я чувствую бойца, у котораго руки чешутся помѣряться силушкой... «Силушка-то по жиламъ такъ живчикомъ и переливается»... а? Вотъ бы вамъ, Левъ Александровичъ, отыскать точку, пупъ земли... Вы тогда землю перевернули бы. А, можетъ быть, вы отыскали?

— Почему знать! — загадочно сказалъ Левъ Александровичъ и засмѣялся.

Разговоръ былъ прерванъ внезапнымъ появленіемъ новаго лица. Это былъ племянникъ Льва Александровича, носившій его фамилію, студентъ Володя. Молодой человѣкъ былъ сынъ умершаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ родного брата Льва Александровича. Съ дядей онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, но жилъ отдѣльно въ очень небольшой квартиркѣ съ своей матерью, которая была въ холодныхъ отношеніяхъ съ

Елизаветой Александровной, а потому въ домѣ Льва Александровича не бывала. Володѣ это не мѣшало приходить туда запросто.

У него съ дядей были прекрасныя отношенія, а Елизавету Александровну, которая всегда встрѣчала его недружелюбнымъ молчаніемъ, онъ игнорировалъ.

— Простите, Наталья Валентиновна, во-рвался къ вамъ въ одиннадцатомъ часу... Но раньше не могъ, зубрилъ. А хотѣлось пови-дать Максима Павловича, — говорилъ онъ здороваясь съ Мигурской, съ дядей, съ Коре-ценскимъ, а Зигзагова заключивъ въ объятія.

Они были большими пріятелями. Володя поклонялся таланту Зигзагова, а Максимъ Павловичъ восхищался юношескимъ пыломъ Володи.

Въ самомъ дѣлѣ, среди студентовъ, даже крайнихъ, онъ отличался смѣлостью и горяч-ностью. Превосходный ораторъ, онъ всегда зажигательно говорилъ на сходкахъ, призы-вая товарищей къ единенію и борьбѣ, и за время его пребыванія въ университетѣ, его ученіе уже дважды прерывалось противъ его воли. Могущественный въ городѣ дядя не ма-

ло помогъ ему своимъ вліяніемъ. Онъ просилъ за него и здѣсь и въ Петербургѣ. И только благодаря этому, Володя теперь кончалъ курсъ, пробывъ въ университетѣ шесть лѣтъ. Въ университетъ же онъ поступилъ совсѣмъ мальчикомъ — ему едва минуло тогда восемнадцать лѣтъ — и теперь онъ еще не дошелъ до четверти вѣка.

— Ну, рассказывайте о вашихъ университетскихъ подвигахъ, — говорилъ Зигзаговъ, — сколько профессоровъ освистали? сколько разъ исключали васъ безъ права и съ правомъ? Великолѣпный юноша! Теперь въ васъ еще пока нѣтъ надобности, и вы только упражняете вашу горячность, но скоро, я думаю, потребуются борцы.

— А какъ скоро? — спросилъ Левъ Александровичъ.

— А вотъ какъ разъ тогда, когда вы, Левъ Александровичъ, будете стоять у руля. Вѣдь вы непременно будете держать корабль къ тихой пристани, а мы съ Володей будемъ тащить его въ открытое море. Чортъ возьми, — воодушевившись говорилъ Зигзаговъ, — вся суть именно въ томъ и заключается, что

господа наши кормчіе все хотятъ ввести
россійскій корабль въ гавань. Вытащить его
на берегъ и оставить его разсыхаться и
солнцѣ. Дѣло спокойное. По крайней мѣрѣ
можно улечься спать. А я нахожу, что
россійскій корабль рано еще затаскивать въ
гавань. Ему еще предстоитъ долгое и бурное
плаваніе. Ну, да впрочемъ онъ и не войдетъ
туда. Нѣтъ такой гавани, которая могла бы
его вмѣстить...

— Вотъ вы какой! — сказала Наталья Ва-
лентиновна.

— Да, я такой. Вотъ мы теперь съ Львомъ
Александровичемъ мирно сидимъ за столомъ
и попиваемъ чай, а пусть-ка онъ надѣнетъ
раззолоченный министерскій мундиръ, я сей-
часъ же встану къ нему въ оппозицію...

— И ты тоже, Володя? — спросилъ Левъ
Александровичъ.

— И я, дядя, это я вамъ обѣщаю —
отвѣтилъ Володя.

— Да почему же непременно такъ?

— Почему? спросилъ Зигзаговъ. — А пото-
му, что мундиръ не можетъ спасти Россію ни-
какъ и никогда! и сколько бы онъ ни старал-

ся. Потому что мундиръ къмъ нибудъ жалуется и не даромъ...

— А кто же спасеть Россію?

— Кто? Пиджакъ, поддевка, сермяга, цилиндръ, котелокъ, смазные сапоги. Спасеть тотъ, кому ничего не жаловалось...

Но этотъ полемическій по содержанию разговоръ носилъ чрезвычайно мирный и дружескій характеръ. Самъ Зигзаговъ произносилъ свои слова съ улыбкой, какъ будто это все была шутка, — такая у него была манера.

Корещенскій до сихъ поръ молчалъ. Онъ не умѣлъ спорить, въ его рѣчахъ не было блеска и онъ не обладалъ находчивостью.

Но у него были свои отвѣты на затронутые вопросы и, когда ему представляли слово, онъ умѣлъ говорить съ убѣжденіемъ.

И теперь, когда вдругъ произошло молчаніе, онъ тряхнулъ своей волосатой головой и сказалъ.

— Нѣтъ, господа, не то и не то. Россію спасеть трудъ — неусыпный, каторжный, тяжкій... Да, да, да... Все въ ней запущено, во всемъ она отстала. Надо бросить на время обольстительныя мечты и красивыя фразы,

засѣсть и работать. Засѣсть всѣмъ разомъ — тысячамъ, сотнямъ, милліонамъ, всѣмъ, до чьей головы коснулось просвѣщеніе... Вотъ что я говорю.

Зигзаговъ спросилъ. — Во имя чего работать? Безъ обольстительной мечты онъ часу не можетъ прожить. Безъ нея смерть. — Красивая фраза? — въ ней выражается красивая душа, которой какъ красивой женщинѣ, нужны красивые наряды...

И поднялся споръ, который длился за полночь. Побѣдителемъ остался, конечно, Зигзаговъ. Корещенскій спасовалъ на подорогѣ и замолчалъ, но блестящій спорщикъ Зигзаговъ одержалъ только внѣшнюю побѣду, а Корещенскаго не убѣдилъ. Онъ остался при своемъ мнѣніи, которое иллюстрировалось его собственной жизнью. Онъ самъ былъ — неусыпный каторжный трудъ.

Мѣсто, которое занималъ Левъ Александровичъ Балтовъ въ обществѣ родного города, было совсѣмъ особое. Онъ не проходилъ никакихъ общественныхъ должностей, не имѣлъ ни какого отношенія къ администраціи. Онъ даже какъ то сторонился всякой общественной дѣятельности.

Всякій разъ въ періодъ выборовъ возникалъ вопросъ о его кандидатурѣ въ городскія головы. Его имя какъ-то само собой просилось на языкъ и невольно произносилось громко.

И ему предлагали и было совершенно очевидно, что, если бы онъ поставилъ свое имя, то былъ бы избранъ чуть-ли не единогласно, но онъ всегда отказывался.

Карьера его дѣйствительно была удивительна. Его отецъ былъ бѣдный дворянинъ, уже совершенно обрусѣвшій и вполнѣ, какъ русскій, говорившій по русски. Но дѣдъ пришелъ на югъ съ береговъ балтійскаго моря и былъ настоящій нѣмецъ. Его въ городѣ помнили немногіе, очень старые люди и они

утверждали, что даже фамилія его произносилось не совсѣмъ такъ, какъ произносится теперь, что назывался онъ Baltenhof и это слово незамѣтно перешло въ Балтовъ. И отцу Льва Александровича уже досталось въ совершенно обрусѣломъ видѣ.

И этотъ дѣдъ, по словамъ помнившихъ его, былъ простой коммиссіонеръ по покупкѣ сырыхъ кожъ, которыя онъ отсылалъ въ родныя мѣста для выдѣлки. Съ другой же стороны онъ распространялъ въ городѣ выдѣланныя кожи.

И операція эта была очень скромная, она едва давала ему возможность прилично существовать. Но всѣ помнили, что это былъ человѣкъ какой-то необыкновенной честности.

Отецъ Льва Александровича уже кожами не занимался. Онъ получилъ нѣкоторое образованіе, уже «русское», и былъ чиновникомъ средней руки, служба въ таможднѣ.

Но жилъ онъ недолго. При переходѣ изъ гимназіи въ университетъ, Левъ Александровичъ потерялъ отца, который простудился на своей тяжелой службѣ и умеръ.

И съ этого момента онъ началъ вести самостоятельную жизнь. Его блестящія способности выдвинули его еще въ гимназіи, изъ которой онъ вышелъ съ золотой медалью и ему легко было найти уроки. Ихъ у него было даже слишкомъ много, такъ что онъ дѣлился ими съ товарищами.

Выборъ факультета онъ сдѣлалъ странный. Онъ занялся естественными науками. Въ то время, правда, изученіе природы всѣхъ увлекало. Въ университетѣ лучшіе профессора были на естественномъ факультетѣ; на филологовъ смотрѣли, какъ на полезныхъ, но жалкихъ тружениковъ, а на юристовъ, какъ на легкомысленныхъ верхоглядовъ.

И въ самомъ дѣлѣ, на филологическій факультетъ поступали почти исключительно бѣдные семинаристы, соблазняявшіеся легко получаемыми стипендіями, а на юридическій, за немногими исключеніями, поступали большею частью люди, которые не хотѣли серьезно заниматься. Обыкновенно они цѣлый годъ ничего не дѣлали и только наскоро и поверхностно готовились по запискамъ къ экзамену.

Но со стороны Льва Александровича это не было увлечениемъ и меньше всего онъ слѣдовалъ модѣ. У него тогда еще далеко не было выработано міросозерцаніе и не былъ составленъ планъ жизни. Но умъ его совершенно не выносилъ общихъ теоретическихъ понятій. Онъ страстно стремился къ точному, осязаемому знанію. Вотъ была единственная причина выбора имъ естественнаго факультета.

И первое время онъ со страстью предавался изученію зоологіи, химіи и фізіологіи и даже теперъ, когда онъ въ продолженіе двадцати лѣтъ совершенно не соприкасался съ этими областями, онъ много зналъ въ нихъ и, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ изученіе точныхъ наукъ имѣло глубокое вліяніе на выработку не только ума его, но и характера.

Однако, уже съ третьяго курса онъ сталъ относиться къ избранному роду наукъ полегче и до окончанія занимался ими хотя и усердно, но безъ увлеченія. Во первыхъ, онъ любилъ всякое дѣло доводить до конца и никогда ничего не бросалъ на половинѣ, а во вторыхъ, все-таки онъ долженъ былъ кон-

чить въ числѣ лучшихъ.

И онъ продѣлалъ все, что для этого требовалось: выдержалъ блестящій экзамень, представилъ всѣ работы, написалъ выдающуюся диссертацию, получилъ кандидата и медаль, но на этомъ и покончилъ съ естественными науками.

Въ это время его уже интересовали другія науки — экономическія. И онъ даже одно время хотѣлъ вновь поступить въ университетъ, чтобы выслушать курсъ юридическихъ наукъ, но пожалѣлъ времени и рѣшилъ выполнить это самостоятельно.

Онъ поступилъ на службу въ пароходное управленіе и, работая тамъ усердно, изучалъ по книгамъ политическую экономію.

На службу онъ поступилъ безъ всякой протекціи, на маленькое мѣсто, которое оплачивалось до смѣшного ничтожнымъ жалованіемъ. И первые четыре-пять лѣтъ его никто тамъ не замѣчалъ и не зналъ. Товарищи удивлялись ему: такой блестящій студентъ, такъ прекрасно кончившій, довольствуется незамѣтной службой. Ждали, что онъ будетъ готовиться къ кафедрѣ, дастъ

какія нібудзь удивительныя открытія, или, самое меньшее, поступитъ въ спеціальное училище и будетъ инженеромъ или технологомъ.

Но онъ былъ твердъ и спокойно велъ свою линію. Нѣсколько лѣтъ онъ присматривался къ дѣлу, которое представлялось ему не въ канцеляріи управленія, гдѣ была его служба, а къ самому дѣлу, къ существу его, къ его матеріальнымъ шансамъ. Дѣло было старое, прочно поставленное, но какое то застывшее и ограниченное въ небольшомъ кругу.

Начальство, если наконецъ и замѣтило его, то только развѣ съ отрицательной стороны. Въ немъ какъ то не видѣли положительныхъ качествъ и онъ даже считался неисправнымъ служащимъ. Каждое лѣто, на примѣръ, онъ просилъ отпуска и разѣзжалъ на пароходахъ общества, пользуясь, конечно, льготными билетами. Потомъ вдругъ онъ попросилъ, чтобы его перевели въ небольшой городокъ верстахъ въ трехстахъ отъ мѣста службы и, занявъ тамъ маленькое мѣсто, прожилъ цѣлый годъ, потомъ опять попросилъ перевода въ другое мѣсто. Онъ

служилъ въ качествѣ второстепеннаго агента и во всемъ этомъ видѣли только непостоянство и неспособность его укрѣпиться на службѣ.

А онъ между тѣмъ усердно и тщательно изучалъ дѣло. Онъ сразу увидѣлъ, что шансы для его развитія огромны. Море, по которому плавали пароходы общества, оказывалось совершенно неиспользованнымъ.

И вотъ онъ, послѣ долгой и основательной работы, вдругъ выступаетъ въ обществѣ съ проектомъ о совершенномъ переустройствѣ всего предпріятія.

Проектъ этотъ былъ замѣчательный. Изложенный ясно и просто, такъ что всякому была очевидна его основательность, онъ въ то же время былъ разработанъ во всѣхъ своихъ частяхъ съ такимъ глубокимъ знаніемъ дѣла и такъ доказательно, какъ могъ сдѣлать только человѣкъ, державшій главныя нити дѣла въ теченіе десятковъ лѣтъ.

И съ этимъ своимъ первымъ шагомъ Левъ Александровичъ, тогда еще совсѣмъ молодой человѣкъ, поступилъ такъ умно, какъ поступалъ онъ потомъ во всю жизнь.

Во всю свою жизнь, во всѣхъ своихъ дальнѣйшихъ дѣлахъ, онъ всегда игнорировалъ разныя посредствующія инстанціи и билъ прямо въ центръ. И здѣсь онъ не пошелъ черезъ директоровъ и разныхъ вліятельныхъ лицъ. Канцелярія ему была особенно противна. Онъ очень хорошо зналъ, что, какъ бы ни была блестяща и самостоятельна его работа, промежуточныя инстанціи постараются ослабить ея блескъ и во всякомъ случаѣ значительная доля его заслугъ останется въ нихъ.

Сколотивъ сбереженіями небольшую сумму, онъ приобрѣлъ нѣсколько акцій общества, стоявшихъ тогда въ умѣренной цѣнѣ, чтобы имѣть право явиться въ собраніе въ качествѣ равноправнаго члена. И со своимъ проектомъ онъ выступилъ въ собраніи.

Идея его прямо таки ошеломила акціонеровъ. Она явилась передъ ними, какъ новое солнце, которое освѣтило всѣ потаенные уголки, и всѣ увидѣли, что у нихъ въ распоряженіи имѣется золотое дно, изъ котораго безъ особенныхъ усилій можно черпать безъ конца золото.

И, въ самомъ дѣлѣ, это такъ и было... Море

было къ ихъ услугамъ, широкое, огромное и могучее. Оно вело ихъ въ страны, лежавшія подь-бокомъ и только ждавшія ихъ прихода, а въ перспективѣ былъ еще цѣлый востокъ, тогда не тронутый, со всѣми своими богатствами.

Впечатлѣніе отъ проекта было ошеломляющее. Было совершенно очевидно, что при осуществленіи его предпріятіе общества сдѣлается однимъ изъ могущественнѣйшихъ, а доходы акціонеровъ чуть ли не удесятятся.

Директора, которые стояли тогда во главѣ дѣла, какъ-то въ одинъ мигъ потускнѣли и сконфузились. Вокругъ молодого дѣятеля, теперь внезапно выступившаго изъ неизвѣстности, быстро образовалась партія молодыхъ и энергичныхъ людей и новые выборы дали никѣмъ не ожидаемые результаты, — молодой служащій, занимавшій скромное мѣсто, получавшій жалкій окладъ, владѣвшій нѣсколькими акціями, которыя онъ пріобрѣлъ на скудныя сбереженія, попалъ въ правленіе и сдѣлался центромъ новаго его состава.

Тогда же произошло нѣкое биржевое чудо. Акціи общества, имѣвшія скромную котировку, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ поднялись до такой колоссальной цѣны, о какой владѣльцы и мечтать не могли и которая даже пугала ихъ.

Совершенно понятно, что виновникъ этого чуда въ главахъ акціонеровъ сдѣлался богомъ.

Были ассигнованы необходимыя суммы, и проектъ Льва Александровича былъ принятъ при неистовомъ ликованіи общества, и тогда имя его быстро выдвинулось изъ ряда именъ смертныхъ и было отмѣчено разъ навсегда.

Но несмотря на такой невиданный успѣхъ, Левъ Александровичъ дѣйствовалъ осторожно. Онъ, разумѣется, не отказался отъ преимуществъ своего новаго положенія и вошелъ дѣятельнымъ членомъ въ правленіе общества. Но когда рѣчь зашла о распредѣленіи ролей и возникла естественная мысль о его предсѣдательствѣ, онъ уклонился. Онъ чувствовалъ себя еще слишкомъ новымъ человекомъ и мало авторитетнымъ для такой показной и отвѣтственной роли. Онъ

очень хорошо понималъ, что такое быстрое возвышеніе можетъ вызвать зависть и озлобленіе, которыя способны погубить и дѣло, и его карьеру.

Но въ выборѣ предсѣдателя правленія онъ проявилъ себя дѣятельно. Онъ указалъ на человѣка съ хорошимъ общественнымъ положеніемъ, но ограниченнаго и слабаго, а самъ сталъ близко къ нему и очень скоро взял его въ руки.

И началась работа. Это, по своимъ задачамъ частное, дѣло вдругъ сдѣлалось общественнымъ, почти государственнымъ. Къ нему привязали даже политику. Частное общество было призвано играть роль въ дѣлѣ распространенія русскаго вліянія на сосѣднія мусульманскія страны.

Кромѣ того, колоссальныя сооруженія общества выросли у всѣхъ на глазахъ. Съ каждымъ годомъ завоевывались новые участки моря и мало-по-малу море покорялось обществу.

Появлялись гигантскія зданія въ приморской части города, явились новые монстры-пароходы, строились склады, элеваторы

и все это имѣло могущественное вліяніе на оживленіе торговли въ городѣ. Городѣ точно вступилъ въ золотой вѣкъ.

И во всемъ чувствовалось, что начало этого лежитъ въ томъ моментѣ, когда молодой незамѣтный дѣятель выступилъ съ своимъ блестящимъ проектомъ.

Имя Льва Александровича Балтова сдѣлалось чѣмъ-то магическимъ. Оно гипнотически дѣйствовало на гражданъ. И дальнѣйшее развитіе города, тогда еще довольно скромнаго, а потомъ сдѣлавшагося однимъ изъ крупныхъ коммерческихъ центровъ, было неразрывно связано съ этимъ именемъ.

Предпріятіе пароходнаго общества, развившись до колоссальныхъ размѣровъ, какъ бы доставало изъ глубины моря, съ самага дна, все новыя и новыя предпріятія.

Невдалекѣ вдругъ забили нефтяные фонтаны и вся нефть направилась въ городѣ, какъ главный складочный пунктъ, и все это проходило черезъ пароходы общества. Оно завязало торговыя сношенія съ Турціей, съ Персіей, съ славянскими странами и городѣ сдѣлался

мѣстомъ для склада товаровъ, которые привозились изъ сѣверной Россіи.

Мало по-малу развивались культурныя потребности гражданъ, дѣлались мостовые, строились новые красивые дома, театры, и во всемъ этомъ Левъ Александровичъ непосредственнаго участія не принималъ, но какъ-то на всемъ лежало какъ бы моральное вліяніе парходнаго общества, въ которомъ онъ уже былъ единственнымъ свѣтиломъ.

Въ это время городъ былъ соединенъ съ остальной Россіей рельсовымъ путемъ и, наконецъ, явился вопросъ о проводѣ въ него воды. Вопросъ былъ сложный и трудный. Воду получали изъ старыхъ цистернъ и обильной воды близко не было. Составлялись проекты о грандіозныхъ артезіанскихъ колодцахъ, объ использованіи существовавшихъ скромныхъ горныхъ ключей, сотни проектовъ, которые, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывались неудобными и неосуществимыми

И, какъ при всякомъ новомъ предпріятіи, и теперь ждали, чтобы высказался Левъ Александровичъ. А онъ и тутъ сказалъ свое слово. Въ первую минуту его мысль показалась

всѣмъ невозможной, неисполнимой. Но, приглядѣвшись, всѣ поняли, что она гениальна.

Онъ посоветовалъ взять воду изъ быстрой рѣки за семьдесятъ верстъ отъ города. Онъ сказалъ: «воду надо брать тамъ, гдѣ постоянный и неизмѣнный притокъ ея обезпеченъ». Въ городѣ не нашлось предпринимателей, которые согласились бы рискнуть огромными средствами. Левъ Александровичъ и тутъ высказался. Онъ подалъ голосъ за приглашеніе иностранцевъ, и иностранцы явились и построили водопроводъ и городъ получилъ воду.

И было такое впечатлѣніе, что всѣ блага, полученныя городомъ, исходили отъ Льва Александровича Балтова. Онъ былъ признанъ добрымъ гениемъ города.

Само собой разумѣется, что Левъ Александровичъ давно уже сдѣлалъ себѣ хорошее состояніе. Никто не зналъ его размѣровъ, но можно было догадываться, что оно велико. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ такъ внезапно выдвинулся, онъ, кромѣ большого вознагражденія, имѣлъ въ предпріятіи крупную долю, а

послѣдніе десять лѣтъ, послѣ того, какъ его проектъ вполнѣ осуществился, оно приносило огромный доходъ. Акціи его, поднявшіеся до колоссальной стоимости, на биржѣ уже не появлялись. Ихъ никто не хотѣлъ выпускать изъ рукъ.

Но кромѣ того, Левъ Александровичъ принималъ дѣятельное участіе и во многихъ другихъ промышленныхъ и коммерческихъ дѣлахъ, возникшихъ въ косвенной зависимости отъ развитія пароходного дѣла... Благодаря этому, деньги сыпались къ нему со всѣхъ сторонъ. Но онъ не обладалъ страстью къ пріобрѣтенію постоянныхъ источниковъ дохода. Единственное, что онъ купилъ въ городѣ, это былъ домъ, да и то онъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ возможность устроить для себя самого жилище по вкусу. Да еще не далеко отъ города, на берегу моря, онъ пріобрѣлъ чудный уголокъ земли и построилъ себѣ тамъ дачу, разведя вокругъ нечѣстивый садъ.

Таковъ былъ этотъ человекъ. Блестящія способности въ немъ соединялись съ удивительно выдержаннымъ и стойкимъ характе-

ромъ, но, можетъ быть, ко всему этому надо прибавить и счастье. Надо же было случиться такъ, чтобы онъ выступилъ на арену жизни какъ разъ тогда, когда приморскій городъ, обладавшій огромными шансами къ развитію, полный нетронутыхъ силъ, какъ бы томился въ ожиданіи смѣлаго и находчиваго человѣка, который способенъ сдѣлать первый рѣшительный шагъ и увлечь за собой другихъ. Если-бы это сдѣлалъ другой, а онъ выступилъ на нѣсколько лѣтъ позже, можетъ быть, это былъ бы самый заурядный дѣятель, идущій по стопамъ другого. Или ему пришлось бы избрать ученую дѣятельность и ограничиться ею.

Теперь это былъ человѣкъ, которому приписывали орлиный полетъ и львиную силу. Про него говорили, что онъ создалъ городъ почти изъ ничего. И его знали не только въ городъ, но и въ Петербургъ, знали, что есть тамъ, на югѣ, такая выдающаяся личность. Но до Ножанскаго никому не приходило въ голову призывать его.

Самъ Ножанскій попалъ въ высшія сферы случайно. Начавъ свою дѣятельность въ ка-

чествѣ профессора политической экономіи въ мѣстномъ университетѣ, онъ отдавалъ излишекъ своего времени банковской дѣятельности. На его долю выпала пропаганда въ городѣ новой формы кредита и подъ его руководствомъ было основано общество взаимнаго кредита, въ которомъ онъ занялъ мѣсто предсѣдателя. Съ этой отвѣтственной должностію профессура была уже несовмѣстима, и онъ ее оставилъ.

Но репутація ученаго финансиста осталась за нимъ и однажды, когда въ Петербургѣ обсуждали какія-то важныя мѣры въ связи съ финансовыми реформами, Ножанскій въ числѣ другихъ былъ призванъ въ качествѣ эксперта.

Тутъ онъ съумѣлъ обратить на себя вниманіе своими красивыми профессорскими рѣчами и ему предложили на выгодныхъ условіяхъ занять мѣсто, правда, не очень видное, но важное по значенію, и съ котораго были видны широкіе горизонты.

Онъ согласился и, двигаясь тихими, но вѣрными шагами, онъ наконецъ выдвинулся и занялъ вполне отвѣтственный постъ.

Въ то время Россія, окутанная мракомъ, вся цѣликомъ находилась въ рукахъ олигархіи, отдѣлившей крѣпкой и высокой стѣной высшую власть отъ народа, и сосредоточившей всю силу въ своихъ рукахъ. Высшія должности обязательно занимались людьми, принадлежавшими къ высшему кругу. Такого рода принадлежность была почти единственнымъ и вѣрнымъ шагомъ къ карьерѣ, способности-же, знанія, энергія, умъ, — все это были вещи второстепенныя, случайныя.

Сравнительно небольшая группа себялюбцевъ притянула къ себѣ всѣ соки страны для поддержанія того незначительнаго меньшинства, на которое она опиралась.

И, такъ какъ страна шла отъ этого къ упадку, то мало-помалу явились и стали неясно бродить новыя вѣянія: мечта освѣжить кормило привлеченіемъ новыхъ черноземныхъ силъ.

И въ качествѣ такой силы прежде всего явился Ножанскій. Онъ тогда носилъ уже на себѣ чинъ тайнаго совѣтника и многіе орденна. Постоянно вращаясь среди бюрократіи, онъ значительно растерялъ свои прежнія свя-

зи въ настоящей живой русской жизни, и прежній огонь, пламень котораго, правда, не поднимался выше академическаго пафоса, въ душѣ его если не погасъ, то значительно притихъ.

По происхожденію Ножанскій отчасти примыкалъ къ демократіи. Онъ былъ сынъ простаго уѣзднаго лекаря. Нужно было именно совмѣщать въ себѣ всѣ эти данныя, чтобы возбудить къ себѣ, хотя и вынужденное, довѣріе.

Простое происхожденіе, облагороженное ученой степенью и профессурой и обезвреженное чиномъ тайнаго совѣтника, — все это дѣлало его подходящимъ къ вѣяніямъ, безъ всякаго риска получить какой-нибудь неожиданный сюрпризъ. И благодаря этому, онъ былъ приглашенъ на отвѣтственный постъ.

Левъ Александровичъ познакомился съ Ножанскимъ еще въ бытность свою студентомъ. Но болѣе тѣсное знакомство состоялось позже. Какъ разъ тогда, когда Левъ Александровичъ выступилъ съ своимъ знаменитымъ проектомъ и сдѣлался популярнымъ человѣкомъ въ городѣ, Ножанскій переходилъ

ль отъ академической дѣятельности къ банковской. Тогда созрѣвали въ его головѣ идеи относительно взаимнаго кредита. Новое восходящее свѣтило привлекло его вниманіе и онъ сейчасъ же обратился къ нему.

И Левъ Александровичъ принялъ дѣятельное участіе. Они были сотрудники по новому учрежденію. Тутъ Ножанскій оцѣнилъ его блестящія качества, и съ тѣхъ поръ ихъ отношенія сдѣлались тѣсными и не прерывались.

И когда Ножанскій поднялся на высоту, онъ сейчасъ же подумалъ о своемъ старомъ сотрудникѣ. Въ сущности, онъ былъ тамъ одинокъ и къ тому же въ душѣ очень скоро понялъ, что крылья его давно уже разучились летать и что онъ одинъ безсиленъ что-нибудь сдѣлать. И ему нужно было опереться на такую, еще вполнѣ свѣжую, силу, какой представлялся ему Левъ Александровичъ.

И онъ началъ звать его чуть-ли не съ первыхъ дней своего назначенія. Но Левъ Александровичъ туго поддавался. Происходили долгія выясненія всѣхъ обстоятельствъ въ перепискѣ. Ножанскій сразу почувствовалъ, что

простыми обѣщаніями этого челоуѣка не заманишь. Левъ Александровичъ очень опредѣленно говорилъ о самостоятельности дѣйствій, а Ножанскій не могъ гарантировать ее, такъ какъ и самъ въ сущности ею не пользовался.

Но въ послѣднее время, можетъ быть, чувствуя, что его положеніе начало колебаться, такъ какъ онъ не оправдалъ возложенныхъ на него надеждъ по части освѣженія, онъ началъ усиленно уговаривать Льва Александровича и уже обѣщаль гораздо больше и опредѣленнѣе.

И вотъ, наконецъ, Левъ Александровичъ получилъ отъ него срочную телеграмму, въ которой было сказано прямо: «всѣ наши условія приняты. Надѣюсь, что этого довольно. Послѣ вашего отвѣта будетъ официальное назначеніе. Прошу, не медлите отвѣтомъ. Ножанскій».

Это было дня черезъ три послѣ пріѣзда Зигзагова. Но Левъ Александровичъ, получивъ эту телеграмму на службѣ, спряталъ ее въ карманъ и явился домой совершенно такимъ же, какимъ являлся всегда. Онъ ни слова не

сказаль о телеграммѣ ни Зигзагову, ни сестрѣ.

Сейчасъ же послѣ обѣда онъ уѣхаль, сказавъ Зигзагову, что у него есть неотложное дѣло и что они встрѣтятся вечеромъ у Натальи Валентиновны.

Въ дѣйствительности же онъ поѣхаль прямо къ Мигурской, такъ какъ хотѣль быть у нея хоть за полчаса раньше другихъ.

Наталья Валентиновна была единственный человекъ, съ которымъ онъ въ этотъ день говорилъ о телеграммѣ Ножанскаго.

VI

Максимъ Павловичъ устраивался. Переговоры съ издателями начались на другой же день послѣ его прїѣзда.

Издатели дѣйствовали различными пріемами, каждый сообразно своему характеру. Курчавинъ, давшій своей газетѣ либеральное направленіе только потому, что убѣдился въ выгодности его, самъ же человекъ темный и одинаково равнодушный ко всѣмъ направленіямъ, былъ господинъ юркій, находчивый и хитрый и никогда не дѣйствовалъ прямо, а всегда черезъ третье лицо и разными ходами.

Поэтому онъ явился не къ Зигзагову, а къ Льву Александровичу, и не на домъ, а въ управленіе.

Левъ Александровичъ отличался чрезвычайной доступностью. По дѣламъ, касавшимся пароходнаго общества, его могъ видѣть всякій, ни для кого онъ не дѣлалъ исключеній. А тѣмъ болѣе Курчавинъ, какъ издатель газеты въ городѣ, гдѣ пресса имѣла большое значеніе, могъ явиться къ нему за-

просто.

Но Курчавинъ все же сдѣлалъ видъ, что главная цѣль его посѣщенія дѣловая. Хитрый умъ его придумалъ нѣчто правдоподобное. Въ небольшомъ приморскомъ городкѣ былъ маленькій агентъ пароходнаго общества, который предложилъ газетѣ Курчавина свои услуги быть корреспондентомъ. Курчавинъ и явился къ директору освѣдомиться о его служащемъ. Съ этого и началъ.

Левъ Александровичъ сразу понялъ это, но не забѣгалъ впередъ, а просто далъ свой отзывъ о будущемъ корреспондентѣ. Тогда Курчавинъ перешелъ къ главному.

— А между прочимъ, Левъ Александровичъ, къ вамъ просьба. Вы знаете, что моя газета первая въ городѣ. Кромѣшный разогналъ отъ себя всѣхъ евреевъ. Они въ синагогѣ поклялись не брать въ руки его газету, а вѣдь евреи въ нашемъ городѣ главные подписчики. А Малеванскій такую скучищу разводитъ въ своей газетѣ, что отъ нея мухи мрутъ, и онъ, не знаю ужъ какъ сводитъ концы съ концами. А моя газета идетъ бойко, въ ней и подписчики и объявленія. Мое дѣло солидное.

Въ этомъ Курчавинъ былъ правъ. Изъ трехъ газетъ его листокъ пользовался наибольшимъ успѣхомъ. Это была вполнѣ бульварная газетка, какая и была нужна въ такомъ бойкомъ коммерческомъ городѣ.

— Такъ вотъ-съ я и говорю: вы имѣете вліяніе на Максима Павловича... Нѣтъ, нѣтъ, ужъ не говорите, вы — съ нимъ въ дружбѣ и средства ему посылали, когда онъ былъ въ ссылкѣ. По настоящему, это мы, издатели, должны бы дѣлать... Но какъ-то это не вышло. Да-съ... Такъ говорю я: дайте вы ему, Максиму Павловичу, добрый совѣтъ: ну, что ему рисковать, на примѣръ, съ Малеванскимъ, который, когда приходитъ время платить сотрудника, корчится, какъ чортъ передъ крестомъ, а за бумагу долженъ двадцать пять тысячъ... Или пачкаться въ органъ Кромѣшнаго... Кромѣшный, конечно, платитъ будетъ, ужъ онъ съ другихъ сотрудниковъ шкуру сдеретъ, а Зигзагову заплатитъ... Да, вѣдь газета то его паскудная и не къ лицу Максиму Павловичу, пріѣхавшему изъ ссылки, на ея столбцахъ появляться. А пускай онъ идетъ ко мнѣ. Заплачу ему такъ, какъ никто не заплатитъ, а ужъ

свободу въ газетѣ, сами знаете, ему давать не надобно, потому онъ самъ ее возьметъ.

— Извольте, — отвѣтилъ Левъ Александровичъ:— я передамъ ему то, что вы говорите.

— Передать мало. Вы посовѣтуйте отъ себя...

— Это я не берусь. Онъ самъ знаетъ вашу газету и васъ, и другія газеты и ихъ издателей. Какъ же я могу вмѣшиваться въ его дѣла?

— Да вѣдь вы же согласны со мной, что самое лучшее ему у меня?

— Да, я такъ думаю.

— Ну, вотъ это и скажите. А онъ только пускай бровью мигнетъ, я сейчасъ и прибѣгу.

Малеванскій дѣйствовалъ совсѣмъ иначе. Это былъ человекъ образованный, воспитанный, корректный и сознательно державшійся тѣхъ взглядовъ, какіе проводилъ въ своей газетѣ. Дѣла его дѣйствительно были не блестящи. Газета была слишкомъ серьезна для мѣстныхъ читателей. Онъ держался столичныхъ образцовъ и этимъ портилъ себѣ подписку.

Кромѣ того онъ былъ брезгливъ и потому

отвергъ услуги многихъ способныхъ людей, которые, по несчастной случайности, почти всѣ отличались нечистоплотностью и благополучно ютились въ редакціи Курчавина.

И тѣмъ болѣе ему былъ нуженъ Зигзаговъ. Одно его имя было способно измѣнить шансы въ пользу газеты Малеванскаго.

Но онъ дѣйствовалъ напрямикъ. Просто надѣлъ сюртукъ и цилиндръ и сдѣлалъ визитъ Зигзагову и тутъ же изложилъ ему условія.

Кромѣшный былъ въ особомъ положеніи. Онъ зналъ, что Зигзаговъ обратится къ его газетѣ только въ самомъ крайнемъ случаѣ. И раньше бывало, что имя Максима Павловича появлялось въ ней только тогда, когда Зигзаговъ окончательно перессорится съ обѣими либеральными газетами. Тогда Кромѣшный являлся къ нему, соблазнялъ и его газета на время становилась приличной.

Поэтому онъ и теперь могъ предложить свои услуги только «на всякій случай».

И онъ употребилъ для этого методъ, который Зигзаговъ называлъ разбойничьимъ. Однажды, когда Максимъ Павловичъ ѣхалъ по

улицѣ на извозчичьихъ дрожкахъ, вдругъ надъ головой лошади поднялась въ воздухѣ толстая палка, отъ которой лошадь шарахнулась въ сторону, а кучеръ услышалъ зычный окликъ: — Стой! — Лошадь остановилась.

И передъ Максимомъ Павловичемъ стояла громоздкая фигура Кромѣшнаго. Онъ говорилъ: — нигдѣ васъ не поймаетъ, такъ я ужъ позволилъ себѣ на улицѣ. Только два слова: въ случаѣ чего, ко мнѣ милости просимъ! Сколько бы ни дали вамъ эти прохвосты, я дамъ больше, вотъ и все. А теперь поѣзжай! крикнулъ онъ кучеру.

Зигзаговъ не успѣлъ даже отвѣтить.

И, взвѣсивая всѣ эти предложенія, Максимъ Павловичъ остановился наконецъ на газетѣ Курчавина. Ее любила толпа, въ ней онъ сразу попадалъ въ широкой кругъ читателей, получалъ большую аудиторію. А у него такъ много накопилось за три года и хотѣлось говорить такъ, чтобъ его всѣ слышали.

Малеванскому онъ написалъ извинительное письмо, а Кромѣшнаго даже вовсе не извѣстилъ. Затѣмъ онъ «мигнулъ бровью» Курчавину и тотъ дѣйствительно сейчасъ же

прибѣжалъ.

Дня черезъ три номеръ Курчавинской газеты раскупался на расхватъ. Здѣсь была статья Зигзагова, которую онъ озаглавилъ: «Первый разъ по возобновленіи».

Затѣмъ Максимъ Павловичъ сталъ хлопотать о переѣздѣ на свою квартиру. У него была излюбленная квартира, къ которой онъ очень привыкъ, и она кстати освобождалась. Хозяинъ съ радостью отдавалъ ему за меньшую цѣну, чѣмъ всякому другому. Жилецъ Зигзаговъ былъ своего рода рекламой дома.

Въ ней было шесть комнатъ, а прежняя обстановка его лежала въ складѣ. Все это скоро устроилось и вотъ однажды онъ, простившись съ Львомъ Александровичемъ и его сестрой, взялъ свой чемоданъ и поѣхалъ къ себѣ.

И сейчасъ же квартира его наполнилась друзьями. Ихъ у него было въ городѣ множество. Большею частью это были студенты, которые приходили къ нему запросто и располагались, какъ дома. У него была прекрасная библіотека, которую онъ собиралъ всю жизнь. Онъ любилъ книги, любовно занимал-

ся ими, всѣ онѣ были въ красивыхъ переплетяхъ и стояли въ порядкѣ, въ нѣсколькихъ шкафахъ; все это уцѣлѣло и теперь наполняло его кабинетъ.

И эта комната имѣла видъ какой-то общественной читальни. Каждый приходилъ, отыскивалъ то, что ему было нужно, садился тутъ-же и читалъ, дѣлалъ выписки. На стѣнѣ висѣло объявленіе, въ которомъ было сказано, что никто не имѣетъ права выносить книжку изъ кабинета, что на домъ книги не выдаются и всѣ это признавали.

По вечерамъ центромъ дѣлались столовая и гостинная. Поднимались горячія бесѣды, пили чай и ѣли простую дешевую закуску. Иногда раздавалась хоровая пѣсня.

Максимъ Павловичъ обожалъ эту жизнь. Онъ былъ одинокъ. Не было у него ни родныхъ, ни близкихъ женщинъ. Но вокругъ его обаятельной личности создалось совершенно своеобразное дружество людей, которые всѣ были ему близки и среди которыхъ онъ переставалъ быть одинокимъ или, можетъ быть, только забывалъ о своемъ одиночествѣ.

Левъ Александровичъ между тѣмъ всѣ эти

дни занимался рѣшеніемъ вопроса чрезвычайной важности. Приглашеніе Ножанскаго было на этотъ разъ категорическое. Онъ уже получилъ отъ него письмо съ подробностями. Оказывалось, что тамъ дѣйствительно все было готово для его назначенія.

Въ день полученія телеграммы онъ пріѣхалъ къ Мигурской съ единственной цѣлью подѣлиться съ нею новостью и выслушать ея мнѣніе. Никогда ни съ кѣмъ не совѣтовался онъ въ своихъ дѣлахъ. Но Наталья Валентиновна занимала въ его жизни совсѣмъ исключительное мѣсто.

Въ продолженіе пятилѣтняго знакомства съ каждымъ годомъ онъ все больше и больше чувствовалъ, что эта женщина для его жизни необходима, что для пріобрѣтенія ея онъ долженъ сдѣлать всевозможныя усилія.

Занятый дѣлами, ежеминутно устраиавшій и поддерживавшій свою карьеру, онъ какъ-то не замѣтилъ глубокаго пробѣла въ своей жизни, который привелъ его къ полному одиночеству. У него было много такъ называемыхъ дѣловыхъ друзей, но не было дѣйствительно близкаго человѣка.

Въ отношеніяхъ съ сестрой у нихъ ни разу не блеснула та теплота, которая сближаетъ людей. Любовь къ нему Лизы была холодная и суровая. Но когда онъ ближе познакомился съ Натальей Валентиновной, онъ вдругъ почувствовалъ этотъ пробѣлъ, эту страшную пропасть и онъ невольно спросилъ себя: — «для кого и для чего»? И долженъ былъ отвѣтить, что всѣ его старанія, неусыпный трудъ, все расточительное проявленіе его богатыхъ способностей, все это только для самого себя.

Тріумфъ общественнаго дѣятеля и великолѣпнаго дѣльца могъ удовлетворять его только внѣшнимъ образомъ. Оставалась еще какая то бездонная глубина, которой онъ даже не касался.

И это былъ, можетъ быть, единственный вопросъ, въ которомъ онъ не обнаружилъ смѣлости. Онъ боялся прикоснуться къ нему. И, не смотря на то, что между нимъ и Натальей Валентиновной давно уже существовало наибольшее довѣріе, какое только можетъ быть между двумя людьми, они никогда не говорили о чувствѣ.

Казалось, оно было внѣ всякаго сомнѣнія. О немъ говорили ихъ глаза, ихъ чуткій и тревожный интересъ ко всему, что касалось каждаго изъ нихъ, ихъ нѣжная заботливость другъ о другѣ. Но этимъ дѣло ограничивалось.

Можетъ быть, со стороны Льва Александровича тутъ важную роль играла боязнь дать подтвержденіе нѣкоторымъ городскимъ разговорамъ, а главное — дать мужу Натальи Валентиновны оружіе противъ нея.

Докторъ Мигурскій былъ человѣкъ грубый и зложелательный.

Наталья Валентиновна разсталась съ нимъ при обстоятельствахъ оскорбительныхъ для него, и онъ никогда не забывалъ этого.

Виноватый передъ ней кругомъ, невоздержный, жадный до женщинъ, почти открыто измѣнявшій ей съ покладистыми пациентками, онъ иногда встрѣчалъ энергичный отпоръ и Натальѣ Валентиновнѣ пришлось быть свидѣтельницей многихъ скандальныхъ исторій.

Она давно уже презирала его, но терпѣла ради сына. Но однажды послѣ такого эпизода, который разыгрался въ домѣ, съ отврати-

тельными подробностями, невольнымъ свидѣтелемъ которыхъ былъ Вася, она просто взяла за руку мальчика и сказала мужу.

— Я больше не могу, я ухожу и — навсегда.

Мигурскій былъ огорошенъ такой рѣшительностью и въ первую минуту не нашелся. Наталья Валентиновна, дѣйствительно, ушла и поселилась въ гостиницѣ, а потомъ обзавелась квартирой. Но Мигурскій очень долго дѣлалъ ей всевозможныя гадости. Ради скандала онъ обращался къ полиціи, ходилъ даже въ судъ, хотя и безуспѣшно, распространялъ по городу про нее отвратительныя сплетни и въ тоже время осаждалъ ее письмами, въ которыхъ требовалъ ея возвращенія. Но она оставалась твердой.

Въ послѣдніе два года онъ оставилъ ее въ покоѣ. Но конечно всякій поводъ съ ея стороны доставилъ бы ему удовольствіе и вновь возбудилъ бы его оскорбленную гордость.

Только эта гордость и была причиной его исканій. Никакихъ чувствъ къ ней онъ не питалъ. Но положеніе брошеннаго мужа бѣсило его. Если бы ему удалось возвращеніе въ до-

мъ Натальи Валентиновны, онъ вѣроятно черезъ нѣсколько дней съ негодующимъ торжествомъ выгнать бы ее и именно такъ, чтобы всѣ это видѣли и знали.

Левъ Александровичъ все это зналъ и хорошо понималъ, что серьезный шагъ съ ихъ стороны поведетъ къ тяжелымъ осложненіямъ для Натальи Валентиновны. Было бы безуміемъ предполагать, что такой человѣкъ, какъ Мигурскій, можетъ переварить мысль о добровольномъ разводѣ. На это не было никакихъ надеждъ. Что же онъ могъ предложить женщинѣ, которую дѣйствительно обожалъ?

И благодаря всему этому, ихъ отношенія какъ бы застыли въ неопредѣленномъ состояніи. Все готово, чтобы отправиться въ путь, тройка стоитъ у подъѣзда, ямщикъ натянулъ возжи, чемоданы вынесены и уложены, но сѣдоки изъ какого то необъяснимаго суевѣрія боятся переступить черезъ порогъ дома и тройка стоитъ въ ожиданіи и дни и ночи.

Въ тотъ день, когда онъ получилъ отъ Но-жанскаго срочную телеграмму, онъ едва

успѣлъ обмѣняться съ Натальей Валентинов-
ной нѣсколькими словами. Онъ только сооб-
щилъ ей о фактѣ и просилъ ее подумать.

Очень рано пришелъ Корещенскій, а
затѣмъ явился и еще кой-кто.

И Наталья Валентиновна была очень удив-
лена, когда дня черезъ четыре послѣ этого, по-
слѣ раздавагося въ ея квартирѣ звонка, часа
въ три дня, вошелъ Левъ Александровичъ. Въ
этотъ часъ онъ всегда бывалъ занятъ въ
управленіи и никуда оттуда не выѣзжалъ.

Она взглянула на него и сразу поняла,
почему и для чего онъ сдѣлалъ это
отступленіе.

Въ квартирѣ не было никого, кромѣ ихъ.
Вася отправился гулять съ горничной. Кажет-
ся, Левъ Александровичъ зналъ это, выбирая
именно этотъ часъ, и принималъ это въ рас-
четъ.

— Вы одна? спросилъ Левъ Александрови-
чъ, — мнѣ нужно, чтобы вы были одна.

— Пойдемте въ гостиную, я совершенно
одна. Важное.

— О да, самое важное.

Они сѣли другъ противъ друга и Наталья

Валентиновна смотрѣла на него, какъ на нѣчто новое. Онъ сильно волновался. Это ему совсѣмъ не было свойственно, и она никогда не видѣла его такимъ. — Рассказывайте!

— Рассказъ недологъ. Я говорилъ вамъ о телеграммѣ Ножанскаго. Теперь — письмо. Сообщаетъ, что надо только получить мое согласіе и сейчасъ же послѣдуетъ мое назначеніе.

— Куда?

— На первое время во главѣ одного изъ департаментовъ министерства. Это на нѣсколько недѣль. Маршрутъ довольно обыкновенный и давно извѣстный. Это необходимая стадія, чтобы сдѣлаться товарищемъ министра. Я еще не знаю вашего мнѣнія объ этомъ.

— Я много думала объ этомъ, Левъ Александровичъ. Чѣмъ можетъ удовлетворить васъ пребываніе при Ножанскомъ въ качествѣ товарища? Я думаю такъ, что товарищъ, это — отголосокъ. Развѣ вы можете быть отголоскомъ Ножанскаго?

— Я никогда имъ не буду.

— Развѣ можно иначе?

— Еслибъ я не былъ увѣренъ въ этомъ, я не говорилъ бы объ этомъ серьезно. А серьезно я говорю вотъ почему: я съ виду человѣкъ спокойный и уравновѣженный, но это потому, что важные душевные процессы происходятъ у меня внутри. По натурѣ я борець, борець не въ какомъ-нибудь героическомъ смыслѣ, я борець для себя. Мнѣ хочется вѣчно завоевывать... Здѣсь я завоевалъ все, что могъ, и мнѣ давно уже скучно. Вѣдь это вѣчное, почти ненарушимое Status quo...

— А тамъ вы надѣетесь завоевать?

— Непремѣнно.

— А Ножанскій? Развѣ онъ посторонится?

— Да вѣдь онъ уже пустой. Онъ вывѣтрился. А я вѣдь поѣду туда не съ пустыми руками. Словомъ сказать, я въ себѣ увѣренъ.

— Тогда мнѣ остается посоветовать вамъ это. Я знаю, что ваша увѣренность, это значитъ — совершившійся фактъ.

— Вы советуете мнѣ ѣхать туда... Это совпадаетъ съ моимъ желаніемъ. Но я не могу, если вы останетесь здѣсь.

— Какъ вы это просто говорите, Левъ Алек-

сандровичъ!

— Да вѣдь это и есть просто. Неужели мнѣ надо объясняться вамъ въ чувствахъ?.. Для васъ это ясно. Развѣ не правда?

— Да, ясно. А для васъ?

— Мнѣ кажется, что вы въ этомъ уже давно не должны были сомнѣваться.

— Да, ясно. Мы другъ для друга. Мы должны быть вмѣстѣ. Я думаю, что помимо моего личнаго желанія жить близко около васъ, я безъ васъ ничего не сдѣлаю, ничего не добьюсь. Что же вы на все это скажете?

— Вы, конечно, не сомнѣваетесь, Левъ Александровичъ, что я обо всемъ этомъ думала гораздо раньше этого разговора. Надо спросить: что я могу дать вамъ? Ваше будущее положеніе исключаетъ возможность такихъ отношеній, какія были бы доступны простому смертному. Если бы вы отправлялись въ кругосвѣтное плаваніе или на сѣверный полюсъ для научныхъ изслѣдованій, я не остановилась бы ни на минуту и послѣдовала за вами. Но вамъ нужна жена... законная жена. А ни вы, ни я не обратимся къ господину Мигурскому за разводомъ.

— Я обратился бы къ самому дьяволу, если бы это было цѣлесообразно, — сказалъ Левъ Александровичъ, — но вы знаете, что это только потѣшило бы его.

— Да, только. Значить, Левъ Александровичъ, поѣзжайте одинъ.

— А вы, дорогой мой другъ, все таки мало знаете меня. — сказалъ онъ съ улыбкой:— вы думаете, что я способенъ перемѣнить свое положеніе на что бы то ни было, что потребовало бы отъ меня жертвы? Нѣтъ. Вы читали письмо: приняты всѣ мои условія. Я не поступилъ соломенкой. А это — благо, которое я цѣню выше всѣхъ остальныхъ, — и вы думаете, что его я способенъ отдать имъ? Никогда. И я пріѣхалъ говорить съ вами не о себѣ, а о васъ. Мы не можемъ быть обвинчаны и единственное, что я могу предложить вамъ — быть моей женой безъ вѣнчанія. Я не смѣлъ предложить вамъ этого здѣсь. Вы хорошо понимаете, почему.

— Но это же невозможно, Левъ Александровичъ. Это невозможно! Явиться въ тотъ кругъ съ такимъ крупнымъ нарушеніемъ его требованій... Это значитъ, съ перваго же ша-

га, самому себѣ бросить камень подъ ноги.

— Вы ошибаетесь, мой другъ, это значило бы явиться съ вызовомъ и сразу показать, что я желаю остаться самостоятельнымъ отъ головы до ногъ, во всѣхъ мелочахъ моей жизни и не считаться съ чьими бы то ни было требованіями... Нѣтъ, нѣтъ, обо мнѣ нѣтъ рѣчи. Я ѣду работать, а не угождать тому или другому вкусу. поддѣлываться подъ тѣ или иныя предвзятыя требованія.

— Васъ они не впускаютъ въ свой кругъ...

— Мнѣ этого не надо. Пусть берутъ мои мысли, мою работу, мои способности, но моя частная жизнь должна быть священна. И я сумѣю отгородить ее отъ поползновеній, я сумѣю защитить её. Я вамъ сказалъ, что я по натурѣ борецъ и если за что считаю нужнымъ бороться, то на первомъ планѣ за это. И вы, милый другъ, думайте только объ этомъ: можете ли вы сами встать въ такое положеніе? Больше ни о чемъ. Думайте и рѣшайте.

— Это я уже рѣшила, Левъ Александровичъ. На этотъ счетъ у меня нѣтъ колебаній.

— Такъ значитъ — собирайтесь въ дорогу,

мой дорогой другъ, моя милая жена... — промолвилъ Левъ Александровичъ и, взявъ ея руку, долго держалъ ее въ своей рукѣ и цѣловалъ. — Теперь я дамъ ясный отвѣтъ Ножанскому, — я въ три дня соберусь и уѣду. А вы вслѣдъ за мной, неправда-ли? Здѣсь мы не дадимъ никакого матеріала для разговоровъ и не доставимъ никакого удовольствія господину Мигурскому. Тамъ я встрѣчу васъ и мы уже поѣдемъ къ себѣ. Послушайте, дорогая Наталья, я чувствую себя очень сильнымъ, иначе я не рѣшился бы на этотъ важный шагъ. Но съ вами я буду богатыремъ. Вотъ когда проснется во мнѣ борецъ, и единственный, кого мнѣ жаль во всемъ этомъ, это Ножанскій, потому что никто не будетъ мнѣ мѣшать въ этомъ такъ, какъ онъ, и его я долженъ буду сокрушить прежде всѣхъ.

Онъ всталъ и, цѣлуя ея руку на прощаніе, сказалъ:- Перерѣшать не будемъ?

— Нѣтъ, — твердо отвѣтила Наталья Валентиновна.

Левъ Александровичъ уѣхалъ.

VII

Появившаяся въ газетахъ телеграмма изъ Петербурга произвела въ городѣ настоящую сенсацію. Краса города, вдохновитель всѣхъ дѣлъ, магъ и волшебникъ, безъ котораго въ городѣ не начиналось ни одно предпріятіе, Левъ Александровичъ Балтовъ былъ назначенъ на постъ директора одного изъ департаментовъ того министерства, во главѣ котораго стоялъ Ножанскій.

Городъ рѣшительно былъ потрясенъ. Даже на улицахъ замѣчалось усиленное движеніе, потому что всякій, прочитавъ извѣстіе, стремился поскорѣе обмѣняться мыслями съ своими знакомыми.

Въ сущности, публика никакъ не могла уразумѣть смысла этого назначенія. Постъ хотя былъ значительный, но не первостепенный и не понимали, какъ такой первостепенный человекъ мѣняетъ свое исключительное положеніе въ городѣ на зависимое, хотя бы и тамъ, на верху.

Къ Льву Александровичу полѣзли интервьюеры, и онъ не отвергъ ихъ, а давалъ

объясненія.

— Это актъ дружбы, господа, не больше, — сказалъ онъ имъ, — съ Ножанскимъ мы старые друзья, мы работали съ нимъ вмѣстѣ здѣсь, когда основывали общество взаимнаго кредита. Ему понадобилась моя опытность и, если хотите, моя энергія, вотъ онъ и призвалъ меня... Мнѣ очень трудно разстаться съ роднымъ городомъ и съ дѣломъ, которое мнѣ дорого, какъ мое созданіе. Но, господа, когда отъ гражданина требуется служба государству, онъ не имѣетъ права отказаться.

Въ дѣловыхъ сферахъ пошла стремительная агитація объ устройствѣ торжественныхъ проводовъ Льву Александровичу, но онъ ихъ отклонилъ. Онъ сказалъ, что на это у него слишкомъ мало времени.

Въ тотъ-же день, когда появилось извѣстіе, послѣ пяти часовъ, въ квартиру Льва Александровича поднимался Максимъ Павловичъ Зигзаговъ. Онъ былъ очень взволнованъ.

Дома онъ засталъ только Елизавету Александровну. Левъ Александровичъ еще не пріѣхалъ.

Елизавета Александровна была настроена

удивительно торжественно. Она какъ то вся выпрямилась и еще ближе къ вискамъ пригладила свои волосы, и въ ея лицѣ была какая-то непроницаемая строгость.

— Какое событіе! сказалъ ей Максимъ Павловичъ. — Весь городъ взволнованъ. Поздравляю васъ... Вамъ, по всей вѣроятности, это доставляетъ большее удовольствіе, чѣмъ даже Льву Александровичу.

— Почему вы такъ думаете? — величественно спросила его Елизавета Александровна.

— Но какъ же? Онъ, кромѣ почета, беретъ на себя еще и большую отвѣтственность. А вы только почетъ.

— Вы ошибаетесь. Я всегда въ душѣ чувствую отвѣтственность за каждый шагъ моего брата.

— О, въ душѣ это совсѣмъ не то, что нести отвѣтственность всенародно.

— Мой братъ не боится никакой отвѣтственности.

Дальнѣйшій разговоръ не состоялся, потому что въ это время пріѣхалъ Левъ Александровичъ.

— Такъ это правда? Вы согласились? Тутъ нѣтъ никакой ошибки? — сейчасъ же забросалъ его вопросами Максимъ Павловичъ.

— Правда, правда. Теперь уже надо это сказать. Пойдемте ко мнѣ, поболтаемъ, — отвѣтилъ Левъ Александровичъ, необыкновенно оживленный, и потащилъ Зигзагова въ кабинетъ. — Мы сейчасъ придемъ объдать, — сказалъ онъ Елизаветѣ Александровнѣ.

— А что, — говорилъ онъ, когда они съ Зигзаговымъ сидѣли въ кабинетѣ. — Вы находите это безуміемъ?

— Нѣтъ, не безуміемъ, а... Можно говорить, какъ думаю?

— Конечно, конечно, теперь все можно...

— Потому что, все равно, теперь вы не перемените вашего рѣшенія? Я, вѣдь, знаю: вы долго рѣшаете, но, рѣшивъ, стоите твердо. Вы выковываете ваши рѣшенія изъ стали. Такъ вотъ что, милый Левъ Александровичъ! не безуміе, а первый вашъ ложный шагъ...

— Милый Максимъ Павловичъ, но почему же? Вы считаете меня такимъ слабымъ и неспособнымъ!

— Нѣтъ, я считаю васъ сильнымъ и та-

лантливимъ... Иногда вы можете возвыситься даже до гениальности. Но, простите меня, вы не додумали... Думали-ли вы о томъ, чего отъ васъ требуютъ?

— Работы, работы, работы... Энергіи, ума, яснаго взгляда... Творчества...

— Да, можетъ быть, работы, можетъ быть, и ума и энергіи, но для чего? Вы думаете — для созиданія новаго, свѣжаго, живого, здороваго, справедливаго? Нѣтъ, — и я прошу васъ, вспомните то, что я вамъ сейчасъ говорю, — для оправданія существующаго. Только это. Только для этого нужны вашъ умъ, энергія, талантъ... Оправдайте! Сами они уже не могутъ... Такъ вотъ, пусть придутъ новыя силы, свѣжія, черноземныя... и оправдаютъ. Да, — да... это иначе и быть не можетъ... Если бы это было не такъ, незачѣмъ было бы разыскивать то тамъ, то здѣсь маговъ и волшебниковъ, потому что для освѣженія и обновленія стоитъ вся Россія, весь народъ... Его позвать, его допустить къ работѣ, чего проще? Но нѣтъ, за это покорно благодаримъ... Народъ посмотритъ на дѣло прямо и просто, и схватитъ быка на рога... А этого вовсе не нужно...

И требуется не умъ и талантъ, а искусство... Особое искусство... Отъ васъ потребуютъ искусства преподнести старое, изъѣзженное, наполовину съѣденное крысами, промозглое, въ такомъ видѣ, чтобы оно казалось новымъ... Въ этомъ вся суть. Вы не первый Левъ Александровичъ... Были таланты и умы... Были Сперанскіе, были и Ножанскіе... И простите, ужъ я такъ настроенъ, что способенъ даже къ предсказаніямъ, и если вы останетесь тѣмъ, чѣмъ были, чѣмъ знаемъ мы васъ, — то вы уйдете оттуда разбитымъ и искалѣченнымъ, а если вы, затуманенный чадомъ власти, увлечетесь «искусствомъ», то, милый мой Левъ Александровичъ, вы превратитесь въ ничтожество и, ужъ простите мнѣ и это, ради моей дружбы... удалитесь съ презрѣніемъ.

— Значить, по вашему, ни за что не братья и сидѣть сложа руки? спросилъ Левъ Александровичъ.

— Да, ни на что не братья. Время еще не пришло... Теперъ время ѣздить въ ссылку... Лео ничего не сдѣлалъ, но Левъ сдѣлаетъ не больше...

— Максимъ Павловичъ, вы знаете, какъ я васъ люблю, — съ нѣкоторой трогательной ноткой въ голосъ сказалъ Левъ Александровичъ. — И какъ благодарю я васъ за ваши дружескія предостереженія... Но я вашихъ мнѣній не раздѣляю... Пойдемте обѣдать, милый другъ...

— Нѣтъ, не пойду сегодня. Благодарю васъ.

— Почему?

— Я слишкомъ взволнованъ, буду портить вашъ аппетитъ и въ особенности аппетитъ Елизаветы Александровны.

— Полноте... Пойдемте, пойдемте! Не огорчайте меня.

— Нѣтъ, нѣтъ, благодарю васъ. Долженъ огорчить. Мы еще повидаемся. Когда ѣдете?

— Черезъ три дня.

— Ну, такъ повидаемся. И непременно, непременно. Да я, кстати, и спѣшить долженъ. У меня сегодня маленькая вечеринка.

Лицо Льва Александровича сдѣлалось огорченнымъ. — Вечеринка? Концертъ? — спросилъ онъ.

Зигзаговъ усмѣхнулся. — Для Льва Александровича, пожалуй, концертъ, а для его

превосходительства господина директора департамента — вечеринка.

Левъ Александровичъ покачалъ головой. — Ахъ, Максимъ Павловичъ, опять вы за это... Зачѣмъ вамъ такая неосторожность?

Зигзаговъ вновь усмѣхнулся, но на этотъ разъ уже болѣе иронически: — я надѣюсь, что Левъ Александровичъ ничего объ объ этомъ не скажетъ его превосходительству господину директору департамента.

— Да вѣдь, департаментъ не полицейскій, а дѣловой.

— Это все равно. Режимъ полицейскій, а, значить, и всѣ департаменты сдѣланы изъ одного тѣста.

— Да вѣдь вы рискуете, мой другъ...

— Да я же вамъ говорю, что теперь время ѣздить въ ссылку... Ну, обѣдайте. Итакъ, мы еще увидимся... На вечеринку не зову васъ, ибо «горе тому человѣку, который соблазнить единаго отъ малыхъ сихъ»... Это можно отнести и къ великимъ.

Онъ сказалъ это тономъ шутки, уже когда хозяинъ провожалъ его въ переднюю. Но визитъ этотъ слегка разстроилъ Льва Алексан-

дровича.

Въ этотъ вечеръ у Зигзагова дѣйствительно собирався народъ. Это было собраніе совсѣмъ особаго рода. Три года тому назадъ въ этой же квартирѣ собирались каждое воскресенье, а иногда и чаще и являлись сюда не обычные посѣтители Максима Павловича, а совсѣмъ другіе.

Въ квартирѣ была одна комната довольно большихъ размѣровъ въ три окна выходившихъ во дворъ. Въ эти часы она превращалась въ залу. На окна спускались густыя шторы, такъ что со двора не видно было, что дѣлается въ комнатѣ.

Въ этой комнатѣ стоялъ рояль и больше никакой мебели не было. Но въ такіе дни въ квартиру привозили нѣсколько дюжинъ стульевъ и разставляли ихъ рядами въ большой комнатѣ. Рояль дѣлался центральнымъ пунктомъ. Въ такіе вечера за нимъ появлялись большею частью извѣстные въ городѣ музыканты и пѣвцы, иногда скрипачъ, иногда декламаторъ. Нерѣдко здѣсь можно было видѣть какого-нибудь заѣзжаго концертанта, которому трудно было отказаться отъ

приглашенія такого могущественнаго въ городѣ журналиста, какимъ былъ Максимъ Павловичъ. Въ числѣ заѣзжихъ попадались самыя разнообразныя: тутъ можно было видѣть и фокусника и престиджитатора и даже чревовѣщателя.

У дверей, при входѣ въ квартиру, обыкновенно стоялъ какой-нибудь студентъ, который отбиралъ отъ входящихъ писанные отъ руки билеты. Билеты эти распространялись частнымъ образомъ, раздавались по рукамъ среди знакомыхъ. Все это были люди, знавшіе цѣль вечеровъ и сочувствовавшіе ей.

Самъ Максимъ Павловичъ совершенно устранялся отъ хозяйскихъ обязанностей. Онъ не былъ хозяиномъ на время, когда длился концертъ. Онъ обязательно былъ въ числѣ публики, но съ такимъ видомъ, какъ будто онъ былъ одинъ имъ публики. Хозяйничала молодежь. Она распоряжалась, слѣдила за порядкомъ. Она же собирала деньги за билеты и отдавала ихъ цѣликомъ для цѣлей пропаганды передовыхъ идей.

Зигзаговъ, конечно, могъ принимать во всемъ этомъ болѣе дѣятельное участіе, но онъ

слишкомъ хорошо зналъ, какой это могъ бы быть хорошій матеріаль для клеветы и по этому устроилъ такъ, чтобы не имѣть никакого касательства къ денежной сторонѣ дѣла.

Но всегда эти вечера, сколько бы ихъ ни было, привлекали многочисленную публику. Маленькій залъ бывалъ биткомъ набитъ и въ немъ не хватало мѣста. Публика толпилась въ примыкавшихъ къ нему комнатахъ.

А когда кончался концертъ и большая часть публики, пришедшая дѣйствительно послушать музыку и пѣніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ поддержать то, что считала хорошимъ, расходилась, а оставались люди болѣе близкіе къ самому дому, роли мѣнялись. Максимъ Павловичъ возвращалъ себѣ права хозяина. Въ столовой на столѣ появлялась обычная въ этомъ домѣ закуска, колбаса, ветчина, сыръ. Приносили огромный самоваръ. Какая-нибудь изъ дамъ брала на себя обязанности хозяйки и начинался маленькій пиръ, очень скромный по предлагаемымъ благамъ, но богатый искренностью и горячностью. Тутъ уже шли откровенные разговоры на острые темы, и тутъ засиживались далеко за полночь.

Въ зимнія ночи нерѣдко веселье превозмогало и молодежь начинала танцовать. А когда наступала весна, концерты часто кончались импровизированной прогулкой за городъ, къ морю, и всѣ возвращались по домамъ при свѣтѣ рано восходившаго солнца.

Левъ Александровичъ не былъ постояннымъ посѣтителемъ этихъ вечеровъ, но все же въ прежніе годы онъ былъ на нихъ раза два. Онъ, конечно, зналъ ихъ характеръ и цѣль и очень хорошо понималъ, что посѣщеніе ихъ сопряжено съ нѣкоторымъ рискомъ, но съ одной стороны дружба къ Зигзагову заставляла его доказывать свое сочувствіе, съ другой же стороны онъ въ душѣ питалъ прогрессивные взгляды и какъ бы считалъ своимъ долгомъ подтвердить ихъ.

За то Наталья Валентиновна посѣщала вечера эти очень часто. Она отлично играла на роялѣ и охотно исполняла всѣ тѣ обязанности, отъ которыхъ отказались патентованныя артистки — аккомпанировала пѣвцамъ, импровизировала для мелодекламаторовъ, а если ктонибудь изъ обѣщанныхъ исполнителей заболѣвалъ, или просто обманывалъ, она

готова была играть за всѣхъ.

Максимъ Павловичъ, выйдя отъ Льва Александровича и убѣдившись, что еще только половина седьмого и что, значитъ, времени у него достаточно, хотѣлъ было найти къ Мигурской. Но ему помѣшала его собственная впечатлительность. Онъ зналъ, что между нею и Львомъ Александровичемъ существуютъ отношенія болѣе близкія, чѣмъ дружескія, и не сомнѣвался въ томъ, что она участвовала въ рѣшеніи Льва Александровича принять предложеніе Ножанскаго. И ему казалось, что, если онъ къ ней зайдетъ теперь, то у нихъ непременно произойдетъ разговоръ, который оставитъ въ обѣихъ сторонахъ непріятное впечатлѣніе.

Къ Льву Александровичу онъ питалъ доброе довѣрчивое чувство. Но это чувство было основано скорѣе на уваженіи къ его недюжиннымъ способностямъ и удивительной энергіи, и оно было холодное. Самъ Левъ Александровичъ не располагалъ къ сердечнымъ изліяніямъ и самъ былъ нерасположенъ къ нимъ.

Но къ Натальѣ Валентиновнѣ Зигзаговѣ

относился гораздо теплѣе. Въ трудныя минуты жизни передъ нею ему случалось изливать свои глубоко затаенныя жалобы, и всякая размолвка съ нею была-бы ему тяжела. Поэтому онъ удержался и не поѣхалъ къ ней.

Конечно, она сегодня не будетъ на вечеринкѣ; онъ былъ совершенно увѣренъ въ этомъ. И его удивило то обстоятельство, что, пріѣхавъ домой, онъ не нашелъ никакой записки отъ нея. Обыкновенно, когда она не могла пріѣхать, она извѣщала его.

И вотъ, когда уже публика собралась и у рояля появился какой-то музыкантъ и началось исполненіе, въ квартиру Зигзагова явилась Наталья Валентиновна. Она отыскала Максима Павловича, сидѣвшаго въ публикѣ и сѣла рядомъ съ нимъ.

— Голубушка, вы пріѣхали! тихонько сказалъ Максимъ Павловичъ:— а я думалъ, вы сегодня не будете. Ну, давайте же, пожертвуемъ музыкой и проберемся въ гостинную, — мнѣ хочется поболтать съ вами.

Они дождались конца номера и во время аплодисментовъ вышли изъ зала. Въ гостинной было пусто. Они сѣли рядомъ на ди-

ванчикъ.

— Милая Наталья Валентиновна, я долженъ признаться: сегодня проѣзжалъ мимо вашей квартиры и не заѣхалъ, и при томъ сознательно и обдуманно не заѣхалъ, — сказалъ Максимъ Павловичъ.

— Что же это значитъ? спросила Мигурская.

— Былъ разстроены. Передъ этимъ посѣтилъ Льва Александровича и высказалъ ему горькія слова по поводу его согласія на предложеніе Ножанскаго.

— Горькія? Почему же горькія?

— Потому что сладкихъ у меня нѣтъ... Но, послушайте, вы близкій ему человѣкъ и я не хочу огорчать васъ.

— Нѣтъ, пожалуйста, огорчите, Максимъ Павловичъ, я намѣрена спорить съ вами.

— Спорить намъ по этому поводу трудно... Вы его любите, а, значитъ, смотрите сквозь призму. Вы не можете видѣть ясно.

— Я знаю, о чемъ вы говорите, Максимъ Павловичъ. Вы, конечно, пророчили ему неудачи. Я, напротивъ, вѣрю, что онъ способенъ двигать горами. Левъ Александровичъ

большой человекъ. Но не въ этомъ дѣло.

— Да, не въ этомъ дѣло, дорогая Наталья Валентиновна, — именно не въ этомъ дѣло.

— Я объ этомъ очень много думала, Максимъ Павловичъ, вѣдь я знала объ этомъ, вѣроятно, нѣсколько раньше, чѣмъ вы. Это, я надѣюсь, вы простите Льву Александровичу. Я думала объ опасностяхъ, которыя бы могла встрѣтить тамъ его твердая воля и, я признаюсь, боялась именно того, чего и вы, кажется, боитесь: какъ бы онъ не уступилъ, незамѣтно не объединился, не слился...

— Вотъ, вотъ, есть такое хорошее слово, только оно не русское: ассимилировался. Довольно подлое слово, я вамъ скажу. Оно означаетъ такой мягкій, незамѣтный процессъ...

— Да, да, я этого тоже боялась; но знаете, чѣмъ онъ опровергъ меня? Можетъ быть, я сужу здѣсь, какъ женщина... Я должна вамъ это сказать, потому что страшно дорожу вашей дружбой и для себя и для него. Онъ предложилъ мнѣ ѣхать съ нимъ. И, когда я поставила ему на видъ, что въ томъ кругу такія отношенія, какія могутъ быть между нами, при условіи, что мнѣ нельзя даже думать о

разводъ съ моимъ мужемъ, — что эти отношенія вызовутъ противъ него бурю враждебныхъ дѣйствій, онъ сказалъ, онъ удивительно сказалъ: я желаю быть самостоятельнымъ отъ головы до ногъ и не считаться ни съ какими требованіями... Онъ меня просто поразилъ своей твердостью, и я увидѣла, что этотъ человѣкъ не способенъ ничего уступить. Я увѣровала въ то, что, если онъ встрѣтитъ непреоборимое препятствіе, онъ просто уйдетъ, и мы опять будемъ съ вами здѣсь, въ этомъ нашемъ миломъ городѣ, гдѣ такъ много солнца и чудно расцвѣтають акаціи, проводить длинные вечера.

— Вы ѣдете съ нимъ?

— Да, я согласилась. Я убѣдилась, что это нужно ему. А вы, Максимъ Павловичъ, я понимаю ваше сомнѣніе... Но ради нашей дружбы, она такая чудная! не покидайте его.

— Такъ вы ѣдете... Вотъ какъ, вотъ какъ!.. — дружески говорилъ Зигзаговъ: — не знаю почему, а мнѣ отъ всего этого грустно.

— А я хочу, чтобъ вамъ было отъ всего этого весело.

— Вы мнѣ приказываете?

— Если бы имѣла власть, приказала бы.

— Вы имѣете власть. Вѣдь я влюбленъ въ васъ, поймите меня, какъ слѣдуетъ, я влюбленъ въ вашу душу и въ вашъ изящный тонкій умъ. Вы можете приказывать.

— Ну, такъ я приказываю, — дружески улыбаясь, сказала Наталія Валентиновна, — приказываю, чтобы вамъ отъ этого было весело, чтобы вы оказывали поддержку Льву Александровичу, чтобы онъ уѣхалъ отсюда, чувствуя, что оставляетъ здѣсь истинныхъ друзей, и если ему будетъ неудача, чтобы онъ могъ почувствовать, что тутъ остается все по старому и онъ, вернувшись, найдетъ все такимъ же, какъ было прежде. Согласны?

— Да, вѣдь, приказываютъ...

— Вотъ и хорошо.

— Хорошо, очень хорошо, — говорилъ Зигзаговъ, цѣлуя ея руки, — пріятно ради милаго друга даже итти противъ себя... Значитъ, мы будемъ торжественно провожать васъ обоихъ?

— Нѣтъ, мы поѣдемъ не вмѣстѣ, - онъ на дняхъ, а я недѣли черезъ двѣ, когда онъ тамъ устроится.

— Ну, такъ его одного будемъ провожать съ музыкой и съ радостными кликами.

Наталья Валентиновна укоризненно покачала головой.

— А вы все-таки иронизируете, мой другъ.

— Милый другъ, за это не казните меня. Иронія — моя стихія. Безъ нея я былъ бы глупъ, бездаренъ и ничтоженъ. Если бы я когда-нибудь полюбилъ женщину и объяснялся бы передъ нею въ чувствахъ или дѣлалъ бы ей предложеніе, то это объясненіе было бы шедевромъ ироніи... Ну, васъ сегодня не будутъ просить играть. Вы уже не отъ міра се-го...

— О, нѣтъ, если нужно, еслибъ кто-нибудь не пріѣхалъ... Я, вѣдь, всегда «на затычку» играю.

И въ самомъ дѣлѣ въ это время на порогѣ двери, которая вела изъ концертныхъ ком-натъ, появился студентъ съ растеряннымъ лицомъ и озабоченными глазами. Увидѣвъ Зигзагова съ Натальей Валентиновной, онъ стремительно подбѣжалъ къ нимъ.

— Ахъ, Наталья Валентиновна, я васъ-то и искалъ! — торопливо заговорилъ онъ, потря-

сая ея руку. — Представьте, къ первому отдѣленію двое не пріѣхали... Какая досада... Такъ неловко передъ публикой. Можетъ быть, вы...

— За двоихъ? — смѣясь спросила. Наталья Валентиновна.

— Нѣтъ, конечно... Но просто сыграйте что-нибудь. Публика васъ любитъ.

— Пожалуй, съ удовольствіемъ...

— Такъ можно объявить?

— Объявите. Это сейчасъ?..

— Да... уже кончается номеръ.

— Отлично. Мы съ вами еще поболтаемъ, Максимъ Павловичъ. Я останусь на колбасу! — сказала она, поднявшись и снимая перчатки.

— Но я пойду слушать васъ... Вѣдь, это будетъ ваша лебединая пѣсня, — сказалъ Зигзаговъ.

И они отправились въ залъ. Студентъ побѣжалъ впередъ. Когда они вошли въ большую комнату, наполненную публикой, студентъ уже былъ около рояля и, сдѣлавъ знакъ молчанія, громко сообщалъ, что двое изъ поставленныхъ въ программѣ исполнителей не

пріѣхали, и что вмѣсто нихъ любезно согласилась сыграть на роялѣ Наталья Валентиновна Мигурская.

Постоянные посѣтители этихъ вечеровъ дѣйствительно любили слушать Наталью Валентиновну. Игра ея была совсѣмъ особенная — безъ какой-либо вычурной аффектаціи, но чистая, музыкальная, мягкая и какая-то задушевная. Въ большомъ настоящемъ концертѣ она, конечно, была бы немислима, но здѣсь производила глубокое впечатлѣніе.

И сообщеніе студента было встрѣчено дружными аплодисментами. Аплодисменты эти смѣшались съ новыми, привѣтствовавшими уже Мигурскую, которая прошла черезъ залъ прямо къ роялю. Она сѣла и начала играть.

Концертъ уже приближался къ концу. Зигзаговъ вышелъ изъ залы и хотѣлъ пройти въ бібліотеку. Многіе, не попавшіе въ залъ, толпились у двери, вытянувъ впередъ шеи и слушаая. Онъ медленно проталкивался и вдругъ лицомъ къ лицу встрѣтился съ Львомъ Александровичемъ.

— Батюшка мой! что же вы здѣсь стоите и

не войдете въ залъ? — промолвилъ Зигзаговъ:— давно?

— Минуть десять. Трудно протискаться...

— Такъ пойдѣмте сюда, въ библіотеку. Тамъ воздухъ есть.

Онъ взялъ его подъ руку и вывелъ изъ стѣснившейся группы. — Или вамъ интересно послушать?

— О, нѣтъ, я, вѣдь, не надолго. Я только хотѣлъ, чтобы вы меня видѣли.

Они вошли въ библіотеку и усѣлись тамъ.

— Да, чтобъ вы меня видѣли, милый Максимъ Павловичъ, — говорилъ Левъ Александровичъ, — и повѣрили, что я все-таки немножко способенъ твердо стоять на своемъ... Вѣдь я уже въ сущности на официальномъ посту, я официальное лицо. Ваши эти концерты — одно изъ такихъ явленій, за которыя ссылаютъ въ мѣста не столь отдаленныя — и вотъ я здѣсь, у васъ... А, вѣдь, враги у меня есть и тутъ, въ нашемъ городѣ, а, можетъ быть, и въ вашей квартирѣ... Враги рождаются для человѣка вмѣстѣ съ удачей его. Завтра, можетъ быть, полетитъ вѣсть въ Петербургъ и тамъ узнаютъ объ это-

мъ раньше, чѣмъ я пріѣду и предстану. Но я, какъ видите, ко всему готовъ, на все у меня есть одно отраженіе, только одно: я есмь я, я таковъ. Угодно вамъ пользоваться моими услугами, — такого, каковъ я есть, я готовъ служить, не угодно, я уйду. Я не могу отдать вамъ въ услуженіе одну мою ногу, чтобы она шла для васъ назадъ, тогда какъ другая идетъ впередъ. Мои ноги привыкли идти рядомъ и обѣ впередъ.

— Милый мой, Левъ Александровичъ! — улыбаясь сказалъ Зигзаговъ, — вы на пути къ чуду. Мы увидимъ чудо-человѣка, сохранившаго неприкосновенной свою личность тамъ, гдѣ начинаютъ съ того, что ее четвертуютъ... Не будемъ говорить обѣ этомъ, а просто будемъ ждать чуда... Чудо, вѣдь, не поддается обсужденію. Я радъ, что вы у меня. Наталья Валентиновна пріѣхала къ намъ давно, играла, была мила и очаровательна и продолжаетъ быть такой... И — не знаю, можно-ли сказать это:— мнѣ открыта тайна...

— Ну, если она вамъ ее открыла, значитъ, это законъ... Да, какъ видите, я не одинокъ. Это должно возвыситъ меня въ вашихъ глаза-

хъ. Съ такой опорой мнѣ, кажется, нечего бояться. Если не ошибаюсь, концертъ кончился... Тамъ какое-то движеніе.

— Да, расходятся. Вы останетесь посидѣть?

— Очень немного, Максимъ Павловичъ. Я сегодня усталъ. Вѣдь приходится сдавать дѣло. Я послѣ обѣда поѣхалъ въ управленіе и тамъ работалъ до сихъ поръ. Прямо оттуда къ вамъ. А завтра съ восьми часовъ уже...

— А вотъ и опора! — сказалъ Зигзаговъ, взглянувъ на дверь, въ которую вошла Наталья Валентиновна. — Приказаніе исполняется въ точности. Да видите, и директоръ департамента ведетъ себя героемъ. Ъдетъ въ Петербургъ прямо въ готовность отправиться въ мѣста, не столь отдаленныя.

— Вы съ нами останетесь сегодня, Левъ Александровичъ? — спросила Наталья Валентиновна, и прибавила съ улыбкой:— сегодня у Максима Павловича удивительно вкусная колбаса, я шла мимо и попробовала.

— Вотъ на столько и останусь, чтобъ попробовать колбасы и выпить стаканъ чаю.

— Собственноручно налью вамъ чаю, — сказалъ Зигзаговъ, — и запишу это въ своемъ

дневникъ и, кромѣ того, выбью на мраморной доскѣ и повѣшу ее на стѣнкѣ столовой: тако-го-то числа въ семь мѣстѣ Зигзаговъ собственноручно налилъ чаю герою...

— Кажется, это выходитъ изъ границъ приказанія! — грозя ему пальцемъ, сказала Наталья Валентиновна.

— Одна капелька ироніи... Но, вѣдь, условлено, что она мнѣ прощается.

Квартира очень скоро освободилась отъ чисто концертной публики. Осталось десятка три людей, хорошо между собой знакомыхъ.

Когда всѣ оставшіеся собрались въ столовой и усѣлись вокругъ стола съ самоваромъ и закусками, оказалось, что здѣсь былъ и Корещенскій, котораго во время концерта никто не видалъ. Онъ сидѣлъ гдѣ-то въ залѣ среди публики и добросовѣстно слушалъ концертъ.

Теперь онъ сидѣлъ рядомъ съ Львомъ Александровичемъ и, въ то время, какъ за столомъ раздавался громкій оживленный говоръ, Левъ Александровичъ наклонился къ нему и сказалъ:

— Я страшно дорожу временемъ, а съ вами

мнѣ надобно переговорить очень серьезно. Отсюда я уѣду черезъ четверть часа. Не поѣдемъ-ли вмѣстѣ ко мнѣ?

Корещенскій сперва посмотрѣлъ на него съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ, а потомъ кивнулъ головой въ знакъ согласія.

А когда они кончили этотъ короткій разговоръ, Левъ Александровичъ замѣтилъ, что всѣ вдругъ замолкли. Онъ поднялъ голову и увидѣлъ Зигзагова, стоявшаго на своемъ мѣстѣ въ позѣ оратора.

— Господа, — сказалъ Зигзаговъ. — У насъ на столѣ нѣтъ торжественнаго вина, нѣтъ даже никакого вина, а только пиво и чай, но это все равно. Когда въ обществѣ есть человѣкъ, за котораго хочется пить, то можно пить и простую воду. Господа, среди насъ Левъ Александровичъ. Если бы я умѣлъ гадать на картахъ или на кофейной гуцѣ, то, вѣроятно, карты и гуца сказали-бы мнѣ, что онъ среди насъ послѣдній разъ, онъ уходитъ въ тѣ мѣста, откуда, какъ говорилъ Гамлетъ — сынъ, никто никогда еще къ намъ не возвращался. Но замѣьте это, господа, послѣдній разъ онъ здѣсь съ нами лишь въ томъ случаѣ,

если онъ побѣдить. Если же онъ потерпитъ поражение, тогда будетъ онъ опять съ нами! Мы всё такъ сказать, хронически терпящiе поражение. Мы, если разсматривать насъ, какъ малую крупицу Россiи, неразрывно соединенную съ нею, — мы подобны борцу, которому сильнѣйшiй врагъ вонзилъ ножъ въ спину и лежитъ онъ, ослабленный отъ раны и потери крови, и только иногда сладостно бредитъ и ждетъ цѣлителя, который придетъ, вынетъ ножъ изъ его тѣла и залѣчитъ рану... Я хотѣлъ-бы, чтобы такимъ цѣлителемъ былъ именно Левъ Александровичъ, и за это пью — мысленно пью шампанское, а реально чай.

Тогда поднялся и Левъ Александровичъ и сказалъ:- Благодарю моего друга Максима Павловича за его надежду, на меня возлагаемую. Но ничего не скажу ни въ подтвержденiе, и ни въ опроверженiе. Не хочу хвалиться, идучи въ бой. Лучше похвалюсь, вернувшись съ боя. Тогда это будетъ виднѣе.

Это имѣло успѣхъ. Все вышло мило, и Левъ Александровичъ, вкусивъ колбасы и чаю, поднялся и началъ прощаться.

— Я съ вами! — сказалъ Корещенскій и тоже поднялся.

Это вызвало общій протестъ. Но Корещенскій былъ твердъ. Онъ сослался на статистику, которая, въ самомъ дѣлѣ, заставляла его завтра вставать въ шесть часовъ утра и ѣхать въ одинъ изъ уѣздовъ. Ихъ отпустили и они ушли вмѣстѣ.

Экипажъ Льва Александровича стоялъ у подъѣзда. Они сѣли и поѣхали къ нему. Было уже около часу ночи, когда они поднялись по лѣстницѣ въ квартиру. Ихъ встрѣтила Елизавета Александровна съ сонными глазами.

Обыкновенно въ это время она уже спала, но теперь отсутствіе Льва Александровича ее тревожило. Настроенная торжественно, она теперь ко всему относилась какъ-то исключительно, и, когда она увидѣла, что съ ея братомъ въ часъ ночи пріѣхалъ Корещенскій, этотъ волосатый человѣкъ съ грубоватыми манерами, человѣкъ, который, какъ и Зигзаговъ, принадлежалъ къ кругу, не пользовавшемуся ея довѣріемъ, глаза ея расширились и выраженіе сонливости покинуло ихъ.

— Элизъ, распорядись, чтобы намъ дали

чаю или... вы, кажется, пьете черный кофе? — обратился онъ къ Корещенскому, — ну, такъ мнѣ чаю, а Алексѣю Алексѣвичу кофе. И пусть все это держать горячимъ, мы сегодня засидимся.

Это послѣднее сообщеніе повергло Елизавету Александровну въ глубокое уныніе. У Льва какія-то удивительныя дѣла и сношенія съ этими людьми. Этого она въ своемъ братѣ не понимала.

Ей казалось, что въ ту минуту, когда онъ приобщился высшихъ сферъ, онъ долженъ былъ отрясти прахъ отъ своихъ прежнихъ знакомствъ и связей. А онъ возится съ Зигзаговымъ, съ Корещенскимъ и, Богъ знаетъ еще, что тамъ выйдетъ съ Мигурской...

Ахъ, она была страшно озабочена. Но пришлось исполнить желаніе брата и этимъ ограничиться.

Левъ Александровичъ и Корещенскій ушли въ кабинетъ и черезъ четверть часа туда имъ были посланы чай и кофе.

Много часовъ длилась бесѣда и, если бы въ это время ихъ могъ видѣть, хотя бы даже и не слышать ни одного слова, посторонній на-

блюдатель, онъ былъ бы свидѣтелемъ того рѣдкаго явленія, что Левъ Александровичъ Балтовъ проявилъ увлеченіе и горячность.

Онъ началъ, спокойно сидя въ креслѣ, въ то время, какъ Корещенскій помѣстился на широкомъ мягкомъ диванѣ, забравшись въ самую глубину его и поджавъ подъ себя одну ногу.

Корещенскій слушалъ и какъ будто не понималъ. Лицо его выражало сперва недоумѣніе, потомъ изумленіе, а затѣмъ, наконецъ, его волосатая голова рѣшительно и энергично закачала въ отрицательномъ направленіи и слышались слова:

— Нѣтъ, нѣтъ, невозможно, невысказано...

Тогда выдержка и спокойствіе въ лицѣ и въ словахъ Льва Александровича какъ будто исчезли. Голосъ его дрогнулъ, руки стали чаще подыматься и, описывая въ воздухѣ различныя линіи, старались помочь словамъ въ убѣдительности.

Но, можетъ быть, видя, что собесѣдникъ не поддается, Левъ Александровичъ возвысилъ голосъ и глаза его зажглись какимъ-то новымъ, несвойственнымъ ему огнемъ.

А собесѣдникъ не только не поддавался убѣжденіямъ но, напротивъ, казалось, что его несогласіе съ каждымъ получасомъ все больше и больше созрѣвало и выросло.

Вотъ уже онъ нетерпѣливо сидитъ на своемъ мѣстѣ, уже его поджатая нога вытянулась, и весь онъ отодвинулся отъ спинки дивана и больше не опирается на нее, а вотъ онъ вдругъ вскочилъ и забѣгалъ по комнатѣ.

Встряхивая головой, онъ говорилъ горячо, бурно, протестуя, сильно повысивъ голосъ, размахивая руками и сверкая глазами. И часто среди его словъ проскользало имя Ножанскаго и можно было видѣть, что въ эти моменты кулаки его сжимались. Иногда онъ подбѣгалъ къ круглому столику, схватывалъ чашку и отпивалъ глотокъ кофе.

Тогда и Левъ Александровичъ въ свою очередь поднялся и началъ ходить рядомъ съ нимъ, возражая, уговаривая, доказывая.

И можно было замѣтить, что послѣ трехчасовой битвы доводами Левъ Александровичъ началъ превозмогать. Корещенскій еще возражалъ, но уже не такъ рѣшительно. Искры въ его глазахъ уже потухли, движенія

сдѣлались болѣе спокойными и какъ бы утомленными. Онъ уже не бѣгалъ, а ходилъ, иногда присаживаясь въ кресло. Когда же онъ вставалъ, Левъ Александровичъ подходилъ къ нему и бралъ его правой рукой за талию и они начинали ходить по комнатѣ медленно и плавно, и рѣчи Балтова лились теперь уже спокойно и увѣренно.

Пробило пять часовъ. Въ окна уже глядѣлъ дневной свѣтъ. Левъ Александровичъ провожалъ своего гостя въ переднюю и помогалъ ему надѣть пальто.

— Я уже не буду спать сегодня. Черезъ часъ я долженъ выѣхать въ уѣздъ. Но къ вашимъ проводамъ я постараюсь вернуться! — говорилъ Корещенскій.

— Не торопитесь, Алексѣй Алексѣевичъ, не дѣлайте для этого усилій, возражалъ ему Левъ Александровичъ: — все равно, недѣли черезъ четыре мы увидимся тамъ... Но будьте готовы и... не перерѣшайте...

— Нѣтъ, нѣтъ, вы меня убѣдили... Вы освѣтили мнѣ дѣло совсѣмъ новымъ свѣтомъ... И я загорѣлся, я теперь горю. И я ваша. Не Ножанскаго, а вашу.

Онъ крѣпко пожалъ руку хозяину и ушелъ. Левъ Александровичъ вернулся въ кабинетъ. Онъ былъ взволнованъ. Въ восемь часовъ утра ему уже нужно было быть въ управленіи, онъ не легъ въ постель, а сѣлъ къ кресло и, сидя, задремалъ.

Черезъ два дня на мѣстномъ вокзалѣ вечеромъ собралась несмѣтная толпа обывателей. Изъ газетъ узнали, что въ этотъ вечеръ Левъ Александровичъ Балтовъ, донынѣ украшавшій городъ своей великолѣпной практической дѣятельностью, а съ этого момента призванный еще прославить его государственной мудростью, уѣзжаетъ въ Петербургъ.

Всѣ помѣщенія вокзала были запружены публикой, не оставалось свободнаго мѣста. Тутъ были представители думы, различныхъ общественныхъ организацій, пароходнаго общества, банковъ и промышленныхъ предпріятій и были тысячи простыхъ обывателей, которые почему-то чувствовали себя гордыми по поводу высокаго назначенія перваго гражданина города.

Готовились говорить рѣчи, но Левъ Алек-

сандровичъ отнялъ у всѣхъ возможность сдѣлать это, прїѣхавъ на вокзалъ всего за три минуты до отхода поѣзда.

Онъ явился въ сопровожденіи небольшого кружка ближайшихъ друзей, среди которыхъ были — Зигзаговъ, Корещенскій, Володя, Наталья Валентиновна и еще полдесятка другихъ.

Елизавета Александровна шла впереди, страшно торопясь и боясь, какъ-бы не опоздать. Пожимали руки, кричали ура и, наконецъ, поѣздъ медленно отошелъ.

Публика стала расходиться, нѣсколько разочарованная проводами, которые вышли не достаточно шумны. Дольше всѣхъ оставались на вокзалѣ близкіе друзья уѣхавшаго.

Зигзаговъ стоялъ нѣсколько поодаль, когда къ нему подошла Наталья Валентиновна.

— Отчего у васъ такое строгое лицо, Максимъ Павловичъ? сказала Мигурская, — это не по дружески.

— Ахъ, милая, дорогая, — отвѣтилъ ей Зигзаговъ и въ голосъ его звучала безконечно искренняя нота грусти:— прикажите мнѣ, что хотите, — готовъ служить вамъ всю жизнь. Но

не приказывайте мнѣ улыбаться.

— Но почему? Почему?

— Почему? Я вамъ скажу: когда отошелъ поѣздъ, мнѣ показалось, что я опустилъ въ могилу лучшаго друга... Казалось мнѣ, или лучше, я такъ чувствовалъ.

— Полноте. Поѣдемте ко мнѣ чай пить.

— Я сдѣлаю вашъ чай горькимъ...

— Ничего. Будемъ пить горькій чай...

— Хорошо. Будемъ пить горькій чай...

И они всей маленькой группой отправились къ Натальѣ Валентиновнѣ.

VIII

Полторы тысячи верстъ, которые проѣхалъ Левъ Александровичъ и Лизавета Александровна въ поѣздѣ, точно перенесли ихъ въ иной міръ. Въ родномъ городѣ они покинули чудное яркое солнце и расцвѣтающія акаціи, а въ Петербургѣ встрѣтилъ ихъ сѣверный холодный вѣтеръ, мрачно бродившія по небу темносѣрыя тучи, закрывавшія солнце. Падавшій хлопьями снѣгъ таялъ, вновь подмерзалъ и образовалъ гололедицу. Люди ходили сгорбившись, съ поднятыми къ верху воротниками пальто, по улицамъ еще тянулись сани, на каждомъ шагу тяжело падали лошади.

Левъ Александровичъ, выѣзжая изъ родного города, не послалъ Ножанскому телеграммы. Они были давніе пріятели, но все же теперь Ножанскій являлся сановникомъ и даже его начальникомъ. Телеграмма, пожалуй, поставила бы его въ затрудненіе. Пріятеля, да еще соблазненного и приглашенного, желанного, надо было встрѣчать, а подчиненному надо сдѣлать величественный пріемъ. Левъ

Александровичъ не хотѣлъ начинать свои сношенія съ Ножанскимъ съ такого неудобнаго положенія.

Онъ пріѣхалъ въ девять часовъ утра по Варшавскому вокзалу. Ни въ поѣздѣ, ни въ публикѣ не оказалось ни души знакомыхъ. Ощущеніе какой-то чужести произвело смущеніе даже въ его твердомъ сердцѣ.

И почему-то вдругъ стало ему ужасно жаль мягкихъ лучей солнца, которые онъ покинулъ, и когда онъ ѣхалъ съ вокзала въ гостиницу и глядѣлъ по сторонамъ на торопливо бѣгущихъ куда-то какихъ-то сѣрыхъ пѣшеходовъ въ этотъ дѣловой рабочій петербургскій часъ, у него явилось такое ощущеніе, какъ будто онъ навсегда разстался съ своей свободой.

Да, вѣдь, та свобода, которою онъ пользовался въ своемъ родномъ городѣ, была исключительная, ни отъ кого онъ не зависѣлъ и все отъ него зависѣло. Но то было въ предѣлахъ города. Онъ вѣзжалъ въ шумную столицу, въ которой сосредоточены концы отъ нитей, идущихъ изъ всѣхъ угловъ обширной страны. Такъ вотъ, если взять въ свои

руки всѣ эти концы, тогда отъ него будетъ зависѣть вся страна. Не одинъ городъ, а вся страна. И это будетъ свобода высшаго порядка.

Онъ пріѣхалъ въ гостинницу и взялъ лучшей номеръ, какой только нашелся. Лизавета Александровна помѣстилась въ другомъ номерѣ. Наскоро онъ привелъ себя въ порядокъ. Въ десять часовъ пилъ кофе, затѣмъ нарядился во фракъ и въ одиннадцать часовъ былъ у подъѣзда высокаго казеннаго зданія.

Входъ въ служебныя мѣста былъ съ площадки, а этотъ подъѣздъ съ небольшого переулка велъ въ квартиру Ножанскаго.

Внизу, у швейцара онъ узналъ, что Ножанскій дома, что на службу онъ уходитъ часа въ два. Левъ Александровичъ, не поднимаясь на верхъ, послалъ свою карточку.

Черезъ минуту сверху стремительно сбѣгаль лакей и издали почтительнымъ голосомъ говорилъ.

— Пожалуйте-съ... Ихъ высокопревосходительство просятъ...

Левъ Александровичъ поднялся. Когда онъ вошелъ въ переднюю, то тутъ же

встрѣтилъ протянутыя къ нему руки Ножанскаго, который заключилъ его въ объятія.

Черезъ цѣлую амфиладу комнатъ, обставленныхъ богато, но какъ-то сухо, холодно и неуютно Ножанскій повелъ его въ свой кабинетъ — очень большой, серьезный, съ гигантскимъ письменнымъ столомъ, цѣлой коллекціей книжныхъ шкафовъ, изъ которыхъ выглядывали почтенные корешки переплетовъ.

Ножанскій самымъ рѣшительнымъ образомъ укорялъ его за то, что онъ не предупредилъ о своемъ приѣздѣ.

— И не къ чему вамъ было ѣхать въ гостиницу и съ вашей стороны это прямое вѣроломство. Моя квартира къ вашимъ услугамъ. Вы здѣсь были бы дорогимъ гостемъ. А затѣмъ васъ ждетъ казенное помѣщеніе, которое вы можете занять во всякое время. Ну, знаете что, — прежде всего я хочу послушаться отъ васъ южныхъ солнечныхъ разговоровъ... Здѣсь такъ холодно. Не могу привыкнуть... Я ежечасно тоскую по солнцу и мнѣ иногда кажется, что я завядаю... Садитесь же, дорогой, пока поболтаемъ, а тамъ будемъ зав-

тракать... Нѣтъ надобности мнѣ заявлять, что я безконечно благодаренъ вамъ за то, что вы согласились оставить ваше маленькое королевство, чтобы служить большому... Ну, говорите же, говорите, какъ сіяетъ тамъ солнце, какъ плещетъ море, какъ цвѣтутъ мои любимыя акаціи!

Федоръ Власевичъ Ножанскій представлялъ собой не крупную фигуру, которая, однакожь, производила внушительное впечатлѣніе. Средняго роста, плечистый, съ большой головой, на которой царилъ высокій крутой чистый лобъ, казавшійся безконечнымъ, сливаясь съ порядочно облысѣвшимъ черепомъ.

По краямъ черепа росли длинные сѣдые волосы, которые спускались низко, почти до плечъ, и придавали этой головѣ ученый видъ.

Левъ Александровичъ внимательно приглядывался къ нему. Лѣтъ десять не видались они и старый профессоръ, сдѣлавшись важнымъ чиновникомъ, постарѣлъ невѣроятно. Изъ родного города онъ уѣхалъ чистымъ брюнетомъ, у него, кажется, тогда

не было ни одной сѣдины. Теперь у него все было бѣло — и длинные кудри и борода.

Въ лицѣ его явилась обрюзглость, въ родѣ отековъ. Но это все можно было приписать времени. А что особенно бросилось въ глаза Льву Александровичу, это какая-то новая черта въ его манерѣ говорить. У него явилась склонность къ витіеватости и къ ненужному, показавшемуся Льву Александровичу ложнымъ, пафосу.

Говорилъ онъ длинными періодами, закругленно, какъ будто заранѣе приготовивъ и выучивъ. Ничего этого, разумѣется, не было. Но виденъ былъ человекъ, привыкшій говорить для впечатлѣнія, для эффекта.

Они просидѣли въ кабинетѣ часа полтора и за все это время ни разу не коснулись тѣхъ вопросовъ, которые въ этотъ моментъ ихъ связывали. Какъ будто пріѣздъ Льва Александровича въ Петербургъ былъ случайно, — встрѣтились земляки и хозяинъ пользовался случаемъ узнать отъ пріѣзжаго, что дѣлается въ его родномъ городѣ.

Ножанскій спрашивалъ про своихъ старыхъ знакомыхъ — профессоровъ, обще-

ственныхъ дѣятелей, про тѣ учрежденія, въ которыхъ онъ прежде работалъ.

Доложили о завтракѣ. Ножанскій повелъ Льва Александровича въ столовую.

Здѣсь онъ нашель жену Ѳедора Власевича. Съ нею онъ былъ знакомъ прежде, но немного. Дѣтей у Ножанскихъ не было.

Жена Ѳедора Власевича постарѣла гораздо меньше, чѣмъ онъ самъ. Ей было лѣтъ пятьдесятъ, но она хорошо сохранилась. Она тоже забросала его вопросами о родномъ городѣ. Она, какъ и ея мужъ, скучала по южному солнцу и съ отвращеніемъ говорила о петербургскомъ климатѣ. Около двухъ часовъ Льва Александровича отпустили.

Дружески принятый, обласканный, Левъ Александровичъ все же недоумѣвалъ. Какая спѣшность была въ письмахъ и вдругъ теперь — точно онъ, въ самомъ дѣлѣ, пріѣхалъ въ гости.

За три часа они не успѣли даже коснуться дѣловой стороны. Все солнце да акація — прекрасныя вещи, но не ради ихъ онъ совершилъ такой подвигъ.

Сдѣлавши карьеру на живомъ дѣлѣ, кров-

но связанномъ съ жизнью, Левъ Александровичъ не понималъ еще, что здѣсь совсѣмъ иначе смотрятъ на время. Тысячи тонкихъ соображеній, пока ему еще не открывшихся, удлиняютъ минуты въ часы, а мѣсяцы въ годы.

Но визитъ къ Ножанскому оставилъ въ его душѣ неясное подозрѣнiе, — нѣтъ-ли тутъ маленькой игры со стороны Федора Власевича? Не хочетъ-ли онъ въ первую же минуту показать ему, что вовсе не такъ ужъ въ немъ здѣсь нуждаются.

И весь этотъ день онъ не зналъ, что съ собою дѣлать. Выходило какъ-то такъ, что онъ находится въ полной зависимости отъ Ножанскаго и помимо его не можетъ ничего предпринять.

Въ Петербургѣ у него нашлось бы много знакомыхъ, но онъ не хотѣлъ видѣться ни съ кѣмъ.

Впрочемъ, это было только смутное чувство. Онъ видѣлъ одно: что здѣсь время цѣнится очень дешево.

На слѣдующій день часовъ въ двѣнадцать дня, когда онъ былъ совсѣмъ одѣтъ, къ нему

постучались. Онъ отворилъ дверь, это былъ Ножанскій. Онъ явился въ черномъ пиджакѣ, очевидно желая подчеркнуть неофициальность своего визита. Это былъ праздничный день.

Ножанскій сразу объявилъ, что желаетъ быть сегодня у него гостемъ и они завтракаютъ въ ресторанѣ.

— Мы скроемся гдѣ-нибудь въ отдѣльномъ кабинетѣ и тамъ поболтаемъ.

Они посидѣли минутъ десять и затѣмъ поѣхали на Морскую. Здѣсь они забрались въ отдѣльную комнату. Явились закуски, водки, вино.

Ножанскій говорилъ, что давно уже онъ не завтракалъ по-дружески.

— Не съ кѣмъ, милый мой, не съ кѣмъ. Здѣсь нѣтъ друзей. Всѣ зорко слѣдятъ другъ за другомъ и только подсматриваютъ моментъ, когда можно подставить ножку. Мнѣ подставляли уже сотни разъ, но у меня ноги крѣпкія отъ природы и я устоялъ. Завтра вы вступите въ должность и неизвѣстно, будемъ-ли мы въ состояніи завтракать вмѣстѣ, вотъ такъ просто, по дружески, а сегодня вы еще частное

лицо, мой другъ, землякъ, такъ мы можемъ еще завтракать съ чистыми сердцами. Впрочемъ, я шучу, у насъ съ вами всегда будутъ чистыя сердца...

Левъ Александровичъ никогда не выпивалъ лишняго. Это было у него правило. Но Ножанскій, къ его удивленію, нѣсколько менѣе воздерживался. Онъ зналъ его за человѣка очень осторожнаго.

Федоръ Власевичъ вообще ревниво относился къ своему здоровью и не позволялъ себѣ никакихъ излишествъ. Это былъ человѣкъ, крѣпко сложенный, съ гордостью ссылавшійся на своихъ здоровыхъ работающихъ предковъ, которые дали ему здоровый организмъ: легкія, сердце, желудокъ. Въ прежнее время это было его проповѣдью — воздержанье въ пищу и питье. И, дѣйствительно, это было ему на пользу. Умъ его всегда былъ свѣжъ, нервы уравновѣшены, тѣло бодро.

Работать онъ былъ всегда большой мастеръ, но никогда не допускалъ переутомленія и, когда случалось имъ бывать вмѣстѣ въ какихъ-нибудь засѣданіяхъ и

коммиссіяхъ, то, по прошествіи уже нѣкотораго времени, онъ вынималъ часы и объявлялъ, что дольше ни въ какомъ случаѣ не можетъ, голова не будетъ свѣжа, и настойчиво требовалъ прекращенія.

Поэтому Льва Александровича удивило то обстоятельство, что на этотъ разъ Ножанскій какъ бы отступилъ отъ своихъ принциповъ. Ъль онъ сравнительно немного, но выпивалъ больше. За закуской онъ пропустилъ нѣсколько рюмокъ водки и глаза его покраснѣли уже въ самомъ началѣ завтрака, а затѣмъ онъ принялся за красное вино, къ которому былъ безпощаденъ.

Вообще Левъ Александровичъ въ своемъ старомъ профессорѣ наблюдалъ, если не развинченность, то какую-то нервную шаткость. Ему даже показалось, что у него руки слегка дрожатъ.

Но разговоръ довольно долго вертѣлся на предметахъ безразличныхъ. И только когда подали кофе и Ѳедоръ Власевичъ началъ вторую бутылку вина, при чемъ первую выпилъ почти одинъ, такъ какъ Левъ Александровичъ только пригубивалъ, — въ немъ точ-

но сорвался какой-то узелокъ, который сдерживалъ его.

Онъ похлопалъ Льва Александровича по колѣну и сказалъ:- Ну, милый другъ, давайте же говорить откровенно. Вы, можетъ быть, удивлены, что старый профессоръ Ножанскій, такъ сказать, отступилъ отъ своихъ принциповъ и вотъ позволилъ вину возбудить свой мозгъ. Но это климатъ, климатъ... Не можетъ живое существо произрастать безъ солнца. Климатъ, дорогой мой, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова...

И для Льва Александровича ясно слышалась въ его тонѣ та специально русская горестность, которая свойственна людямъ съ неудавшейся жизнью, когда у нихъ, послѣ долгой сдержанности, явился случай пожаловаться и излить душу. У него даже явилось какое-то чувство опасенія передъ тѣмъ, что онъ услышитъ, и онъ подумалъ только одно слово, которое для него имѣло очень обширный смыслъ: «неужели»?

Ножанскій же говорилъ какъ будто самъ съ собой. Онъ даже мало обращался къ нему. Слова изъ него вылетали какъ бы помимо его

воли.

— Да, климатъ, климатъ... Все промозгло здѣсь холодной сыростью и отъ этого поросло мохомъ, сѣрымъ, склизкимъ, отвратительнымъ. Ни до чего нельзя прикоснуться безъ чувства брезгливости. Когда входитъ сюда свѣжій человѣкъ, свѣжая душа, его охватываетъ эта атмосфера, насквозь пропитанная ядовитыми испареніями болотъ, на которыхъ построены этой городъ. Вы думаете, это не имѣетъ значенія? Вы думаете, это шутка? Нѣтъ. Болота тутъ сыграли яркую роль, мой милый другъ... Знаете, есть въ химіи такая лакмусовая бумажка... По ней узнаютъ присутствіе кислотъ и щелочей, — при кислотахъ она краснѣетъ, при щелочи синѣетъ. Такъ вотъ, если ее перенести въ эту атмосферу, она безумно измѣнитъ свой цвѣтъ... Душа слабого человѣка, входящаго въ этотъ міръ, это лакмусовая бумага...

— А сильного? — спросилъ Левъ Александровичъ и этотъ вопросъ какъ бы перебилъ теченіе его мыслей.

— Сильного? Вотъ сильного то я и искалъ... Да, да, именно сильного... Вы думаете, и

вправду я имѣлъ въ виду вашу знаменитую работоспособность, энергію, основательность, добросовѣстное отношеніе къ дѣлу, за которое вы беретесь, и прочее и прочее. Все это отличныя качества, которыхъ нельзя не цѣнить... Но нѣтъ, нѣтъ... Работоспособныхъ и энергичныхъ людей не мало, но мало характеровъ. Я обратился къ вашему характеру. Я знаю его. Только онъ одинъ помогъ вамъ создать — не говорю огромное дѣло, и десятки дѣлъ около него — создать себя, ту крупную, я скажу — крупнѣйшую въ Россіи величину, какую вы собой представляете. И говорю вамъ: характеръ вашъ нуженъ. Камень... Нѣтъ, не камень... На камнѣ бываетъ плѣсень, и мохъ растетъ, сталь нужна, она у васъ есть. Умъ? Да... Ума у насъ много... Россія полна ума. Да настоять на своемъ умѣ мы не можемъ... Вотъ наша бѣда.

— Ѳедоръ Власьевичъ, — сказалъ Левъ Александровичъ, мягко останавливая его. — Мнѣ всего менѣе слышится въ вашей рѣчи побѣда.

— Побѣда? — воскликнулъ Ножанскій и усмѣхнулся:— Оттого и не слышится, что ея

нѣтъ. Э, батюшка мой, когда я шель сюда, я чувствовалъ на своей спинѣ могучія крылья, и мнѣ казалось, что стоитъ только мнѣ взмахнуть ими, чтобы полетѣть ввысь... И взмахнулъ — разъ, другой, третій... Ни съ мѣста... Съ новой силой сталъ я работать крыльями. Ничего, кромѣ утомленія... Что же это значить? Оглядываюсь кругомъ. присматриваюсь, изучаю и вдругъ постигъ: да вѣдь я въ безвоздушномъ пространствѣ, - понимаете? Этого я не принялъ во вниманіе.

— Что это значить, Ѳедоръ Власьевичъ? — по прежнему осторожно спросилъ Левъ Александровичъ.

— А это значить вотъ что. Положимъ, у васъ въ головѣ каждый часъ рождаются геніальныя мысли. Осуществить ихъ и Россія вдругъ поднимется на недосыгаемую высоту. Да, рождаются геніальныя мысли — полезныя, важныя, плодотворныя. Вы ихъ обрабатываете, придаете имъ прекрасную форму, дѣлаете ихъ извѣстными, имѣете успѣхъ, вамъ рукоплещутъ... Ахъ, какъ онъ уменъ! Но и только. Дальше ни шагу. Геніальныя мысли ваши складываются другъ на дружку и ле-

жать, и будутъ лежать десятки и сотни лѣтъ, вѣка...

— Почему?

— А вотъ почему: оказывается, что въ безвоздушномъ пространствѣ, гдѣ вы живете и дѣйствуете, совсѣмъ никого не интересуешь, поднимется ли Россія на высоту или нѣтъ. До нея, до матушки, никому нѣтъ дѣла. И выходитъ такъ, что да, все это было — и геніально и полезно, ну для Германіи, для Австріи, для Франціи, для любой страны, но не для насъ, ибо мы внѣ всякой страны, мы въ безвоздушномъ пространствѣ. Слушайте, милый Левъ Александровичъ, я знаю васъ за мага и волшебника... Вы въ свое время всколыхнули такое стоячее болото, какъ прежняго времени пароходное общество. Вы создали новый городъ, благополучію котораго завидуютъ многіе города... И я смотрю на васъ какъ на животворящую силу, которая должна, понимаете ли, впустить воздухъ въ безвоздушное пространство. Вотъ на что моя надежда. Поймите. Тогда можно будетъ работать крыльями и летѣть къверху.

Съ тревожнымъ чувствомъ прислушивал-

ся Левъ Александровичъ къ рѣчамъ своего новаго патрона и дѣлалъ безошибочный выводъ, что передъ нимъ человекъ, разбитый по всѣмъ пунктамъ.

Какъ это все произошло и въ чемъ именно онъ потерпѣлъ крушеніе, для него было далеко еще не ясно, но было очевидно, что въ немъ говорить уже отчаяніе.

Зналъ онъ только, что эти откровенныя рѣчи Ножанскаго объясняются чрезмѣрно выпитымъ виномъ и что завтра онъ, пожалуй, такихъ рѣчей не поведетъ, а потому ему хотѣлось услышать отъ него сегодня какъ можно больше.

И это было далеко не простое любопытство. Завтра, быть можетъ, ему самому предстоитъ войти подъ этотъ стеклянный колпакъ, подъ которымъ было «безвоздушное пространство».

Ни поученій, ни совѣтовъ отъ Ножанскаго онъ не ждалъ и, если бы и были совѣты, онъ ими не воспользовался бы, потому что считалъ ихъ себѣ не подходящими. Онъ видѣлъ, что Ножанскій можетъ дать совѣты только упадочнаго характера, разумѣется, если бу-

детъ искрененъ и не станетъ на ходули.

Но онъ хотѣлъ знать, какъ можно больше, чтобы самому создать для себя наиболѣе вѣрный ходъ.

Между тѣмъ Ножанскій, хотя уже больше и не пилъ вина, но нѣкоторое время еще разгорячался, и рѣчь его отъ этого становилась все менѣе и менѣе интересной. Онъ не былъ пьянъ, держался ровно, но въ глазахъ его стоялъ туманъ.

Отъ важнаго онъ сталъ уклоняться къ случайнымъ пустякамъ и, наконецъ, совсѣмъ замолкъ и задумался.

Онъ помолчалъ минуты двѣ, потомъ встрепенулся, взялъ бутылку съ виномъ, но не налилъ въ стаканъ, а отставилъ ее на дальній край стола.

— Однако, это глупо, — сказалъ онъ и потеръ глаза, какъ бы проснувшись. — Я чуточку охмѣлѣлъ и, кажется, наговорилъ вамъ страстей... А?

— Вы мало сказали мнѣ пріятнаго, — промолвилъ Левъ Александровичъ.

— Забудьте... Забудьте, мой другъ... Это субъективно... Съ однимъ такъ, а съ други-

мъ... Съ вами не должно быть такъ. Вы человекъ твердый, вы не сойдете... Ну, знаете, — прибавилъ онъ, вынувъ свои часы, — уже четвертый часъ, пора и по домамъ. Давно, давно я не завтракалъ такъ дружески. Но намъ надо будетъ просидѣть еще много-много часовъ, чтобы поговорить о дѣлѣ. Только, разумѣется, безъ этого, — прибавилъ онъ и съ безразличной миной указалъ на вино.

И онъ поднялся.

— Поѣду. А завтра, милый, Левъ Александровичъ, пожалуйста въ министерство. Я вамъ скажу, кому вы должны представиться, у кого побывать. И потомъ, потомъ... вы, такъ сказать, примете крещеніе...

— Въ безвоздушномъ пространствѣ? — съ усмѣшкой спросилъ Левъ Александровичъ.

— Ну, полноте, полноте... Это надо понимать иносказательно, — промолвилъ Федоръ Власевичъ. — До свиданія, голубчикъ, забудьте мои мрачныя мысли.

Онъ пожалъ руку Льва Александровича и ушелъ, нисколько не шатаясь, хотя въ лицѣ его была замѣтна какая-то отяжелѣлость.

IX

Въ первую минуту Левъ Александровичъ пожалѣлъ о томъ, что Ножанскій такъ внезапно прекратилъ свои изліянія, но потомъ, подумавши, онъ даже былъ радъ этому.

Самъ онъ былъ не изъ тѣхъ, что способны поддаться настроенію и подъ его вліяніемъ измѣнить важное рѣшеніе. Свое рѣшеніе онъ выносилъ въ головѣ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Онъ взвѣсилъ всѣ шансы, и если сдѣлалъ шагъ, то исключительно на свой страхъ. Опирались на кого бы то ни было, а тѣмъ болѣе на Ножанскаго, онъ и не думалъ.

Но ему стало вдругъ непріятно сознаніе, что человѣкъ, вызвавшій его къ этому важному шагу, находится въ такомъ упадкѣ. Ему просто было физически непріятно это зрѣлище, и потому, когда Ножанскій ушелъ, онъ почувствовалъ какъ бы облегченіе.

Онъ расплатился въ ресторанѣ и вышелъ на улицу. Погода въ этотъ день улучшилась и было даже что-то похожее на весну. На небѣ плыло солнце, правда, какое-то чуть теплое,

непохожее на то яркое пламенное солнце, которое онъ оставилъ на югѣ. Но все же было пріятно послѣ долгаго утомительнаго завтрака, къ тому же испорченнаго мрачной исповѣдью Ножанскаго, пройтись по Невскому.

Проспектъ былъ запруженъ праздничной публикой, которая медленно двигалась сплошной стѣной, наслаждаясь солнцемъ.

Левъ Александровичъ прошелъ пѣшкомъ почти до Николаевского вокзала, а здѣсь почувствовалъ утомленіе и вернулся къ себѣ въ гостиницу на извозчикѣ.

Дома онъ тотчасъ же сѣлъ за письменный столъ и принялся писать письмо Натальѣ Валентиновнѣ. Это была его манера: когда онъ хотѣлъ получше разобраться въ своихъ ощущеніяхъ, онъ старался это сдѣлать для другого, въ письмѣ.

«Для другого мы все дѣлаемъ чище и аккуратнѣй, чѣмъ для себя, говорилъ онъ. — Отъ себя мы гораздо больше скрываемъ, чѣмъ отъ друзей».

Онъ писалъ:

«Милый другъ, никого еще не видалъ и

ничего не знаю, кромѣ Ножанскаго, но за то Ножанскаго видѣлъ черезчуръ много. Какъ-то сразу онъ показал мнѣ себя и налицо и наизнанку.

Вотъ утѣшительное впечатлѣніе: мнѣ не надо убивать для того, чтобы, какъ говорилось въ старыхъ романахъ, перешагнуть черезъ его трупъ, — онъ уже трупъ. Прежде это былъ словесникъ, въ рѣчахъ котораго былъ все-таки здоровый пафосъ — теперь болтунъ, говорящій начала и концы своихъ прежнихъ рѣчей и позабывшій середину, то-есть самую суть. Но вотъ важное заблужденіе: меня призвалъ онъ, чтобы впустить воздухъ въ «безвоздушное пространство». Такъ онъ опредѣляетъ сферу моихъ будущихъ дѣйствій. Но какъ ты думаешь, что же будетъ послѣ того, когда будетъ пущенъ воздухъ въ безвоздушное пространство? Тогда онъ заработаетъ своими крыльями и полетитъ въ высь.

Вотъ заблужденіе, которому вовсе не слѣдовало бы рождаться на свѣтъ. Я еще не видѣлъ этого «безвоздушнаго пространства»; догадываюсь, однако, что опредѣленіе это произвольно. Не

безвоздушное оно, а плохой въ немъ воздухъ и надо впуститъ туда свѣжаго воздуха. Но если ужъ мнѣ суждено это сдѣлать — а на это я поднялся и иду — то работать крыльями и летѣть ввысь придется тамъ не ему. Да и работать-то нечѣмъ. Крылья у него висятъ, какъ у подстрѣленной птицы. Завтра иду въ министерство и, должно быть, не одинъ день придется представляться и визитировать.

Но сегодня у меня много времени и я обсуждаю странный вопросъ, который тебѣ, другъ мой, покажется мелкимъ въ моемъ положеніи.

Ножанскій сказалъ мнѣ о казенной квартирѣ. И въ тотъ моментъ у меня явилась мысль: не пойду я жить въ казенную квартиру. Лучше устроимся мы въ своей.

Но когда я хорошенько объ этомъ подумалъ, то рѣшилъ наоборотъ: нѣтъ, именно возьму казенную квартиру. Помнишь нашъ разговоръ съ тобой, когда ты боялась, что нашъ союзъ создастъ мигъ враговъ и противодѣйствіе.

Такъ что-же, вотъ и отлично! Я хочу

бороться. Побольше враговъ, потому что это не значитъ, что количество враговъ увеличилось, а значитъ только, что тайные враги сдѣлались явными.

Враговъ у меня и сейчасъ безконечное множество. Тамъ, «въ безвоздушномъ пространствѣ», всѣ мнѣ враги уже по одному тому, что я пришелъ извнѣ, пришелъ изъ подъ небеснаго свода, гдѣ много воздуха и солнца.

Но они, по всей вѣроятности, будутъ довольно долго имѣть дружескія фізіономіи и тихонько подстерегать мои ошибки. Такъ нужно раздражить ихъ, чтобы они противъ воли заскрипѣли зубами. Вотъ по этому скрипу я ихъ и узнаю.

Да, казенная квартира. Мы въ ней устроимся, какъ хотимъ, и это-же будетъ объявлено святотатствомъ, оскорбленіемъ святыни. Помилуй Богъ, въ зданіи, окрашенномъ въ казенной цвѣтъ — нелегальный бракъ.

Ты скажешь: браввирую. Да, но не съ моимъ характеромъ бравировать безъ цѣли. Нѣтъ, сразу, съ перваго шага я хочу твердо и рѣшительно отвоевать

себѣ независимое положеніе. Ужѣ если я поднялся, такѣ не затѣмъ, чтобы кому-нибудь подыгрывать и подѣ кого бы-то ни было поддѣлываться, а еще менѣе для кого бы-то ни было расчищать почву.

Я ѣзживалъ въ клубъ, но рѣдко садился играть. Но ужѣ если садился, то только въ большую игру. И знаешь ли, милый другъ, отлично это помню: я всегда выигрывалъ.

Нѣжно цѣлую милья ручки и, вѣрь мнѣ, уже давно скучаю по нимъ. Передай мой дружескій привѣтъ Максиму Павловичу и завѣтъ благоразумія безумному Володѣ. Скажи ему, что, если онъ захочетъ серьезно и благородно работать, то здѣсь у «меня» онъ найдетъ для этого и мѣсто и дѣло. Горячіе сотрудники мнѣ будутъ нужны до зарѣзу. Корещенскому скажи, чтобы онъ былъ каждую минуту готовъ, а къ чему — спроси его, онъ все расскажетъ».

Письмо онъ послалъ тотчасъ. На другой день Левъ Александровичъ собрался въ министерство. Но онъ не торопился. Онъ зналъ,

что Ножанскій приходитъ туда только послѣ двухъ часовъ, и онъ явился туда въ половинѣ третьяго.

Въ обширной пріемной съ высокимъ потолкомъ, съ множествомъ оконъ, дававшихъ обильный свѣтъ, было уже больше десяти человѣкъ, дожидавшихся пріема. Пріемъ уже происходилъ. Ножанскій принималъ по одному.

Вновь прибывающіе подходили къ століку, за которымъ сидѣлъ молодой чиновникъ въ виць-мундирѣ и записывалъ фамиліи. Однѣ фамиліи онъ выслушивалъ съ строго дѣловитымъ лицомъ, другія почтительно, третьи заставляли его даже слегка приподыматься.

Другой чиновникъ, пожилой и, должно быть, важный, съ орденомъ на шеѣ, отъ времени до времени появлялся изъ высокой монументальной двери и, глядя въ списокъ, называлъ очередное имя.

Левъ Александровичъ сдѣлалъ тоже, что и другіе, но, когда онъ произнесъ свое имя, молодой чиновникъ посмотрѣлъ на него тѣмъ особеннымъ взглядомъ, которымъ смотрять

на людей отличенныхъ и заранѣе удостоенныхъ чести. Онъ не только привсталъ, а совсѣмъ поднялся и почтительнымъ полголовомъ сказалъ.

— Ваше превосходительство будете приняты не въ очередь.

Затѣмъ онъ захватилъ бумагу, на которой были написаны имена кандидатовъ и быстро прошмыгнулъ въ высокую дверь, а черезъ полминуты также быстро вернулся оттуда.

Когда минуты черезъ три опять появился почтенный чиновникъ съ орденомъ на шеѣ, то громко произнесъ:

— Левъ Александровичъ Балтовъ.

И, обратившись прямо къ Льву Александровичу, прибавилъ:— Пожалуйста, ваше превосходительство!

Такимъ образомъ, Левъ Александровичъ былъ демонстрированъ передъ остальными посѣтителеми. Его проводили черезъ довольно длинный корридоръ и ввели въ колоссальный кабинетъ, въ которомъ даже довольно замѣтная фигура Ножанскаго какъ бы утопала.

Ножанскій сидѣлъ за большимъ письмен-

НЫМЪ СТОЛОМЪ, наклонивши голову надъ бумагой, которую внимательно читалъ. При его появленіи, онъ поднялъ голову и, прищуривъ глаза, пристально вглядѣлся въ него.

— А, — сказалъ онъ, — я очень радъ видѣть васъ, ваше превосходительство.

И поднялся. Онъ удивительно мало походилъ на того Ножанскаго, который такъ ласково принималъ его въ первый день прїѣзда у себя дома, а еще меньше на того, который дѣлалъ ему такія печальныя откровенія въ отдѣльномъ кабинетѣ ресторана.

На немъ былъ расшитый золотомъ мундиръ, тщательно застегнутый на всѣ пуговицы, на груди красовалась звѣзда, а черезъ плечо была перетянута красивая голубая лента. Кудрявые волосы его были прилизаны и какъ бы прижаты къ его черепу и даже какъ будто были короче. И самъ онъ казался меньше и какъ то незначительнѣе.

Свойственная ему свобода движеній, порывистость, размашистость, которыя часто даже казались преувеличенными, здѣсь какъ будто были скованы. Онъ выпрямился и прямо держалъ голову и рука его, протянутая Льву

Александровичу, пожала его руку вяло и безжизненно.

Голосъ его звучалъ странно. Не было въ немъ тѣхъ богатыхъ интонацій, неожиданныхъ повышений и скачковъ внизъ, которыя были ему свойственны, какъ оратору. Не было тѣхъ мѣткихъ, иногда даже грубыхъ словъ, которыми онъ любилъ уснащать свою рѣчь. Слова были все избранныя, какого-то средняго и общаго значенія, и произносилъ онъ ихъ тономъ равнодушнымъ, какъ-то въ одну линію и, какъ казалось, всѣ они были разставлены на одинаковомъ разстояніи другъ отъ друга.

— Прошу васъ, садитесь, ваше превосходительство, — сказалъ ему Ножанскій, указывая на стулъ и самъ садясь на такой же. — Я очень радъ, что вы пришли именно въ этотъ часъ, потому что я едва-ли успѣю принять еще кого-нибудь изъ ожидающихъ пріема. Въ три часа я долженъ ѣхать въ засѣданіе, благодаря чему вы и видите меня въ столь торжественномъ видѣ. Не думайте, пожалуйста, что мы работаемъ здѣсь въ парадныхъ мундирахъ. Ну-съ, ваше превосходительство, я со-

ставиль списокъ, который вамъ надо только положить въ карманъ, но при этомъ въ карманъ уже не фрака, а мундира, а затѣмъ сѣсть въ карету и слѣдовать ему.

— Мундира? — спросиль Левъ Александровичъ:— да я еще не озаботился заказомъ его.

— Съ этого надлежало начать. По настоящему, прїѣхавъ въ Петербургъ, по дорогѣ съ вокзала въ гостиницу, вамъ слѣдовало заѣхать къ портному. У чиновника это должна быть первая мысль, — съ слабой усмѣшкой прибавиль Ножанскій.

— Но я прїѣхаль въ Петербургъ еще не чиновникомъ, — возразиль Левъ Александровичъ.

— Да, да, конечно, это шутка. Но завтра вы имъ будете. Сегодня мы дѣлаемъ распоряженіе о вашемъ вступленіи въ должность. Вы пошлите къ портному, вотъ его адресъ — онъ приспособленъ къ экстреннымъ и весьма экстреннымъ случаямъ, и одѣнетъ васъ въ двадцать четыре часа. И такъ черезъ два дня вступаете въ должность, а теперь... Ну, вотъ видите, прибавиль онъ, когда часы на каминѣ тоненькимъ звономъ пробили

три, — вотъ видите, я долженъ извиняться не только передъ вами, но и передъ тѣми, которые ждутъ, и ѣхать въ засѣданіе.

Онъ протянулъ руку къ столу нажалъ пуговку звонка. Почти въ тотъ же мигъ явился почтенный чиновникъ съ орденомъ на шеѣ.

— Прошу васъ, — сказалъ Ножанскій; — извинитесь передъ ожидающими пріема. Я больше никого не могу принять, такъ какъ ѣду въ засѣданіе.

Чиновникъ поклонился и исчезъ, а Левъ Александровичъ тоже поднялся и началъ раскланиваться. Ножанскій протянулъ ему руку и сказалъ, почему-то замѣтно понизивъ голосъ, какъ будто боялся, чтобъ его не услышали.

— Конечно, обѣдаете у меня, Левъ Александровичъ?

И, не давъ Балтову отвѣтить, прибавилъ уже совершенно оффиціальнымъ голосомъ.

— Вашъ департаментъ тоскуетъ безъ директора. Вы знаете, петербургскіе чиновники любятъ чувствовать надъ собой начальство. Итакъ, послѣ завтра вы вступаете. До свиданія, ваше превосходительство.

И еще разъ безжизненно пожавъ ему руку,

онъ обошелъ столъ и очутился на томъ мѣстѣ, гдѣ засталъ его Балтовъ.

Левъ Александровичъ съ нѣкоторымъ изумленіемъ поклонился и вышелъ. Это было неожиданное впечатлѣніе. Онъ никакъ не ожидалъ увидѣть Ножанскаго такимъ преображеннымъ и не понималъ, зачѣмъ ему это понадобилось. Онъ ожидалъ отъ него большей простоты. Для него было несомнѣнно, что онъ на себя напускаетъ.

Когда онъ вышелъ на улицу и сѣлъ въ экипажъ, онъ вспомнилъ о врученномъ ему спискѣ, вынулъ его и просмотрѣлъ. Тамъ было обозначено около двухъ десятковъ именъ, которымъ онъ долженъ былъ сдѣлать визитъ. При этомъ строго были отличены немногіе, которымъ ему надлежало «представиться». Такіе были отмѣчены крестиками.

Между ними ему были извѣстны по фамиліямъ около десятка и насколько онъ зналъ. только одинъ изъ нихъ имѣлъ нѣкоторое отношеніе къ мѣсту предстоящей ему службы, а другіе всѣ были по другимъ отраслямъ.

Все это были очень важные чиновники и

въ высшей степени вліятельные не только по своимъ отраслямъ, но и вообще.

Пріѣхавъ домой, Левъ Александровичъ опять внимательно занялся спискомъ. Наконецъ, онъ подчеркнулъ въ немъ четыре имени и отложилъ его, а затѣмъ сѣлъ за столъ и началъ писать письмо Натальѣ Валентиновнѣ. Опять ему нужно было разобраться въ своихъ впечатлѣніяхъ и обсудить предстоящій образъ дѣйствій и письмо было для этого ему лучшимъ помощникомъ

Онъ писалъ:

«Вотъ уже третій день, что я здѣсь, но я еще не чиновникъ. Повидимому, Ножанскій былъ правъ, когда сказалъ мнѣ въ первое свиданіе: пріѣзжайте въ министерство, тамъ вы примете крещеніе — въ чиновники, конечно. Кажется, это особая религія. По крайней мѣрѣ Ножанскій, котораго я видѣлъ третьяго дня у него дома и вчера въ ресторанъ, гдѣ мы съ нимъ завтракали, и Ножанскій, принимавшій меня сегодня въ министерствѣ, двѣ совершенно различныя личности. Но не объ этомъ буду вести рѣчь.»

Не знаю, былъ ли я подвергнутъ крещенію, — обрядностей никакихъ не было развѣ какія нибудь незримыя, — если не считать распоряженія о моемъ вступленіи въ должность, предстоящемъ послѣ завтра. По крайней мѣрѣ я еще не чувствую себя чиновникомъ. И вотъ тому доказательство. Послѣ завтра я вступаю въ должность, для чего необходимъ мундиръ. Завтра я дѣлаю самопредставленія и визиты, для чего уже совершенно неизбѣженъ мундиръ и мнѣ указанъ адресъ портного, "приспособленнаго" очевидно къ случаямъ, когда отъ скорости изготовленія мундира зависитъ вся будущность, а можетъ быть, и жизнь чиновника. А я и не думаю торопиться съ посылкой за портнымъ и даже такъ-таки прямо не хочу посылать за нимъ.

Это, разумѣется, бунтъ, но вы же знаете, дорогая, что я пріѣхалъ сюда бунтовать. Съ этого я и начинаю.

По списку, данному мнѣ его высокопревосходительствомъ господиномъ Ножанскимъ, я долженъ посѣтить девятнадцать персонъ различнаго до-

стоинства. Я просматриваю списокъ и опредѣляю, что такой-то и такой и вотъ еще такой имѣютъ прямое отношеніе къ моему дѣлу и у меня есть о чемъ съ ними поговорить. И такихъ въ списокѣ всего четверо. Остальные просто важныя и очень важныя, вліятельныя и очень вліятельныя лица, съ которыми, признаюсь, я не зналъ-бы о чемъ говорить.

И я рѣшаюсь: завтра поѣду къ этимъ четверемъ лицамъ и этимъ ограничусь. Это бунтъ, несомнѣнный бунтъ, это почти подрываніе основъ. И, слѣдовательно, на первыхъ же шагахъ моей дѣятельности изъ девятнадцати персонъ пятнадцать превращаются въ моихъ враговъ.

Отлично, я это люблю. Уже, значитъ, пятнадцати я буду всегда остерегаться, что бы они ни говорили, что бы ни дѣлали.

Но это только цвѣточки. И къ этимъ четверемъ я поѣду не въ мундирѣ, а во фракѣ. Не знаю, примутъ ли они меня и станутъ ли со мной разговаривать. Но все равно, я поѣду во фракѣ.

Ты спросишь, почему я такъ посту-

паю? Ты, можетъ быть, даже подумаешь: почему я занимаюсь такими мелочами?

Я тебѣ объясню, дорогой другъ. Я сказалъ Ножанскому, что у меня нѣтъ мундира, онъ ужаснулся. Ты понимаешь это: Ножанскій, Ѳедоръ Власьевичъ Ножанскій, бывший профессоръ и общественный дѣятель, ужаснулся по поводу мундира. Мундиръ мнѣ сдѣлаютъ въ двадцать четыре часа. Но это сдѣлаетъ тотъ, кто придаетъ большое значеніе мундиру, вѣдь это же несомнѣнно. Въ двадцать четыре часа мундиръ — это спѣшка, горячка и, если я воспользуюсь его адресомъ и пошлю курьеровъ за портнымъ и черезъ двадцать четыре часа явлюсь къ нему въ мундирѣ, то этимъ прежде всего ему, Ножанскому, докажу, что я придаю огромное значеніе мундиру.

Но бунтъ мой идетъ гораздо дальше. Послѣзавтра я вступаю въ должность, — уже тутъ — спроси объ этомъ любого петербургскаго чиновника — тутъ нельзя даже и представить себя безъ мундира. Чиновники будутъ мнѣ представляться, я буду говорить

имъ значительныя слова и прочее и прочее... Все это совершенно пропадетъ, если я буду безъ мундира. Я же обѣщаю тебѣ торжественно: я буду въ сюртукѣ. Это будетъ нарушеніемъ не только, принятыхъ искони вѣковъ, обычаевъ, но, кажется, даже міровыхъ законовъ. Но я готовъ сражаться даже съ міровыми законами, если они противорѣчатъ моимъ убѣжденіямъ.

Ахъ, да, Ножанскій во время приѣма настойчиво называлъ меня "ваше превосходительство" и только одинъ разъ, приглашая меня сегодня къ обѣду, назвалъ именемъ, даннымъ мнѣ при святомъ крещеніи, но и то для этого ему пришлось значительно понизитъ голосъ. Признаюсь, я всего этого еще не понимаю; должно быть, онъ мнѣ все это объяснитъ сегодня за обѣдомъ».

Х

Вечеромъ онъ былъ у Ножанскаго. Ѳедоръ Власьевичъ встрѣтилъ его усмѣшкой Авгура.

— Что, батенька мой, не понравился вамъ урокъ мертводушія?

— Нѣтъ, не понравился, Ѳедоръ Власьевичъ, — отвѣтилъ Балтовъ, — главное не могу понять, почему и зачѣмъ?

— Главнымъ образомъ по привычкѣ, мой милый. Представьте себѣ, что тамъ, въ тѣхъ величественныхъ стѣнахъ, въ виду висящихъ тамъ портретовъ моихъ досточтимыхъ предшественниковъ, которые всѣ были носителями великолѣпныхъ фамилій, хотя иногда, управляя финансами, не умѣли различить акціи отъ облигацій, я просто не могу быть инымъ. Когда я поднимаюсь по лѣстницѣ и вступаю подъ высокіе своды канцеляріи, я чувствую, что отъ меня какъ бы отлетаетъ душа.

— Но чтобы сдѣлать такую привычку, надобно имѣть для этого причину...

— Были причины, и есть, и будутъ... Нуж-

но вамъ замѣтитъ, что чиновникъ, какой бы ни занималъ онъ самостоятельный постъ, никогда не остается безъ надзора, ни одной минуты. Тотъ самый подчиненный, который съ подобострастіемъ смотритъ ему въ глаза, ловя его взглядъ, чтобы немедленно исполнить, въ то же время есть и надзиратель его. И это не шпіонство, не вѣроломство, Боже сохрани! Но въ душѣ cadaго чиновника есть особый чиновно-моральный кодексъ и, если онъ чувствуетъ, что происходитъ нарушеніе его, въ немъ протестуетъ каждая капля крови. Протестъ свой онъ выражаетъ въ изумленіи, въ тонкой жалобѣ лишь однимъ намекомъ равному себѣ или подчиненному, а слово, могущее повредить, обладаетъ свойствомъ какими то невѣдомыми путями необыкновенно быстро распространяться и доходить до такихъ высотъ, куда обыкновенныя слова не достигаютъ. Вы, Левъ Александровичъ, можете подумать, что все это шутка, и вы вотъ усмѣхаетесь, очевидно такъ и думая. Но я вамъ говорю совершенно серьезно, что чиновничество это совсѣмъ особый міръ, управляемый особыми, далеко еще невыучен-

ными законами, и что очень важно и необходимо изучить ихъ. Это можно сравнить съ міромъ бактерій. Давно-ли то время прошло, когда никто и не подозрѣвалъ о ихъ существованіи, а они существовали. До Пастера и Коха, мой другъ, людей, которые вѣрили въ существованіе этого міра, считали какими-то сектантами, если не фантазерами. И большинство мужей науки не хотѣли даже и слышать о томъ, что можно серьезно относиться къ этому. А оказалось, что міръ бактерій — это просто міръ чудесъ и при томъ чудесъ вполне реальныхъ... И теперь всякій гимназистъ твердо знаетъ, что это не фантазія и не сектанство, а прочно установленный научный фактъ.

— Допустимъ, Ѳедоръ Власьевичъ, но не преувеличили-ли вы, когда, дѣлая мнѣ приглашеніе обѣдать сегодня у васъ, даже понизили голосъ.

— А, вы это замѣтили... Нѣтъ, не преувеличилъ, ибо ни одно слово, сказанное тамъ, въ тѣхъ стѣнахъ, не проходитъ безслѣдно. Въ маленькой передней, которой вы проходили около моего кабинета, присутствуетъ чинов-

никъ, который все слышитъ. Онъ не подслушиваетъ, но слышитъ.

— Сквозь затворенную дверь?

— Да, сквозь затворенную дверь.

— Неужели у него такой тонкій слухъ?

— Вообще не знаю, и даже, пожалуй, навѣрно нѣтъ. Вашихъ словъ онъ, можетъ быть, и не слышалъ, но мои, о, онъ услышитъ ихъ даже и сквозь капитальную стѣну. Голосъ непосредственнаго начальника звучитъ для него, какъ трубный звукъ. Путемъ многолѣтняго приспособленія, въ душѣ чиновника образовались совершенно особыя, людямъ другой профессіи несвойственныя струны, которыя чутко откликаются на голосъ непосредственнаго начальства. Это смѣшно? Но я же говорю вамъ, что сорокъ лѣтъ тому назадъ, когда говорились о какомъ-то невѣдомомъ мірѣ бактерій, было смѣшно, а теперь любой студентъ естествовикъ свободно отыскиваетъ ихъ подъ микроскопомъ и можетъ рассказать вамъ цѣлую исторію объ ихъ нравахъ, привычкахъ и житьѣ бытъѣ... И вотъ вамъ, Левъ Александровичъ, задача, достойная вашего наблюда-

тельного ума. Если хотите управлять этимъ міромъ, изучайте особые законы, по которымъ онъ живетъ.

— Все-таки я не понимаю, Ѳедоръ Власевичъ, какое зло произошло бы если бы вашъ чиновникъ слышалъ ваше приглашеніе на обѣдъ.

— Никакого прямого и непосредственного зла, но пошла бы молва о нашихъ дружескихъ отношеніяхъ, выводы изъ этого...

— Однако, какъ все это связываетъ васъ!

— Голубчикъ мой, Левъ Александровичъ, если вы хотите, чтобы вашъ корабль плылъ по океану, вы заковываете его въ желѣзо и мѣдь, иначе онъ не выдержитъ напора волнъ, иными словами вы связываете его. Да и сами вы, рѣшившись плыть на корабль, развѣ не связываете себя его предѣлами и бортами? Вы не можете пойти дальше борта, потому что попадете въ море и погибнете. Но мѣшало ли это Колумбу и Норденшильду быть безстрашными мореплавателями и искателями новой земли?

Наконецъ, въ этотъ день послѣ обѣда у нихъ произошла настоящая дѣловая бесѣда.

Федоръ Власьевичъ во все продолженіе ея походилъ на профессора, который излагалъ своему слушателю положеніе того дѣла, къ коему былъ призванъ Левъ Александровичъ.

И Балтовъ слушалъ его съ величайшимъ вниманіемъ, не проронивъ ни одного слова. Они засидѣлись очень поздно.

Левъ Александровичъ пріѣхалъ домой, когда уже было совсѣмъ свѣтло. Правда, въ то время въ Петербургѣ уже начались бѣлыя ночи.

Но это не помѣшало ему на другой день встать своевременно и посвятить время визитамъ. Онъ поступилъ такъ, какъ рѣшилъ. Изъ всего списка, даннаго ему Ножанскимъ, поѣтилъ только четверыхъ.

Его, конечно, знали всюду и встрѣчали, какъ человека исключительнаго, и внимательно всматривались въ его лицо. И оттого ли, что онъ явился со стороны, безъ обычнаго прохожденія всѣхъ ступеней служебной лѣстницы, или такъ дѣйствовалъ его фракъ, на мѣстѣ котораго долженъ былъ красоваться присвоенный его должности мундиръ, но говорили съ нимъ въ высшей степени сдержан-

но и осторожно.

На слѣдующій день было назначено вступленіе Льва Александровича въ должность. Ножанскій сидѣлъ у себя дома, чѣмъ-то занимался за письменнымъ столомъ, но былъ очень невнимателенъ.

Почему-то онъ все прислушивался, не раздается-ли въ передней звонокъ и не идутъ-ли къ нему докладывать о приходѣ гостя.

Было около часа и ему пора было итти завтракать. Безъ сомнѣнія, онъ не могъ ждать къ себѣ Льва Александровича въ то время, когда онъ вступалъ въ должность. Онъ ждалъ кого-то другого. И вотъ торопливо вошелъ къ нему лакей.

— Ну, что тамъ? — спросилъ Ѳедоръ Власъевичъ.

— Степанъ Михайловичъ... Желаютъ на минуту...

— Ахъ, проси, проси...

Лакей исчезъ, а Ѳедоръ Власъевичъ быстро поднялся и выжидательно смотрѣлъ на дверь. Вошелъ Степанъ Михайловичъ. Ножанскій бросился къ нему.

— Ну-те, ну-те, рассказывайте. Ужасно ме-

ня это интересуетъ, — воскликнулъ Ножанскій, подошелъ къ нему и усадилъ его въ кресло.

Степанъ Михайловичъ Калякинъ по виду былъ человекъ незамѣтный — небольшого роста, худенькій, съ чрезвычайно рѣдкими волосами на головѣ, хотя еще не лысый, съ очень мелкими чертами лица. Но глаза его, небольшіе, быстрые, были очень умны.

На видъ ему было лѣтъ нѣсколько больше тридцати, а одѣтъ онъ былъ въ мундиръ того самого вѣдомства, къ которому принадлежалъ Ѳедоръ Власевичъ. Служебное положеніе у него было странное: чиновникъ особыхъ порученій, это, конечно, довольно опредѣленно, но обыкновенно такіе чиновники бываютъ приурочены къ какому-нибудь пункту. Калякинъ же оказывалъ услуги всему министерству и былъ своимъ человекомъ во всѣхъ департаментахъ.

Ножанскій еще при самомъ переходѣ Калякина изъ училища правовѣдѣнія на службу, отмѣтивъ его, какъ человека способнаго, умнаго, приблизилъ къ себѣ.

На этотъ разъ онъ не только догадывался,

что Калякинъ придетъ къ нему, но даже ждалъ его.

Дѣло было очень просто. Наканунъ Калякинъ былъ въ министерствѣ, было упомянуто о завтрашнемъ вступленіи Балтова въ должность. Ѳедоръ Власевичъ высказалъ, что его ужасно интересуесть, какъ это выйдетъ, и Калякинъ сейчасъ же предложилъ свои услуги быть тамъ и немедленно свои впечатлѣнія привезти ему.

— Ну-те, ну-те, говорите же! — нетерпѣливо восклицалъ Ножанскій.

— Интересно, очень интересно, ваше высокопревосходительство, — сказалъ Калякинъ своимъ чистенькимъ, яснымъ, но слабымъ голосомъ, и его тонкія губы сложились въ умную и чуть-чуть ядовитую усмѣшку. — Во-первыхъ, его превосходительство, господинъ директоръ департамента, изволилъ явиться не въ мундиръ, а въ сюртукъ.

— Что вы? Да неужели?

— Такъ точно, ваше высокопревосходительство, — полукомически подтвердилъ Калякинъ. — Тогда какъ весь департаментъ былъ бронированъ мундирами.

— Такъ это значить, что ему не успѣли сдѣлать... Его подвелъ портной... Но позволете, однако... Вѣдь онъ вчера дѣлалъ визиты. Не дѣлалъ же онъ ихъ во фракъ?

— Именно дѣлалъ ихъ во фракъ...

— Откуда вы знаете, Калякинъ?

— Какъ откуда? Вѣдь я же хорошо знакомъ съ Полтузовыми. Вчера обѣдалъ у нихъ. А у Полтузова, Андрея Алексѣевича, онъ былъ. Ну, и вотъ Андрей Алексѣевичъ за обѣдомъ рассказывалъ, что Балтовъ былъ у него во фракъ. Это ново. Онъ начинаетъ крупной реформой... Одинъ мой пріятель уже сказалъ, что, если чиновники начнутъ ходить во фракахъ, то не будетъ никакой разницы между чиновникомъ и адвокатомъ, а этого никакъ невозможно допустить.

— Ну, къ дѣлу, къ дѣлу...

— Да дѣла-то никакого не было...

— Представленіе было?

— Да, онъ представлялся.

— Онъ? Вы хотите сказать: ему представлялись?

— Нѣтъ, именно онъ. Чиновники департамента собрались въ большой пріемной ком-

натъ... Стало извѣстно, что прїѣхалъ... Иванъ Александровичъ, вице-директоръ, былъ уже внизу, въ полномъ вооруженіи, — при звѣздѣ, при лентѣ, при орденахъ, и вдругъ его глубокое смущеніе: передъ нимъ партикулярный господинъ въ сюртукѣ. Онъ даже подумалъ, не ошибка ли и въ первую минуту не зналъ, какъ обращаться; но Балтовъ, должно-быть, чутко угадалъ его, сейчасъ же протянулъ ему руку и они познакомились. Поднялись наверхъ. Блестящая плеяда чиновниковъ въ мундирахъ онѣмѣла и оглохла, когда увидѣла своего директора въ сюртукѣ. Знаете, ваше высокопревосходительство, человекъ въ сюртукѣ среди мундировъ производитъ впечатлѣніе оголеннаго, какъ будто бы его только что на улицѣ ограбили неизвѣстные злоумышленники. И вдругъ увидѣтъ оголеннаго директора!

— Вы не уклоняйтесь, мой милый, — сказалъ Ѳедоръ Власьевичъ.

И такъ какъ въ это время пришелъ лакей и доложилъ, что въ столовой ждетъ завтракъ, то Ножанскій прибавилъ:

— Пойдемте въ столовую, тамъ доскажете.

Калякинъ уже давно бывалъ у Ножанскихъ запросто. При встрѣчѣ съ женой Ножанскаго онъ поцѣловалъ ей руку и, когда они сѣли за столъ, Ѳедоръ Власьевичъ объяснилъ ей.

— Степанъ Михайловичъ рассказываетъ о первомъ появленіи Льва Александровича въ департаментъ. — И такъ...

— И такъ, поднялись наверхъ, — продолжалъ Калякинъ. — Чиновники выстроились по стѣнѣ почти въ военномъ порядкѣ. Иванъ Александровичъ сказалъ: ваше превосходительство, позвольте вамъ представить служащихъ департамента.

Тогда Балтовъ началъ подходить ко всѣмъ въ томъ порядкѣ, какъ стояли. Иванъ Александровичъ называлъ должности и имена, а онъ всѣмъ протягивалъ руку. Это была довольно длинная исторія, но онъ продѣлалъ ее добросовѣстно, а, когда кончилъ, отступилъ на середину и всѣ ждали, что вотъ сейчасъ онъ скажетъ какую-нибудь глубокомысленную и мѣткую рѣчь. И знаете ли, ваше высокопревосходительство, что онъ сказалъ? Онъ сказалъ слѣдующее: Господа, хотя мы и по-

знакомились, но мы, конечно, еще не знаемъ другъ друга. Это взаимное знакомство лучше всего пріобрѣтется въ дружной общей работѣ. Для меня несомнѣнно, что всѣ вы любите свое дѣло и хотите добросовѣстно служить ему, иначе вы не состояли бы при немъ. Я же явился къ вамъ только для одной цѣли — работать. Итакъ, будемте усердно и добросовѣстно работать и въ этой работѣ мы скоро узнаемъ и оцѣнимъ другъ друга.

И все. Онъ поклонился и посмотрѣлъ на Ивана Александровича, очевидно, спрашивая взглядомъ, куда идти? Иванъ Александровичъ повелъ его въ кабинетъ директора. Чиновники молча и угрюмо разошлись по своимъ норамъ.

— Что же, — сказалъ Федоръ Власьевичъ, — все это мнѣ нравится. Простота, дѣловитость, отсутствіе фразъ... Онъ всегда былъ такой. А скажите, Степанъ Михайловичъ, чиновники не удовлетворены?

— Конечно, нѣтъ. Чиновникъ любитъ торжественность. Чиновникъ любитъ такія слова, которыя запечатлѣвались бы въ сердцѣ. Да вы подумайте, ваше высокопревосходи-

тельство, сколько хлопотъ было у него, когда онъ наряжался въ мундиръ! Вѣдь, надѣвать то его приходится два-три раза въ году; надо было принести въ порядокъ, все это дѣлалось за нѣсколько дней и ему за эти хлопоты показали черный сюртукъ. Затѣмъ, для чего-нибудь собирали же ихъ въ столь напряженно праздничномъ видѣ и вдругъ — давайте работать. Хотя бы стихи какія-нибудь изъ Державина продекламировалъ...

Өедоръ Власьевичъ укоризненно покачалъ головой. — Удивляюсь вамъ, Степанъ Михайловичъ, вы молодой чиновникъ, а уже старой школы. Это оттого, что вы учились въ правовѣдѣніи, гдѣ стѣны пропитаны старочиновничьими традиціями. Если бы вы учились въ университетѣ, на васъ все это произвело бы другое впечатлѣніе. Но зато вы увидите, какая работа затрещитъ у него въ департаментѣ. Вообще, онъ вамъ покажетъ, господа, какъ нужно работать.

— А вы думаете, что чиновника можно заставить работать больше установленнаго времени? Никогда, ни за что!

— Онъ заставитъ. Онъ уже сдѣлалъ это од-

инъ разъ, когда реформироваль пароходное общество. Я помню, какъ тамъ работали по восемнадцати часовъ въ сутки и какъ закипѣло и выросло дѣло подъ его управленіемъ.

— Тамъ не было чиновниковъ.

— Все равно, мой милый, въ Россіи вездѣ чиновники. Служащіе въ банкахъ и промышленныхъ конторахъ тѣ же чиновники, какъ и въ департаментахъ. Онъ подниметь служащихъ своимъ примѣромъ, своей личностью.

Словомъ, Ножанскій въ эту минуту весь былъ на сторонѣ новаго директора департамента. Все, что рассказалъ ему Калякинъ, напомнило ему что-то изъ прежняго. Фигура Балтова — простая, рабочая, безъ звонкихъ фразъ, безъ позы, нарисовалась ему ясно и онъ вспомнилъ, можетъ быть, себя въ тѣ времена, когда онъ создавалъ новыя общественныя учрежденія въ родномъ городѣ!

Настроеніе его было таково, что онъ даже прощаль Льву Александровичу его сюртукъ и въ этомъ готовъ былъ видѣть символъ простоты и работы.

Онъ только одного боялся: какъ все это бу-

детъ принято? Въдь, несомнѣнно, тамъ, въ департаментѣ, были репортеры и завтра обо всемъ этомъ начнутъ трубить въ газетахъ.

Когда послѣ завтрака онъ отправился въ министерство, то первое, о чемъ заговорили приближенные къ нему люди, это были мысли о вступленіи въ должность новаго директора департамента.

Казалось бы, тамъ не произошло ничего особенно выдающагося; но чиновничьи умы были задѣты глубоко и все министерство, казалось, было поглощено подробностями этого событія. Въ особенности сюртукъ директора всѣмъ не давалъ покоя. Въ этомъ видѣли нарушеніе основныхъ правилъ чиновничьяго приличія, рисовку и даже цинизмъ.

Между тѣмъ въ самомъ департаментѣ впечатлѣніе было нѣсколько иное. Тамошніе чиновники видѣли директора воочию и онъ прежде всего подкупилъ ихъ своей вѣжливостью и своей манерой. Понравилась его простота и та всегдашняя доброжелательность, которая была видна въ его обращеніи со всѣми. Понравилась улыбка, съ которой онъ протягивалъ каждому руку.

Наконецъ, когда, послѣ перваго смущенія, разобрали по косточкамъ его рѣчь, то должны были признать, что онъ сказалъ то, что только и можно было сказать. Въ самомъ дѣлѣ, что же могутъ говорить между собою люди, совершенно незнакомые, встрѣтившіеся въ первый разъ?

Обыкновенно директора назначались изъ состава служащихъ. Вице-директоръ того же департамента, или даже хотя бы и другого, но это все равно, всѣ петербургскіе чиновники знаютъ другъ друга. И такой человѣкъ могъ говорить о своихъ принципахъ, о взглядахъ на разные вопросы, касавшіеся службы.

Этотъ же пришелъ со стороны, никому неизвѣстенъ. И, конечно, онъ правъ, что сперва надо познакомиться другъ съ другомъ.

Разумѣется, въ этотъ день въ департаментѣ была плохая работа, чиновники собирались группами и обсуждали событія. Поднимались даже споры.

Очень скоро выдѣлилась молодая партія, сильно стоявшая за новаго директора; на нихъ повѣяло какой то новой струей, которую они оказались способными почувствовать.

Старшіе, долголѣтніе служаки уже утратили эту способность и говорили только о внѣшности. Ихъ главнымъ доводомъ былъ сюртукъ, которымъ они побивали своихъ противниковъ.

Но явившійся отъ вице-директора старшій дѣлопроизводитель отнялъ отъ нихъ это орудіе. Онъ передалъ служащимъ просьбу новаго директора извинить ему появленіе въ сюртукъ, что просто объяснялось тѣмъ, что онъ только три дня какъ прибылъ въ Петербургъ, и это сразу почти объединило весь департаментъ.

ХІ

Прошло уже двѣ недѣли съ тѣхъ поръ, какъ Левъ Александровичъ Балтовъ вступилъ въ должность. И вотъ что онъ писалъ Натальѣ Валентиновнѣ объ этихъ двухъ недѣляхъ.

«Другъ мой, я тоскую по тебѣ, но это происходитъ въ моемъ сердцѣ, голова же моя заполнена тысячью вопросовъ и дѣлъ, и не сучаетъ.

Официально я считаюсь вступившимъ въ должность, но фактически я далеко еще не вступилъ въ нее. Я не сдѣлалъ еще ни одного, лично мнѣ принадлежащаго, распоряженія.

Правда, я уже подписалъ множество бумагъ, но большинство изъ нихъ безразлично, а остальные я обязанъ былъ подписать по должности, хотя нравственно не отвѣчаю за нихъ, ибо достовѣрно еще не знаю, сдѣлалъ ли я ими добро, или зло. Думаю, однако, что не сдѣлалъ ни добра, ни зла.

Моя жизнь въ настоящее время вся превратилась въ изученіе дѣла. Я занимаюсь этимъ и на службѣ и дома. Кажется, я успѣлъ уже

замучить господъ чиновниковъ, и они смотрятъ на меня съ нѣкоторымъ недружелюбіемъ.

Я знакомлюсь съ дѣлами, съ чиновниками, съ посѣтителями. И удивительно медленно на этотъ разъ въ моей головѣ, привыкшей къ быстрой работѣ, складываются опредѣленные представленія и я даже не могу сказать, когда я начну, наконецъ, сознательно дѣйствовать. Долженъ признаться, что эта область жизни совершенно чужда моему уму и ему приходится сживаться съ ней. И пока — я здѣсь не существующая величина.

За то въ другой области я дѣйствую энергично, именно въ дѣлѣ устроенія нашей предстоящей жизни. Казенную квартиру я не только осмотрѣлъ, но и изучилъ каждый уголокъ ея и съ академически серьезнымъ видомъ каждой комнатѣ далъ подходящее назначеніе.

Квартира мнѣ очень нравится и я нахожу, что казенныя квартиры для важныхъ чиновниковъ служатъ одной изъ главнѣйшихъ причинъ ихъ упорнаго консерватизма. Это слишкомъ хорошо для того, чтобы кому-ни-

будь хотѣлось покидать. Вѣдь покидать пришлось бы вмѣстѣ съ лишеніемъ должности; это значить, — переселиться въ наемную квартиру изъ какихъ-нибудь пяти-семи комнатъ, — кому же охота?

Если бы я былъ властенъ, я всѣхъ чиновниковъ переселилъ бы изъ казенныхъ квартиръ въ наемныя, а освободившіяся помѣщенія отдалъ бы подѣ школы. Сколько возникло бы прекрасныхъ школъ, которыя не могутъ возникнуть за недостаткомъ помѣщеній! Впрочемъ, я уклонился.

Тѣмъ не менѣе, такъ какъ я на это власти не имѣю, и казенныя квартиры остаются еще и вѣроятно очень долго еще будутъ оставаться въ распоряженіи чиновниковъ, то и я на общемъ основаніи устраиваю для себя казенную квартиру.

Самолично я заказалъ мебель, при чемъ примѣнилъ свой собственный вкусъ, но въ это время, разумѣется, думалъ о тебѣ, стараюсь, чтобы мой вкусъ былъ твоимъ; и вотъ ты посмотришь, хорошо ли я проникся твоимъ вкусомъ и достаточно ли понялъ его.

Сестра моя Лиза никакъ не можетъ по-

нять, почему это я, заваленный государственной работой, занялся вопросом о мелочахъ квартирной обстановки? А я не объяснялъ ей. Хотя я замѣтилъ на лицѣ ея даже страданіе, тѣмъ не менѣе я былъ жестокъ. Мнѣ не захотѣлось находить такъ далеко и это объясняется моимъ кардинальнымъ свойствомъ: душа моя совершенно не выносить контроля даже въ самыхъ малѣйшихъ мелочахъ. Сообщая ей, я долженъ былъ-бы рассказать ей и о планѣ нашей жизни. А это значило-бы, что мнѣ пришлось бы выслушать ея мнѣніе, какъ я думаю, едва-ли одобрительное. Я предпочелъ избавить и себя и ее отъ этого совершенно ненужнаго и непріятнаго занятія.

Торжественно сообщаю тебѣ, что у меня уже есть мундиръ и виць мундиръ и что послѣднее произведеніе искусства я уже ношу на своихъ плечахъ, благодаря чему чиновники моего департамента значительно успокоились и въ глазахъ ихъ я уже не вижу такой тревоги, какъ въ первые дни. Первое же пока мирно виситъ въ шкафу.

Вообще все пока „мирно виситъ въ шкафу“. Я чувствую себя, какъ въ приготовитель-

номъ классѣ. Съ Ножанскимъ у насъ происходитъ какая-то игра. Онъ, видимо, притаился и присматривается ко мнѣ: кажется, ему начинаетъ открываться, что я далеко не таковъ, какимъ онъ представлялъ меня. Кажется, онъ думалъ, что я поступлю прямо подъ его руководство и буду справляться у него о каждомъ предстоящемъ шагѣ. Но я рѣшительно ни о чемъ не спрашиваю, я обхожусь безъ его помощи. Я самостоятельно роюсь въ томъ ворохѣ матеріаловъ, изъ которыхъ мнѣ предстоитъ создать что-то новое, и по отношенію къ нему я тоже „притаился“.

Мы съ нимъ теперь очень рѣдко видимся.

Я нарочно избѣгаю его, такъ какъ при свиданіяхъ пришлось бы непременно высказываться по вопросамъ, которые и для меня еще недостаточно ясны и излагать несозрѣвшія и не выношенныя мысли.

А мысли у меня самого разрушительнаго свойства. Департаментъ я нашелъ по внѣшности въ порядкѣ, но съ моей точки зрѣнія въ ужасномъ видѣ. И какъ только я приобрѣту полную компетентность, тотчасъ придется производить разгромъ.

Вотъ когда начнутъ проявляться мои враги. Теперь они, подобно фотографическимъ пластинкамъ, лежатъ еще въ камерѣ-обскурѣ. Но въ самомъ скоромъ времени на пластинкахъ начнутъ проявляться изображенія.

Въ виду всего этого, скажи Корещенскому, чтобы онъ уже укладывался и чтобы чемоданъ его всегда былъ на готовѣ. Да и сама будь ко всему готова».

Лизавета Александровна, дѣйствительно, удивлялась очень многому изъ того, что происходило на ея глазахъ.

Въ гостинницѣ она была совершенно отдѣльно отъ брата. Ея номеръ былъ даже въ другомъ корридорѣ. Это, правда, вышло случайно: въ тотъ день, когда они приѣхали, не было рядомъ свободнаго номера. Но потомъ это такъ уже и осталось и даже оказалось удобнымъ. Въ особенности послѣ того, какъ Левъ Александровичъ вступилъ въ должность къ нему постоянно являлись служащіе съ кипами бумагъ и проводили у него по нѣскольکو часовъ.

И съ первыхъ же дней ихъ пребыванія въ Петербургѣ обстоятельства какъ-то такъ сло-

жились, что Елизаветъ Александровнъ пришлось совершенно отдѣлить себя отъ брата. Онъ, правда, предложилъ ей познакомиться съ Ножанскими, куда онъ самъ въ первые дни ѣздилъ и утромъ и вечеромъ, но она отказалась.

Она считала, что подобная торопливость въ знакомствѣ можетъ только обременить Льва Александровича и даже повредить ему. И она съ первыхъ же дней завела обыкновеніе завтракать и обѣдать одна.

Въ ресторанъ она, конечно, не спускалась, ей сервировали въ номерѣ. Она отъ этого нисколько не скучала. Она больше всего на свѣтѣ любила свое собственное общество.

Брата она видѣла рѣдко, случалось даже, что не каждый день. Сперва онъ не бывалъ дома, а въ послѣднее время у него всегда кто-нибудь сидѣлъ. И въ это время въ номерѣ у него происходили усиленные занятія дѣлами, такъ что она даже не позволяла себѣ входить туда.

Изрѣдка они обѣдали вмѣстѣ въ ресторанъ и въ этихъ случаяхъ Левъ Александровичъ всегда торопился. Лизавета Александровна

знала его манеру работать, въ особенности, когда онъ занимался какимъ-нибудь новымъ дѣломъ. Уже тогда отъ него нельзя было спрашивать любезности и вниманія. Онъ весь отдавался дѣлу. Она знала это и прощала ему.

Въ незнакомомъ городѣ оставаться всегда совершенно одной ей было немного тяжело, но она уже давно привыкла смотрѣть на свою жизнь, какъ на подвигъ ради великаго брата.

Къ тому же она, по своему, даромъ не теряла времени. У нея въ номерѣ лежало нѣсколько справочныхъ книгъ, по которымъ она тщательно изучала Петербургъ. Она была здѣсь въ первый разъ.

Это было въ высшей степени основательное изученіе, — по плану, по участкамъ, по улицамъ и каналамъ, какъ урокъ географіи.

Отъ времени до времени она укрѣпляла свои новыя познанія «практическими занятіями», какъ она сама въ шутку называла это!

Когда она знала, что Левъ Александровичъ будетъ сидѣть дома, она одѣвалась, выходила изъ отеля, садилась въ экипажъ, который всегда былъ къ ихъ услугамъ, и ѣхала въ ту

часть города, которая въ данное время была предметомъ ея изученія.

Иногда она ходила пѣшкомъ, заходила въ соборы, посѣщала всевозможные спеціальныя музеи, побывала на рынкахъ, словомъ — относилась къ дѣлу съ той серьезностью и основательностью, какія были ей свойственны.

Но въ головѣ ея постоянно стоялъ вопросъ о квартирѣ. Жизнь въ гостинницѣ была ей непріятна. Она привыкла жить въ своемъ домѣ, и здѣсь все шокировало ее и на каждомъ шагу раздражало.

Она, разумѣется, сносила все это съ гордымъ терпѣніемъ, но никакъ не могла понять, почему такъ долго имъ надо жить въ гостинницѣ и однажды, когда они обѣдали вмѣстѣ, она спросила объ этомъ Льва Александровича.

— Почему, Левъ, мы не ищемъ квартиру? неужели мы вѣчно будемъ жить въ гостинницѣ? Я не думаю, чтобы и тебѣ было это пріятно.

— Мы будемъ жить въ казенной квартирѣ, - отвѣтилъ Левъ Александровичъ. — На-

мъ отводятъ прекрасную квартиру.

— Въ такомъ случаѣ это тѣмъ болѣе странно... есть казенная квартира, а мы живемъ въ гостинницѣ.

— Но, Лиза, сперва надо устроиться, — сказалъ Левъ Александровичъ.

— Разумѣется. Я вотъ этого именно и не понимаю, почему же мы не устраиваемся? У меня очень много свободнаго времени, я могла бы этимъ заняться.

— Ты ошибаешься, Лиза, я уже даже принялъ мѣры.

— Мѣры? — съ видимымъ непониманіемъ спросила Лизавета Александровна.

— Ха, ха, ха... Это я уже сдѣлалъ привычку въ канцеляріи... Тамъ всегда «принимаются мѣры»... Ну, да, я уже кой-что сдѣлалъ въ этомъ направленіи.

— Да что же ты могъ сдѣлать?

— Заказалъ мебель.

Елизавета Александровна съ величайшимъ изумленіемъ взглянула на него.

— Ты заказалъ мебель? Почему же ты вздумалъ заниматься этимъ?

— Такъ, пришла фантазія.

— Да ты же въ этомъ ничего не понимаешь.

— Въ сущности — да. Но мнѣ кажется, что на этотъ разъ я все сдѣлалъ хорошо.

— Это странно. Ты, по крайней мѣрѣ, показаль бы мнѣ квартиру... Да и вообще... Странно, что ты не спросилъ моего мнѣнія, Левъ. Въдь тутъ есть множество вопросовъ... Въдь домашнимъ хозяйствомъ буду заниматься я.

И въ голосъ Елизаветы Александровны звучала обида.

— Видишь-ли, Лиза, — сказалъ Левъ Александровичъ, — я какъ-то не думалъ объ этомъ. Голова моя теперь вѣчно занята тысячами другихъ вопросовъ.

— Да, и потому тѣмъ болѣе странно, что ты занялся такими пустяками...

— Да, конечно, это странно. И я даже не правъ... Но это поправимо, ты поѣзжай и посмотри квартиру...

— Можетъ быть, это немного поздно?

— Да почему же? Мебель, конечно, будетъ сдѣлана, но могу тебя увѣрить, что я не заказалъ ничего такого, что тебя шокировало бы. Мебель еще на фабрику, ее ты не можешь

видѣть, но тебѣ покажутъ модели.

— А ковры, портьеры, обивка мебели, обои?

— Все это я уже заказалъ.

— Да? И это?

— Я сдѣлалъ все это въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Это очень удобно. Здѣсь хорошій обычай: все сосредоточено въ однихъ рукахъ. Никакихъ хлопотъ. Это своего рода антреприза. За это, конечно, съ меня сдерутъ, но это не важно. А ты вотъ что, Лиза, — прибавиль онъ, — ты займись устройствомъ кухни. Кухонную посуду я не пріобрѣлъ. Я думаю, что дней черезъ десять вся обстановка будетъ готова и квартира будетъ отдѣлана... Такъ вотъ, значить, и тебѣ будетъ работа...

И, такъ какъ Левъ Александровичъ очень торопился, потому что ему пришли сказать, что наверху ждетъ его уже чиновникъ, — а онъ не давалъ служащимъ покою даже по праздникамъ, то Лизавета Александровна не имѣла возможности болѣе пространно выразить свое огорченіе. Она только узнала адреса квартиры и мебели.

Это было для нея настоящимъ маленьки-

мъ ударомъ. Главное, что все это было сдѣлано какъ будто въ тайнѣ отъ нея. Другое дѣло, если бы Льву вздумалось сдѣлать заказы и все-таки сообщить ей объ этомъ. Но онъ ни слова не сказалъ ей.

У нея, разумѣется, не было никакихъ опредѣленныхъ мыслей, но до такой степени все это было необычно и противорѣчило всему порядку ихъ жизни, что смутное подозрѣніе закралось въ ея душу.

Въ послѣдніе дни передъ ихъ отъѣздомъ съ юга Левъ Александровичъ почти не бывалъ дома. Днемъ онъ сидѣлъ въ управленіи, отправляясь туда съ восьми часовъ утра и сдавая дѣла, домой заѣзжалъ на пять минутъ, чтобы переодѣться и сейчасъ же ѣхалъ къ Мигурской обѣдать и тамъ оставался весь вечеръ, возвращаясь домой очень поздно.

Что отношенія между ними были гораздо болѣе близкія, чѣмъ дружба, Лизавета Александровна въ томъ не сомнѣвалась, но тамъ она легкомысленно думала, что переѣздъ въ Петербургъ, котораго она такъ жаждала для брата, послужитъ благопріятнымъ поводомъ для ликвидаціи этихъ отношеній.

Изъ этого можно заключить, что она совершенно не понимала Льва Александровича и его отношенія къ Мигурской.

И въ ея радостномъ чувствѣ отъ переѣзда въ Петербургъ большое участіе принимало это соображеніе, потому что близкія отношенія съ Мигурской она считала рѣшительно вредными для своего брата.

Теперь же, когда обнаружились эти новыя обстоятельства, она вдругъ поняла, что заблуждалась, и, когда она съизнова, съ новой точки зрѣнія обсудила эти отношенія, то ей стало ясно, что она судила о нихъ легкомысленно.

Нѣтъ, не могутъ эти отношенія такъ легко оборваться. Левъ не изъ тѣхъ людей, которые заводятъ легкія поверхностныя связи. Если онъ такъ привязался къ этой женщинѣ, то, значитъ, тутъ есть что-то очень серьезное.

И по мѣрѣ того, какъ она думала объ этомъ, ея подозрѣніе все больше и больше выливалось въ опредѣленную форму и облекалось плотью. Такъ или иначе, а Мигурская будетъ играть роль въ его жизни. Но какую?

Вотъ этотъ вопросъ особенно безпокоилъ

ее. Левъ уже въ томъ возрастѣ, когда человѣкъ долженъ думать о семьѣ. А теперешнее новое положеніе его таково, что семья ему необходима.

Такъ неужели же это? Но вѣдь Мигурская замужемъ и мужъ ея дурной человѣкъ. Однако, возможно, что они предпримутъ разводъ...

Женитьба на разведенной, — Лизаветѣ Александровнѣ это было не симпатично. Это противорѣчило всему ея душевному складу. Въ особенности же, не нравилось ей это для брата.

Почему-то представлялось ей, что Левъ долженъ непременно взять себѣ въ жены — «чистую дѣвушку изъ очень хорошей семьи».

Но такъ или иначе, а тутъ, пожалуй, приходилось допустить возможность и этого. Иначе, какъ черезъ разводъ и женитьбу, она этой связи не допускала. Воображеніе ея даже не рѣшалось нарисовать какую-нибудь другую форму близости. Если подобная связь еще была возможна тамъ, въ южномъ городѣ, гдѣ Левъ, хотя и занималъ видное положеніе, но все же былъ частнымъ человѣкомъ, то здѣсь,

когда онъ постоянно соприкасается съ щепетильными высшими сферами, объ этомъ не могло быть и рѣчи.

Но даже и въ такомъ видѣ эта связь ей страшно не нравилась. Съ Мигурской она никогда не сойдется: онѣ люди совершенно разной чеканки. Но, сдѣлавшись женою Льва, она, конечно, займетъ въ домѣ преобладающее положеніе. И что же ей останется? Покориться или уйти...

Уйти, это значитъ оставить брата подъ исключительнымъ вліяніемъ этой женщины. На это она никогда не согласится, потому что считаетъ такое вліяніе вреднымъ.

Значитъ, пришлось бы покориться, т.-е. помириться съ второстепенной ролью въ домѣ.

И вдругъ въ головѣ ея совершенно явственно прозвучали слова, сказанныя Львомъ Александровичемъ за обѣдомъ:

— «А ты займись устройствомъ кухни... Кухонную посуду купи»...

Холодная дрожь пробѣжала у нея по спинѣ. Вѣдь Левъ никогда ничего не говоритъ зря. Всякое слово у него имѣетъ значеніе. Да что же это? Намекъ на то, что въ будущемъ ея

роль будетъ сведена къ занятію кухоннымъ хозяйствомъ?

Но эта страшная мысль какъ-то сама собой стушевалась. Нельзя даже на минуту допустить мысли, чтобы Левъ поступилъ съ нею такъ грубо.

И вообще, разсудивши хорошенько, она нашла, что поторопилась съ своими страхами. Просто — тамъ, въ родномъ городѣ, было одно, а здѣсь другое. Тамъ они жили въ собственномъ домѣ, и Лизавета Александровна застала квартиру уже вполнѣ отдѣланной и жилой. Здѣсь же надо устраиваться.

И вотъ Левъ вообразилъ, что она этого не съумѣетъ сдѣлать, что это для нея слишкомъ сложно. А, можетъ быть, просто ѣхалъ мимо магазина, увидѣлъ выставку и соблазнился.

Словомъ, она очень скоро успокоила себя. Но въ тотъ же день она поѣхала посмотрѣть казенную квартиру.

Она обошла всѣ комнаты. Это было въ воскресенье. Въ квартирѣ не было ни души. Но повсюду были признаки того, что здѣсь шла дѣятельная работа. Въ нѣкоторыхъ комнатахъ были со стѣнъ содраны обои, въ другихъ

они были наклеены на половину. Всюду висѣли проволоки для электрическихъ проводовъ.

Чинили паркетные полы, въ кухнѣ же полы заново окрашивали. Въ обширной комнатѣ для ванны производились капитальныя работы. Здѣсь все дѣлалось заново.

Словомъ, оказалось, что Левъ Александровичъ позаботился рѣшительно обо всемъ и мысль о томъ, что онъ случайно заказалъ мебель, очевидно сама собой отпадала.

Въ этотъ день она не могла побывать въ мебельномъ магазинѣ, потому что онъ былъ запертъ, но на слѣдующій день она занялась этимъ прежде всего.

Ей показали модели и она нашла все страннымъ, несоотвѣтствующимъ ея вкусу, а, главное, ея плану.

Ей казалось, что квартира такого важнаго человѣка, какимъ представлялся ей теперь братъ, должна быть обставлена тяжелой солидной мебелью, въ какомъ-нибудь старинномъ стилѣ. А Левъ остановился на легкомъ модернѣ. Правда, фасонъ былъ очень нарядный и изящный, но онъ казался Лизаветѣ

Александровъ въ высшей степени легкомысленнымъ и неподходящимъ для казенной квартиры.

Но изслѣдованія ея не остановились на этомъ. Она пожелала подробнѣе ознакомиться съ заказомъ. Ей дали списокъ.

И тугъ она шагъ за шагомъ дѣлала открытія. Обстановка была обозначена по комнатамъ. Тутъ были кабинетъ, гостинная, залъ, столовая, пріемная и... тутъ Лизавета Александровна стала въ тупикъ: три спальни.

Лизавета Александровна была до такой степени смущена и огорошена, что сдѣлала даже неловкость. Она спросила:

— Вамъ заказано три спальни? Это не ошибка?

И этимъ вопросомъ она показала, что какъ будто недостаточно посвящена въ дѣло.

— Да, три спальни, — отвѣтили ей:— одна мужская и двѣ дамскихъ.

Лизавета Александровна закусилла губу и больше ни о чемъ не спрашивала; она только подробно изслѣдовала составъ обѣихъ дамскихъ спаленъ. Въ нихъ, въ особенности въ одной, были удивительно предусмотрѣны всѣ

мелочи ежедневнаго обихода.

«Три спальни, три спальни», — это сведѣніе теперь заполонило ея голову и рѣшительно не давало ей покоя. Казалось бы, теперь уже все было ясно и не могло быть никакихъ сомнѣній.

«Три спальни. — Одна мужская и двѣ женскихъ»... Для кого же можетъ быть предназначена вторая женская спальня, какъ не для Мигурской?

Но, Боже мой, въ какомъ же качествѣ? Въдь о разводѣ еще не было и рѣчи.

А впрочемъ, если Левъ могъ заказать всю обстановку, не сказавъ ей объ этомъ ни слова, то она могла допустить, что помимо ея уже сдѣлана тысяча вещей.

Можетъ быть, они давно уже ведутъ разводъ, а, можетъ быть, тутъ все уже кончено? Ея воображеніе теперь шло смѣло и зашло очень далеко и она поставила въ душѣ своей даже такой вопросъ:— можетъ быть, они уже обвѣнчаны?

Это было совершенно невозможное предположеніе, — что человѣкъ съ такимъ положеніемъ, какъ Левъ Александровичъ,

обвѣнчается тихонько, гдѣ-нибудь въ загородной церкви, и главное, главное — тайно отъ нея!

И когда, дня черезъ три послѣ этого, они опять обѣдали съ братомъ, то Левъ Александровичъ могъ бы замѣтить, если бы захотѣлъ быть внимательнымъ, что въ глазахъ ея была все время тревога. Однако, она ни однимъ словомъ не выказала передъ нимъ своихъ опасеній. По обыкновенію, она всѣ свои мысли спрятала отъ него.

Она сказала, что видѣла квартиру и модели мебели и что то и другое ей очень понравилось.

Съ героической покорностью она сообщила ему, что уже заѣзжала въ нѣсколько магазиновъ, гдѣ продается кухонная посуда, приглядывалась, но ни на чемъ не остановилась.

И больше она ничего не прибавила.

И она, затаивъ въ себѣ недовольство и обиду, что считала своимъ долгомъ дѣлать всегда «ради брата», скромно занялась покупкой посуды. Оказалось, что не только кухонная, но и вообще вся посуда не была приготовлена. Та-

кимъ образомъ ея полномочія расширились.

Они расширились еще больше, когда она однажды подумала о бѣльѣ. Оказалось, что Левъ Александровичъ совсѣмъ выпустилъ изъ виду эту статью: ни столоваго, ни постельнаго бѣлья онъ не заказалъ. Это доставило Лизаветѣ Александровнѣ особаго рода удовольствіе.

— Вотъ что значитъ устраивать хозяйство помимо меня.

Тогда она занялась и этимъ и, такъ какъ это было занятіе серьезное, то время ея было заполнено.

Кромѣ того она каждый день посѣщала казенную квартиру и поощряла работающих торопиться съ отдѣлкой и тамъ уже привыкли смотрѣть на нее, какъ на хозяйку. Узнали, что она сестра директора и курьеры при встрѣчѣ съ нею почтительно кланялись и называли ее «ваше превосходительство». Съ этой стороны она не имѣла основаній считать себя неудовлетворенной.

Она также заботилась о томъ, чтобы обстановка была поскорѣе исполнена. Для этого она часто заѣзжала въ магазинъ и поощряла.

И все это, въ самомъ дѣлѣ, было необходимо. Левъ Александровичъ, сдѣлавъ распоряженія и заказы, точно забылъ обо всемъ этомъ. У него было страшно много дѣла и ему было не до этого.

Однажды за обѣдомъ онъ вдругъ вспомнилъ и сказалъ:

— Однако, надо бы справиться насчетъ квартиры. Скоро-ли ее отдѣлаютъ?

— Она будетъ готова черезъ три дня, — сказала Лизавета Александровна.

— Тебѣ развѣ сообщили?

— Но я ѣзжу туда каждый день. Еслибъ я этого не дѣлала, такъ затянули бы работу на мѣсяцы.

— Неужели? А, вотъ я этого не зналъ... что ты тамъ бываешь... Что же, это очень хорошо! Да нужно и съ мебелью поторопить.

— Я дѣлаю это чуть не каждый день.

— Какъ? И это?

— Да что же тутъ удивительнаго, Левъ? Надо удивляться не этому, а тому, что ты хотѣлъ обойтись безъ меня. Вѣдь это же такъ естественно, чтобы я занималась всѣми подобными вещами. Ты заваленъ работой, тебѣ

не до того.

И, наконецъ, были готовы и квартира и мебель. Лизавета Александровна получила объ этомъ заявленіе съ той и другой стороны и сообщила Льву Александровичу.

Тутъ Левъ Александровичъ увидѣлъ себя въ необходимости сказать ей о томъ обстоятельстве, которое въ сущности дѣла не было для нея новостью.

При устроеніи квартиры все это такъ или иначе должно будетъ обнаружиться. А онъ не хотѣлъ ставить себя въ неловкое положеніе передъ сестрой. И наканунѣ доставки мебели въ квартиру у нихъ былъ разговоръ.

Это было вечеромъ, часовъ въ десять. Левъ Александровичъ отпустилъ отъ себя довольно рано дѣлопроизводителя, который былъ у него съ дѣлами, приказалъ приготовить у себя въ комнатѣ чай и послалъ записку Лизаветѣ Александровнѣ.

«Не хочешь-ли попить со мною чаю? Я свободень».

Лизавета Александровна, разумѣется, тотчасъ же пришла и начала хозяйничать за чайнымъ столомъ. Это былъ такой рѣдкій

случай, что братъ приглашалъ ее къ себѣ.

При томъ же она догадывалась, что чай — только предлогъ, а что онъ хочетъ что-то сказать ей.

И Левъ Александровичъ не особенно долго подходилъ къ предмету. Онъ присѣлъ къ столу, взялъ налитый стаканъ чаю и сказалъ:

— Итакъ, завтра начинаютъ устраивать въ квартирѣ меблировку...

— Да, они обѣщали, — сказала Лизавета Александровна, чувствуя въ этихъ его словахъ начало разговора.

— Да, ну, такъ вотъ. Я и хочу сказать тебѣ, Лиза... Есть одно обстоятельство.

Лизавета Аленсандровна замерла съ чайникомъ, наклоненнымъ надъ чашкой и возвела на брата вопрошающій взоръ.

— Есть одно обстоятельство, о которомъ я долженъ сообщить тебѣ... Видишь-ли, я никогда не говорилъ съ тобой о моихъ отношеніяхъ къ Натальѣ Валентиновнѣ.

— Никогда! — чрезвычайно твердо сказала Лизавета Александровна и отрицательно покачала головой.

— Да, но это потому, что мы съ тобой вооб-

це какъ-то мало говоримъ о нашей внутренней индивидуальной жизни. У насъ этого нѣтъ... Ну, я скажу такъ: мы безъ этого отлично обходимся и это не мѣшаетъ нашимъ братскимъ отношеніямъ быть превосходными.

— Да, пожалуй...

— Но это возможно тогда, когда рѣчь идетъ о душевныхъ состояніяхъ; когда же оно переходитъ въ фактъ, сопряженный съ нѣкоторой перемѣной жизни, мы должны измѣнить этому правилу.

— Да, конечно, Левъ, — исправно подавала свои реплики Лизавета Александровна.

— Ну, такъ вотъ видишь, теперь именно и произошелъ фактъ, который внесетъ нѣкоторыя перемѣны въ нашу жизнь. До сихъ поръ мы жили вдвоемъ, теперь будемъ жить втроемъ...

— Какимъ образомъ? спросила Лизавета Александровна, и при этомъ на лицѣ ея не дрогнулъ ни одинъ мускулъ.

Она была совершенно готова къ этому сообщенію и даже заранѣе знала, какъ отнесется къ нему и какъ будетъ вести себя.

— Да вѣдь это же ясно само собой послѣ то-

го, что я сказалъ. Сюда прїѣдетъ Наталья Валентиновна и уже прямо въ нашу квартиру.

Лизавета Александровна улыбнулась и улыбка эта была, конечно, вполнѣ неискренняя, а потому и лишенная всякой веселости. — Какой ты, однако, хитрый, Левъ, — сказала она:— какъ это ты такъ тихонько устроишь все: и разводъ и... и вѣнчаніе, конечно?

— Что? Разводъ и вѣнчаніе?

— Ну, да... Или, покрайней мѣрѣ, первое...

— Ни то, ни другое, Лиза... Ты должна это знать. Нѣтъ ни того, ни другого.

Тогда Лизавета Александровна поставила на столъ чайникъ, который до сихъ поръ все еще держала въ рукахъ, отодвинула отъ себя подносъ съ посудой и выразительно положила на столъ обѣ руки ладонями книзу.

— Ну, такъ я тутъ ничего не понимаю, Левъ. Я ровно ничего не понимаю! — сказала она.

Левъ Александровичъ сдѣлалъ слегка нетерпѣливое движеніе плечами. Ему было досадно, что сестра не хочетъ понять его съ двухъ словъ. Всякая другая на ея мѣстѣ сѣумѣла бы это сдѣлать.

— Но это легко понять, надо только захотѣть, — промолвилъ онъ.

— Я хочу... Я очень хочу этого, Левъ, но я не понимаю....

— Я принужденъ объяснить тебѣ. Какая же можетъ быть рѣчь о разводѣ, когда дѣло идетъ о такомъ господинѣ, какъ докторъ Мигурскій? Вѣдь ты же знаешь, что это за человекъ, и ты должна понимать это, Лиза.

— Да, по всей вѣроятности.

— А если такъ, то, значитъ, разводъ невозможенъ.

— Но тогда и бракъ невозможенъ.

— Совершенно вѣрно. Онъ, дѣйствительно, невозможенъ.

— Но, Левъ, съ каждымъ твоимъ словомъ я начинаю понимать все меньше и меньше, — сказала Лизавета Александровна. — Ты меня извини.

— Боюсь, Лиза, что ты не хочешь понимать меня гораздо больше, чѣмъ не можешь. Если люди — мужчина и женщина — питаютъ другъ къ другу чувство и при этомъ не могутъ обвѣнчаться по причинамъ внѣшнимъ, независящимъ отъ нихъ, то они устраиваются

иначе.

— Не всѣ это могутъ, Левъ.

— Я говорю о независимыхъ людяхъ.

— Да, конечно. Но человекъ, на котораго возложены почетныя обязанности сановника, не можетъ считать себя независимымъ! — возразила Лизавета Александровна.

— Лиза, если ты говоришь обо мнѣ, то знай разъ навсегда, что я никогда не взялъ бы на себя такихъ, хотя бы и самыхъ почетныхъ, обязанностей, которыя отняли бы у меня хоть каплю личной независимости. Однимъ словомъ, Наталья Валентиновна пріѣдетъ сюда и поселится въ нашей квартирѣ въ качествѣ моей жены, — разумѣется, въ силу необходимости, гражданской.

Лизавета Александровна стояла выпрямившись, какъ бы окаменѣлая. Даже щеки ея, обыкновенно мало выражавшія ея душевное состояніе, слегка поблѣднѣли.

Это твердое и категорическое заявленіе брата въ первую минуту лишило ее способности возражать ему. Но затѣмъ эта способность вернулась къ ней въ удвоенной степени. Она сказала.

— Не знаю, Левъ... Ты, конечно, все это об-судилъ. Ты человѣкъ умный. Не мнѣ учить те-бя. Но бываетъ, что, подъ вліяніемъ чувства, умные люди теряютъ способность относиться къ своимъ дѣйствіямъ критически. Боюсь, какъ бы это не случилось съ тобой.

Левъ Александровичъ усмѣхнулся:- Меня очень интересуетъ, Лиза, услышать твое мнѣніе по этому вопросу — сказалъ онъ.

— Мое мнѣніе — оно обыкновенно, Левъ. Твое положеніе, званіе, чинъ... Наконецъ, ты не забывай, что мы будемъ жить въ казенной квартирѣ.

— Ну, дальше, дальше, прошу тебя...

— Что же дальше? Я сказала все.

— Нѣтъ, не все, Лиза. Ты знаешь, чѣмъ я связанъ съ Натальей Валентиновной. Такъ вотъ и скажи: по твоему, какъ долженъ бы я поступить въ данномъ случаѣ?

— О, это очень просто. Ты долженъ былъ побороть себя.

— Но зачѣмъ? Ради чего и ради кого?

— Ради положенія, ради твоей карьеры.

— Это вздоръ. Я говорю, что это вздоръ, Ли-за. Положеніе и карьера должны быть для ме-

ня, а не я для нихъ. Ни для какой карьеры я не откажусь отъ того, что считаю самымъ важнымъ и существеннымъ въ моей жизни...

— Въ такомъ случаѣ, Левъ, если ужъ это такъ неизбѣжно... Я не понимаю, какая необходимость Натальѣ Валентиновнѣ непременно жить въ одной квартирѣ съ тобой.

— А какъ же иначе?

— Да, вѣдь, тамъ жила-же она отдѣльно и ты бывалъ у нея.

— Ты, Лиза, не понимаешь нашихъ отношеній. Тамъ наши отношенія были не тѣ, что требуютъ совмѣстной жизни... Пойми это. Она дѣлается моею женой и слѣдовательно она имѣетъ право пользоваться всѣми правами моей жены... Когда для этого явится возможность, эти права будутъ закрѣплены бракомъ, а пока — я всѣхъ, кто будетъ имѣть со мной дѣло, заставлю относиться къ ней, какъ къ моей женѣ.

— Если ты имѣешь въ виду меня, Левъ, то ты не долженъ въ этомъ сомнѣваться! сказала Лизавета Александровна, которая въ теченіе двухъ минутъ пережила

рѣшительную борьбу и въ этой борьбѣ, какъ всегда, одержала верхъ героическая самоотверженность по отношенію къ брату надъ ея личнымъ мнѣніемъ.

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь, Лиза, промолвилъ Левъ Александровичъ.

Разговоръ на эту тему былъ исчерпанъ, такъ по крайней мѣрѣ думалъ Левъ Александровичъ, и потому сейчасъ же началъ говорить о томъ, что обои, которые онъ выбралъ для гостиной, очень ему нравились въ магазинѣ. Но онъ не знаетъ, какъ это вышло на стѣнахъ, послѣ оклейки.

Лизавета Александровна сообщила ему, что и послѣ оклейки они очень красивы. Затѣмъ они еще минутъ десять поговорили о квартирѣ.

Чаю уже было выпито вполне достаточно для того, чтобы бесѣда могла считаться оконченной. Лизавета Александровна, чтобы имѣть какое-нибудь основаніе, легонько зѣвнула.

— Я здѣсь привыкла очень рано спать ложиться.

— Ну, я не могу позволить себѣ эту рос-

кошь! откликнулся Левъ Александровичъ.

И послѣ этого они скоро разошлись. Левъ Александровичъ дѣйствительно послѣ ея ухода засѣлъ за работу и просидѣлъ часовъ до трехъ утра.

XII

Въ то самое время, когда въ казенной квартирѣ, отведенной директору, происходила дѣятельная работа:- вѣшали портьеры, обивали полъ сукномъ, постилали ковры и прилаживали мебель, и все это дѣлали подъ непосредственнымъ надзоромъ Лизаветы Александровны, — въ самомъ департаментѣ произошло событіе, которое взволновало всѣхъ служащихъ и послужило какъ-бы предзнаменованіемъ дурного будущаго.

За чиновничьими столами однажды распространился слухъ, что между новымъ директоромъ и вице-директоромъ, Иваномъ Александровичемъ Стронскимъ, произошла непріятный разговоръ.

Никто изъ чиновниковъ, конечно, при этомъ разговорѣ не присутствовалъ и тѣмъ не менѣе разговоръ передавался чуть не въ подлинныхъ выраженіяхъ и въ лицахъ.

Дѣло же было въ томъ, что непріятныя отношенія между Стронскимъ и директоромъ начались чуть-ли не съ перваго дня вступленія Льва Александровича въ долж-

НОСТЬ.

Левъ Александровичъ на слѣдующій же день пріѣхалъ въ канцелярію въ половинѣ одиннадцатаго утра и засталъ въ немъ только одного чиновника изъ вольнонаемныхъ, который, въ качествѣ дежурнаго, ночевалъ въ канцеляріи.

Только съ одиннадцати часовъ начали собираться чиновники, сперва младшіе, а потомъ старшіе. Стронскій же пріѣхалъ только къ часу.

Левъ Александровичъ пригласилъ его къ себѣ и, ни словомъ ни заикнувшись о немъ самомъ, сказалъ только о чиновникахъ.

— Я нахожу для себя неудобнымъ, Иванъ Александровичъ, въ качествѣ директора работать въ пустой канцеляріи, безъ служащихъ.

— У насъ обыкновенно собираются къ двѣнадцати часамъ, — сказалъ Стронскій.

— А расходятся?

— Расходятся обыкновенно около пяти.

— Едва-ли этого достаточно, чтобы успѣшно вершить дѣла всей Россіи! замѣтилъ Левъ Александровичъ.

— Но все успѣваемъ...

— Чему свидѣтельствомъ служить четыреста пятьдесятъ запоздалыхъ дѣлъ, которыя я принялъ вмѣстѣ съ департаментомъ.

Но это легко было устранить. Просто было сдѣлано распоряженіе о томъ, чтобы чиновники собирались въ половинѣ одиннадцатаго. Среди служащихъ это встрѣтило сдержанный ропотъ, но всѣ, разумѣется, подчинились.

Однако, самъ Стронскій пріѣхалъ къ этому часу раза три, а затѣмъ сталъ по прежнему опаздывать. Левъ Александровичъ нѣсколько разъ нуждался въ его разъясненіяхъ и долженъ былъ откладывать дѣла. Онъ сказалъ ему объ этомъ.

— Вотъ, Иванъ Александровичъ, изъ нашего отсутствія я не могъ дать ходъ нѣсколькимъ дѣламъ.

— Я извиняюсь, Левъ Александровичъ, — отвѣтилъ Стронскій:— за много лѣтъ усвоилъ привычку вставать поздно: я стараюсь пріучить себя.

И Левъ Александровичъ принялъ это объясненіе: что же дѣлать въ самомъ дѣлѣ, ес-

ли человекъ усвоилъ привычку и при томъ борется съ нею.

Но прошло еще нѣсколько времени, а во все не было видно благопріятныхъ результатовъ этой борьбы. Стронскій уже теперь систематически прїѣзжалъ къ часу и никогда не раньше.

Тогда Левъ Александровичъ сдѣлалъ ему формальное замѣчаніе.

— Долженъ вамъ сказать, Иванъ Александровичъ, что я по утрамъ не могу обходиться безъ васъ.

— Но старшіе чиновники все знаютъ. Они могутъ дать объясненія по всѣмъ вопросамъ, каждый по своей отрасли.

— Если это такъ, то извините меня, Иванъ Александровичъ, я долженъ сдѣлать заключеніе, что должность вице-директора является излишней.

Стронскій вспыхнулъ и покраснѣлъ. — Долженъ ли я понимать это, какъ предложеніе уйти изъ департамента? — спросилъ онъ запальчиво.

— Если бы я имѣлъ въ виду такое предложеніе, то сдѣлалъ бы это прямо, — ска-

заль Левъ Александровичъ. — А просто мнѣ кажется, что вы привели неудачный доводъ.

Стронскій ничего не возразилъ. Онъ сталъ прѣзжать въ канцелярію во время. Но явился другой поводъ въ размолвкѣ.

Когда онъ представилъ Льву Александровичу свою первую записку по одному принципиальному вопросу, находившемуся на заключеніи департамента, Левъ Александровичъ, прочитавъ записку, пригласилъ его къ себѣ и сказалъ, что никакъ не можетъ согласиться съ его заключеніемъ.

— Почему же? — спросилъ Стронскій.

— Потому, что я не согласенъ съ вашими основными принципами. Я держусь какъ разъ противоположнаго мнѣнія.

И онъ въ продолженіе почти часа развивалъ свою точку зрѣнія.

— Если вы не согласны со мной, Иванъ Александровичъ, то я предоставляю вамъ убѣдить меня.

— За это я не берусь, — сказалъ Стронскій.

— Въ такомъ случаѣ я буду продолжать держаться тѣхъ взглядовъ, которые изложилъ передъ вами и, слѣдовательно, эту записку

надобно переделывать.

— Мнѣ это очень трудно сдѣлать, Левъ Александровичъ, — я долженъ буду защищать точку зрѣнія, которую не раздѣляю.

— Вы совершенно правы. Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ поручить это одному изъ чиновниковъ. Я вамъ назову его. Это Вергесовъ... Сколько я успѣлъ замѣтить, его взгляды близко подходятъ къ моимъ.

— Это въ вашей власти, ваше превосходительство, — уже явно обидѣвшись, официальнымъ тономъ сказалъ Стронскій.

Но Левъ Александровичъ не обратилъ вниманія на этотъ тонъ, принялъ его отвѣтъ за согласіе и поручилъ составленіе записки Вергесову.

При другихъ обстоятельствахъ подобная размолвка могла бы пройти незамѣченной. Вице-директоръ не такая уже большая величина, чтобы изъ-за нея дѣлать исторію.

Но Стронскій былъ вооруженъ вліяніемъ. Это былъ одинъ изъ типичныхъ чиновниковъ, проходящихъ свою карьеру какъ бы въ пріятномъ снѣ. Не обладая ни дарованіями, ни умомъ, ни усердіемъ, они, даже не пред-

принимая для этого никакихъ стараній, въ родѣ усиленныхъ хлопотъ и происковъ, сами собой идутъ впередъ, нигдѣ не задерживаясь.

Въ то время, какъ товарищи ихъ, даже съ «именами» и съ протекціей, сидятъ все же годы, за отсутствіемъ подходящихъ вакансій, на скромныхъ мѣстахъ въ качествѣ «причисленныхъ», то-есть ничего не дѣлающихъ, о нихъ кто-то думаетъ и ихъ нѣжно перебрасываютъ съ мѣста на мѣсто, всякій разъ съ выигрышемъ; и смотришь, черезъ какія-нибудь десять лѣтъ онъ уже выдвинулся такъ далеко, что остановить его движеніе уже нѣтъ возможности.

За нимъ прошлое, служба (т.-е. прохожденіе должностей), чины, и даже какія-то заслуги и онъ безъ особенныхъ усилій выползаетъ въ сановники.

У Стронскаго была именно такая фамилія. Свою должность вице-директора онъ выполнялъ лѣниво, сквозь зубы, зная очень хорошо, что посадили его здѣсь не для дѣла, а лишь для права повышенія. Поэтому онъ былъ искренно удивленъ, когда новый директоръ потребовалъ отъ него своевременнаго прихода

на службу и дѣйствительной работы. Онъ просто увидѣлъ въ этомъ, что Балтовъ, какъ прїѣхавшій изъ провинціи, человекъ не освѣдомленный.

Что же касается послѣдняго конфликта, то въ сущности онъ вовсе не такъ дорожилъ взглядами, которые проводилъ въ своей запискѣ. Это были взгляды предшествовавшаго Льву Александровичу директора. Стронскій ихъ усвоилъ и другихъ взглядовъ у него не было.

Если бы взгляды Льва Александровича первые попали въ его голову, то онъ точно также усвоилъ бы и ихъ. Думать, что Стронскій былъ способенъ имѣть какіе-нибудь кровные взгляды по государственнымъ вопросамъ, дорогіе ему настолько, чтобы онъ хотѣлъ защищать ихъ, значило глубоко заблуждаться.

Но у него была самоувѣренность человека, всегда поддерживаемаго сильной протекціей, и потому та властность, какую проявилъ Левъ Александровичъ, вызвала его къ упорству. Къ тому же это могло кой кому показаться красивымъ, такая твердость въ защитѣ

своихъ взглядовъ.

Когда же Левъ Александровичъ отнялъ отъ него порученіе и передалъ Вергесову, простому чиновнику, пробивавшему себѣ дорогу своей грудью и лбомъ, то это ужъ было личное оскорбленіе, послѣ котораго онъ могъ только, прійдя въ свой вице-директорскій кабинетъ, швырнуть на столъ портфель и уѣхать изъ департамента.

Ножанскому онъ совершенно не довѣрялъ. Но мало ознакомившись съ дѣлами, онъ хорошо усвоилъ наиболѣе легкую часть службы — правила и обычаи служебныхъ отношеній. И онъ зналъ, что не имѣлъ права миновать Ѳедора Власевича, какъ главу вѣдомства, въ которомъ онъ состоялъ.

И онъ поѣхалъ прямо въ министерство и настойчиво просилъ принять его.

Появленіе вице-директора въ служебные часы могло имѣть двоякое значеніе: или по службѣ, или по поводу какого-нибудь конфликта. Почему то Ножанскому пришло въ голову именно второе, и его внутреннее чутье уже подготовило его къ приему Стровскаго.

И Стронскій, съ видомъ оскорбленнаго

человѣка, изложилъ свое столкновение съ директоромъ и заявилъ, что при такихъ условіяхъ онъ не можетъ продолжать службу съ Балтовымъ.

Ножанскій, который давно уже научился бюрократической дипломатіи, внимательно выслушалъ его и въ высшей степени доброжелательнымъ тономъ, который какъ бы доказывалъ, что онъ на его сторонѣ, сказалъ:

— Видите-ли, Иванъ Александровичъ, официально я могъ бы вамъ сказать только одно: подайте докладную записку установленнымъ порядкомъ, то есть черезъ ваше непосредственное начальство. Но, зная васъ и дорожа вашимъ присутствіемъ въ министерствѣ, я попросилъ бы васъ не торопиться... Позвольте мнѣ заняться этимъ инцидентомъ. Я надѣюсь, что мнѣ удастся его уладить къ обоюдному благополучію, а потому вотъ мой совѣтъ и просьба: подайте рапортъ о болѣзни, а тамъ увидимъ...

Стронскій не могъ отвергнуть услуги такого лица и согласился. Онъ подалъ директору рапортъ о болѣзни и на службу пересталъ ѣздить.

И вотъ Ножанскій занялся «улаживаніемъ инцидента». Въ тотъ же день онъ поѣхалъ въ гостинницу и навѣстилъ Льва Александровича.

Дѣло было часовъ въ восемь вечера. Левъ Александровичъ только что пообѣдалъ внизу и пришелъ къ себѣ въ номеръ. Онъ былъ порядочно таки удивленъ этимъ посѣщеніемъ.

Въ послѣднее время Ножанскій какъ-то странно пересталъ имъ интересоваться. Онъ точно нарочно оставлялъ его дѣйствовать свободно, чтобы дать ему развернуться и посмотреть, каковъ онъ въ дѣлѣ.

— Давно не видѣлъ васъ, мой милый директоръ, — сказалъ Ножанскій, — ну, вотъ и соскучился...

— Я эти дни ужасно былъ занятъ, Ѳедоръ Власевичъ, — тономъ извиненія промолвилъ Балтовъ, — оттого никакъ не могъ побывать у васъ.

— А я не жалуясь. Знаю, что вы съ головой зарылись въ работу, и тихонько, въ душѣ, никому не говоря ни слова, радуюсь. Говорятъ, никогда еще не скрипѣли такъ перья въ департаментѣ, какъ послѣ вашего вступленія.

Скрипъ ихъ доносится даже до меня!

— Четыреста пятьдесятъ дѣль въ наслѣдство, Ѳедоръ Власьевичъ!.. Я не могу успокоиться, пока не довершу это наслѣдіе моихъ предшественниковъ. Если и во всѣхъ другихъ департаментахъ такіе же склады нерѣшенныхъ дѣль, то вотъ вамъ одна изъ причинъ, почему мы отстали отъ Европы на пятьдесятъ лѣтъ. Да и знакомиться со всѣмъ приходится отъ а до зетъ.

— Конечно, конечно... Я все это понимаю, но почему это вы еще живете въ гостинницѣ, а не въ квартирѣ?

— Во-первыхъ, квартира еще не готова, а во-вторыхъ, — съ усмѣшкой прибавилъ Левъ Александровичъ, — я человѣкъ осторожный и не увѣренъ еще въ томъ, что меня не попросятъ скоро обратиться туда, откуда я пришелъ. Такъ изъ гостинницы это будетъ сдѣлать легче, чѣмъ изъ казенной квартиры.

— Ну, на этотъ счетъ вы можете положиться на меня. О вашей бѣшеннѣйшей работѣ уже говорятъ въ верхнихъ сферахъ... Говорятъ и одобряютъ. Такой работы еще никогда не видывали.

— А вотъ, мой коллега, Иванъ Александровичъ Стронскій, не одобряетъ, — сказалъ Левъ Александровичъ.

— Ахъ, да, вы очень кстати вспомнили о немъ. Я именно хотѣлъ поговорить съ вами объ этомъ господинѣ.

— А вы уже освѣдомлены, ваше высокопревосходительство?

— Какъ же, какъ же! О важныхъ дѣлахъ мы иногда узнаемъ слишкомъ поздно, а о личныхъ столкновеніяхъ намъ докладываютъ тотчасъ. Я знаю и — вамъ по дружбѣ скажу — источникъ, конечно, съ увѣренностью, что это останется между нами.

— По всей вѣроятности, самъ Стронскій, — сказалъ Левъ Александровичъ.

— Какъ вы, однако, быстро постигли психологію чиновника! Да, конечно, онъ самъ. Онъ былъ у меня. Разсказалъ весь инцидентъ, разумѣется, въ негодующихъ тонахъ и высказалъ мысль, что не можетъ продолжать службу въ департаментѣ.

— Онъ высказалъ совершенно правильную мысль. Въ такомъ случаѣ я раздѣляю его мнѣніе.

— Позвольте, Левъ Александровичъ, моя опытность, въ которой вы не можете сомнѣваться, говоритъ, что вы ошибаетесь. Позвольте мнѣ доказать вамъ это?..

— Прошу васъ, Ѳедоръ Власевичъ.

— Хорошо-съ. Такъ вотъ, видите-ли, милый мой директоръ, Стронскій, какъ чиновникъ, вполнѣ ничтожная величина. Но какъ дѣлатель карьеры, онъ прямо-таки могущественъ. Никто даже не знаетъ, гдѣ собственно онъ находитъ такую поддержку, но его точно тянуть на блокъ, на какомъ-то невидимомъ блокѣ... И вотъ изъ всего этого создается такое положеніе: изъ за ничтожества у васъ въ департаментъ разыгрывается исторія, которая неизбежно полетитъ въ такія сферы, гдѣ ничто не проходитъ безслѣдно... И при этомъ замѣтьте слѣдующее: Стронскій не только ничего отъ этого не потеряетъ, но даже пріобрѣтетъ. Для него это будетъ только переходомъ въ другой департаментъ или вѣдомство и, по всей вѣроятности, даже съ выгодой. Такимъ образомъ, что же получается: вы только поспособствуете его движенію по службѣ.

— Позвольте теперь и мнѣ сказать, Ѳедоръ Власевичъ, — мягко попросилъ Балтовъ. — Положеніе, при которомъ господинъ Стронскій, отъ всего — отъ добра и зла — одинаково движется вверхъ по службѣ было до меня и будетъ, конечно, и послѣ меня. Я не задаюсь цѣлью бороться съ нимъ и думаю, что это походило-бы на борьбу Донъ Кихота съ вѣтряными мельницами. Такимъ образомъ эту часть вашего объясненія я совершенно устранию. Но вамъ извѣстно, Ѳедоръ Власевичъ, что я пріѣхалъ сюда съ одной лишь цѣлью: работать. Мнѣ достался такой департаментъ, въ которомъ безъ усиленной работы всѣ дѣла заплѣсневаютъ, что уже и случилось съ ними, да къ тому же отъ этого департамента зависитъ и ходъ остальныхъ дѣлъ министерства. Но какъ я могу работать, имѣя ближайшимъ помощникомъ человека, который съ одной стороны ничего не хочетъ дѣлать, совершенно не интересуясь дѣломъ, а думая только о движеніи вверхъ, съ другой же стороны, въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ сообразовольнитъ двинуть пальцемъ, онъ проводитъ такіе глупые взгляды, которыхъ нельзя

терпѣть и которые идутъ въ разрѣзъ съ моими основными взглядами. Я этого не могу, и, къ моему сожалѣнію, долженъ вамъ сказать, Ѳедоръ Власьевичъ, что, если господинъ Стронскій не уйдетъ, я долженъ буду попросить его уйти.

— Но вы забываете, что у Стронскаго непреоборимая протекція.

— Такъ что результатомъ конфликта можетъ явиться необходимость уйти мнѣ? Ну, такъ вотъ я, значить, правъ, воздерживаясь переѣзжать на казенную квартиру.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, этого никогда не можетъ случиться. Но все же это можетъ послужить поводомъ... Вы поймите, что его могущественные друзья могутъ сдѣлаться вашими столь же могущественными врагами.

— Простите, Ѳедоръ Власьевичъ, это мнѣ все равно. Вы знаете, что я былъ человѣкомъ независимымъ и могу во всякое время сдѣлаться имъ опять. При томъ же это одно изъ нашихъ коренныхъ условій: мнѣ предоставлено подбирать себѣ сотрудниковъ, безъ всякаго ограниченія. И я думаю широко воспользоваться этимъ правомъ.

— Значить, вы имѣете уже кого нибудь въ виду?

— Да, Ѳедоръ Власьевичъ, имѣю въ виду такого работника, который меня заткнетъ за поясъ.

— Кто же это?

— Вы его знаете. Это Алексѣй Алексѣевичъ Корещенскій.

— Корещенскій?

Ножанскій при этомъ имени словно остолбенѣлъ. — Корещенскій, человѣкъ лишенный права на кафедру, бывшій въ ссылкѣ за политическія...

— Не преступленія, Ѳедоръ Власьевичъ, а только мнѣнія.

— Да, но это, это... Это можетъ встрѣтить непреоборимыя противодѣйствія...

— Ихъ надо будетъ побороть, Ѳедоръ Власьевичъ, и я въ этомъ случаѣ полагаюсь на васъ. Мы съ вами очень хорошо знаемъ, что Корещенскій въ сущности вполнѣ благонамѣренный человѣкъ. Онъ работникъ и талантливъ. Что же касается Стронскаго, то ради Бога дайте ему повышение, сдѣлайте его директоромъ, товарищемъ министра, послан-

никомъ, меня это нисколько не задѣнетъ. Только уберите его отъ меня.

— Ай, ай, ай, Левъ Александровичъ, какой вы твердый! — сказалъ, качая головой, Ножанскій и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Балтова. Онъ какъ бы хотѣлъ сказать, что не ожидалъ встрѣтить у него такую твердость. — Я вижу, что съ васъ взятки гладки а? Такъ какъ же? Значитъ, никакихъ уступокъ?

— Въ этомъ случаѣ онѣ невозможны.

— Ну, хорошо... Стронскаго я снимаю съ очереди. Я устрою это вполне прилично. Но вы за то уступите мнѣ Корещенскаго...

— Позвольте, Федоръ Власьевичъ, эта мѣна не равноцѣнная. Стронскій самъ уходитъ, я даже его не поощряю; оставьте его теперь, онъ уйдетъ черезъ недѣлю, потому что вмѣстѣ мы работать не можемъ. Корещенскій же мнѣ необходимъ, и его уступить я не могу. Васъ смущаетъ его прошлое... Но, Федоръ Власьевичъ, развѣ вы не знаете, что въ свое время каждый изъ насъ могъ попасть въ такое же положеніе. Онъ сказалъ тѣ слова, которыя мы съ вами думали, но не успѣли сказать, можетъ быть, случайно, а можетъ быть изъ

благоразумія... Но потомъ вѣдь въ этихъ словахъ незамѣтно подмѣниваются — сперва окончанія, а потомъ и корни... Наконецъ, я ручаюсь за Корещенскаго.

— И вы этого требуете официально?

— Я сдѣлаю это официально. Отъ этого вамъ никакъ не отвертѣться.

— Мнѣ это будетъ стоить величайшихъ усилій... Величайшихъ, Левъ Александровичъ. Это знайте. Но я это сдѣлаю. Договоръ — паче денегъ, а у насъ съ вами договоръ.

Такимъ образомъ попытка Ножанскаго найти примирительный исходъ не увѣнчалась успѣхомъ... Со стороны Льва Александровича онъ встрѣтилъ твердый отпоръ.

На другой день онъ пригласилъ къ себѣ Стронскаго и предложилъ ему устроить почетный переводъ на другую должность съ нѣкоторыми даже выгодами для него.

Стронекому было рѣшительно все равно, гдѣ служить лишь бы двигаться по службѣ. Все равно, работать онъ нигдѣ не собирался да и не умѣлъ.

А Левъ Александровичъ, какъ только со-

вершился этот переводъ, сейчасъ официально сдѣлалъ представленіе о назначеніи Корещенскаго.

Федору Власьевичу дѣйствительно пришлось очень трудно. Онъ долженъ былъ пустить въ ходъ всю дипломатію, усвоенную имъ за годы служенія и ему удалось побѣдить.

Дѣло въ томъ, что первые шаги Льва Александровича на служебномъ поприщѣ произвели въ сферахъ самое благопріятное впечатлѣніе. Изъ департамента, которымъ онъ управлялъ, приходили бумаги, рѣзко отличавшіяся отъ всѣхъ другихъ бумагъ. Отъ нихъ вѣяло настоящимъ дѣломъ, въ нихъ присутствовало какое-то творческое начало. Да и о самомъ порядкѣ въ канцеляріи Льва Александровича говорили очень много.

То было время, когда явный упадокъ, къ которому пришла страна, въ высшихъ сферахъ склонны были приписывать лѣни и бездѣльничанью чиновниковъ и возлагали большія надежды на «работу и работниковъ».

Левъ Александровичъ развилъ колоссальную работу и это было отмѣчено. На этомъ и

сыгралъ Ножанскій. «Работой» ему удалось замазать всѣ шероховатости на имени Корещенскаго и побѣдить всѣ сомнительныя свѣдѣнія, какія о немъ были получены изъ департамента полиціи.

Результатомъ этого было то, что Корещенскій, все еще возившійся съ земской статистикой, однажды получилъ отъ Льва Александровича телеграмму приглашавшую его экстренно пріѣзжать въ Петербургъ.

XIII

Въ южномъ городѣ весна быстро перешла въ лѣто. Солнце въ продолженіи дня немилосердно накаляло мостовыя, стѣны и крыши домовъ, а по вечерамъ изъ всего этого исходилъ жаръ, который не смягчался даже влажной прохладой, посылаемой моремъ.

Было душно и казалось, что міровое пространство вмѣщаетъ въ себѣ недостаточно воздуха для того, чтобы люди могли дышать.

Зигзаговъ совершилъ уже свое, какъ онъ называлъ, божественное переселеніе на дачу. Онъ дѣлалъ это совершенно особеннымъ образомъ.

Верстахъ въ двадцати отъ города, на берегу моря, гдѣ мирно расположилась нѣмецкая, впрочемъ, почти уже совершенно обрусѣвшая колонія, онъ у простого поселенина нанималъ одну маленькую комнату.

Онъ не жилъ здѣсь, а оставался въ городѣ, такъ какъ ему надо было каждый день бывать въ редакціи. Но когда становилось не въ моготу, онъ забирался сюда на нѣсколько дней, отказывался отъ всѣхъ знакомствъ и

связей.

Здѣсь не было ни дачниковъ, ни музыки, сюда даже не доходилъ трамвай, такъ что приходилось верстъ шесть доѣзжать на мужицкой телѣгѣ. И онъ наслаждался полнымъ одиночествомъ, въ которомъ иногда ощущалъ неодолимую потребность.

Какъ то однажды, собираясь отправиться въ свою колонію, онъ зашелъ къ Натальѣ Валентиновнѣ. Это были передъ вечеромъ. Окна квартиры были открыты и тѣмъ не менѣе въ комнатѣ стояла духота. Онъ засталъ ее блѣдной, съ утомленнымъ лицомъ.

— Что это съ вами? Вы нездоровы? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, просто страдаю отъ жары и духоты...

— Вы поступаете съ собой безсовѣстно... Почему вы не переѣхали на дачу? Вѣдь вы каждый годъ живали у моря.

Наталья Валентиновна на это ни отвѣтила. Но Зигзаговъ самъ отвѣтилъ за нее.

— Ну, да, я знаю: Вы съ минуту на минуту ждете приглашенія. Но, очевидно, Левъ Александровичъ и самъ не очень-то убѣжденъ въ

своей прочности, если такъ долго не зоветъ васъ.

— Нѣтъ, онъ совершенно убѣжденъ въ ней. Въ его письмахъ нѣтъ ни какихъ колебаній.

— Ага. Тѣмъ хуже.

— Оставимъ это, Максимъ Павловичъ. Мы въ этомъ никогда не сойдемся.

— Вы увѣрены, что никогда? Знаете-ли, я очень хотѣлъ бы этого для васъ...

— Не говорите загадками.

— А вы не раздражайтесь, ибо въ вашемъ настроеніи виновать не я, а жара и духота нашего города. А вотъ я за славой не гонюсь и ѣду на цѣлую недѣлю къ моимъ благочестивымъ нѣмцамъ. Право же, я тамъ дѣйствительно отдыхаю. Нѣмецъ — самое счастливое существо на земномъ шарѣ. И знаете-ли, почему? Потому, что онъ обладаетъ способностью всей душой, всѣмъ своимъ умомъ и сердцемъ отдаваться тому маленькому корыту, изъ котораго онъ ѣстъ и пьетъ. Онъ обрабатываетъ кусокъ земли и никакихъ фантазій не допускаетъ. Поэтому онъ отлично обрабатываетъ его. Нашъ мужикъ, — ужъ

на что невеликъ его умственный кругозоръ, — онъ пашеть землю, а самъ смотритъ на небо и думаетъ о томъ, гдѣ земля сходится съ небомъ и мечтаетъ, что недурно бы туда какъ нибудь добраться и заглянуть, что дѣлается на небѣ, и оттого онъ плохо пашеть. А какое тамъ тихое море, совсѣмъ не то, что здѣсь. Нѣмецъ и его упорядочилъ, сдѣлалъ его спокойнымъ.

— Какимъ это образомъ?

— А очень просто: вбилъ какія-то грошевыя сваи домашняго производства и усмирилъ. Здѣсь у насъ купаться невозможно, волна захлестываетъ тебя съ головой, а тамъ — какъ въ прудѣ. Отдыхаю я тамъ удивительно. Долго этого счастья, конечно, не вынесъ бы, а пожить недѣльку — другую отрадно. Знаете что, Наталья Валентиновна, соблазнитесь-ка, переѣзжайте туда хоть на недѣльку, пока получите извѣстіе. У моего сосѣда есть маленькая комнатка. Будемъ сосѣдями. Вася будетъ купаться со мной. Вѣдь, это же ужасно... Посмотрите, какъ онъ извелся, похудѣлъ... Чему это можетъ помѣшать? Ничего не надо съ собой: двѣ-три перемѣны бѣлья, вотъ и все. Да-

же подушки тамъ есть. У нѣмцевъ всегда много подушекъ.

Эта мысль рѣшительно понравилась Натальѣ Валентиновнѣ. Переѣздъ на дачу всегда былъ сопряженъ съ сложными сборами. Приходилось даже мебель перевозить, потому что около города дачи сдавались пустыя. Это и удержало Наталью Валентиновну отъ дачи.

Но такъ, какъ предлагалъ Зигзаговъ, было легко, при томъ она не будетъ тамъ одна. Зигзаговъ будетъ постоянно съ нею.

И она не долго обсуждала этотъ вопросъ, а сразу согласилась. Въ самомъ дѣлѣ, для Васи это было необходимо. Сидѣнье въ городѣ плохо отражалось на его аппетитѣ и снѣ.

— И сегодня-же? съ ликующимъ лицомъ спрашивалъ Зигзаговъ.

— А вдругъ не окажется комнаты?

— Ручаюсь. А если не окажется, свою вамъ уступлю, а самъ пойду спать въ солому. У нѣмцевъ солома чистая, мягкая. Ему земля родить ее, точно по особому заказу. Вотъ часикъ пройдетъ — чемоданы подъ мышки и маршъ. Чудное будетъ путешествіе. Я съѣзжу

къ себѣ за своимъ узелкомъ. Только ужъ это будетъ безъ обмана?

— Поѣзжайте, поѣзжайте... Ужъ я рѣшилась.

И Максимъ Павловичъ уже поднялся, чтобъ итти, но въ это время раздался нетерпѣливый звонокъ и въ квартиру влетѣлъ Корещенскій. Видъ у него былъ взволнованный.

— Что такое случилось со статистикой, — спросилъ Зигзаговъ:— скончалась она, что-ли?

— Погодите, дайте отдохнуть. Вотъ читайте, — сказалъ Корещенскій, сильно запыхавшійся, когда бѣжалъ вверхъ по лѣстницѣ.

Это была телеграмма отъ Льва Александровича. Тамъ было сказано:— «пріѣзжайте немедленно. Все устроено».

— Вотъ что! — сказалъ Максимъ Павловичъ, который, впрочемъ, уже зналъ о возможности этого приглашенія. Онъ, разумѣется, былъ противъ, но ему ужъ надоѣло протестовать. Послѣднее время онъ по всѣмъ этимъ вопросамъ молчалъ.

— Но вы такъ взволнованы, какъ будто это

для васъ неожиданность.

— Нѣтъ, я, конечно, ожидалъ. Но слишкомъ ужь это капитальный шагъ... Вѣдь, въ сущности, этимъ я зачеркиваю прежняго себя

— Зачеркиваете худое для лучшаго, неправда-ли? съ легкимъ сарказмомъ замѣтилъ Зигзаговъ.

— Я такъ думаю, но, признаться, увѣренности во мнѣ нѣтъ, — сказалъ Корещенскій.

— А межъ тѣмъ немедленно... Значить, поѣдете безъ увѣренности?

— Вамъ, Алексѣй Алексѣевичъ, не слѣдуетъ объ этомъ говорить съ Максимомъ Павловичемъ, — замѣтила Наталья Валентиновна. — Когда поднимаются эти вопросы, онъ начинаетъ выдѣлять ядъ... Когда же вы выѣзжаете, Алексѣй Алексѣевичъ?

— Да вѣдь немедленно... Вы знаете, что я въ сущности рвусь куда-нибудь уѣхать... Мнѣ до изнеможенія надоѣла моя семейная ноша.

— Ха, ха, ха, — разсмѣялся Зигзаговъ. — Вотъ человѣкъ, котораго неудачная семейная жизнь дѣлаетъ государственнымъ мужемъ. Кажется, это будетъ первый случай.

Въ Корещенскомъ замѣчалось какое-то странное смущеніе. Онъ ни грустилъ, ни радовался. Телеграмма произвела на него такое впечатлѣніе, какъ будто онъ еще до сихъ поръ не былъ увѣренъ въ томъ, что сдѣлаетъ этотъ шагъ.

И при Зигзаговѣ онъ больше отмалчивался. Когда же Максимъ Павловичъ уѣхалъ за своимъ чемоданомъ, языкъ его развязался.

— Голубушка, Наталья Валентиновна, вотъ какія времена пришли! сказалъ онъ. — Получилъ я эту телеграмму, а ей-ей въ сущности не убѣжденъ, что это будетъ хорошо.

— Почему, почему, Алексѣй Алексѣевичъ?

— Да трудно сказать, почему. Въдѣ тамъ, голубушка, все основано на разныхъ приемахъ да фигурахъ. А я человекъ дикій, я ничего этого не умѣю. Мнѣ кажется, что я тамъ буду просто невозможенъ.

— Алексѣй Алексѣевичъ, вы вѣрите въ Льва Александровича, въ его умъ, проницательность, умѣніе освоиться со всякимъ новымъ положеніемъ?

— Да, конечно, конечно.

— Ну, такъ положитесь на него. Онъ нико-

гда не возьметъ на себя отвѣтственности, которой не могъ бы оправдать. Онъ знаетъ васъ, знаетъ, что вы покидаете, и если все-таки рѣшается звать, значитъ увѣренъ, что вы нужны и будете полезны... А ему лично — я знаю — ему вы очень нужны. Въ каждомъ письмѣ онъ говоритъ объ этомъ. Вѣдь вы подумайте, онъ тамъ совершенно одинъ. Поддержка Ножанскаго... Ахъ, это такая палка о двухъ концахъ. Онъ мнѣ жаловался на это. Онъ пишетъ, что Ножанскій поддерживааетъ его съ такимъ видомъ, какъ будто въ душѣ хочетъ спихнуть его въ пропасть. Ну, такъ если бы вы даже не вѣрили въ самое дѣло, то изъ дружбы къ нему поѣзжайте. Просто поддержать его. Вотъ я покажу вамъ одно письмо, гдѣ онъ пишетъ о васъ. Читайте, — сказала она, отыскавъ письмо и показывая ему нѣсколько строкъ.

«Если онъ боится, что можетъ свалиться, такъ втолкуй ему пожалуйста, что мы въ такомъ случаѣ свалимся вмѣстѣ и ужъ вдвоемъ не пропадемъ».

— Ну, довольно, довольно... съ этой точки зрѣнія мнѣ возражать больше нечего. Завтра

ѣду.

— Досадно, что проводить васъ я не могу.

— А развѣ это обязательно!

— Хотѣлось бы, но Максимъ Павловичъ соблазнилъ меня поѣхать на недѣлю въ его колонію. Я согласилась сдѣлать это отчасти для себя, а главнымъ образомъ для Васи. Такъ кланяйтесь тамъ и скажите, что относительно моего терпѣнія пусть не беспокоится.

Когда Зигзаговъ пріѣхалъ съ своимъ чемоданомъ, который впрочемъ онъ оставилъ внизу Корещенскій былъ уже твердъ. Наталья Валентиновна быстро собралась и они уѣхали. Передъ отъѣздомъ она распорядилась, чтобы письма пересылали ей почтой, а если будетъ телеграмма, то привезли бы съ нарочнымъ.

Это было очень веселое путешествіе, которое больше всѣхъ доставило наслажденія Васѣ. Онъ рвался на воздухъ, на просторъ, къ морю, къ которому привыкъ и любилъ. Трамвай былъ хорошо знакомъ ему, такъ какъ по немъ онъ ѣздилъ каждое лѣто. Но когда затѣмъ пришлось пересѣсть въ крестьянскую телегу, восторгу его не было предѣловъ. Это

удовольствіе онъ испытывалъ въ первый разъ.

И Наталья Валентиновна была очень довольна тѣмъ, что согласилась на предложеніе Зигзагова.

Комната сейчасъ же нашлась, она была очень мала, но ею пользовались только, чтобы спать въ ней, остальное время проводили на воздухѣ.

Цѣлые пять дней наслаждались они тихой жизнью, въ колоніи, а на шестой утромъ пріѣхала горничная Натальи Валентиновны и привезла телеграмму.

Она была отъ Льва Александровича, который сообщалъ: «все готово, выѣзжай, жду нетерпѣливо».

Телеграмма эта странно взволновала Наталью Валентиновну. Все это было давно рѣшено, и она какъ бы привыкла къ мысли, что это произойдетъ еще не скоро.

Правда, все у нея было приготовлено. Были сдѣланы распоряженія относительно мебели. Главныя, болѣе крупныя вещи изъ одежды, были уложены. Оставалась только мелочь. Сборовъ было дня на два.

Она послала за Максимомъ Павловичемъ, тотъ сейчасъ же пришелъ.

— Аминь, — сказала ему Наталья Валентиновна. — Вотъ телеграмма, читайте. — Максимъ Павловичъ прочиталъ и вдругъ загрустилъ.

— Знаете, если говорить правду, такъ это даже несправедливо. Я человекъ убійственно одинокій. И мнѣ было хорошо съ вами и вотъ я теряю васъ. Это я наказанъ и знаю, за что. За то, что пристроилъ себя въ чужомъ гнѣздѣ.

— Вамъ надобно свить свое, Максимъ Павловичъ.

— Не умѣю. Вотъ птицъ небесныхъ ставятъ намъ въ примѣръ безпечности. Но все же имъ далеко до меня. У нихъ у всѣхъ есть гнѣзда, а у меня... Нѣтъ, этого я никогда не сумѣю сдѣлать. Значить, везти васъ обратно?

— Да, ужъ придется... Вы должны отдать намъ послѣднія почести.

— Вы говорите о себѣ, какъ о покойникѣ, и это для меня звучитъ слишкомъ печально... Впрочемъ, простите, я не хочу настраивать васъ на похоронный ладъ. Просто ѣдемъ.

Укладывайтесь.

Къ вечеру этого дня они были уже въ городѣ. Наталья Валентиновна принялась спѣшно укладываться. Она почему то не хотѣла лишаться своей обстановки. Рѣшительно никакихъ причинъ для этого не было, а просто ей казалось, что для этого потребуется много времени, поэтому она распорядилась, чтобы все было отправлено въ складъ.

Передъ тѣмъ, какъ уѣхать, она вдругъ вспомнила, что въ городѣ у нея есть мужъ, который имѣетъ права на Васю. Но докторъ Мигурскій уже больше двухъ лѣтъ не добивался свиданія съ мальчикомъ. Кажется, у него завелась другая постоянная семья и даже были дѣти.

Сперва у нея была мысль, передъ самымъ отъѣздомъ опустить въ почтовый ящикъ письмо съ извѣщеніемъ о переѣздѣ въ Петербургъ. Но затѣмъ она перемѣнила рѣшеніе. Зачѣмъ наводитъ его на ложную мысль, будто она такъ или иначе считается съ нимъ? Она рѣшилась уѣхать, не извѣстивъ его.

И вотъ опять проводы, но на этотъ разъ

немноголюдные и грустные. Корещенскаго уже не было. Онъ уѣхалъ на другой день послѣ полученія телеграммы. Провожали ихъ Зигзаговъ, Володя и еще двое друзей.

Вася ничего не понималъ, но прыгалъ отъ радости: ему обѣщали какое-то большое путешествіе, а это было для него ново.

Володя, который уже кончилъ свои экзамены, и былъ теперь полноправнымъ гражданиномъ, обѣщалъ пріѣхать въ Петербургъ. А Зигзаговъ смотрѣлъ на нее грустными глазами.

— Знаете, — говорилъ онъ, — лѣто еще кой-какъ проведу, а наступитъ зима, и я съ горя возьму да и закачусь въ мѣста не столь отдаленныя.

— Добровольно? — спросилъ Володя.

— Ну, за недобровольностью дѣло не станетъ.

— Нѣтъ, мы васъ выручимъ, — сказала Наталья Валентиновна. — Или вы даже и въ это не вѣрите?

— На это я вамъ не отвѣчу, чтобы не огорчить васъ.

И поѣздъ отошелъ; друзья скоро скрылись.

Наталья Валентиновна путешествовала съ удобствами. Большія связи Льва Александровича въ городъ помогли ей отлично устроиться. Ей предложили большое купе до самого Петербурга и время прошло незамѣтно.

Съ полпути она послала телеграмму Льву Александровичу. И вотъ наступило утро того дня, когда поѣздъ приближался къ Петербургу.

Левъ Александровичъ былъ на вокзалѣ и, что ее удивило, такъ это то, что, когда поѣздъ остановился и она оглядѣла встрѣчавшую публику, первая, кого она замѣтила, была Лизавета Александровна.

— Какъ? И она? — мысленно спросила себя Наталья Валентиновна.

Да, и она. Не только пріѣхала на вокзалъ, а и привѣтливо улыбалась, стараясь всячески выразить ласковость, но достигая этого въ весьма малой степени.

Никто этого отъ нея не требовалъ. Левъ Александровичъ ни однимъ словомъ не намекнулъ на это. Онъ только вечеромъ сообщилъ ей о телеграммѣ.

Но Лизавета Александровна не признавала

полумѣръ. Она пережила это и прочувствовала и уже смотрѣла на это, какъ на печальную неизбѣжность. Надо было согласиться съ тѣмъ, что было желаніемъ Льва. А разъ это было такъ, ужъ надо согласиться вполнѣ, чтобы не было никакихъ недомолвокъ и недоразумѣній.

И вотъ она, спрятавъ глубоко въ сердцѣ свои истинныя чувства, совершила и этотъ подвигъ и сама вызвалась ѣхать на вокзалъ, — вела себя, какъ добрая хозяйка, которая рада пріѣзду родственницы.

Левъ Александровичъ въ душѣ былъ благодаренъ ей за это. Онъ именно боялся, какъ бы несогласное отношеніе Лизы не явилось мрачнымъ пятномъ на свѣтломъ фонѣ пріѣзда Натальи Валентиновны.

Съ вокзала ее повезли прямо въ казенную квартиру, которая была обставлена великолѣпно. Напрасно Лизавета Александровна сомнѣвалась въ томъ, что Левъ Александровичъ сдумаетъ выбрать и заказать обстановку. Квартира была обставлена такъ, что въ ней жить было весело и пріятно.

И началась въ ней новая жизнь, совсѣмъ

не похожая на ту, какую эти люди вели прежде. Она была новая для каждого, кто жилъ теперь въ этомъ домѣ.

Она не походила на скучную размѣренную жизнь брата и сестры Балтовыхъ, въ южномъ городѣ, въ большой квартирѣ, гдѣ было столько ненужныхъ комнатъ. Она не походила на жизнь Лизаветы Александровны, царившей тамъ въ хозяйствѣ безконтрольно съ своими вкусами.

И еще меньше походила она на жизнь Натальи Валентиновны въ маленькой квартиркѣ, гдѣ всего было въ обрѣзъ — и мѣста и воздуха и жизненныхъ благъ, гдѣ она, въ качествѣ хозяйки, принимала каждый вечеръ близкихъ друзей своихъ.

Но, можетъ быть, больше всѣхъ нашель новаго для себя Вася. Вдругъ все какъ будто разрослось, раздалось въ стороны, расцвѣло и разукрасилось.

Квартира стала большой — съ высокими стѣнами, съ большими зеркальными окнами, въ ней такая красивая обстановка, такъ пріятно ходить по мягкимъ коврамъ.

И Левъ Александровичъ, который

пріѣзжалъ къ нимъ въ гости, какъ и другіе, вдругъ оказывается хозяиномъ, близкимъ ему человѣкомъ, какъ будто отцомъ.

Онъ не вникалъ въ сущность этой переменны, но ему она была пріятна. И главное, видѣлъ онъ, что у матери его лицо довольное и глаза такіе веселые, какихъ никогда еще у нея не бывало.

Но они не долго оставались въ городѣ. Скоро жизнь въ Петербургѣ стала непріятна. Они взяли дачу на островахъ съ большимъ паркомъ и переѣхали туда.

Левъ Александровичъ каждый день ѣздилъ оттуда на службу, а по вечерамъ они катались въ экипажѣ среди зелени острововъ.

Лѣто прошло незамѣтно. Наступилъ сентябрь. Опять переѣхали въ городъ и начался сезонъ, въ сущности первый сезонъ для этой формы жизни, которая была новой для нихъ всѣхъ.

XIV

Э то былъ мѣсяцъ, съ котораго въ петербургскомъ чиновномъ мѣрѣ началось какое то странное движеніе, сущность котораго никто даже не могъ объяснить.

Какъ то вдругъ на общемъ фонѣ казенной будничной канцелярской жизни выступилъ и яркими красками вырисовался департаментъ, во главѣ котораго стоялъ Левъ Александровичъ Балтовъ, а ближайшимъ его помощникомъ былъ Алексѣй Алексѣевичъ Корещенскій.

До сихъ поръ въ департаментѣ шла какъ бы только внутренняя подготовка. По немногу, съ легкой руки Стронскаго, онъ обновлялся. Мало пригодные элементы, отставшіе, привыкшіе къ сонной работѣ кое-какъ, лишь бы было начало и конецъ, подъ разными предлогами удалялись, то переводились на другія мѣста, то выходили въ отставку съ разными льготными условіями, и съ каждымъ мѣсяцемъ все больше и больше подбирались способные и рьяные работники.

Мало-по-малу всѣ какъ-то стоворились,

спѣлись и дошли до такого совершенства, что всѣ были соединены одними взглядами на вещи, исходившими, конечно, отъ самой главы.

Не было уже надобности каждому и по каждому случаю давать руководящія указанія. Всѣ понимали другъ друга съ двухъ словъ.

И работали здѣсь какъ то необыкновенно ревностно. Съ десяти съ половиной часовъ утра всѣ были на мѣстахъ, не исключая самого директора. Сидѣли въ канцеляріи столько, сколько было нужно. Случалось, что, вслѣдствіе накопленія дѣлъ и просителей, въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ департамента засиживались до семи и восьми часовъ.

И никто не жаловался. Напротивъ; въ этомъ была какая-то особая гордость департамента. А нерѣдко дѣла заставляли нѣкоторыхъ чиновниковъ собираться и по вечерамъ.

И, такъ какъ въ чиновномъ мірѣ все, совершающееся въ немъ, быстро распространяется и служитъ предметомъ разговоровъ и разсужденій, то о новыхъ порядкахъ въ де-

партаментъ всюду говорили.

Само собою разумѣется, что большинство отзывалось неодобрительно. Называли это «усердіемъ не по разуму», объясняли желаніемъ выставить себя въ оригинально-мъ освѣщеніи, выслужиться.

Это были люди, уже безповоротно закоснѣвшіе въ старыхъ порядкахъ лѣни и равнодушія ко всему, кромѣ жалованья, наградъ и чиновъ. Петербургскія канцеляріи доверху наполнены такими элементами.

Но въ сферахъ, имѣвшихъ вліяніе, смотрѣли на это иначе. Тамъ одобрительно кивали въ сторону департамента Льва Александровича и начинали убѣждаться, что освѣженіе канцелярскихъ корридоровъ, при посредствѣ призыва людей «отъ жизни», не пустая мечта.

Въ особенности отличался Корещенскій. Этотъ человекъ всѣхъ поражалъ своей необыкновенной, ни съ чѣмъ несравнимой, выносливостью.

Дѣятельный департаментъ возбудилъ множество вопросовъ и создалъ тысячи дѣлъ, о которыхъ прежде никто не думалъ, но ко-

торыя сами собой требовали очереди и обсуждения.

Чуть не каждую недѣлю въ министерство направлялись изъ департамента предложенія и проекты и всякій разъ приходилось убѣждаться, что это и нужно, и важно, и своевременно.

Учреждались комиссіи и въ нихъ руководителями обязательно были все тѣ же, Балтовъ и Корещенскій.

Участники комиссій, привыкшіе смотрѣть на нихъ, какъ на простую формальность, существующую для того, чтобы затягивать дѣла, и никогда ни къ чему не приводящую, были чрезвычайно изумлены, когда отъ нихъ потребовали настоящей работы. И имъ оставалось только разводить руками, оставаясь передъ вопросомъ: какимъ образомъ эти люди успѣвали руководить десятками комиссій почти въ одно время?

Все это незамѣтно образовало вокругъ имени Балтова, а по его стопамъ и Корещенскаго, ту особую атмосферу, которая отличаетъ выдающихся людей отъ толпы заурядныхъ и выдвигаетъ ихъ на первое мѣсто.

Левъ Александровичъ Балтовъ и Алексѣй Алексѣевичъ Корещенскій были замѣшаны рѣшительно во всѣхъ, выдвинутыхъ на первый планъ, вопросахъ.

Ихъ имена повторялись каждый день и во всѣхъ вѣдомствахъ, потому что возбужденные ими вопросы тѣсно соприкасались съ вопросами всѣхъ вѣдомствъ. Эти два имени постоянно были у всѣхъ на языкѣ.

И, такъ какъ имъ принадлежала инициатива въ очередныхъ важныхъ дѣлахъ и они были компетентны въ нихъ, то всѣмъ приходилось пользоваться ихъ услугами.

И въ концѣ концовъ случилось странное явленіе. Ножанскій все еще оставался во главѣ вѣдомства, но о немъ какъ будто бы всѣ забыли. Видѣли только фигуру Балтова и, какъ необходимаго его спутника, Корещенскаго.

Разрѣшеніе тысячи вопросовъ зависѣло отъ нихъ. Въ ихъ департаментѣ чеканились проекты и рѣшенія, ихъ департаментъ, казалось, управлялъ Россіей.

Самъ Ножанскій долженъ былъ согласиться съ тѣмъ, что живыя дѣятельныя силы, имъ же самимъ вызванныя изъ нѣдръ провинціи,

оправдывали себя какъ нельзя лучше. И, казалось бы, ему только слѣдовало бы радоваться тому, что его затѣя удалась и тѣ, кто противодѣйствовалъ ему, должны были замолкнуть.

Но тутъ была и другая сторона дѣла, а именно та, что онъ былъ совершенно затертъ этимъ стихійнымъ теченіемъ.

Въ жизненныхъ вопросахъ, поднятыхъ и поставленныхъ на очередь департаментомъ, онъ былъ совершенно не компетентенъ и слабъ. Онъ отсталъ отъ жизни и только теперь узналъ объ этомъ.

Но не такъ-то легко было ему примириться съ жалкой ролью конченнаго государственнаго дѣятеля. И не смотря на то, что онъ признавалъ всѣ положительныя стороны Балтова, въ душѣ его, помимо его воли, назрѣвало раздраженіе противъ Льва Александровича.

Проявлялось это прежде всего въ томъ, что онъ всячески избѣгалъ встрѣчи съ нимъ при частной обстановкѣ. Затѣмъ въ департаментѣ стали замѣчать, что въ послѣднее время многія бумаги, изложенныя совершенно ясно

и подробно мотивированныя, изъ министерства возвращались обратно съ требованіемъ дополненій, разъясненій, и что отъ всего этого до очевидности пахло придиркой.

Изъ самого министерства доброжелательные служащіе, — а ихъ теперь явилось у Балтова множество, такъ какъ явная сила всегда создаетъ вокругъ себя партію сочувствующихъ, — приносили извѣстія, что Ножанскій въ послѣднее время приходитъ въ раздраженіе всякій разъ, когда ему докладываютъ новую бумагу изъ департамента.

— Опять они! восклицалъ онъ и хватался обѣими руками за голову, — опять проектъ... Ужъ это похоже на какую-то графоманію...

И говорилъ онъ все это неискренно. Онъ зналъ, что въ бумагѣ изъ департамента всегда заключается дѣло.

Наконецъ, онъ началъ чинить явные тормазы департаменту. И нѣкоторыя бумаги возвращались отъ него съ отказомъ, который вызывалъ только изумленіе.

Левъ Александровичъ, однако, до поры до времени все это сносилъ терпѣливо. Онъ прекрасно понималъ психологію Ножанскаго и

видѣль совершенно ясно, что своими безосновательными придирками онъ каждый разъ даетъ ему въ руки новые козыри.

Но онъ находилъ, что для рѣшительнаго шага не наступило еще время. Онъ былъ совершенно увѣренъ, что Ножанскій рано или поздно, ослѣпленный своимъ раздраженіемъ, сдѣлаетъ крупную ошибку, которая будетъ его приговоромъ. И, наконецъ, это случилось.

Въ департаментѣ уже мѣсяца два подготовляли проектъ одной чрезвычайно важной экономической мѣры. Тщательно собирали матеріаль, изучали предметъ. Корещенскій умѣлъ все это дѣлать основательно.

Затѣмъ въ нѣдрахъ департамента устраивались совѣщанія. Весь департаментъ принималъ участіе въ созданіи проекта, который, по общему мнѣнію, долженъ былъ сразу выдвинуть его на недостижимую высоту.

И вотъ проектъ созрѣлъ и въ видѣ надлежащей бумаги пошелъ въ министерство. Ожидали всего, чего угодно, но только не того, что произошло.

Ножавскій точно ослѣпъ. Съ одной стороны какое-то чиновничье чутье подсказывало

ему, что это будетъ окончательная побѣда департамента, которая выдвинетъ Балтова настолько, что это сдѣлается опаснымъ. А съ другой стороны, прозорливость государственнаго человѣка и бывшаго профессора какъ бы измѣнила ему.

Онъ не понялъ, что вопросъ, поднятый департаментомъ, давно уже виситъ въ воздухѣ, требуетъ разрѣшенія, а главное — разрѣшенъ блистательно.

Настоящій тонкій дипломатъ поступилъ бы какъ разъ наоборотъ. Онъ принялъ бы близко къ сердцу проектъ, впился бы въ него когтями и, пользуясь положеніемъ министра, провелъ бы его съ такимъ видомъ, какъ будто бы онъ-то и былъ его главнымъ вдохновителемъ.

Но Ѳедоръ Власьевичъ ничего этого не сдѣлалъ. Его на это не хватило. Раздраженіе, зависть, даже злоба — овладѣли имъ въ такой мѣрѣ, что онъ потерялъ тактъ. И вотъ въ департаментѣ были несказанно изумлены, когда проектъ былъ полученъ обратно съ замѣчаніемъ, что его находятъ «несвоевременнымъ».

Вотъ въ эту-то минуту Левъ Александровичъ и сказалъ себѣ — и только себѣ, не сказавъ даже Корещевскому — что Ножанскій самъ рѣшилъ свою судьбу и подписалъ себѣ приговоръ.

О проектѣ ничего не знали въ обществѣ до того момента, когда онъ былъ посланъ въ министерство. Но съ этого момента онъ сдѣлался общимъ достояніемъ. Газеты оповѣстили о немъ и заговорили.

И именно тогда, когда онъ совершалъ путешествіе, возвращаясь въ департаментъ, чтобы остаться безъ движенія, появились широковѣщательныя статьи о его необыкновенныхъ блестящихъ достоинствахъ. Всѣми признавалось его широкое значеніе для всей страны, восхвалялась по этому поводу дѣятельность департамента и его главы, словомъ сказать, подготовлялся триумфъ для Балтова.

И когда проектъ поступилъ обратно въ департаментъ, приговоренный къ безсрочному лежанію въ столѣ, о немъ уже говорилъ весь дѣловой Петербургъ.

Особенно же имъ заинтересовались въ

высшихъ сферахъ. Люди очень вліятельные заѣзжали въ министерство и выражали желаніе ознакомиться съ нимъ подробно, но тутъ имъ отвѣчали, что никакого такого проекта въ министерствѣ не имѣется. Было, дескать, нѣчто подобное, но за несвоевременностью возвращено въ департаментъ.

«Несвоевременность», — это слово рѣшительно всѣхъ повергало въ изумленіе. Можно было говорить о несовершенствѣ, о недостаточной разработкѣ, о чемъ угодно, но не о несвоевременности вопроса, явно назрѣвшаго и требовавшаго рѣшенія.

Люди пожимали плечами и отправлялись въ департаментъ. Здѣсь имъ любезно объясняли все — и самый проектъ и его судьбу. Да, дѣйствительно, въ министерствѣ поднятый вопросъ нашли несвоевременнымъ.

Тогда въ газетахъ появились громовыя статьи по адресу министерства. Говорили о мертвецахъ, которыхъ давно надо похоронить.

Въ кругахъ же вліятельныхъ вдругъ вспомнили старую обиду, заключавшуюся уже въ самомъ фактѣ долголѣтняго вліянія

Ножанскаго, пришедшаго съ улицы, и тамъ стали громко высказывать негодованіе. При этомъ совершенно забывали, что Балтовъ тоже, вѣдь, пришелъ «съ улицы». Но онъ еще не на столько выдвинулся, чтобы его положеніе могло кому-нибудь казаться обиднымъ.

Въ обществѣ возвращеніе проекта произвело скандалъ. Объ этомъ стали говорить не только въ частныхъ кругахъ, но и въ высшихъ учрежденіяхъ, и прямо требовали, чтобы проекту Балтова данъ былъ ходъ.

Такимъ образомъ Ножанскій самъ себѣ устроилъ безвыходное положеніе. Помимо министерства проектъ не могъ получить движеніе, а министерство отвергло его цѣликомъ и не оставило при этомъ никакой лазейки для отступленія.

Тутъ Ножанскій, наконецъ, понялъ свою крупную ошибку и захотѣлъ поправить ее. Въ департаментъ была получена бумага, въ которой предписывалось проектъ переработать и въ новомъ видѣ представить въ министерство.

Но департаментъ, поддержанный общественномъ, стоялъ уже твердо въ этомъ вопросѣ

и сухо отвѣтилъ, что считаетъ проектъ вполне разработаннымъ и ничего не находитъ нужнымъ прибавлять къ нему.

Результатомъ этого было нѣчто неожиданное: Ножанскій пріѣхалъ къ Льву Александровичу. Это было свиданіе, ничѣмъ не напоминавшее прежнее.

Ножанскій вначалѣ еще пустилъ было въ ходъ старый пріятельскій тонъ и говорилъ:

— Голубчикъ мой, Левъ Александровичъ, мы съ вами старые пріятели и слишкомъ хорошо знаемъ и цѣнимъ другъ друга...

Но, поднявъ глаза, онъ увидѣлъ, что тонъ этотъ Львомъ Александровичемъ совершенно не принимается. Лицо Льва Александровича было сухо и холодно. Онъ сказалъ:

— Ѳедоръ Власьевичъ, департаментъ отвѣтилъ то, что долженъ былъ отвѣтить по совѣсти. Онъ не считаетъ возможнымъ переработать проектъ, у него уже нѣтъ для этого никакихъ данныхъ. Вѣдь, мы работали надъ нимъ больше двухъ мѣсяцевъ.

— Да, но это можно было бы сдѣлать формально... Вы же понимаете, вы не можете не понимать, что тутъ произошло

недоразумѣніе...

— Нѣтъ, Ѳедоръ Власевичъ, я не считаю это недоразумѣніемъ и думаю, что вы также не можете этого не понимать...

Тутъ Ножанскій понялъ, что для частнаго соглашенія все отрѣзано и больше не продолжалъ въ этомъ тонѣ.

Онъ рѣшилъ дѣйствовать твердой властью. Сухо разставшись съ Балтовымъ, онъ отправился къ себѣ. Онъ потребовалъ къ себѣ на домъ чиновниковъ и распорядился, чтобы завтра же въ департаментъ было послано простое не мотивированное требованіе прислать проектъ въ министерство.

Но онъ забывалъ, что, за время его раздражительнаго ворчанія на дѣятельность Балтова, вокругъ Льва Александровича образовалась уже сильная и многочисленная партія, и что пропаганда его имени шла уже помимо его самого.

Пока въ министерствѣ составляли бумагу, въ департаментъ было получено предложеніе изъ высшаго учрежденія немедленно представить проектъ помимо министерства.

Можетъ быть, здѣсь было допущено отступленіе отъ законовъ, но произошло это въ силу необходимости. Для всѣхъ было ясно, а для кого не было, тому разъяснили, что въ министерствѣ умышленно чинятъ препятствія и потому было совершенно необходимо прибѣгнуть къ этому экстренному способу.

И проектъ былъ отосланъ изъ департамента съ такой быстротой, какая обыкновенно несвойственна казеннымъ бумагамъ. Такимъ образомъ, когда министерство прислало свое строгое требованіе, департаментъ имѣлъ полное право просто отвѣтить ему, что, согласно требованію такого-то высшаго учрежденія, проектъ уже отосланъ туда.

Это былъ для Ножанскаго настоящій ударъ. Онъ понялъ, что попалъ въ ловушку, но не имѣлъ права никого обвинять. Онъ самъ разставилъ себѣ эту ловушку.

Тѣмъ не менѣе, онъ не отказался еще отъ активныхъ дѣйствій и принялъ нѣкоторыя мѣры: онъ поѣхалъ къ нѣкоторымъ лицамъ, которыхъ считалъ друзьями, но здѣсь онъ нашелъ холодъ.

Это были люди, которые, не имѣя опоры въ собственныхъ способностяхъ и заслугахъ, дѣлались сторонниками и друзьями всякаго успѣха.

Въ свое время успѣхъ Ножанскаго привлекъ ихъ на его сторону, но теперь успѣхъ уже перевалилъ на сторону новаго свѣтила — Балтова, и они были всѣ къ его услугамъ.

И Ножанскому оставалось сложить оружіе: даже теперь еще было не совсѣмъ поздно, Но онъ уже не сладилъ съ собой и у него не хватило на это силы.

У него былъ еще одинъ шансъ — правда, совершенно отчаянный и почти безнадежный — но ему казалось, что не было уже такой вещи, которая могла бы ухудшить его положеніе, поэтому онъ шелъ уже на проломъ.

Въ учрежденіи, куда поступилъ проектъ помимо министерства, экстренно было назначено обсужденіе его и защищать его выступилъ самъ Балтовъ.

Это былъ исключительный случай, когда проектъ вѣдомства защищалъ не министръ, а его подчиненный, при томъ въ смыслъ, несо-

гласномъ съ мнѣніемъ министра.

И вотъ тутъ-то Ножанскій самъ, своими руками, набросилъ севъ на шею петлю.

Послѣ того, какъ Левъ Александровичъ, съ доводами и цифрами въ рукахъ, какъ человѣкъ въ высшей степени подготовленный и убѣжденный, рѣшительно всѣхъ сдѣлалъ сторонниками своего проекта, поднялся Ножанскій и въ рѣзкихъ выраженіяхъ, несдержанно, крикливо началъ громить его.

При той обстановкѣ, въ какой все это происходило, это не могло быть ничѣмъ инымъ, какъ шумнымъ потокомъ фразъ на фонѣ ложнаго пафоса и среди враждебно настроенныхъ слушателей фразы эти производили впечатлѣніе какой-то глупой мальчишеской попытки, въ которой не было ни такта, ни смысла.

И когда Ножанскій кончилъ свою рѣчь, то, по тому угрюмому молчанію, какимъ она сопровождалась, по тому полному одиночеству, которое онъ сейчасъ же почувствовалъ, въ то время, какъ Балтовъ былъ окруженъ, онъ понялъ, что его дѣло окончательно проиграно.

Единственнымъ возможнымъ результа-

томъ этого была отставка. И, такъ какъ Ѳедоръ Власьевичъ, хотя и слишкомъ поздно, но все-таки прозрѣлъ, то у него на этотъ разъ хватило ума и такта самому подать въ отставку. Если бы онъ этого не сдѣлалъ, то все равно получилъ бы ее.

И вотъ, черезъ нѣсколько дней послѣ его ужасной рѣчи, общество узнало о томъ, что Ножанскій вышелъ въ отставку по разстроенному здоровью.

Отставка его была обставлена вполне почетно. Съ наградой, съ повышеніемъ, словомъ со всѣмъ тѣмъ, что обыкновенно служитъ плохимъ утѣшеніемъ для развѣнчанныхъ государственныхъ свѣтилъ.

И чрезвычайно быстро осуществились результаты этого событія. Ничего другого и не могло быть. Послѣ того, какъ Левъ Александровичъ за министра вышелъ защищать проектъ въ высшемъ учрежденіи и сдѣлалъ это блестяще, оставалось только перетасовать роли, что и было сдѣлано.

Левъ Александровичъ Балтовъ, съ соотвѣтствующимъ повышеніемъ, былъ назначенъ министромъ, а Корещенскій, — это

ужь само собою разумѣется, — сдѣлался директоромъ департамента.

Это было время, когда общество вѣрило еще въ героевъ. Придетъ какой то человекъ съ сильнымъ умомъ, твердой волей, съ необыкновенно широкими идеями, и однимъ движеніемъ сильной руки повернетъ на новый путь ходъ государственной машины.

Было уже нѣсколько такихъ счастливицевъ, на которыхъ возлагались надежды и скоро наступало разочарованіе. Но жажда и необходимость новаго быстро залѣчивала эту рану и общество не переставало надѣяться. И самымъ яркимъ изъ нихъ, такъ сказочно-быстро выползшихъ на поверхность, былъ новый министръ.

Его возвышеніе сопровождалось эффектной борьбой съ Ножанскимъ и окончилось блестящей побѣдой. Его первоначальная карьера и вся прошлая дѣятельность привлекли къ себѣ симпатіи и ему рукоплескали всѣ, какъ въ верхнихъ слояхъ, такъ и въ обществѣ.

Удивительнѣе всего то, что Балтовъ въ сущности ничего не обѣщаль. Вся его административная дѣятельность была чисто

дѣловая. Онъ ни разу не вышелъ изъ круга финансовыхъ интересовъ.

Но обществу нужно было на кого нибудь надѣяться, и естественно, оно избирало личность, которая была окружена такимъ ореоломъ и цѣлой головой стояла выше своей среды.

Тотчасъ послѣ назначенія, Левъ Александровичъ облачился въ новый мундиръ и поѣхалъ съ визитомъ къ Ножанскому. Онъ не имѣлъ въ виду никакихъ іезуитскихъ цѣлей, ему даже былъ тяжелъ этотъ визитъ, но онъ считалъ его своимъ официальнымъ долгомъ.

И Ножанскій отомстилъ ему такъ, какъ только могъ отомстить человѣкъ, окончательно растерявшій свои шансы. Онъ не принялъ его, но при этомъ не придумалъ какого-нибудь благовиднаго предлога, а просто велѣлъ сказать новому министру: «его высокопревосходительство принять не могутъ».

Левъ Александровичъ посмотрѣлъ на это, какъ на крикъ отчаянія, и не придавъ этому никакого значенія.

Ножанскій же получилъ отпускъ и уѣхалъ

за границу.

Домашняя жизнь въ домѣ Балтова сложилась очень странно.

Въ домѣ какъ будто жили только женщины и при томъ на разныхъ половинахъ квартиры, встрѣчаясь только за обѣдомъ, дѣлая другъ другу любезныя лица, но стараясь говорить какъ можно меньше.

Левъ Александровичъ съ утра до вечера былъ занятъ внѣ дома. Служба въ канцеляріи, засѣданія въ разныхъ высшихъ совѣтахъ, занятія въ комиссіяхъ, все это отнимало у него все время.

Пріѣзжалъ онъ домой часамъ къ восьми, наскоро обѣдалъ и сейчасъ же уѣзжалъ, чтобы вернуться изъ какой-нибудь комиссіи часа въ два ночи.

Въ квартирѣ было тихо и невозмутимо. Только Вася своей рѣзвостью нарушалъ тишину, но часто и на него нападала какая-то робость и онъ притихалъ и тогда уже квартира дѣйствительно начинала походить на склепъ.

Лазавета Александровна вполне мирилась

съ такимъ положеніемъ. Она не нуждалась въ обществѣ. Но Наталью Валентиновну это тяготило. Она была совершенно одинока.

У Льва Александровича были несмѣтныя знакомства, но всѣ они были служебныя или дѣловыя. Съ нимъ видѣлись въ канцеляріи и въ разныхъ комиссіяхъ, его ловили чуть-ли не на порогѣ, но домъ его оставался для всѣхъ закрытымъ. Только Корещенскій иногда забѣгалъ къ Натальѣ Валентиновнѣ, чтобы поцѣловать ея руку, но оставался не больше пяти минутъ. Онъ всегда торопился. Онъ былъ заваленъ работой пожалуй еще больше, чѣмъ самъ Левъ Александровичъ. Его имя постоянно фигурировало въ комиссіяхъ; казалось, безъ него не могло обойтись ни одно государственное дѣло, всюду былъ важенъ его голосъ.

Поэтому Наталья Валентиновна дѣятельно поддерживала переписку съ югомъ. Тамъ остались въ сущности всѣ ея друзья.

Отъ Зигзагова она получала письма часто и всѣ они были полны лирическихъ изліяній, впрочемъ, большею частью мрачнаго свойства. Изъ этихъ писемъ она, наконецъ, поня-

ла, до какой степени Максимъ Павловичъ былъ одинокимъ человѣкомъ. Онъ писалъ ей.

«Послѣ вашего отъѣзда я почувствовалъ себя камнемъ. Меня окружаетъ шумное общество и все это милыя, молодыя лица, я понимаю ихъ стремленія, моя голова связана съ ними тысячами нитей. Но только голова, голова. Я чувствую, что для нихъ я слишкомъ зрѣлъ. Они не понимаютъ моей скептической усмѣшки. Они не понимаютъ, что можно увлекаться благородной идеей, можно даже жертвовать для нея своимъ личнымъ благомъ, не вѣря въ ея осуществленіе.

Да, такова странность моей души. Я скептикъ отъ головы до ногъ и въ то же время я увлекаюсь, я способенъ горѣть и лѣзть на стѣну.

„Увлекающійся скептикъ“ — вотъ, можетъ быть, самая неестественная фигура, какую вы когда либо встрѣчали. Вы не понимаете? Ну, такъ я объясню вамъ въ одномъ словѣ: красота.

Вѣдь увлеченіе идеей, это удивительно красивая вещь, это самое высшее проявленіе красоты. А она, голубка, всегда была моимъ

кумиромъ. Можетъ быть, изъ за нея я и одинокимъ остался, и останусь на всю жизнь, если она продлится.

Ибо въ живомъ человѣкѣ красота осуществляется крайне несовершенно и грубо. Какъ бы ни была прекрасна женщина, но когда я подхожу къ ней поближе, то не могу не разглядѣть въ ней животнаго и оно то все губить. Оно живетъ во мнѣ и въ васъ и даже... даже въ его превосходительствѣ, господинѣ министрѣ.

Но идея, она можетъ быть божественно прекрасна, она лишена плоти и она никогда не бываетъ грубой и животной.

И знаете что: вы мнѣ кажетесь почему-то такой же прекрасной, какъ идея. Въ васъ я не видѣлъ того, что отталкиваетъ меня отъ другихъ женщинъ. Вамъ я поклоняюсь, какъ вѣрующій жрецъ поклоняется своему идолу. И вотъ почему теперь я такъ нестерпимо одинокъ».

Володя тоже изрѣдка писалъ ей. Онъ все собирался пріѣхать, чтобы «сдѣлаться благо-разумнымъ» и начать свою карьеру при Львѣ Александровичѣ. Но, судя изъ намековъ въ

его письмахъ, ему мѣшалъ романъ. Кажется, онъ въ кого-то влюбился.

Но однажды она получила отъ Володи письмо, которое страшно встревожило ее. Онъ писалъ о Максимѣ Павловичѣ.

«Вашъ другъ Максимъ Павловичъ ведетъ себя странно. Онъ, который всегда былъ проповѣдникомъ свѣжей головы и былъ врагомъ всякихъ наркотовъ, вдругъ началъ попивать. На его вечерахъ, которые продолжаются, вино стало играть первостепенную роль. Нерѣдко его можно видѣть въ ресторанѣ, сидящимъ одиноко за столикомъ и выпивающимъ.

Въ такіе часы онъ дѣлается страшно мрачнымъ, а когда порядочно выпьетъ, начинаетъ вступать въ разговоры съ посѣтителеми и тутъ онъ произноситъ громовыя рѣчи.

За эти рѣчи всякаго другого давно забрали бы въ полицію, но его имя защищаетъ его. Впрочемъ, это бываетъ съ нимъ періодически.

Напишите ему доброе дружеское письмо, Наталья Валентиновна. Онъ очень дорожитъ вашей дружбой. Кажется, вы одна только и

можете благотворно повліять на него».

Наталья Валентиновна, разумеється, не отказала ему въ добромъ дружескомъ письмѣ. Но это, кажется, не помогло. Володя не сообщалъ ей никакихъ утѣшительныхъ вѣстей.

И вотъ однажды она получила отъ Володи коротенькое письмо, написанное тревожнымъ почеркомъ.

«Съ Максимомъ Павловичемъ случилась бѣда. Двѣ недѣли онъ нетрезвъ, а сегодня утромъ покушался убить себя. Пуля засѣла у него въ вискъ. Будеть операція. Серьезной опасности, кажется, нѣтъ, но настроеніе его не обѣщаетъ ничего хорошаго. Боюсь повторенія.

Милая Наталья Валентиновна. Погибаетъ хорошій человекъ и свѣтлая голова. Неужели ничего нельзя придумать, чтобы перетащить его въ Петербургъ поближе къ друзьямъ? Да и свѣта тамъ все-таки больше. Здѣсь, несмотря на то, что солнце свѣтитъ ярко, ужасно темно. Впрочемъ, вы это знаете».

Потомъ отъ Володи были получены болѣе успокоительныя извѣстія. Максиму Павлови-

чу сдѣлали операцію, которая прошла благополучно. Пуля была вынута.

Послѣ операціи Зигзаговъ поправился и совершенно измѣнился. Онъ пересталъ пить и началъ вести себя спокойно. Вечера у него на квартирѣ приняли прежній характеръ.

Въ одинъ изъ декабрьскихъ дней Володя пріѣхалъ въ Петербургъ и съ вокзала явился прямо къ дядѣ.

Наталья Валентиновна была еще въ постели, когда ей принесли его карточку. Она поторопилась одѣться и вышла къ нему.

Онъ сильно измѣнился. Возмужалъ, лицо его загорѣло и обросло волосами.

— Наконецъ-то, — сказала Наталья Валентиновна. — Я рада, что вы пріѣхали. Ахъ, милый Володя, — не выдержала она и сразу же высказалась передъ нимъ, — если бъ вы знали, какъ я скучаю!

— Вы скучаете? Здѣсь? въ Петербургѣ?

— Я не въ Петербургѣ, я здѣсь, вотъ въ этой квартирѣ. Мой компаніонъ — Лизавета Александровна.

— Почему же у васъ нѣтъ общества? Дядя стоитъ въ центрѣ... У него такое видное

положеніе.

— Да вѣдь у меня въ Петербургѣ никогда не было знакомствъ; а пріобрѣсти ихъ — какъ же это сдѣлать? Не могу же я итти на улицу, какъ Авраамъ, и звать къ себѣ всякаго, кто попадется.

— А дядя? Что же онъ дѣлаетъ?

— Левъ Александровичъ слишкомъ занятъ. Онъ совсѣмъ не живетъ для себя, а, значить, и для меня. Ну, хорошо, это мы оставимъ на послѣ. Расскажите-ка о себѣ. Вы были влюблены?

— Это кончилось. Пустое, Наталья Валентиновна, — влюбляться не стоитъ.

— Вотъ какъ! Ну, это до слѣдующаго случая, расскажите-ка о Максимѣ Павловичѣ.

— О, я почти что изъ-за него пріѣхалъ.

— Какъ? Опять что-нибудь ужасное?

— Только не то. Напротивъ, онъ отлично велъ себя. Эти полтора мѣсяца онъ былъ прежній. Но за то въ другомъ отношеніи онъ былъ неостороженъ.

— Ну, что же еще такое? — съ тревогой спросила Наталья Валентиновна.

— У него завелись опасныя связи. Тамъ

Вѣдь произошли серьезные аресты, и это можетъ кончиться очень и очень печально. А оказалось, что съ его вечеровъ сборъ отдавался туда, для тѣхъ цѣлей... Нашли опредѣленную связь... Ну, вотъ и его на дняхъ арестовали.

— Да неужели? И это серьезно? Опасно?

— Очень серьезно, Наталья Валентиновна. И если дядя не пуститъ въ ходъ своего вліянія, то бѣдному Максиму Павловичу придется очень плохо.

— Ну, разумѣется, Левъ Александровичъ сдѣлаетъ все, что нужно! сказала Наталья Валентиновна.

— А когда я увижу дядю?

— Да вѣдь вы у насъ, Володя?

— Если не прогоните.

— Ну, еще бы! Значитъ, увидите за обѣдомъ. Онъ только во время обѣда и бываетъ дома. А пока пойдите въ столовую, будемъ пить кофе.

Въ столовой они нашли Лизавету Александровну. Она посмотрѣла на Володю крайне удивленными глазами, но словами не выразила удивленія. Даже улыбнулась и сказала,

что она очень рада.

— Я просила Володю остановиться у насъ, — сказала Наталья Валентиновна.

— Но какъ же иначе? отвѣтила Лизавета Александровна, — Володя нашъ родственникъ.

За кофе Володя продолжалъ разсказывать о Максимѣ Павловичѣ. Этотъ арестъ гораздо серьезнѣе прежнихъ. Его схватили ночью и произвели обыскъ. И, такъ какъ его квартира въ послѣднее время была какой-то общей собственностью, въ ней ночевали каждый разъ все новыя лица, которыя, конечно, не прописывали своихъ паспортовъ, да и не всегда могли это сдѣлать, то «преступныя слѣды» нашлись въ большомъ количествѣ.

Максимъ Павловичъ въ этомъ, конечно, нисколько не повиненъ, такъ какъ многое дѣлалось помимо его вѣдома. Онъ былъ только любезнымъ хозяиномъ. А между тѣмъ оказалось, что слѣды эти повели къ чрезвычайно серьезнымъ открытіямъ и все это приписано ему.

— Дядѣ будетъ не трудно облегчить его участь, — прибавилъ Володя, — потому что

онъ лично знаетъ характеръ Максима Павловича и его взгляды. Онъ всегда относился къ движенію пассивно, какъ сочувствующій зритель въ театрѣ, выдѣляя въ немъ только художественную сторону.

— Какъ? вдругъ воскликнула Лизавета Александровна, до сихъ поръ, молча, возившая съ своимъ кофе и какъ будто даже не слушавшая. — Вы, Володя, хотите дядю впутать въ это дѣло?

— Но, тетя, — возразилъ Володя. — дядя во все не такой человѣкъ, чтобы его можно было впутать. Онъ самъ впутается, если найдетъ это нужнымъ.

Это возраженіе на нѣсколько секундъ поколебало Лизавету Александровну.

— Да, но... Вы знаете, какъ онъ деликатень.

— Я только расскажу дядѣ то, что рассказалъ здѣсь, больше ничего. А ужъ онъ самъ рѣшитъ, что надо дѣлать.

— А я на вашемъ мѣстѣ даже не рассказывала бы ему.

— Почему же?

— Потому что это будетъ большимъ со-

блазномъ для его деликатности.

— Ну, съ этимъ, тетя, я позволю себѣ не согласиться. Дядя не мальчикъ, а государственный мужъ. Мнѣ кажется, я оказалъ бы ему недовѣріе и неуваженіе, если бы скрылъ отъ него то, что касается его друга.

— Зигзаговъ не другъ ему.

— Отъ дяди я слышалъ другое.

— Левъ оказывалъ ему услуги, даже, можетъ быть, слишкомъ. Но это еще не даетъ права считаться другомъ.

Володя посмотрѣлъ на Наталью Валентиновну и встрѣтилъ въ ея глазахъ одну только выдержку. Видно было, что она не хотѣла показать свое истинное отношеніе къ тому, что говорила Лизавета Александровна. И онъ тоже сейчасъ же замолкъ.

Минуты двѣ они всѣ трое молчали. Лизавета Александровна, очевидно, почувствовала, что она высказалась слишкомъ откровенно и что это является причиной молчанія. Она поспѣшно допила свой кофе и вышла изъ столовой.

— И у васъ всегда такое единеніе мыслей? съ усмѣшкой спросилъ Володя.

Наталья Валентиновна выразительно посмотрѣла на дверь, куда ушла Лизавета Александровна. Дверь была не совсѣмъ плотно притворена.

— Оно продолжается, Володя, — сказала она, сильно пониженнымъ голосомъ.

Володя понялъ и, оборвавъ разговоръ, началъ преувеличенно громко рассказывать какой-то курьезный эпизодъ, случившійся съ нимъ въ дорогѣ.

— Ну, — сказалъ онъ, напившись кофе, — я пойду на улицу и слегка познакомлюсь съ Петербургомъ. Такъ дядю можно видѣть за обѣдомъ?

— Да, въ семь часовъ. Но неужели вы до семи часовъ будете изучать Петербургъ? Я думала, что вы будете чтонибудь рассказывать мнѣ, а я буду слушать. Вѣдь я почти не слышу человѣческихъ рѣчей.

— Наталья Валентиновна! — всплеснувъ руками, воскликнулъ Володя, — да что же это? на что похоже?

— Не протестуйте, Володя. Поскорѣе возвращайтесь и будемъ болтать. А вотъ и Вася...

Вася пришелъ въ столовую, но Володя не

узналъ въ немъ прежняго «шумнаго мальчика». Онъ былъ удивительно выдержанъ и тихъ. Въ немъ даже замѣчалась какая-то не дѣтская вялость.

Володя вышелъ на улицу съ грустными мыслями. Ничего подобнаго онъ не ожидалъ встрѣтить въ Петербургѣ.

XVI

Онъ не долго знакомился съ Петербургомъ и былъ невнимателенъ. Все время стояла передъ нимъ мысль о странномъ положеніи Натальи Валентиновны въ домъ дяди.

Онъ думалъ, что застанетъ здѣсь шумное веселое общество, ее въ центрѣ большого оживленнаго интереснаго кружка. Онъ скорѣй боялся, что найдетъ въ домъ дяди слишкомъ разнообразное общество, въ которомъ онъ потеряется.

Въ южномъ городѣ кругъ ея знакомыхъ былъ не великъ, но зато все это были дѣйствительно интересные люди. Въ ихъ числѣ былъ и дядя. А теперь она какъ будто лишена даже и его общества. Значить, это что-то вродѣ самопожертвованія.

Не больше часу онъ ходилъ по улицамъ и почти ничего не замѣтилъ. Ему представлялась Наталья Валентиновна, жаждущая, чтобы съ нею поговорили. Это было до такой степени несуразное представленіе, что онъ даже какъ-то растерялся. Онъ поспѣшилъ вернуть-

ся въ казенную квартиру. Съ Натальей Валентиновной они болтали цѣлый день. Но она все только спрашивала его о южномъ городѣ, сама же была чрезвычайно скупа относительно того, что касалось ея.

Послѣ шести часовъ оба они стали нетерпѣливо посматривать на дверь. Прошло полчаса. Послышались мягкіе шаги по ковру. Кто-то приблизился къ двери. Володя поднялся, совершенно увѣренный, что увидитъ дядю, но вошелъ Корещенскій.

— Ба, воскликнулъ онъ, цѣлуя руку Натальи Валентиновны. Южное солнышко! Какимъ образомъ, зачѣмъ и на долго-ли?

Онъ прибавилъ, обратившись къ Натальѣ Валентиновнѣ:— Если не прогоните, сегодня у васъ обѣдаю. Мнѣ просто надоѣло обѣдать въ ресторанѣ.

— А вы до сихъ поръ не устроились? — спросила Наталья Валентиновна.

— И не думалъ. Да гдѣ же? Минуты свободной нѣтъ. Я забылъ, какъ зовутъ моихъ дочерей.

Корещенскій, какъ поселился въ гостиницѣ, когда пріѣхалъ въ Петербургъ, такъ и

остался тамъ. Онъ нисколько не преувеличивалъ, что ему некогда устроиться. Ему тоже была отведена казенная квартира, но устройство ея потребовало-бы заботъ и времени. Надо было пріобрѣтать обстановку, обзаводиться прислугой. Онъ-же съ утра до вечера былъ поглощенъ «государственными обязанностями».

Поэтому онъ сидѣлъ въ гостинницѣ и питался ресторанной пищей, да и то въ высшей степени не аккуратно.

Володя смотрѣлъ на него и дивился. Этотъ крѣпкій человѣкъ, прежде обладавшій розовыми щеками, теперь казался какимъ-то хилымъ, замореннымъ. Очевидно, онъ испортилъ себѣ желудокъ неправильнымъ образомъ жизни.

— Да, батенька, — говорилъ Корещенскій, — это не то, что ѣздить на земскихъ по уѣздамъ, охотясь за статистическими данными... Тамъ воздухъ, тамъ жизнь, а тутъ... Я еще не знаю, право, что собственно тутъ... Но много бумаги, много пыли...

— Вы, кажется, разочаровались, Алексѣй Алексѣевичъ? спросилъ Володя.

— Въ личныхъ удобствахъ — да... Но въ дѣлахъ... Какъ бы это вамъ сказать?.. Ихъ у меня непочатый край...

— И вы недовольны?

— Этого еще не знаю... Можете себѣ представить, я никакъ не могу собраться сконцентрировать свои мысли и рѣшить вопросъ: принесу я пользу или вредъ? Левъ Александровичъ говоритъ, что пользу, но я ему не вѣрю. У меня одна работа такъ быстро смѣняется другой, что я дѣлаю ихъ почти механически. Я подобенъ молоту, который куетъ желѣзо, не вѣдая, послужитъ ли оно для колеса рабочей телѣги или крюкомъ для висѣлицы.

— А дядя скоро пріѣдетъ?

— Долженъ быть сейчасъ. Мы разстались съ нимъ въ министерствѣ, но онъ еще куда-то хотѣлъ заѣхать на минутку. Ну, расскажите-же, ясное солнышко, что у васъ тамъ дѣлается? Слышалъ про генеральные аресты... И, кажется, не шуточные... По нашимъ свѣдѣніямъ, по крайней мѣрѣ... Вотъ если бъ я былъ тамъ, можетъ быть, и меня прихватили бы... Что подѣлываетъ нашъ милый эстетъ...

Максимъ Павловичъ Зигзаговъ?

— О немъ расскажу, когда дядя прїѣдетъ.

— А вотъ я слышу шаги его высокопревосходительства, — сказалъ Корещенскій, прислушиваясь къ шагамъ въ гостинной.

И въ самомъ дѣлѣ вошелъ Левъ Александровичъ. При видѣ Володи, онъ не выказалъ изумленія. Онъ быть уже предупрежденъ. Лизавета Александровна встрѣтила его въ передней и успѣла сообщить ему не только о прїѣздѣ Володи, но кой-что и о Зигзаговѣ.

Онъ привѣтливо поздоровался съ Володей и, цѣлуя Наталью Валентиновну, заявилъ, что очень голоденъ.

— Ждемъ васъ, Левъ Александровичъ, чтобы услышать вѣсти о нашемъ общемъ другѣ Максимѣ Павловичѣ.- сказалъ Корещенскій. — Безъ васъ Володя не хочетъ рассказывать.

— Это онъ намъ расскажетъ послѣ обѣда, — промолвилъ Левъ Александровичъ. — Я догадываюсь, что вѣсти эти способны испортить аппетитъ.

— Какъ? ты уже догадался? Или, можетъ быть, зналъ? спросила Наталья Валентинов-

на.

— Конечно, это дѣло для меня не ново...

— Неужели же ты до сихъ поръ ничего не сдѣлалъ?

— Послѣ объясню, милый другъ, послѣ обѣда. А теперъ я выдвигаю на первую очередь мой аппетитъ.

— Аппетитъ министра, — сказалъ Корещенскій.

— Надѣюсь, и товарища?..

— Мой аппетитъ болѣе теоретическій или, такъ сказать, отвлеченный... Ресторанные обѣды вселили въ меня скептицизмъ по отношенію къ пищѣ.

— Другими словами, вы нажили себѣ катарръ желудка! сказалъ Володя.

— Человѣкъ долженъ жертвовать своимъ желудкомъ на общую пользу.

— Да, конечно, если общая польза доказана.

Наталья Валентиновна поднялась. — Пойдемте, господа, обѣдъ навѣрно готовъ.

Корещенскій внялъ Володю на талію и повель его впередъ. Левъ Александровичъ на минуту задержался. Онъ подошелъ къ На-

галь Валентиновнѣ.

— Я страдаю отъ того, что рѣдко вижу тебя, Наташа, — сказалъ онъ, нѣжно взявъ ее за руку. — Вотъ придетъ лѣто, я возьму отпускъ и мы поѣдемъ за границу... Но мнѣ хотѣлось бы, чтобы къ тому времени ты не носила фамилію господина Мигурскаго.

— Тебѣ этого хочется? — спросила Наталья Валентиновна и съ великимъ изумленіемъ посмотрѣла на него. Это она слышала отъ него въ первый разъ.

— Да... Мы поговоримъ съ тобой объ этомъ подробно. Пойдемъ въ столовую.

За обѣдомъ разговоръ сосредоточился за южномъ городѣ и на тѣхъ новостяхъ, которыя привезъ Володя. Но ни словомъ не касались Зигзагова. Какъ только дѣло подходило къ нему, Левъ Александровичъ быстро мѣнялъ тему и перескакивалъ на чтонибудь другое.

— Почему это онъ? — думала Наталья Валентиновна и ей казалось, что она понимаетъ это: онъ не хочетъ говорить объ этомъ при Лизѣ, взгляды которой на этотъ счетъ ему хорошо извѣстны. Такъ объяснила она себѣ это.

Послѣ обѣда у Льва Александровича былъ свободный часъ. Онъ взялъ Володю подъ руку и сказалъ. — Ну, мы съ тобой, милый племянникъ, на четверть часа удалимся ко мнѣ въ кабинетъ. Алексѣй Алексѣевичъ не уйдетъ безъ меня. Ты займи его, Наташа. Не больше четверти часа.

И онъ увелъ Володю въ кабинетъ. Это тоже показалось Натальѣ Валентиновнѣ страннымъ. Почему онъ не хотѣлъ говорить о Зигзаговѣ при ней и Корещенскомъ? Казалось бы, дѣло, касавшееся общаго друга, слѣдовало бы и обсудить вмѣстѣ.

Всѣ эти «тонкіе штрихи» въ связи съ неожиданнымъ заявленіемъ Льва Александровича о фамиліи господина Мигурскаго слегка энервировали ее, и Корещенскій замѣтилъ, что она не совсѣмъ такая спокойная и выдержанная, какъ бывала всегда.

А въ кабинетѣ произошелъ разговоръ.

— Ну, рассказывай, — говорилъ племяннику Левъ Александровичъ:— и съ перваго же момента учись быть краткимъ. Мы здѣсь страшно дорожимъ временемъ. Максимъ Павловичъ арестованъ. Это я знаю. У него въ квартирѣ

нашли много компрометирующихъ бумагъ, это тоже мнѣ извѣстно. Надъ нимъ виситъ до-вольно тяжкое обвиненіе. И это знаю.

— Значитъ, вы все знаете, дядя.

— Да, конечно. Здѣсь извѣстно, что онъ былъ мнѣ близокъ и, само собой разумѣется, мнѣ сейчасъ же приподнесли это. И при этомъ смотрѣли мнѣ въ лицо, чтобы видѣть его выраженіе. Но на моемъ лицѣ не было никакого выраженія. Что же дальше?

— Дальше, дядя, ничего. Я надѣюсь, какъ и всѣ его друзья, что вы облегчите его участь.

— Какимъ образомъ я могу это сдѣлать?

— Вамъ это лучше извѣстно, дядя.

— Едва-ли. Я знаю только, что я могъ бы на этомъ дѣлѣ ухудшить свое положеніе, но не знаю, какъ могъ бы облегчить его.

— Какъ ухудшить свое положеніе?

— Да вѣдь я же тебѣ сказалъ, что, докладывая мнѣ о дѣлѣ Зигзагова, смотрѣли мнѣ въ лицо. Въ этомъ вся суть. Но во всякомъ случаѣ мы объ этомъ подумаемъ съ Корещенскимъ. Вотъ пока все, что могу тебѣ сказать. А теперь пойдемъ туда. Я, милый мой, дорожу каждымъ получасомъ, когда могу видѣть На-

ташу. Вѣдь ты у насъ будешь жить? Хочешь работать? Служить? Отлично. Это мы устроимъ. Была бы охота работать.

Эти послѣднія слова онъ говорилъ, взявъ его за локоть и ведя въ будуаръ Натальи Валентиновны. Скоро они были тамъ и Наталья Валентановна видѣла, что у Володи лицо какое-то растерянное.

Времени у Льва Александровича и Корещенскаго оставалось еще съ полчаса. Балтовъ былъ очень оживленъ и какъ-то подѣтски весель. Глядя на него, казалось, что это какой-то беззаботный весельчакъ. Онъ говорилъ глупости и звонко смѣялся.

— Я никогда не видѣла тебя такимъ веселымъ, — сказала Наталья Валентиновна. — Развѣ у тебя случилось что-нибудь особенно пріятное?

— Да, вотъ, именно то, что я сижу дома съ тобой и съ Володей и съ Алексѣемъ Алексѣвичемъ, какъ съ моимъ гостемъ, а не какъ съ «товарищемъ». Только это. Это меня возбуждаетъ и опьяняетъ. А то вѣдь я все «засѣдаю» и исполняю обязанности. Вѣдь мы тамъ говоримъ не своимъ языкомъ и даже не

своимъ голосомъ, и настроеніе наше какое-то казенно-дѣловое. И не думай, что мы ломаемся. Избави Вотъ, я далеку отъ этого. Но просто такъ само собой выходитъ. Опускаясь на дно морское, напрасно мы будемъ мечтать дышать непосредственно кислородомъ. И рыбы научились отлично это дѣлать... У нихъ вмѣсто легкихъ образовались жабры. Вотъ, Володя станетъ у насъ служить и всему этому научится и все это познаетъ.

— Но, дядя, я не хочу, чтобы у меня образовались жабры.

— Тѣмъ лучше для тебя, если ты съумѣешь обойтись безъ этого.

Показаніе часовъ, стоявшихъ на каминѣ, вдругъ взволновало Льва Александровича. Онъ началъ торопиться.

— Ъдемъ, Алексѣй Алексѣевичъ. Сегодня мы вмѣстѣ съ Алексѣемъ Алексѣевичемъ даемъ сраженіе. Потребовалась мобилизація всѣхъ силъ. Мы всегда даемъ сраженіе.

— Побѣдоносно?

— До сихъ поръ всегда побѣждали.

— Но, дядя, я хочу задать вамъ одинъ вопросъ: какое удовольствіе доставляетъ такая

жизнь?

— Удовольствіе побѣды, мой другъ.

— Значить, спортъ?

— Непремѣнно. Въ работѣ долженъ быть спортъ. Если все дѣло сводится къ полученію жалованья и награды, то дѣло становится мертвымъ. Всякая маленькая побѣда доставляетъ удовольствіе, но предвкушеніе большой, генеральной, окончательной побѣды постоянно держитъ меня въ возбужденіи, заставляетъ жертвовать всѣми своими индивидуальными благами. У меня служащіе всѣ спортсмены. Они постоянно стараются обогнать другъ друга, побить служебный рекордъ. Ну, ѣдемъ, ѣдемъ, Алексѣй Алексѣвичъ. Въ сегодняшней комиссіи насъ ожидаетъ сплоченная стѣна враговъ. Мы должны обрушить на нихъ всѣ свои силы. Но я надѣюсь вернуться раньше полуночи.

Они уѣхали. Наталья Валентиновна и Володя остались вдвоемъ. Лизавета Александровна не выходила. Но Наталья Валентиновна привыкла всюду чувствовать ея присутствіе. Въ особенности будуаръ ея былъ на подозрѣніи. Поэтому она сейчасъ же под-

нялась и сказала Володѣ.

— Перейдемте въ гостиную, тамъ больше воздуха.

И они перешли въ гостиную. Тутъ Наталья Валентиновна пошла по очереди ко всѣмъ дверямъ и растворила ихъ настежъ.

— Это самое лучшее средство: растворить всѣ двери и говорить громко. Вы, Володя, говорили съ дядей о Максимѣ Павловичѣ?

— Да, именно объ этомъ мы и говорили. Но оказалось, что дядя, все зналъ.

— Неужели? А мнѣ не сказалъ. Должно быть, за кучей дѣлъ, забылъ.

— Конечно, у него столько дѣла.

— Значить, онъ самъ уже думалъ объ этомъ?

— По всей вѣроятности. Но дядя думаетъ совсѣмъ не такъ, какъ я ожидалъ. Кажется, онъ не находилъ возможнымъ сдѣлать что-нибудь для Максима Павловича.

— Неужели?

— Да, насколько я могу судить... Вотъ его фраза: «Не знаю, насколько я могъ бы улучшить положеніе Зигзагова, но знаю, что могу ухудшить свое». А вотъ другая, въ которой за-

ключались всѣ надежды: «мы объ этомъ подумаемъ съ Алексѣемъ Алексѣевичемъ». Отсюда вывожу, что они объ этомъ еще не думали.

— Вы меня огорчаете, Володя. Вы точно привезли съ собой съ юга огорченіе.

— Да, кажется, даже въ буквальномъ смыслѣ. Я, можетъ быть, огорчу васъ еще больше однимъ сообщеніемъ. Мнѣ не хотѣлось говорить вамъ это, но въ сущности, я не имѣю права не сказать.

— Если меня касается...

— Очень. Видите-ли, со мной ѣхалъ сюда докторъ Мигурскій.

— Онъ здѣсь?

— Да, онъ доѣхалъ до самаго Петербурга.

— Вы съ нимъ встрѣтились?

— Я, вѣдь, незнакомъ съ нимъ, но знаю его очень хорошо. Мы ѣхали въ разныхъ вагонахъ и даже въ разныхъ классахъ. Онъ въ первомъ, я во второмъ. Но что это былъ онъ, это достовѣрно, я ручаюсь. Я даже видѣлъ, какъ онъ сѣлъ въ омнибусъ гостинницы Англія и поѣхалъ.

— Это странно, — говорила Наталья Валентиновна, поднявшись съ мѣста и прохажива-

ясь по комнатѣ. — Очень это странно!

— Что тутъ страннаго, Наталья Валентиновна? Это можетъ даже не касаться васъ. У него могутъ быть свои дѣла.

— Конечно, могутъ быть... Но странно совпаденіе.

— Совпаденіе?

— Нѣтъ, Володя, я мыслю вслухъ. Могу только сказать, что это мнѣ непріятно.

— Вы навѣрно не встрѣтитесь съ нимъ, а предпринимать какіе-нибудь враждебные шаги онъ не посмѣетъ. Вѣдь, онъ, кажется, трусъ и положеніе Льва Александровича вполнѣ гарантируетъ отъ этого.

— Говорите мнѣ о чемъ-нибудь другомъ, Володя. Я не хочу сосредоточиваться на этомъ. Говорите, я буду слушать.

— Извольте. Я расскажу вамъ исторію моей любви.

— О, это будетъ очень занимательно.

— Да, занимательно именно своей необыкновенной обыкновенностью.

И онъ рассказалъ эту несложную исторію, въ которой дѣйствительно все было такъ, какъ бываетъ во всѣхъ любовныхъ исторіяхъ.

Дѣвушка въ семьѣ. Безотчетное влеченіе, свиданія, исканіе, вплоть до вопроса о женитьбѣ. И вотъ, когда этотъ вопросъ поставленъ былъ ребромъ, Володя почувствовалъ какъ бы ужасъ передъ надвигающимся ураганомъ и пошелъ на попятный.

Наталья Валентиновна слушала его не слишкомъ внимательно, но все-таки поняла все и смѣялась такому постыдному концу.

Но прїездъ Мигурскаго сильно обезпокоилъ ее. Она сопоставляла это обстоятельство съ сегодняшнимъ мимолетнымъ разговоромъ передъ обѣдомъ. Неужели тутъ есть связь? Почему Левъ Александровичъ, никогда не думавшій объ этомъ, именно сегодня, имѣя въ своемъ распоряженіи буквально полминуты, счелъ необходимымъ заговорить объ этомъ. Ей казалось, что прїездъ Мигурскаго не случайный и это тѣмъ болѣе безпокоило ее. Неужели были предприняты какіе-нибудь шаги?

И она съ нетерпѣніемъ ждала часа, когда возвратится Левъ Александровичъ.

Когда Лизавета Александровна прислала узнать, въ которомъ часу будутъ пить чай, то

она отвѣтила, что, тамъ какъ сегодня Левъ Александровичъ пріѣдетъ до полуночи, то пождутъ его.

И онъ вернулся въ одиннадцать часовъ — возбужденный, оживленный и съ полчаса говорилъ о томъ, что происходило въ засѣданіи. Онъ какъ бы не могъ сразу отрѣшиться отъ происходившаго тамъ и продолжалъ еще жить той борьбой, изъ которой сейчасъ вышелъ побѣдителемъ.

— Хотѣлъ пріѣхать со мной Корещенскій, но я его отвезъ домой и строго внушилъ ему, чтобы онъ сейчасъ же легъ спать. Онъ спитъ по три часа въ сутки. А сегодня есть возможность выспаться.

— Ты тоже слишкомъ мало спишь, Левъ, — сказала Лизавета Александровна.

— Я отдыхаю иначе. Для меня отдыхъ — быть дома и слушать простые и милые человѣческіе голоса.

Послѣ чаю скоро разошлись. Наталья Валентиновна слегка, даже нарочно, хотя и незамѣтно, поторопила Володю уйти въ приготовленную ему комнату и лечь спать. Ей хотѣлось поговорить съ Львомъ Александро-

вичесъ сегодня же...

XVII

— Мнѣ жаль тебя, Левъ, — сказала она: — по справедливости, тебя слѣдовало бы уложить спать. Но я сегодня эгоистка и хочу говорить съ тобой.

— Я тоже. Мнѣ это необходимо, чѣмъ сонъ. А почему ты такъ хочешь? И мнѣ кажется, что ты даже не совсѣмъ спокойна?

— Далекое нѣтъ. Ты взволновалъ меня своимъ замѣчаніемъ передъ обѣдомъ. Почему это вдругъ сдѣлалось нужнымъ?

— Я это все тебѣ объясню, мой милый другъ, Наташа. Видишь ли, мы живемъ въ странѣ, гдѣ отдѣльная личность, какъ бы она ни была умственно и нравственно сильной можетъ имѣть лишь самое ничтожное непосредственное вліяніе на общество. И это потому, что у насъ нѣтъ организованнаго общества. Отдѣльныя единицы, кой-гдѣ пожалуй маленькія группы, — они разбросаны, разъединены, и главное усыплены. Въ Европѣ, если бы человекъ сильный вышелъ на площадь и сказалъ горячую рѣчь, вокругъ него сейчасъ же собралась бы толпа сочувствующая.

щихъ единомышленниковъ и это уже сила: стоять во главѣ такой организованной толпы — значитъ держать въ рукахъ власть. У насъ же, если бы сильный человекъ вздумалъ дѣйствовать непосредственно на общество силой своего убѣжденія, краснорѣчіемъ, талантомъ, онъ былъ бы подобенъ миллионному войску, прекрасно вооруженному, обученному, храброму, палящему изъ тысячъ орудій по стаѣ волковъ, которую всю могъ бы перестрѣлять десятокъ охотниковъ. Слушай, Наташа, слушай. Я началъ издалека. Я, можетъ быть, сучень. Но это необходимо. При томъ же мой умъ сегодня такъ возбужденъ, такъ вызванъ къ дѣятельности, что болѣе, чѣмъ когда-либо, я способенъ ясно выражать свои взгляды. Ты знаешь, что въ родномъ городѣ я достигъ вліятельнаго положенія и полной независимости; могу сказать, что тамъ я владѣлъ сердцами гражданъ. Ножанскій соблазнилъ меня шагнуть выше. И, конечно, ему никогда не удалось бы это, если бы у меня не было увѣренности въ томъ, что я до бесконечности расширю поле своего вліянія и свой родной городъ превращу въ

цѣлюю Россію. Ты понимаешь меня? Не для того же, чтобы осуществлять предначертанія Ножанскаго, да и чьи бы-то ни было — оторвался я отъ спокойной жизни вліятельнаго въ своемъ городѣ человѣка. Я долженъ забраться на высоту, съ которой никто уже сдвинуть меня не сможетъ. Я долженъ сдѣлаться необходимымъ человѣкомъ, единственнымъ, который будетъ держать въ рукахъ милліоны нитей. Всѣ остальные будутъ двигаться только тогда и только такъ, когда и какъ я дерну ту или другую нитку. Но для этого, — слушай — это важно, — для этого не должно быть ни одной двери, которая была бы закрыта передо мной. Вотъ это ты должна понять.

— Значить, ты встрѣтилъ уже такую закрытую передъ тобой дверь?

— Да, милая Наташа, я... я ее почувствовалъ. Я слишкомъ тонко чувствую. Я не стучался въ ту дверь, потому что для меня постучаться и не видѣть ее тотчасъ раскрытой настежь, это было бы пораженіемъ. А ты... Ты развѣ была бы противъ этого? Это было бы для меня неожиданностью, Наташа?..

— Какъ я могла бы быть противъ этого? Я — твоя жена. Я этого хотѣла, это мое счастье. Я тутъ во всемъ выигрываю. И обо мнѣ тутъ даже говорить не приходится. Но иногда мы дорожимъ нашимъ представленіемъ больше, чѣмъ фактомъ, Левъ Александровичъ.

— Что это значить?

— Ты вселилъ въ меня такое красивое представленіе: я дамъ имъ мою работу, мой умъ, мою энергію, а до моей личной жизни имъ нѣтъ дѣла. Если же они захотятъ наложить руку на нее, то я просто уйду. Таковъ былъ смыслъ того, что ты говорилъ мнѣ и съ чѣмъ ты ѣхалъ сюда.

— Погоди, Наташа... Да, да... Я этого и теперь не отрицаю. Если они захотятъ наложить руку... Но никто, увѣряю тебя, никто и не думаетъ налагать руку. Я самъ это дѣлаю и именно для того, чтобы никто не смѣлъ сдѣлать это.

— Ну, милый Левъ Александровичъ, согласись, что это софизмъ. Въ концѣ концовъ ты дѣлаешь уступку. Только ты, какъ человекъ умный и предусмотрительный, хочешь

сдѣлать это раньше, чѣмъ отъ тебя потребуютъ. Но ты знаешь, что непременно потребуютъ. Значить, это уступка.

— Нѣтъ, Наташа, нѣтъ. Это тактическій пріемъ. Такъ умный полководецъ среди наступленія вдругъ ведетъ свое войско обратно, дѣлая видъ бѣгства, но это не бѣгство, а лишь пріемъ, чтобы обмануть непріятеля.

— Милый, не будемъ спорить; вѣдь, въ сущности, это споръ отвлеченный, а то, къ чему ты теперь стремишься, для меня счастье. Но все-таки согласись, что отъ того величественнаго строгаго изваянія, такого цѣльнаго и законченнаго во всѣхъ своихъ частяхъ, этимъ отламывается кусокъ мрамора и оно уже будетъ стоять безъ руки или безъ ноги... Не спорь, не спорь, у насъ еще есть кой-что по важнѣе, о чемъ надо спорить... Скажи, ты уже затѣялъ переговоры съ Мигурскимъ?

— Какимъ образомъ ты узнала это?

— Нѣтъ, гораздо важнѣе: почему ты думалъ, что мнѣ можно не знать этого?

— Наташа, это же понятно. Ты хорошо знаешь Мигурскаго. Переговоры съ нимъ, вѣдь это же не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ

только грязью. Неужели я могъ допустить, чтобы ты окунулась въ эту грязь, тѣмъ больше, что, благодаря моему положенію, безъ этого можно обойтись?

— Но не ты же ведешь съ нимъ переговоры?

— Конечно, нѣтъ, и даже не Корещенскій, который дружески предлагалъ мнѣ свои услуги. Ведеть ихъ человекъ, по положенію незначительный, но испытанной вѣрности. Онъ пріѣхалъ со мной сюда съ юга. Его фамилія Мерещенко, ты, можетъ быть, слышала... Ну, такъ вотъ, онъ ведетъ переговоры. Дѣло идетъ довольно быстро къ желанному концу.

— Какъ? уже разводъ?

— Нѣтъ, я только говорю о переговорахъ съ Мигурскимъ.

— Что онъ потребовалъ?

— Не малаго. Но это исполнимо. Онъ потребовалъ назначенія на одну изъ значительныхъ должностей по медицинскому управленію. Это будетъ сдѣлано, конечно, потомъ, когда разводъ совершится. А разводъ мнѣ не трудно провести въ какія-нибудь три

недѣли. Ну, а теперь скажи, откуда ты это узнала?

— Володя ѣхалъ сюда въ одномъ поѣздѣ съ Мигурскимъ. Онъ сообщилъ мнѣ это самымъ невиннымъ образомъ.

— Значить, онъ пріѣхалъ?

— А ты не зналъ?

— Нѣтъ, я могъ бы и вовсе не узнать. Я лично съ нимъ не сношусь. Все это дѣлаетъ Мерещенко, которому онъ вѣритъ. Ну, такъ это очень хорошо. Значить, переговоры ускорены. Милая Наташа, я буду безконечно счастливъ, когда все это совершится. Въ томъ мірѣ, гдѣ я веду борьбу, женщины играютъ гораздо большую роль, чѣмъ это кажется. Умная женщина можетъ помочь, но можетъ и погубить мужчину. А для меня ясно, что ты будешь самой умной женой во всемъ Петербургѣ. Ну, надѣюсь, мои объясненія тебя вполне успокоили и на лицѣ твоёмъ, которое я такъ рѣдко вижу, не будетъ больше хмурыхъ тучъ!

— Что ты сдѣлаешь для Максима Павловича? — спросила Наталья Валентиновна:— его судьба очень беспокоитъ меня.

— Обь этомъ я хотѣлъ серьезно погово- рить съ тобой, Наташа. Боюсь, что я рѣшительно ничего не смогу сдѣлать для него.

— Меня это страшно опечалило-бы.

— Но и меня тоже, Наташа. Въ этомъ ты не можешь сомнѣваться; ты знаешь, какъ искренно я отношусь къ Максиму Павловичу.

— Не только поэтому и не только изъ за него... Но, вотъ, ты часто ссылаешься на свое положеніе: «благодаря моему положенію» — можно и то и это, а, вотъ, именно того, чего нужно — нельзя. Тутъ твое положеніе оказы- вается безсильнымъ.

— Это не такъ, Наташа. Я могъ бы и это сдѣлать. Да, конечно, мнѣ стоило бы только лично попросить. Но пойми, я намѣтилъ себѣ цѣль большую, колоссальную. Максимъ Пав- ловичъ — милый человѣкъ, но все-таки онъ — единица. Изъ за единицы, колебать зданіе, которое, доведенное до крыши, дастъ мнѣ возможность властно вліять на милліоны... Пойми, какъ это было бы нера- зумно.

— И ничего, ничего нельзя сдѣлать для

него?

— Я этого не говорю. Прямымъ путемъ ничего. Но мы съ Корещенскимъ поищемъ окольныхъ путей. Отъ этого судьба Максима Павловича не ухудшится, потому что у насъ, въ Россіи, окольные пути гораздо вѣрнѣе прямыхъ.

— А скажи, его положеніе дѣйствительно серьезно?

— Очень. Онъ обвиняется въ соучастіи, въ пособничествѣ такимъ вещамъ, которыя могутъ повести къ висѣлицѣ.

— Какъ? и его? воскликнула Наталья Валентиновна и въ ея глазахъ выразился ужасъ...

— Нѣтъ, нѣтъ... Ему это не грозитъ, но все же можетъ кончиться очень серьезно.

— Левъ Александровичъ, милый, какимъ бы-то ни было путемъ, прямымъ или окольнымъ, но я прошу тебя, устрани его отъ этого дѣла... Ты же понимаешь, что это было бы несправедливо. Ты знаешь его отношеніе ко всему этому. Вѣдь онъ во всемъ этомъ художникъ, не больше. Сдѣлай же это для меня.

— Ты хочешь этого, Наташа, хотя бы это

вредно отразилось на моихъ планахъ?

— Я вѣрю въ твой умъ и въ то, что онъ сѣумѣеть это сдѣлать безъ вреда для тебя. Но это необходимо. Дружба тогда только и имѣетъ право на признаніе, если ради ея приносятся жертвы.

— А ты можешь поручиться мнѣ за то, что послѣ этого онъ опять очень скоро не попадетъ въ такое же положеніе?

— Я буду просить его объ этомъ также, какъ прошу теперь тебя.

— Ну, хорошо, я сдѣлаю все... Но за это я потребую отъ тебя кой-чего.

— Чего, Левъ Александровичъ?

— Когда кончится все съ Мигурскимъ и совершится самое дѣло, ты должна превратиться въ свѣтскую женщину.

— Но я не сѣумѣю.

— И прекрасно. Ты будешь той свѣтской женщиной, которая не сѣумѣла... не сѣумѣла сдѣлаться шаблонной. Но такъ какъ я увѣренъ, что ты очаровательно не сѣумѣешь, то это и будетъ то, что придастъ твоему салону оригинальность. Я вовсе не хочу, чтобы салонъ госпожи Балтовой былъ однимъ изъ

МНОГИХЪ.

На другой день у Льва Александровича было серьезное совѣщаніе съ Корещенскимъ по поводу Максима Павловича, Корещенскій не зналъ подробностей того дѣла, въ которое такъ несчастливо ввязался Зигзаговъ. Левъ Александровичъ разсказалъ ему ужасы. Максиму Павловичу грозило активное участіе въ процессъ, относительно котораго было уже предрѣшено, что онъ кончится нѣсколькими казнями. Ему самому это не предстояло, но то, что ожидало его, было достаточно, чтобы погубить человѣка.

— Вы понимаете, Алексѣй Алексѣевичъ, что намъ обоимъ устраивать это дѣло невозможно. Здѣсь надо придумать что-нибудь другое.

— Я придумалъ, — сказалъ Корещенскій. — И это не такъ трудно.

— Что именно?

— Да, вѣдь, у васъ имѣется въ распоряженіи Мерещенко. А знаете ли вы, что это такое? Да, господинъ министръ, вы этого не знаете, а между тѣмъ, это очень интересно... Мерещенко, это — суррогатъ мини-

стра.

— Это что же такое?

— Суррогатъ министра — самое дѣйствительное его названіе. Это было до насъ и осталось при насъ... Такіе суррогаты есть всюду, во всѣхъ высокихъ учрежденіяхъ. Есть суррогаты всѣхъ министерствъ и всякихъ высшихъ совѣтовъ. Сперва человекъ хлопочетъ непосредственно въ мѣстахъ надлежащихъ, а когда ужъ окончательно измучится, обращается къ суррогату. Суррогатъ обыкновенно живетъ скромно, гдѣ-нибудь на петербургской сторонѣ, въ качествѣ частнаго лица, не связаннаго никакой службой. Но про него знаютъ, что онъ находится въ ближайшихъ отношеніяхъ съ такимъ-то лицомъ или учрежденіемъ, то-есть многими лицами... Къ нему обращаются и онъ обыкновенно въ сорокъ восемь часовъ исполняетъ то, что не удалось въ годъ...

— И за это ему платятъ?

— Ну, это ужъ его дѣло.

— И таковъ Мерещенко?

— Я думаю. Онъ былъ такимъ же вашимъ суррогатомъ въ южномъ городѣ. Когда что-

нибудь было нужно въ пароходномъ обществѣ, сперва обращались прямо, а если видѣли, что тутъ дѣло затуманивается, то шли къ нему и у него это лучше удавалось.

— Я этого не зналъ. Я считалъ его вѣрнымъ человѣкомъ.

— Онъ вѣрный и есть. Васъ онъ не продастъ ни въ какомъ случаѣ. Напротивъ, онъ страшно дорожитъ вашимъ довѣріемъ. Ради васъ онъ распнется. На этомъ только и основано его могущество. Но вы понимаете, въ чемъ дѣло и чѣмъ это полезно намъ въ данномъ случаѣ. Вліяніе этого человѣка основано единственно на томъ, что у него есть репутація лица, пользующагося вашимъ довѣріемъ. И когда онъ о чемъ-нибудь хлопочетъ, онъ никогда не ссылается на васъ. Боже сохрани! Онъ — отъ себя. Но всѣ слишкомъ хорошо знаютъ, что въ этомъ «отъ себя» онъ опирается на васъ, и что, въ случаѣ надобности, онъ и у васъ что-нибудь выхлопочетъ, тоже «отъ себя».

— Это меня беспокоитъ, Алексѣй Алексѣевичъ. И я не знаю, можно ли оставить существованіе такого параллельнаго мини-

стерства...

— Вполнѣ возможно, а иногда даже необходимо, — отвѣтилъ Корещенскій. — И вотъ вамъ доказательство: ему я ничего не поручу, а только расскажу фактъ. И вы увидите, какъ чистенько онъ все обдѣлаетъ.

— Но его надо держать на виду, иначе могутъ быть злоупотребленія.

— А вы наивны, ваше высокопревосходительство. Ну, конечно, злоупотребленія. Да развѣ вотъ это выдѣленіе Зигзагова изъ тако-го дѣла, съ точки зрѣнія дѣйствующихъ законовъ, какъ бы они ни были плохи, не будетъ злоупотребленіемъ? Но это злоупотребленіе въ сторону справедливости. Однако, разъ существуютъ двѣ стороны, то можетъ быть злоупотребленіе и въ другую сторону. И за этимъ вы не услѣдите.

Мерещенко былъ призванъ. Это былъ человекъ лѣтъ сорока, не высокаго роста, коренастый, плечистый, чрезвычайно подвижной. Лицо его среди толпы обращало на себя вниманіе прежде всего своимъ необыкновенно смуглымъ цвѣтомъ. Волосы на головѣ, и въ бородѣ, и въ усахъ были совершенно черны,

курчавые и обильные, брови густыя, а лобъ большой и выпуклый.

И на этомъ смугломъ лицѣ, въ рамкѣ черныхъ волосъ, выдѣлялись небольшіе быстрые глаза, всегда какъ-то неспокойно блестяшіе и въ первую минуту даже пугавшіе своими яркими, подчеркнутыми общей чернотой, бѣлками.

Въ южномъ городѣ онъ занималъ въ высшей степени неопредѣленное положеніе при пароходномъ обществѣ. Онъ числился на какой-то должности, которой никогда не исправлялъ, получалъ какое-то незначительное жалованье, которымъ не интересовался.

Но онъ вѣчно былъ занятъ, всегда въ дѣлѣ и не въ какомъ-нибудь постороннемъ, а непременно имѣвшемъ отношеніе къ его службѣ.

— Человѣкъ полезный, который во всякое время можетъ причинить великій вредъ, — такъ характеризовали его знатоки человѣческаго сердца.

Льву Александровичу онъ оказывалъ иногда большія услуги, въ особенности когда нужно было отказать въ какомъ-либо домога-

тельствѣ лицу, которому никакъ нельзя было отказать. Мерещенко умѣлъ обставить это какъ нельзя милѣе. Такъ что лицо считало себя даже въ выгодѣ и почетѣ и было довольно.

Въ обращеніи онъ блисталъ простотой, даже грубоватостью, но въ дѣйствительности не былъ ни простымъ ни грубымъ. Это были только удобные приемы, которые маскировали его хитрость и осторожность. Въ говорѣ его слышался глубокой южный акцентъ, въ костюмѣ всегда была небрежность и запущенность, что придавало ему видъ нуждающагося челоуѣка, вѣчно хлопчущаго о средствахъ къ жизни. Но въ средствахъ онъ не только не нуждался, а имѣлъ въ банкѣ кругленькій капиталецъ.

Когда Левъ Александровичъ переѣзжалъ въ Петербургъ, Мерещенко прямо-таки вцѣпился въ него, а здѣсь въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ занялъ такое положеніе, что въ его квартирѣ на Вознесенскомъ проспектѣ негласно были устроены приемные часы и въ эти часы приемная никогда не пустовала.

Онъ явился къ Корещенскому въ гостин-

ницу въ ранній часъ, когда даже Алексѣй Алексѣевичъ, встававшій рано, былъ еще въ постели.

Мерещенко, спокойно размѣренной походкой, прохаживался по корридору около номера, который занималъ Алексѣй Алексѣевичъ. Когда по звонку лакей вошелъ въ номеръ, вслѣдъ за нимъ вошелъ и Мерещенко.

— Кто тамъ такой? изъ спальни спросилъ Алексѣй Алексѣевичъ.

— Мерещенко! густымъ голосомъ отвѣтилъ гость.

— А! Пожалуйте! Ничего, что я въ постели?

— Помилуйте, Алексѣй Алексѣевичъ, мы люди свои.

— Садитесь, Мерещенко, сейчасъ принесутъ самоваръ. Попейте чаю, пока я одѣнусь.

Принесли самоваръ и Мерещенко заварилъ чай, потребовалъ даже сливокъ, которыхъ Корещенскому не подавали, и съ видомъ своего человѣка, основательно занялся чаепитіемъ.

Онъ держалъ себя очень свободно. Онъ очень хорошо понималъ, что, если его позвали, то это значитъ, что въ немъ нуждаются.

Минуть через двадцать Алексѣй Алексѣевичъ вышелъ къ нему.

— Ну, угощайте меня чаемъ, Мерещенко, — сказалъ Алексѣй Алексѣевичъ, подавая ему руку.

Мерещенко налилъ ему чаю, намазалъ даже хлѣбъ масломъ и Алексѣй Алексѣевичъ, принимая утренній завтракъ и уже торопясь, говорилъ.

— Южныхъ новостей не слышали, Мерещенко. Очень интересныя.

— А что такое, Алексѣй Алексѣевичъ? нѣтъ, не слыхалъ.

— Зигзагова знавали?

— Максима Павловича? но кто же не знаетъ Максима Павловича? Первый читатель его... И даже лично знакомъ.

— Ну, такъ вотъ съ нимъ бѣда случилась... Арестовали и въ тюрьму посадили.

— Да неужто? Вѣдь онъ уже сидѣлъ и въ мѣстахъ отдаленныхъ бывалъ...

— Да вѣдь это не прививка, Мерещенко. Препрежне сидѣнье не гарантируетъ отъ будущаго. Даже напротивъ. И теперь, Мерещенко, дѣло для него стоитъ очень плохо. Компанія

ужь очень трудная.

Когда Алексѣй Алексѣевичъ повторилъ все это отрывистыми фразами, между глотками горячаго чаю, Мерещенко насторожилъ уши и внимательно вслушивался не столько въ слова, сколько въ тайный ихъ смыслъ. Ему надо было отвѣтить себѣ на вопросъ: зачѣмъ собственно звали его и чего именно отъ него хотятъ?

То, чего отъ него хотятъ здѣсь, было для него закономъ. Корещенскій въ его глазахъ есть Балтовъ. Они одно. И это такой рѣдкій случай. что онъ нуженъ для нихъ, и уже, конечно, за это одно онъ возьметъ отъ нихъ тысячу услугъ.

Его хлопоты по части развода у Мигурскаго относились совсѣмъ къ другому роду дѣлъ. Это простое порученіе со стороны Льва Александровича, за которое ему заплатятъ деньгами или какой-нибудь другой выгодой.

Но тутъ отъ него хотятъ, должно быть, чего-нибудь такого, относительно чего не дѣлаютъ распоряженій. Самъ долженъ онъ понимать, и онъ весь превратился въ вниманіе.

— Неужто-же Левъ Александровичъ не могутъ оказать содѣйствіе? спросилъ Мерещенко. — Имъ стоитъ только шепнуть...

— Это невозможно, Мерещенко. Подобныя вещи не шепчуть... А жаль было-бы Зигзагова. Хорошій человекъ. И Льву Александровичу большой пріятель. Вотъ видите, Мерещенко, какое выходитъ положеніе: и Левъ Александровичъ и я занимаемъ видныя и вліятельныя мѣста, а не можемъ помочь пріятелю... А между тѣмъ, сами знаете, Мерещенко, мы живемъ въ счастливой странѣ, гдѣ начальство, ежели пожелаетъ, можетъ при-сужденнаго даже съ самой висѣлицы снять.

Мерещенко засмѣялся. — Большое начальство же можетъ, Алексѣй Алексѣевичъ! вотъ вамъ примѣръ! вы со Львомъ Александровичемъ: ужъ чего больше? Большое начальство мало что можетъ. А вотъ маленькое, самое малюсенькое, что угодно можетъ. Рука большого начальства подпишетъ, а сдѣлаетъ-то маленькое.

— Вотъ то-то и есть, Мерещенко.

Алексѣй Алексѣевичъ выпилъ свой чай и быстро поднялся.

— Ну, мнѣ уже ѣхать пора. Очень радъ, Мерещенко, что повидался съ вами, заходите и впредь. Меня застать можно только въ постели, такъ вы не стѣсняйтесь. Прямо входите и стучите кулакомъ въ стѣну. Такъ вмѣстѣ выйдемъ? а?

Онъ ушелъ въ спальню и переодѣлся въ вицъ-мундиръ. Все это онъ дѣлалъ какъ то машинно-быстро. Черезъ двѣ минуты они спускались уже до лѣстницѣ и вышли на улицу. И тутъ же у подъѣзда разошлись.

XVIII

— Что же, Володя, спросилъ какъ-то Левъ Александровичъ племянника: — намѣренъ ты поступить на службу или нѣтъ? Алексѣй Алексѣевичъ уже приготовилъ твое вступленіе.

— Я, дядя, еще не освоился съ Петербургомъ. Дайте время, — отвѣтилъ Володя.

— Ты плохой работникъ, если тебѣ надо такъ долго освоиваться. Вѣдь, потомъ придется освоиваться съ дѣлами, а это надо умѣть дѣлать быстро. Мы съ Алексѣемъ Алексѣевичемъ освоивались, уже будучи у дѣль.

— Но, Левъ Александровичъ, — вступилась за Володю Наталья Валентиновна, — Володя слышкомъ молодъ. Онъ даже съ жизнью еще не освоился.

Но Володя освоивался гораздо быстрѣе, чѣмъ можно было думать. Это былъ юноша, одаренный отъ природы хорошими способностями, помогавшими ему быстро схватывать сущность представлявшагося ему явленія. И скорѣе это именно и было причиной его

нерѣшительности по части поступленія на службу.

Что-то ему во всемъ этомъ не нравилось. И у него было такое ощущеніе, что, какъ только онъ зачислится въ чиновники, то этимъ самымъ какъ бы распишется «въ соучастіи»...

Въ Петербургѣ у него нашлись товарищи, которые были вхожи въ нѣкоторые кружки «неслужащихъ людей». Очень скоро онъ возобновилъ съ ними сношенія и сталъ бывать въ тѣхъ кружкахъ. Тамъ онъ дѣятельно провѣрялъ свои впечатлѣнія.

Оффиціально имя дяди его стояло высоко. Могущество его съ каждымъ днемъ увеличивалось и укрѣплялось. Это было какое-то феерически-эффектное шествіе вверхъ. Фигура его на глазахъ у всѣхъ выросла и въ то время, когда въ Петербургѣ пріѣхалъ Володя, Левъ Александровичъ уже былъ сановникъ, владѣвшій высокимъ чиномъ и орденами, какихъ другіе добивались десятки лѣтъ.

Но Володя внимательно прислушивался къ мнѣніямъ и собиралъ факты, взвѣшивалъ и перевѣшивалъ и все чѣмъ-то оставался недоволенъ. Самъ онъ слишкомъ мало еще

зналъ Россію и ея коренныя нужды, чтобы судить и дѣлать основательные приговоры. Онъ только чувствовалъ, что въ этой шумной эффектной дѣятельности, казавшейся какъ бы всепоглощающей, есть что-то искусственное, дутое, не натуральное.

Въ кружкахъ онъ встрѣчалъ полное осужденіе дѣятельности могущественнаго министра. Но тамъ точка зрѣнія была слишкомъ крайняя. То были абсолютно враждебныя мнѣнія и Володя боялся впасть въ ошибку. На дядю онъ привыкъ смотрѣть, какъ на человѣка выдающагося и слишкомъ основательнаго, и онъ скорѣе допускалъ, что чего-то тутъ не понимаетъ.

Благодаря всему этому, онъ переживалъ въ высшей степени нервное состояніе и за нѣсколько недѣль жизни въ Петербургѣ замѣтно похудѣлъ. И когда Левъ Александровичъ и Корещенскій напоминали ему про службу, и о томъ, что давно пора ему начать ее, онъ раздражался и ему стоило большихъ усилій не выказать это раздраженіе.

Страстно хотѣлось ему встрѣтить такого человѣка, съ которымъ онъ могъ бы погово-

рить откровенно, чтобы выяснить свои сомнѣнія, но въ Петербургѣ такого человѣка онъ не находилъ. Дѣло было бы просто, если бы тутъ былъ Максимъ Павловичъ. Его онъ отлично умѣлъ понимать.

Въ кружкахъ попадались люди образованные, компетентные, но слишкомъ уже твердо стоявшіе на своей незыблемой точкѣ зрѣнія.

И, можетъ быть, покажется страннымъ, что послѣ долгихъ мученій и колебаній, Володя выбралъ, наконецъ, человѣка, и этотъ человѣкъ былъ Корещенскій. Почему онъ выбралъ именно его? Можетъ быть, этому способствовала самая пустая случайность: онъ замѣтилъ, что у Корещенскаго была манера о своей дѣятельности говорить съ легкой иронической усмѣшкой.

Да, ему показалось, что этотъ человѣкъ, отдававшій дѣлу дяди всѣ свои силы безъ остатка, самъ переживаетъ сомнѣнія и такого именно человѣка ему хотѣлось послушать. И однажды онъ обратился къ Корещенскому:

— Назначьте мнѣ часъ, Алексѣй Алексѣевичъ, у себя... Мнѣ хочется поговорить съ вами.

Кореценскій посмотрѣлъ на него испытующимъ взглядомъ. Онъ самъ давно уже приглядывался къ этому юношѣ, и ему казалось страннымъ, что онъ, стоя у такого могущественнаго источника всякихъ служебныхъ благъ, не рѣшается начать службу при дядѣ.

— Пожалуйста, Володя, выберите воскресный день, когда я все-таки до известной степени принадлежу себѣ. Обыкновенно въ этотъ день я вылеживаюсь на диванѣ. Но, вѣдь, можно бесѣдовать и лежа... И такъ, въ воскресенье приходите ко мнѣ завтракать. Я завтракаю только по воскресеньямъ. И дѣлаю это у себя въ номерѣ. Въ ресторанѣ мнѣ нельзя спускаться. Вѣдь я здѣсь вродѣ чуда-юда рыбы-кита. Сейчасъ начинаютъ пялить глаза и показывать пальцемъ.

И въ ближайшее воскресенье Володя былъ у Кореценскаго. Столъ уже былъ сервированъ на двоихъ. Они сейчасъ же засѣли за завтракъ. Говорили о разныхъ пустякахъ, большею частью вспоминали житье-бытье въ южномъ городѣ.

Послѣ завтрака Кореценскій прилегъ на диванъ и сказалъ:

— Теперь давайте разговаривать. Насколько я понимаю, вы, Володя, полны сомнѣній?

— Да, Алексѣй Алексѣевичъ, я полонъ сомнѣній! — отвѣтилъ Володя, — но гораздо важнѣе вотъ что: мнѣ кажется, что и вы полны сомнѣній...

— Ха, ха, ха... — съ оттѣнкомъ сарказма громко разсмѣялся Корещенскій:— хороша эта фигура челоѡка, изъ двадцати четырехъ часовъ отдающаго дѣлу двадцать одинъ, неусыпно проектирующаго и разрабатывающаго, воющаго, защищающаго, лѣзущаго въ драку и въ то же время въ полезности всего этого сомнѣвающагося... Живописная фигура. Съ чего же это вамъ показалось, милый Володя?

— Такъ, показалось да и только, — хмуро отвѣтилъ Володя.

— Ну, такъ вы ошибаетесь. Не сомнѣваюсь я, ибо сомнѣніе ведетъ къ колебаніямъ, которыя могутъ разрѣшиться такъ и этакъ... Всѣ герои и подвижники наканунѣ своихъ подвиговъ сомнѣвались и колебались и для иныхъ изъ нихъ сомнѣніе было тѣмъ огнемъ, изъ котораго они выходили закаленными бойцами.

А я не сомнѣваюсь. Я просто не вѣрю, ни одной секунды не вѣрю.

Володя быстро поднялся и широко раскрытыми глазами смотрѣлъ на него. Такого категорическаго заявленія онъ не ожидалъ. Сомнѣвающагося человѣка онъ готовъ былъ встрѣтить. Эта сутолочная работа, отнимавшая у него почти всѣ сутки, могла отнять у него возможность сосредоточиться и рѣшить, и состояніе сомнѣнія могло длиться безконечно долго. Но чтобы невѣрующій въ свое дѣло человѣкъ могъ такъ отдаваться ему, этого онъ не понималъ.

— Вы не вѣрите? Вы?

— Не вѣрю, ни на одинъ грошъ не вѣрю.

— И вы отдаете ему силы?

— Рѣшительно всѣ.

— Во имя чего?

— Батюшка мой, этого въ двухъ словахъ не скажешь. Я только спрошу васъ: чему я долженъ вѣрить? Во что? Я человѣкъ извѣстнаго вамъ направленія. Россія для меня состоитъ не изъ двухъ-трехъ милліоновъ людей, тѣмъ или другимъ способомъ взявшихъ палку и ставшихъ поэтому капралами, а изъ ста соро-

ка милліоновъ народа, а я же отлично понимаю, что отъ всѣхъ моихъ неусыпныхъ трудовъ сто тридцать семь милліоновъ даже не шелохнется. Если вы хотите знать, мой милый, что собственно такое я собой представляю, то я вамъ скажу, — скажу въ видѣ сравненія. А вы понимайте, какъ знаете. Прилагайте сообразно вашимъ способностямъ. Я фокусникъ. Видѣли вы когда-нибудь хорошаго фокусника? Видѣли? прекрасно. А видѣли-ли вы плохого фокусника, который довольствуется успѣхомъ въ уѣздныхъ и заштатныхъ городахъ. Тоже видѣли? Великолѣпно. Такъ вотъ-съ, былъ нѣкогда господинъ Ножанскій, это былъ плохой дешевый фокусникъ. Это тѣ господа, которые дѣлаютъ яичницу въ цилиндрѣ, вынимаютъ изо-рта множество разноцвѣтныхъ лентъ, показываютъ исчезновеніе двойки пикъ, манипулируютъ съ волшебнымъ столикомъ... Это фокусы съ заготовкой. Яичница имѣется въ самомъ цилиндрѣ, въ которомъ искусно устроено двойное дно. Ленты лежатъ клубкомъ у него во рту, карты подготовлены, а въ волшебномъ столикѣ все заранѣе устроено и искусно скры-

то. А мы дѣлаемъ наши фокусы одной ловкостью. Во мгновеніе ока, пока зрители моргаютъ глазами, мы успѣваемъ совершить явленіе, которое кажется міровымъ, но въ дѣйствительности мыльный пузырь. И мы умѣемъ мыльный пузырь преподнести въ такомъ великолѣпномъ видѣ, что онъ кажется новымъ солнцемъ.

— Но, позвольте, позвольте... Алексѣй Алексѣевичъ, для чего вы это дѣлаете, почему вы это дѣлаете?

— Почему и для чего? — онъ пожалъ плечами. — Почему же мнѣ этого не дѣлать? Я призванъ. Для этого я сдѣлалъ большія усилія...

— Да вы когда поняли это?

— Увы, въ томъ-то и вся штука, что я понялъ все это уже здѣсь, на мѣстѣ. Левъ Александровичъ — обаятельный умъ, онъ соблазнилъ меня самымъ естественнымъ образомъ, и, когда онъ меня соблазнилъ, я горѣлъ и пылалъ и думалъ: а, такъ вотъ оно мое призваніе. Я призванъ спасти Россію. Это, мой милый, случается съ невинными дѣвушками, когда какой-нибудь обаятельный прелестни-

къ въ жаркомъ монологѣ, ставъ передъ нею на колѣни, обѣщаетъ ей «жизнь иную», тамъ, гдѣ-то на облакахъ и тѣмъ склоняетъ ее къ паденію, а послѣ паденія элегантно приподнимаетъ шляпу и раскланивается. Ну, такъ ей ужъ одно только и остается: совершать паденіе и впредь. Ибо невинность вернуть уже никакъ невозможно. Такъ точно и я: началъ я дѣйствовать, неустанно работать. Работаю, батюшка, работаю и все чувствую какую-то неловкость. Знаете, такое ощущеніе, какъ вотъ иногда человѣкъ ѣстъ сладкое и руки у него дѣлаются липкими. Такъ непріятно, хочется руки помыть да негдѣ. Сперва думалъ: не освоился, не осмыслилъ, не уразумѣлъ... А потомъ какъ-то собрался съ духомъ и залѣзъ въ свою душу съ ножомъ и — о, ужась! Нашель тамъ заготовленные клубки разноцвѣтныхъ лентъ, двойныя дны съ яичницей...

— И послѣ этого?

— И послѣ этого я продолжалъ дѣлать тоже и, могу васъ увѣрить, что дѣло отъ этого только выиграло, ибо послѣ этого я сталъ уже сознательнымъ фокусникомъ, а, значить, и

болѣ совершеннымъ.

— Нѣтъ, — вдругъ воскликнулъ онъ послѣ полуминутнаго молчанія, — это можно формулировать иначе и гораздо лучше. Знаете ли что, милый молодой человекъ, знаете-ли что было послѣ этого? Послѣ этого я сдѣлался вдругъ циникомъ. Вотъ настоящее слово. И вотъ вамъ еще филологическое открытіе, которое вы можете опубликовать въ либеральной газетѣ, приписавъ авторство себѣ, — а именно: слово чиновникъ есть испорченное «циникъ». Да это же очень просто: произошла естественная перемѣна буквы ц въ ч. Чиновникъ. О, ц и в это вставка, по требованію фонетики русскаго языка, и вотъ вамъ циникъ. И долженъ вамъ сказать, какъ результатъ моихъ наблюденій и размышленій, что настоящій чиновникъ есть всегда непременно и безусловно циникъ. Да какъ же иначе? Нельзя же допустить, что всѣ чиновники глупы и слѣпы и глухи, что они не видятъ, не слышатъ и не понимаютъ. Они отлично все понимаютъ, они прекрасно знаютъ, что отъ ихъ дѣятельности Россіи, настоящей Россіи, не хуже и не лучше, и что они ра-

ботають ни болѣе, ни менѣе, какъ на табель о рангахъ, понимая ее въ весьма широкомъ смыслѣ. Истинный чиновникъ пишетъ прокъ или докладъ и усмѣхается. Только на людяхъ эта усмѣшка не видна. Она у него подъ усами, а когда онъ одинъ, такъ у него ротъ дѣлается до ушей. И потому онъ циникъ, и потому я циникъ. Вотъ вамъ, юноша, — кушайте на здоровье. Не знаю, какъ это вамъ удалось извлечь изъ меня, потому что я до сихъ поръ никому никогда не говорилъ; но ужъ извлекли, такъ кушайте на здоровье...

Володя буквально бѣгалъ по комнатѣ. Такого признанія отъ Корещенскаго онъ дѣйствительно не ожидалъ. Еще недавно, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, онъ зналъ его за человѣка строгихъ, твердыхъ принциповъ, работавшаго надъ дѣломъ, которое считалъ полезнымъ и важнымъ, и вдругъ такой цинизмъ, дѣйствительно, цинизмъ...

Его неопытный въ житейскихъ дѣлахъ умъ не могъ сразу переварить такого скачка и онъ былъ глубоко взволнованъ и несчастливъ.

— Но зачѣмъ? Зачѣмъ это все? Ради чего?

спрашивалъ онъ и самъ не замѣчалъ, какъ руки его складывались въ умоляющій жестъ и въ голосъ звучало отчаяніе.

— Зачѣмъ? Затѣмъ, что сдвинули меня съ мѣста. Не надо было сдвигать. Сидѣлъ я въ маленькой норѣ и истреблялъ злокачественныхъ змѣй, коихъ тамъ находилъ. Занятіе не широкаго масштаба, а все-таки полезное. Меня вытащили изъ норы и поставили на широкой путь и сказали: осуществляй. Я и началъ осуществлять. А когда понялъ истину, да подумалъ о прежней норѣ, такъ для меня стало ясно, какъ день, что я ужъ въ нее обратно ни за что не влѣзу. Растволстѣлъ, разбухъ.

— Слушайте, Алексѣй Алексѣевичъ, да вѣдь это невозможно! Вѣдь вы были человѣкомъ твердымъ, я считалъ васъ непоколебимымъ. Во что же тогда вѣрять? Боже мой! на кого смотрѣть?

— Послушайте, мой милый юноша, — сказалъ Корещенскій и, видимо задѣтый за живое, поднялся и сѣлъ на диванъ. — Вы говорите, что я былъ непоколебимъ? Вздоръ! Если бы я былъ непоколебимъ, не поддался бы я увѣщанію Льва Александровича. Да, я тогда

увѣровалъ и воспылалъ, но вѣдь это же наивно! Увѣровалъ потому, что хотѣлъ увѣровать. Былъ слѣпъ потому, что завязалъ себѣ глаза. Развѣ взрослый человѣкъ, желающій быть искреннимъ съ самимъ собой, могъ бы увѣровать въ похвальбу, хотя бы и генія — а между нами сказать, Левъ Александровичъ все-таки не геній — при помощи угольковъ, разведенныхъ подъ треножникомъ, да и хотя бы цѣлаго костра, растопить, расплавить ледники сѣвернаго полюса?.. Да не ясно-ли, что для этого надобно зажечь всю Россію, всѣ сто сорокъ милліоновъ, чтобы они горѣли, чтобы костеръ составился изъ всѣхъ ея дремучихъ лѣсовъ, а поднимающееся отъ него пламя подожгло бы самое небо. А я повѣрилъ... Мы освѣжимъ торговлю, мы подыместъ и укрѣпимъ курсъ, мы урегулируемъ тарифы... Чертъ возьми, тарифы, курсъ, торговля... Когда сто милліоновъ еле-еле влачатъ существованіе... Торговля для тысячи крупныхъ коммерсантовъ, курсъ для десятка банкировъ, а тарифы для сотни крупныхъ хлѣботорговцевъ... И въ это повѣрять? Этимъ зажечься и горѣть? Страну безправную, тем-

ную, голодную можно поднять тарифами, курсомъ, торговлей? Да, если бы ввести торговлю живыми людьми, — милліоны съ удовольствіемъ бы продали себя въ рабство. И оживилась бы торговля... людьми. А я въ это повѣрилъ? Вздоръ... Я сдѣлалъ только видъ передъ самимъ собой, что повѣрилъ.

— Но зачѣмъ? Для чего вамъ это!

— Для чего? Скажу. Теперь ужъ все скажу вамъ, юноша; ибо впустилъ васъ ужъ такъ далеко, что назадъ ворочать васъ было бы даже глупо. Для чего? А для чего я надсаживалъ грудь девять битыхъ лѣтъ въ классической гимназіи и окончилъ оную съ золотой медалью? Для чего я, въ бытность студентомъ, корпѣлъ надъ источниками, просиживая по восемь-десять часовъ въ публичной библіотекѣ. Для чего я ломалъ голову надъ диссертацией, стараясь превзойти ученостью моихъ наставниковъ? Я хотѣлъ жить и работать, я желалъ двигать науку, — наконецъ, у меня было самолюбіе, я рассчитывалъ составить себѣ имя въ наукѣ и занять достойное положеніе въ обществѣ. А со мной что сдѣлали? Мнѣ даже понюхать не дали

каедръ... Я не дѣлалъ ни пороха, ни бомбъ, я человекъ мирныхъ наклонностей. Я ни противъ кого не замышлялъ убійства, революціи, я только мыслилъ свободно... Я дѣлалъ только то, что обязательно для человека, посвятившаго себя наукѣ, ибо, если онъ мыслить не свободно, а сообразно указаніямъ, то онъ не наукѣ служить, а проституціи. И за это меня выгнали изъ университетской корпораціи, за это же швырнули въ мѣста, хотя и не столь отдаленныя, но достаточно отвратительныя, подвергли вѣчному надзору, травили меня, мѣшали мнѣ занимать мѣста, которыя мнѣ нравились и, послѣ всѣхъ этихъ умоистоощающихъ страданій, высшее, чего я могъ достигнуть — это постъ земскаго статистика, да и тутъ каждую минуту грозили мнѣ лишеніемъ мѣста и ссылкой. Я считаю, что моя жизнь, какъ я ее понимаю, разбита. Такъ пусть-ка они мнѣ и заплатятъ за то, что я претерпѣлъ, за всѣ мои труды и лишенія. Ну, вотъ они и платятъ, заплатятъ еще больше, вотъ вамъ и все.

И, выпаливъ это, онъ хлопнулся на диванъ и грузно опустилъ голову на подушку.

Володя ходилъ по комнатѣ, удрученный, придавленный, убитый. Въ сущности онъ видѣлъ передъ собой раненую душу, которая кричала отъ боли. Такое впечатлѣніе онъ получилъ отъ всей этой исповѣди. Не хвастовство и не задоръ слышались для него въ рѣчахъ Корещенскаго, а боль и отчаяніе.

Прошло нѣсколько минутъ тяжелаго глубокаго молчанія. Володя остановился.

— А дядя? промолвилъ онъ. — Что вы думаете о дядѣ?

Корещенскій не сразу отвѣтилъ. Прошло еще нѣкоторое время молчанія и тишины.

— Вашъ дядя, — сказалъ наконецъ онъ, замѣтно утомленнымъ голосомъ, — вашъ дядя человекъ совсѣмъ иного склада. Онъ не похожъ на насъ съ вами. Для его созданія была употреблена совсѣмъ другая глина. Такой глины у насъ въ Россіи нѣтъ. Ее выписываютъ изъ-за границы. Видите ли, есть люди, у которыхъ сердце болитъ по Россіи и никогда не перестаетъ болѣть. Есть люди, у которыхъ оно болѣло, но перестало болѣть. Ну, бываетъ же такъ, что рана зарубцуется и никогда уже не открывается. Только передъ дурной пого-

дой въ ней начинается зудеть старая боль. Но есть такіе, у которыхъ оно никогда не болѣло и они не знаютъ, что такое эта боль. Таковъ вашъ дядя. И это не значить, что онъ плохой человѣкъ. Напротивъ, онъ прекрасный человѣкъ, доброжелательный, готовый сдѣлать всякое добро и нисколько не склонный къ причиненію зла. Но онъ весь — въ себѣ. Онъ — личность и при томъ выдающаяся. Весь его міръ заключенъ въ немъ самомъ. Онъ служитъ только себѣ самому, своей личности. На югѣ онъ ее возвысилъ удивительно. Мы знаемъ исторію этого возвышенія. Но тамъ дальше некуда было итти. Открылся новый путь и онъ ступилъ на него, чтобы вести свою личность дальше, выше, въ новыя сферы. И онъ отлично понимаетъ, что для этого нужно, кому надо служить. Онъ понимаетъ, что народу служить — возвышенно, почтенно; прекрасно знаетъ, что за службу народу въ наше время и въ нашей странѣ — угодишь только въ тюрьму, на каторгу и на висѣлицу... Служба же другимъ ведетъ къ почету, къ знаменитости, къ могуществу. Онъ просто ищетъ, гдѣ бы повыгоднѣй для своей

личности устроить свой умъ, свою энергію, свои знанія. Будь это въ другой странѣ, гдѣ народъ имѣетъ значеніе, гдѣ именно служба народу ведетъ ко всему этому, онъ великолѣпно служилъ бы народу всѣми своими силами... Такъ бродячій музыкантъ, попавъ къ богатому магнату, увеселяетъ своимъ искусствомъ его и его гостей, не обращая ни малѣйшаго вниманія на прислуживающій имъ народъ, толпящійся въ передней. Онъ кончилъ и получилъ плату и идетъ дальше и, встрѣчая на пути жнецовъ и жницъ въ рабочихъ одеждахъ и безъ сапогъ, играетъ имъ тѣже самыя мелодіи, довольствуясь отъ нихъ жалкими грошами.

— Такъ что, по вашему, дядя дѣлаетъ это сознательно? — спросилъ Володя.

— Безусловно. Левъ Александровичъ ничего не дѣлаетъ несознательно. Онъ тонко понимаетъ всякія извилины. Ну-съ, молодой человѣкъ, теперь вы узнали истину... Чѣмъ еще могу васъ утѣшить?

— Ничѣмъ, Алексѣй Алексѣевичъ... Теперь ужъ ровно ничѣмъ.

— На службу къ намъ не поступите?

— Нѣтъ, не поступлю. Воздержусь.

— Прекрасно, хотя и не практично.

— Еще я хочу васъ спросить, Алексѣй Алексѣевичъ, — будетъ ли облегчена судьба Максима Павловича?

— Ахъ, да, я уже имѣю возможность сказать вамъ это: это удалось. Максимъ Павловичъ на дняхъ будетъ освобожденъ. Его арестъ, такъ сказать, подведенъ подъ недоразумѣніе.

— И это сдѣлалъ дядя?

— Если хотите, не будь вашъ дядя тѣмъ, что онъ есть, этого никакъ нельзя было бы сдѣлать. Онъ самъ не принималъ въ этомъ участія, онъ только пожелалъ этого.

— То-есть, въ концѣ концовъ, кому же этимъ будетъ обязанъ Максимъ Павловичъ?

— Ему, ему. Его доброму желанію... Уходите? — прибавилъ онъ, видя, что Володя взялъ свою шапку.

— Да, мнѣ пора. Я засидѣлся у васъ.

— По крайней мѣрѣ, не безъ пользы, не правда-ли? Мнѣ не зачѣмъ прибавлять, что моя исповѣдь останется у васъ на духу...

— Конечно... Вы слишкомъ много довѣрили мнѣ, Алексѣй Алексѣевичъ.

Володя подалъ ему руку. — И знаете, что я вамъ скажу на прощанье, — прибавилъ онъ: простите, что я вамъ это скажу. Мнѣ жаль васъ, Алексѣй Алексѣевичъ.

— И мнѣ тоже, Володя, — откликнулся Корещенскій.

Володя пожалъ его руку и ушелъ. Прошло дней пять послѣ этого. Володя опять встрѣтился лицомъ къ лицу съ своимъ дядей.

— Ну, когда же ты рѣшишь вопросъ о службѣ? — спросилъ его Левъ Александровичъ.

— Я, дядя, зачислился въ помощники присяжнаго повѣреннаго.

— Да? Съ чего же это? Ты пріѣхалъ служить и вдругъ такъ круто измѣнилъ рѣшеніе.

— У меня къ этому больше склонности.

— Къ кому же ты записался?

— Къ Болоцкому.

— Знаю его. Блестящій и горячій ораторъ, но плохой цивилистъ. Не знаю, чему ты у него научишься. Жаль, что не могу быть тебѣ полезенъ.

— Я, дядя, нѣкоторое время долженъ жить у васъ.

— Пожалуйста, не нѣкоторое время, а просто живи.

— Это неудобно, дядя, — если у меня явится практика, будутъ приходиться.

— Ну, до практики еще далеко. А, впрочемъ, если узнають о твоёмъ близкомъ родствѣ со мной, практика придетъ очень скоро.

— Я не намѣренъ эксплуатировать свое родство съ вами.

Левъ Александровичъ одобрительно похлопалъ племянника по плечу. — И я не изъ тѣхъ дядей, которые позволяютъ себя эксплуатировать.

Володя получилъ письмо отъ Зигзагова.

«Мой милый юный другъ! Не знаю, какому доброму генію я обязанъ свободой. Но я ею пользуюсь, это фактъ неопровержимый.

Признаюсь, я считалъ себя ввергнутымъ въ послѣднюю бездну, изъ которой нѣтъ уже выхода. Всевозможные слѣдователи и прокуроры увѣрили меня, что я виновенъ отъ ногъ до головы, что я одинъ изъ опаснѣйшихъ разрушителей и пр. и пр. и что мнѣ уготовлено мѣста въ каторгѣ, и вдругъ, — о, добрые силы природы, — мнѣ объявляютъ: вы свободны.

Я до того былъ огорошенъ, что даже не воздержался и выразилъ изумленіе, почти протестъ. Какъ? Почему? Я такъ виновенъ, я такъ опасенъ...

— Вы свободны! и больше никакихъ разговоровъ. За вами будетъ учрежденъ негласный надзоръ.

Но, такъ какъ я россійскій гражданинъ, то негласный надзоръ за мною учрежденъ отъ перваго моего вздоха,

отъ часа моего рожденія. И мнѣ даже дана свобода передвиженія, которой я и думаю воспользоваться.

Здѣсь жить скучно. Всѣхъ моихъ друзей или въ тюрьму посадили или разогнали въ дальніе концы моей родины. Хочу прїѣхать къ вамъ, облобызать руку госпожи министерши и полюбоваться на то, какъ нашъ многоумный Левъ Александровичъ спасаетъ отечество. Но чуръ, никого не предупредить о моемъ прїѣздѣ. Я хочу явиться сюрпризомъ, хотя и боюсь, какъ бы для койкого сюрпризъ не превратился въ кошмаръ.

Не говорите даже Натальѣ Валентиновнѣ. Вамъ же скажу что намѣренъ выѣхать въ субботу, а слѣдовательно въ Петербургъ буду во вторникъ.

Приходите на вокзалъ и устройте мнѣ торжественную встрѣчу, но въ вашемъ единственномъ лицѣ. Обнимаю васъ, если вы въ настоящую минуту не въ чиновничьемъ вицъ-мундирѣ».

Это письмо было радостью для Володи. Хотя разговоръ съ Корещенскимъ и далъ ему рѣшимость опредѣлять для себя дорогу и онъ

отвергъ службу и избралъ адвокатуру, тѣмъ не менѣе у него была страстная потребность съ кѣмъ нибудь вдвоемъ заново передумать обо всемъ томъ, что онъ слышалъ здѣсь и видѣлъ.

И Зигзаговъ былъ для этого самый подходящій человекъ. Къ этому былъ черезвычайно приспособленъ складъ его ума — тонкаго, проницательнаго и насмѣшливаго.

У самого Володи всѣ мысли по этому предмету складывались какъ-то трагически и для облегченія его мозга нужно было облить ихъ смѣхомъ, и именно такимъ изящнымъ, какъ у Зигзагова.

И онъ ждалъ его. Ему трудно было скрывать о прїѣздѣ Максима Павловича отъ Натальи Валентиновны. Онъ зналъ, что для нея это будетъ тоже радость. И хотя это было просто шутовская выходка со стороны Зигзагова, но все же онъ не хотѣлъ преступать его воли.

И вотъ насталъ вторникъ. Володя просилъ прислугу, чтобы его разбудили рано. Въ Петербургѣ онъ прїучился къ позднему вставанію.

Въ половинѣ восьмого утра онъ вышелъ

изъ дома и ѣхалъ на Варшавскій вокзалъ. Утро было темное, тусклое и морозное. Вокзалъ еще былъ освѣщенъ фонарями. Онъ пріѣхалъ слишкомъ рано и съ полчаса пришлось бродить ему по платформѣ.

Наконецъ, показался поѣздъ. Десятка два хмурыхъ петербуржцевъ, какъ и онъ, кого то встрѣчавшихъ, оживились. Произошло движеніе. Поѣздъ подѣхалъ, остановился.

Максимъ Павловичъ выскочилъ изъ вагона и они бросились другъ другу въ объятія.

— Ну, везите меня въ какую нибудь гостиницу. Вы петербуржець, а я пятнадцать лѣтъ тому назадъ провелъ здѣсь три дня. О, какое скверное утро! И все здѣсь такъ?

— Почти все, сказалъ Володя.

Носильщикъ тащилъ чемоданъ Максима Павловича, очень помѣстительный и тяжелый. Другого багажа не было. Извозчикъ повезъ ихъ на Малую Морскую.

— Ну, вы сейчасъ на службу? сказалъ Максимъ Павловичъ.

— Я не служу! отвѣтилъ Володя.

— Какъ? Еще нѣтъ?

— Уже нѣтъ. И не буду. Я адвокатъ.

— А расскажите, расскажите.

— Да что рассказывать пустяки! Это все потомъ расскажется. Какъ вы? Въдѣ просидѣли въ тюрьмѣ недѣль шесть...

— Да въдѣ это для меня ощущеніе не новое. Дня по три уже приходилось сидѣть. Впрочемъ было и новое. Увѣренность, что больше ужъ не выйду. О, это проклятое чувство! Оно стискиваетъ всѣ ваши духовныя способности. Оно дѣлаетъ человѣка маленькимъ жалкимъ звѣрькомъ, готовымъ за одинъ лучъ солнца отступить отъ самыхъ святыхъ своихъ кумировъ... О, какіе это силачи, тѣ, что и въ каторгѣ остаются непоколебимыми! Но объясните мнѣ, Володя, чудо моего освобожденія. Въдѣ несомнѣнно, что это отсюда. Какъ же это могло случиться?

— Не знаю. Это какая то тайна. Я спрашивалъ Корещенскаго. Онъ говоритъ, что дядя самъ не хлопоталъ, а какъ то тамъ благодаря его положенію... Не знаю. Но это все равно. Въ концѣ концовъ, разумѣется, все это случилось, благодаря дядѣ.

— Ну, конечно. Рассказывайте же о Корещенскомъ, о Натальѣ Валентиновнѣ... Ахъ, да,

я забылъ вамъ сказать. Въдь я прїѣхаль не въ гости, а въ качествѣ новаго петербургскаго обывателя. «Пожаръ способствовалъ мнѣ много къ украшенію»... Послѣ тюрьмы я сейчасъ-же получилъ блестящее предложеніе и буду писать здѣсь въ одной газетѣ.

Они прїѣхали въ гостинницу и черезъ нѣсколько минутъ были въ номерѣ. Максимъ Павловичъ былъ голоденъ и распорядился на счетъ чаю. Володя тоже ничего еще не пилъ.

Они усѣлись за чайнымъ столомъ, и Володя дѣлалъ ему «докладъ» о своихъ петербургскихъ впечатлѣніяхъ. Онъ разсказалъ о томъ, какою нашель здѣсь Наталью Валентиновну, а потомъ перешель къ Корещенскому.

Онъ вспомнилъ о своемъ обѣщаніи, данномъ Корещенскому, что его исповѣдь останется у него «на духу». И сказалъ Зигзагову объ этомъ своемъ затрудненіи. Но Максимъ Павловичъ облегчилъ его.

— Вы, милый, можете не преступать вашего обѣщанія. Корещенскаго я хорошо знаю. Въ его характерѣ нѣтъ эластичности. Онъ можетъ или фанатически увѣровать, или сценически продаться. Однако же, онъ настолько

умень, что я не ошибусь, сказавъ, что здѣсь ему вѣровать не во что.

Володя ухватился за это и разрѣшилъ себя отъ клятвы. Онъ разсказаль о своемъ свиданіи съ Корещенскимъ и былъ очень удивленъ, когда со стороны Максима Павловича не встрѣтилъ ни изумленія, ни негодованія.

— Ахъ, милый, это все въ порядкѣ вещей. Бываютъ герои, мы ими любуемся и удивляемся имъ. Но и герои утомляются. И въ концѣ концовъ человѣкъ созданъ не для геройскихъ подвиговъ, а для того, чтобы жить, пользуясь благами жизни. Если геройство возвести въ долгъ, то, по крайней мѣрѣ, десять милліоновъ россійскихъ обывателей должны пойти въ тюрьму. Не надо быть даже особенно слабымъ, чтобы любить жизнь и предпочитать всему на свѣтѣ свободу,

— А васъ, Максимъ Павловичъ, тюрьма, кажется, усмирила! — сказалъ Володя.

— Нѣтъ, милый, я всегда любилъ жизнь, даже тогда, когда пускалъ себѣ пулю въ високъ. И скажу вамъ такъ: что если бы мнѣ предложили стать въ положеніе Корещенскаго, я

отказался бы, но не изъ геройства. Тутъ было бы совсѣмъ другое. Паническая продажа своего труда кому угодно за хорошую плату, есть что-то рыночное и некрасивое... А я сознательно никогда не позволю себѣ ничего некрасиваго.

Они бесѣдовали до полудня. Въ это время Зигзаговъ привелъ себя въ порядокъ, переодѣлся и они поѣхали къ Балтовымъ.

Наталья Валентиновна уже была одѣта и въ домѣ собирались завтракать. Льва Александровича по обыкновенію не было дома.

Эффектъ появленія Максима Павловича билъ чрезвычайный. Онъ произвелъ сильное впечатлѣніе на двухъ концахъ. Наталья Валентиновна просто по-дѣтски обрадовалась ему и прежде всего тому, что онъ свободенъ, невредимъ и здоровъ. Она до сихъ поръ не была въ этомъ увѣрена.

Въ главахъ Лизаветы Александровны сверкнулъ холодный блескъ, когда она услышала звучный и мягкій голосъ Максима Павловича. Она знала всю послѣднюю исторію приключеній Зигзагова и считала его появленіе въ домѣ ея брата страшной безтакт-

НОСТЬЮ.

Конечно, она отлично «выдержала себя» и на привѣтствіе Максима Павловича, когда они собрались въ столовой, отвѣтила даже улыбкой, но въ душе вся была противъ него.

У нея даже созрѣло рѣшеніе на этотъ разъ по отношенію къ брату выйти изъ своей пассивной роли и настойчиво посовѣтовать ему отказать этому господину отъ дома. Человѣкъ, сидѣвшій въ тюрьмѣ за участіе въ дѣлѣ, которое на-дняхъ будетъ разбираться въ судѣ и кончится чуть-ли не казнью, человѣкъ, получившій свободу только благодаря могущественному вліянію ея брата — кажется, могъ бы и самъ понять неумѣстность своего посѣщенія.

Но въ этотъ день ей пришлось прямо растеряться отъ изумленія. Это случилось очень рѣдко, что Льву Александровичу удавалось попасть домой къ завтраку. И въ этотъ день онъ, никѣмъ неожиданный, явился.

И Лизавета Александровна была свидѣтельницей того, съ какимъ взрывомъ радости Левъ Александровичъ, увидѣвъ за столомъ Максима Павловича, подбѣжалъ къ

нему и съ какой сердечной теплотой заключилъ его въ объятія.

— Ужасно радъ, хотя вы не повѣрите, что ваша свобода для меня сюрпризъ! — сказалъ онъ. — изъ этого вы можете прежде всего сдѣлать выводъ, что меня тутъ благодарить не за что.

Но пребываніе его дома было до такой степени кратко, что Максимъ Павловичъ не успѣлъ даже хорошенько разглядѣть его. Оно длилось не больше двадцати минутъ, и настоящее свиданіе было отложено на обѣденное время.

— Сегодня послѣ обѣда я никуда не поѣду. Я просто объявлюсь больнымъ и пусть Корещенскій представляетъ за себя и за меня.

И онъ торопливо позавтракалъ и исчезъ.

Но вечеромъ свиданіе было неудачно. Левъ Александровичъ пріѣхалъ въ восемь часовъ, за обѣдомъ говорилъ мало и видимо чѣмъ-то былъ озабоченъ. Равговоръ не ладился и Максимъ Павловичъ почувствовалъ, что ему надо раньше уѣхать.

И это было необходимо. Левъ Александровичъ

вичь крайне нуждался въ томъ, чтобы остаться вдвоемъ съ Натальей Валентиновой.

— Ты чѣмъ-то разстроенъ? — прямо спросила она.

— Непріятности съ Корещенскимъ, — сказалъ Левъ Александровичъ. — Приѣхала его жена. Вошла въ сношеніе съ кругами иного направленія и всюду честить его подлецомъ, измѣнникомъ своимъ убѣжденіямъ, ренегатомъ. И при этомъ живетъ на его счетъ. Какъ это удивительно совмѣщается въ женщинѣ!

— Что же въ этомъ собственно тебя разстраиваетъ? спросила Наталья Валентиновна.

— Да именно то, что она дѣлаетъ это все шумно и скандально, съ явнымъ расчетомъ компрометировать его. И ко всему распространяетъ рассказы о какихъ то его связяхъ съ сомнительными женщинами. А это дѣлаетъ его положеніе шаткимъ, и меня можетъ поставить въ необходимость разстаться съ нимъ.

— Добровольно?

— Да, чтобы не ждать, когда придется

сдѣлать это недобровольно. Но я безъ него, какъ безъ рукъ. Правда, у меня есть одно средство...

— Какое?

— Да просто выслать ее изъ Петербурга.

— Но это ужасно, Левъ Александровичъ! Вѣдь она ничего преступнаго не совершила.

— Къ сожалѣнію... Она дѣлаетъ не уголовныя гадости.

— Зачѣмъ она все это дѣлаетъ?

— Во первыхъ, изъ чувства обиды. Онъ оставилъ ее на югъ и не позвалъ сюда. А во вторыхъ, просто такой скандальный характеръ. Вѣдь она и тамъ, не смотря на то, что онъ жилъ въ семьѣ, рассказывала про него гадости и устраивала ему скандалы. И какимъ-то образомъ это уже распространилось и мнѣ дѣлали прямые намеки и я долженъ былъ молчать. Мнѣ особенно тяжело будетъ съ этимъ, пока наши отношенія съ тобой не урегулируются... Разводъ тянется больше, чѣмъ я ожидалъ. Уже пять недѣль прошло. Мигурскій, желая выторговать какъ можно больше, всячески тормозитъ его. О, когда это совершится, я буду совсѣмъ иначе съ ними

разговаривать.

— Значить, тебѣ это очень вредить?

— Не то... Это меня сдерживаетъ. И не могу развернуть всѣ свои силы, выпалить разомъ изъ всѣхъ пушекъ. Мнѣ приходится ладить съ людьми, которыхъ я считаю вредными и которые въ сущности стоятъ мнѣ на дорогѣ...

— На дорогѣ къ чему? спросила Наталья Валентиновна.

— Къ власти, Наташа... Къ настоящей, ни съ кѣмъ не раздѣляемой, власти. Только эту цѣль я признаю и на меньшемъ не примирюсь. Если бы я не имѣлъ въ виду этого, я ушелъ бы. Мои враги ничтожны. Поборошь мнѣ ихъ стоило бы самыхъ незначительныхъ усилий, но для этого самъ я долженъ быть безупреченъ. И еще, Наташа, я хочу просить тебя объ одномъ не легкомъ подвигѣ. Я знаю, что ты дорожишь дружбой Максима Павловича, ради тебя я допустилъ, чтобы хлопотали о его освобожденіи, но это мнѣ обошлось очень дорого. Я долженъ былъ дать отвѣтственное и почетное назначеніе завѣдомо недобросовѣстному человѣку. Но нужно, видишь-ли... Максимъ Павловичъ самъ не по-

нимаешь, что ему не слѣдуетъ бывать у насъ...

— Ты такъ думаешь? Это никому не пришло бы въ голову, при видѣ твоей встрѣчи съ нимъ. Неужели ты былъ не искренень?

— Ты меня плохо знаешь, Наташа. Я никогда не бываю лицемернымъ. Я искренно радъ ему и люблю его. Но онъ и его репутація, это двѣ вещи совершенно различныя. Ты понимаешь, всякую репутацію можно измѣнить. Есть тысячи примѣровъ, когда люди реабилитировались. Человѣкъ мѣняется. И въ этомъ и состоитъ прогрессъ. Но реабилитация признается только фактическая.

— Что же долженъ сдѣлать человѣкъ, чтобы быть признаннымъ?

— Сдѣлать то, чего не сдѣлаетъ Максимъ Павловичъ. Проявить какую-нибудь положительную дѣятельность. А онъ совершенно неспособенъ къ этому. Максимъ Павловичъ милый, тонкій, красивый отрицатель. Я люблю слушать его ядовитыя замѣчанія. Его ядъ, это ядъ цвѣтка, — тонкій ароматъ его, отъ котораго бываетъ кошмаръ... Въдъ вотъ Корещенскій казался невозможнымъ. Ножанскій пришелъ въ ужасъ при его имени.

Но онъ доказаль свою способность къ положительной дѣятельности. Теперь ужъ никто въ немъ не сомнѣвается.

— Что же мы можемъ сдѣлать съ Максимомъ Павловичемъ? Неужели отказать ему отъ дома?

— Не отказать, Наташа, а помочь ему самому догадаться... Я этого не съумѣлъ бы сдѣлать. Но ты... Мнѣ кажется, что тебѣ это легче.

— Я совсѣмъ этого не думаю, Левъ Александровичъ. Я не могу себѣ представить этого.

— А между тѣмъ это необходимо, Наташа. Вѣдь черезъ нѣсколько недѣль наше семейное положеніе измѣнится. Нашъ домъ наполнится людьми. Если Максимъ Павловичъ не пойметъ этого раньше, то тогда помочь ему въ этомъ будетъ гораздо труднѣе. Между тѣмъ имя его уже было упомянуто въ газетахъ въ числѣ арестованныхъ по южному дѣлу и оно будетъ фигурировать на судѣ. Я могъ устроить его освобожденіе, но противъ этого я безсиленъ. Такъ ты подумай, Наташа, имя, которое будетъ одновременно произноситься въ политическомъ процессѣ и въ на-

шей гостиной... Въдь это безсмыслица... Въдь ты же должна понимать, Наташа, что, если теперь это огорчаетъ тебя, то тогда огорчить вдвое, такъ какъ въ крайнемъ случаѣ пришлось бы дать ему понять это. А между тѣмъ скажи, развѣ ты можешь поручиться за то, что Максимъ Павловичъ въ скорости опять не впутается въ подобную же исторію! Скажи мнѣ, Наташа, свое мнѣніе обо всемъ этомъ.

Наталья Валентиновна слушала его съ сосредоточеннымъ вниманіемъ и въ то время, когда онъ говорилъ, она именно о томъ и думала, что необходимо ей ясно выразить свое мнѣніе по поводу всего этого.

До сихъ поръ многое изъ того, что происходило вокругъ, ее удивляло. Но она какъ бы откладывала свое мнѣніе на послѣ и къ жизни, протекавшей мимо ея, относилась пассивно.

Можетъ быть, это происходило отчасти отъ того, что самъ Левъ Александровичъ жилъ какъ-то на спѣхъ и не было возможности поговорить съ нимъ сколько-нибудь основательно. Затрогивать глубокія темы, чтобы на полуфразѣ прекратить разговоръ, не было

смысла.

Но сегодня онъ уже никуда не пойдетъ и, Богъ знаетъ, еще когда выпадетъ такой день.

Между тѣмъ она просто таки была недовольна собой. Въ южномъ городѣ, съ того дня, какъ она разошлась съ мужемъ, она жила самостоятельно. Ихъ сближеніе съ Львомъ Александровичемъ произошло, главнымъ образомъ, на почвѣ ея самостоятельности. Никогда она даже ему, который производилъ на нее обаятельное дѣйствіе своимъ умомъ, своимъ сильнымъ характеромъ, не поддакивала. Они часто расходились во взглядахъ и въ такихъ случаяхъ относились другъ къ другу какъ къ уважаемому противнику.

Теперь же, во все время пребыванія ея въ Петербургъ, что то словно ускользало изъ ея рукъ. Ей сообщали факты и, когда она пыталась возразить противъ нихъ, ей твердо заявляли, что это необходимо и что это вызывается обстоятельствами. А затѣмъ у нея даже не было возможности высказаться.

И она собрала всѣ свои мысли и постаралась на это время забыть, что передъ ней человѣкъ, котораго она любитъ и для котора-

го готова многимъ поступиться.

Она какъ бы почувствовала, что наступилъ предѣлъ, дальше котораго поступиться нельзя.

Она сказала:

— Все, что ты говоришь, Левъ Александровичъ, вѣрно для тебя, но не для меня.

— Какъ? Ты такъ рѣзко отдѣляешь наши интересы?

— Не интересы, Левъ Александровичъ, а личности. Ты не можешь сказать, что я изъ какойнибудь вздорности противорѣчу тебѣ или хочу во что-бы-то ни стало поставить на своемъ. У тебя есть доказательства того, что я иду за тобой тамъ, гдѣ тебѣ это нужно. Но долженъ быть предѣлъ, Левъ Александровичъ. Ты понимаешь это лучше, чѣмъ я... Ты полюбилъ меня за что-нибудь. За то, что я была такая, какая была. А мое главное, Левъ Александровичъ, было вотъ что: я всегда на первый планъ ставила отношенія мои къ людямъ. Во всемъ, что касается меня, я всегда уступлю тебѣ. Тебѣ было нужно, чтобы я жила съ тобой въ твоемъ домѣ. не будучи твоей женой. Ты думалъ тогда, что это тебѣ нужно, потому

что ты этимъ хотѣль кому-то бросить перчатку. Я согласилась на это безпрекословно и перемѣнила свою жизнь. И когда нѣсколько мѣсяцевъ я жила въ этой квартирѣ одна въдѣ, — совсѣмъ одна — хотя мнѣ было это очень тяжело, я ни разу не пожаловалась тебѣ на это. Въдѣ, такъ? Но потомъ ты перемѣнилъ свою тактику и брошенную перчатку самъ поднялъ... Ты нашелъ для себя полезнымъ уступить и я къ этому присоединилась, потому что это было мое, только мое... Ты пошелъ дальше. Ты завелъ переговоры съ Мигурскимъ, хотя это сдѣлало мнѣ больно и особенно то, что приступили къ этому безъ меня... И это мнѣ было тяжело перенести, но опять же это было только мое, и я отдала тебѣ его. Я это приняла. Но ты теперь коснулся другого: моихъ отношеній къ людямъ. Тутъ выступаетъ третье лицо и я уже ставлю вопросъ о справедливости. Ты идешь къ своей цѣли, Левъ Александровичъ, ты шагаешь, какъ великанъ, отшвыривая своими сильными ногами все, что лежитъ на пути и ты не замѣчаешь, что понемногу ты, если не отшвыриваешь, то отодвигаешь и меня.

— Наташа! хотѣлъ было, остановить ее Левъ Александровичъ.

— Нѣтъ, погоди, другъ... Вѣдь я просто только разсуждаю. Но если я во всемъ, даже въ томъ, что составляетъ мою личность, — то самое, за что ты меня полюбилъ — уступлю тебѣ, то въ твоихъ же глазахъ я сравняюсь съ землей... Понимаешь-ли, Левъ Александровичъ, во мнѣ не останется ничего, на что стоитъ любить меня. А я этого не хочу, я должна оставаться всегда сама собой, я должна стоять тебя. И я не могу такимъ образомъ поступить съ Максимомъ Павловичемъ. Я знаю, что ты изъ на этого возстанешь противъ меня, но знаю также, что за это ты будешь уважать меня.

Левъ Александровичъ сперва слушалъ ее съ выраженіемъ протеста въ лицѣ и даже какъ будто хотѣлъ остановить ее. Но потомъ, какъ-бы уловивъ ея основную мысль, онъ сталъ слушать ее съ глубокимъ вниманіемъ. И только когда она остановилась, онъ проговорилъ.

— Ты разсуждаешь правильно, Наташа. Но твои разсужденія не могутъ относиться къ

этому случаю. Ты не такъ поняла меня. Я во-
все не хочу навязывать тебѣ тяжелую, почти
невозможную обязанность отказать Максиму
Павловичу. Избави Богъ! если бы это было
крайне необходимо я сдѣлалъ бы это самъ, хо-
тя бы страдалъ отъ этого. Но мнѣ казалось,
что онъ къ тебѣ ближе, чѣмъ ко мнѣ. Ваши
отношенія проще и теплѣе и онъ это самъ
пойметъ какъ нибудь...

— Такъ вѣдь все же я должна была бы за-
ставить его понять это такъ или иначе. Нѣтъ,
я этого не могу сдѣлать ни въ какомъ видѣ,
потому что онъ слишкомъ тонко чувствуетъ,
чтобы не понимать хотя бы самую ажурную
неправду. А это было бы еще болѣе оскорби-
тельно, чѣмъ прямо заявить. При томъ же,
Левъ Александровичъ... еще одно: если я по-
няла тебя вѣрно, ты имѣешь въ виду завести
связи съ большимъ обществомъ и устроить у
себя открытые приемы... Безъ сомнѣнія, нашъ
домъ очень скоро наполнится. Твое имя и
положеніе привлекутъ многочисленное об-
щество...

— И твои достоинства, Наташа. Я на это го-
раздо больше разсчитываю...

— Я еще не знаю, есть ли у меня эти свѣтскія достоинства. Я, вѣдь, буду дебютанткой. Но все равно, допустимъ даже, что они окажутся... Но, вѣдь, это общество будетъ мнѣ совершенно чужое. Это будутъ люди, которые ищутъ знакомства съ тобой для своихъ цѣлей. У меня не будетъ среди нихъ ни одного близкаго человѣка. Выбирать изъ ихъ среды друзей было бы напрасной мечтой. Къ тому же ты знаешь мои вкусы. Моя душа лежитъ къ тому міру, къ которому принадлежитъ Максимъ Павловичъ. Между тѣмъ ты хочешь совершенно уничтожить даже этотъ мостикъ, который связываетъ меня съ тѣмъ міромъ. Но подумай, Левъ Александровичъ, не будетъ-ли прежде всего тебѣ самому слишкомъ тяжело бремя моего одиночества?

— Можетъ быть, ты и права. Можетъ быть, Наташа. Но пойми: какъ мнѣ соединить это? Вѣдь, Максимъ Павловичъ немислимъ, немислимъ въ томъ обществѣ...

— А я думаю, что онъ можетъ украсить всякое общество.

— Всякое, только не это. Это общество не требуетъ ни души ни таланта. Оно требуетъ

отъ челоуѣка тѣхъ достоинствъ, которыя отъ него самого нисколько не зависятъ и которыя мы съ тобой ни вотъ на столько не цѣнимъ.

— Ахъ, Левъ Александровичъ, неужели ты думаешь, что Максимъ Павловичъ будетъ стремиться въ это общество? Повѣрь, что онъ предпочтетъ мое и твое общество.

— Постой, я ловлю тебя на словѣ. Ты можешь поручиться за то, что Зигзаговъ ограничится нашимъ интимнымъ кругомъ?

— Если это необходимо, я даже поручусь...

— Ну, такъ на этомъ я могу помириться. И это только на первое время. Потомъ все это забудется. Но, понимаешь, Наташа, мнѣ это общество необходимо. До сихъ поръ я дѣйствовалъ только на дѣловыхъ чиновниковъ, на ихъ сухія головы... Мнѣ нужно еще покорить общественное мнѣніе этого круга. Я иду вверхъ довольно быстро, но надо итти еще быстрѣе, потому что въ Россіи приближается время, когда понадобится челоуѣкъ. Я долженъ создать себѣ такое положеніе, чтобы этимъ челоуѣкомъ оказался — я. Понимаешь-ли, чтобы всѣ лучи сходились вотъ на этой головѣ...

Жена Корещенскаго дѣйствительно причиняла ему всяческой вредъ. Она прѣѣхала въ Петербургъ совершенно неожиданно для него и явилась къ нему на службу.

Здѣсь служащіе слышали, какъ въ его кабинетѣ происходилъ необычно громкій разговоръ съ дамой, послѣ чего Алексѣй Алексѣевичъ былъ принужденъ сказать приближенному чиновнику:

— Слушайте... это моя жена... Она женщина нервно-нездоровая. Прошу васъ, распорядитесь, чтобы, когда она будетъ приходить, ей объявляли, что меня нѣтъ въ министерствѣ.

Софья Васильевна Корещенская была женщина странная, въ высшей степени не послѣдовательная въ своихъ дѣйствіяхъ. Преобладающей чертой въ ея характерѣ было женское самолюбіе, которое, можетъ быть, помимо ея воли руководило ею.

Она любила жизнь и очень даже хотѣла получше устроиться. Жизнь ея съ Алексѣемъ Алексѣевичемъ до приглашенія со стороны

Балтова не давала для этого никакихъ оснований. Корещенскаго сперва гнали и приходилось иногда по мѣсяцамъ перебиваться случайнымъ заработкомъ, а потомъ, получивъ, наконецъ, мѣсто земскаго статистика, онъ долженъ былъ довольствоваться очень скромными средствами.

Только послѣ перехода Алексѣя Алексѣевича въ Петербургъ, матеріальное положеніе семьи разомъ измѣнилось къ лучшему.

Алексѣй Алексѣевичъ нисколько не любилъ жену и питалъ весьма слабыя чувства къ дѣтямъ, тѣмъ не менѣе онъ считалъ своимъ долгомъ добросовѣстно дѣлиться съ ними. И Софья Васильевна, оставаясь жить въ южномъ городѣ, могла бы быстро поправить свои дѣла и устроиться такъ, какъ хотѣла.

Но въ ней надъ всѣмъ брала перевѣсъ оскорбленная женщина. Къ этому надо сказать, что Софья Васильевна не отличалась значительнымъ умомъ. Механически усвоивъ себѣ свободныя взгляды, она не умѣла согласовать ихъ съ своими потребностями и все это въ ея головѣ путалось и заставляло ее по-

стоянно противорѣчить себѣ самой.

Очень цѣня хорошую обстановку жизни, къ которой она всегда стремилась, она изъ чувства обиды портила репутацію мужа и такимъ образомъ подкапывалась подъ свое собственное благополучіе.

Объявляя его на всѣхъ перекресткахъ измѣнникомъ и ренегатомъ, нанявшимся администраціи за хорошее жалованье, она въ тоже время брала отъ него значительную часть его жалованья и жила на эти деньги.

Но если бы ее спросили, чего она собственно желала и она отвѣтила бы по совѣсти, — то стало бы ясно, что больше всего она хотѣла устроиться при мужѣ, чтобы занять почетное положеніе, на которое давало право его имя.

Въ Петербургъ она пріѣхала въ полной увѣренности, что застанетъ здѣсь явное нарушеніе своихъ правъ. Она воображала, что Алексѣй Алексѣевичъ устроился въ большой квартирѣ, ведетъ разсѣянный образъ жизни, кутитъ и держитъ въ домѣ какую-нибудь женщину. Воображеніе ея всегда было настроено обвинительнымъ образомъ и непремѣнно фигурировала женщина.

И она была даже нѣсколько разочарована, когда оказалось, что Корещенскій живетъ въ номерѣ гостинницы, гдѣ проводитъ всего нѣсколько часовъ, остальное же время на службѣ.

Разумѣется, сейчасъ же была пущена басня о его сношеніяхъ съ неприличными женщинами, ради которыхъ онъ будто бы и живетъ въ гостинницѣ. Получалось какое-то нагроможденіе нелѣпостей и все это попадало въ чиновный крутъ и вызывало разговоры.

Уже больше мѣсяца Софья Васильевна жила въ Петербургѣ. Корещенскій, чтобы какъ-нибудь отдѣлаться отъ нея, увеличилъ ей содержаніе. Но она не думала униматься. Каждую недѣлю она дѣлала попытки явиться къ нему на службу, но ее не пускали. Тогда она являлась въ гостинницу, ждала его въ корридорѣ и, какъ только онъ появлялся, начинала дѣлать скандалъ, съ криками, слезами и истериками.

Надо было обладать стоицизмомъ Корещенскаго, чтобы при такихъ условіяхъ сохранить всю свою способность работать и ни на

юту не уменьшить своей дѣятельности. По всей вѣроятности, тутъ сильно помогала, выработанная еще имъ при совмѣстной жизни, привычка, да, кромѣ того, образовавшееся въ послѣднее время глубокое равнодушіе, которое сдѣлалось его преобладающей чертой. Но ему все это было, «какъ съ гуся вода».

Но совершенно иначе относился къ этому Левъ Александровичъ. До него все доходило, и при томъ изъ такихъ источниковъ, которые, имѣя сочувственный видъ, во всякое время могли повредить.

Корецѣнскій былъ всегда съ нимъ, всегда за одно. Ихъ объединяли. Они вмѣстѣ съ разныхъ сторонъ подпихивали на гору тотъ огромный камень, который долженъ былъ вмѣстѣ съ собой вынести на вершину и Льва Александровича. Его считали alter ego — Балтова и малѣйшая шероховатость на имени Алексѣя Алексѣевича чувствовалась имъ.

Поэтому онъ принималъ это горячѣе, чѣмъ самъ Корецѣнскій. И однажды Левъ Александровичъ заговорилъ съ нимъ объ этомъ. Это было уже послѣ разговора его съ Натальей Валентиновной.

— Алексѣй Алексѣевичъ, я — извиняюсь передъ вами, — долженъ вмѣшаться въ ваши личныя дѣла. Вы заработались и ничего не замѣчаете, а мнѣ со стороны виднѣй.

— Вы о женѣ моей, Левъ Александровичъ? — спросилъ Корещенскій.

— Именно. Можете вы какъ-нибудь устроить это?

— Нѣтъ, Левъ Александровичъ, рѣшительно не могу. Я готовъ принести для этого какія угодно жертвы, но не ту, которую она требуетъ.

— Жить вмѣстѣ?

— Да, жить вмѣстѣ.

— Но, можетъ быть, можно устроиться въ одной квартирѣ такъ, чтобы все-таки быть независимымъ.

— Не въ этомъ дѣло. А въ томъ, что вѣдь это ни къ чему не поведетъ. Она тщеславна и глупа. Получивъ это удовлетвореніе, она сейчасъ же потребуетъ другого. Пожелаетъ лѣзть въ общество, играть роль и прочее и прочее. И даже, если допустить, что она это получитъ, все равно она не перестанетъ злобствовать и вредить мнѣ. Я ничего не могу

подѣлать, Левъ Александровичъ.

— Это очень грустно. Мнѣ было бы очень тяжело лишиться васъ.

— Мнѣ это было бы еще тяжелѣе.

— Но вы понимаете, Алексѣй Алексѣевичъ, что дѣло можетъ дойти и до этого. Послушайте, въ такихъ случаяхъ не останавливаются передъ самыми крайними мѣрами.

— То-есть?

— Я не вижу другого способа, кромѣ водворенія на родинѣ. Ну, конечно, все это должно быть сдѣлано мягко и благожелательно. Вы ничего не имѣете противъ?

— Противъ того, чтобы я могъ легко вздохнуть? Все за. Пудовую свѣчку поставлю, ваше высокопревосходительство.

— Я только хотѣлъ знать ваше мнѣніе. Вы можете прислать ко мнѣ Мерещенко?

— Онъ будетъ у васъ завтра.

Мерещенко въ свой обычный утренній часъ былъ на квартирѣ Льва Александровича и оставался у него не больше двухъ минутъ. А дней черезъ десять послѣ этого Корещенскій уже получилъ отъ Софьи Васильевны изъ южнаго города письмо, полное негодованія и

угрозъ — все «вывести на свѣжую воду».

Но это было сдѣлать ей очень трудно. Теперь ужъ за ней зорко слѣдили и съ этой стороны Алексѣй Алексѣевичъ былъ въ безопасности. Скоро были получены отъ Софьи Васильевны письма разными высокопоставленными особами. Но въ чиновномъ кругу было уже извѣстно, что у Корещенскаго жена страдаетъ психической болѣзнью и на эти письма не обращали вниманія. Такъ было «улажено» семейное положеніе Алексѣя Алексѣевича.

Максимъ Павловичъ дѣйствительно получилъ предложеніе работать въ большой газетѣ. Это было не первое приглашеніе, его давно уже звали въ Петербургъ, но онъ былъ привязанъ къ городу, гдѣ родился и выросъ, любилъ солнце и море и никакимъ столичнымъ благамъ не соглашался пожертвовать ими.

Теперь обстоятельства измѣнились. Солнце и море сдѣлались его врагами. Родной городъ для него опустѣлъ и онъ согласился.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ сейчасъ же началъ работать, но не смотрѣлъ на это, какъ на нѣчто постоянное и прочное, поэтому и не

думаль устраиваться своимъ домомъ.

Въ южномъ городѣ у него осталась квартирная обстановка. Онъ не хотѣлъ даже ее выписывать. Взялъ двѣ меблированныя комнаты и довольствовался ими.

Петербургская зима, которая теперь была въ самомъ разгарѣ, давила его. Онъ выросъ подъ южнымъ солнцемъ и не привыкъ къ холоду, а морозы стояли крѣпкіе. Отъ этого и настроеніе его духа было унылое.

Къ дому Балтовыхъ у него образовалось странное отношеніе. Присутствіе тамъ Натальи Валентиновны тянуло его туда, но съ каждымъ разомъ ему бывать тамъ становилось все тяжелѣе. Теперь, на свободѣ, онъ занимался разсмотрѣніемъ дѣятельности Льва Александровича и при встрѣчахъ съ нимъ у него всякій разъ были готовы ядовитыя слова, которыя онъ долженъ былъ оставлять при себѣ.

Но у него это не могло тянуться долго. Въ такихъ случаяхъ всегда наступалъ моментъ, когда слова, какъ бы помимо его воли, срывались съ языка и ужъ ихъ нельзя было вернуть.

Время было тяжелое. Общество было сковано въ крѣпкихъ тискахъ. Изнутри страны приходили вѣсти о голодѣ и глухомъ недовольствѣ, которыя, какъ подземный гулъ предвѣщающій страшное изверженіе вулкана, являлись грознымъ предостереженіемъ.

А въ высшихъ сферахъ въ это время происходила странная игра. Въ то время, какъ Балтовъ, уже почти произведенный въ геніи, въ сотрудничествѣ съ Корещенскимъ развивалъ колоссальную работу въ своемъ вѣдомствѣ и расположенные къ нему круги и газеты кричали объ экономическомъ возрожденіи Россіи и популярность его съ каждымъ днемъ росла, внутренней политикой руководили другія лица, которыхъ общество щедро награждало своей ненавистью.

Правительство какъ бы расколосось на двѣ части, изъ коихъ каждая шла самоотдельно своей дорогой. Они казались враждебными. взаимно другъ друга уничтожающими и тѣмъ не менѣе благополучно уживались.

Погруженный въ работу, Балтовъ никогда не высказывался по общимъ вопросамъ. Но общественное мнѣніе само озаботилось о то-

мъ, чтобы сдѣлать изъ него героя и ему приписывали самыя благожелательныя намѣренія. На этой почвѣ выросла его фигура. И чѣмъ сильнѣе чувствовалась давящая рука, тѣмъ ярче становился ореоль вокругъ головы героя.

Наивные люди уже смотрѣли на Балтова, какъ на надежду Россіи, какъ на человѣка, который только ждетъ благопріятнаго момента, чтобы повести страну къ свѣту.

Въ мрачныя эпохи гнета, люди начинаютъ болѣть страстной жаждой лучшаго. И эта жажда ослѣпляетъ ихъ до того, что они свои упованія принимаютъ за дѣйствительность. Малѣйшая искорка, блеснувшая въ темнотѣ, уже кажется солнцемъ.

Максимъ Павловичъ не только теперь не заблуждался, но еще и тогда, когда Левъ Александровичъ рѣшалъ свое «быть или не быть», совершенно ясно видѣлъ его истинную физиономію.

За дѣятельностью Балтова въ южномъ городѣ онъ слѣдилъ и правильно оцѣнилъ ее. Человѣкъ съ большими дѣловыми способностями, съ огромной выдержкой, не связан-

ный рѣшительно никакими принципами, могъ легко покорить себѣ дѣловую толпу, жаждавшую прямыхъ, непосредственныхъ результатовъ для своего благополучія.

Лично онъ былъ связанъ съ Балтовымъ тѣми странными нитями, которыя незримо притягиваютъ другъ къ другу людей, стоящихъ выше сѣрой толпы. Искатель оригинальности, самобытности, красоты, Зигзаговъ не могъ не остановиться на этой крупной фигурѣ человѣка, подобно искусному фокуснику, создавшему цвѣтущій городъ изъ ничего.

Прежде всего къ Балтову привлекъ его чисто художественный интересъ. А затѣмъ Левъ Александровичъ дѣйствительно оказывалъ ему цѣнныя услуги.

Самъ онъ, какъ балованное дитя, постоянно ронялъ и разбивалъ свое благополучіе, которое, благодаря таланту, доставалось ему легко, но въ трудныя минуты былъ совершенно безпомощенъ. Помимо своего литературнаго таланта, онъ не умѣлъ ничего, былъ непрактиченъ и не обладалъ способностью приспособляться.

А между тѣмъ положеніе его бывало край-

нимъ. Нѣсколько разъ ему запрещали писать чтобы то ни было. Тогда Левъ Александровичъ сочинялъ ему мѣста, на которыхъ можно было ничего не умѣть и ничего не дѣлать. А во время ссылки онъ прямо таки могъ заболѣть или умереть съ голоду, если бы Балтовъ не оказывалъ ему щедрой дружеской помощи.

Наконецъ, послѣдняя услуга — освобожденіе и устраненіе изъ дѣла, въ которомъ ему было бы несдобровать. Все это связывало его съ Львомъ Александровичемъ личною благодарностью, которая пересиливала всѣ принципиальныя несогласія.

Вотъ почему онъ такъ сдерживалъ себя. За то ему становилось все тяжелѣе и изъ-за этого онъ сталъ дѣлать большіе антракты въ своихъ посѣщеніяхъ.

И однажды такой антрактъ длился цѣлыхъ двѣ недѣли. Володя, который все еще продолжалъ жить у дяди, хорошо зналъ причину этихъ антрактовъ. Максимъ Павловичъ ему откровенно объяснилъ свои отношенія къ Балтову. Но Наталья Валентиновна такъ опредѣленно себѣ этого не представляла. По-

этому столь долгое отсутствіе Максима Павловича ее безпокоило. Она обратилась къ Володѣ, а тотъ далъ самое сбивчивое объясненіе.

— Онъ хандрить, а, можетъ быть, нездоровъ. Ему петербургскій климатъ вреденъ.

— Навѣстите его, Володя. И скажите отъ меня, что если это небрежность, то она непростительна.

Володя заѣхалъ къ Максиму Павловичу.

— Тяжело мнѣ тамъ, очень тяжело! сказалъ Зигзаговъ. — И еще тяжелѣе оттого, что придется совсѣмъ отказаться отъ общества Натальи Валентиновны. Она такая симпатичная, такъ хорошо вліяетъ на мою душу. Но вѣдь для нея Левъ Александровичъ богъ и, какъ бы онъ ни повелъ себя, она пойдетъ за нимъ... А между тѣмъ ему скоро балансировать уже будетъ нельзя. Поговариваютъ о сильномъ недовольствѣ въ сферахъ внутреннимъ управленіемъ и, конечно, если къ кому перейдетъ оно, такъ только къ нему. Онъ теперь самая крупная фигура въ чиновной Россіи. Это не подлежитъ сомнѣнію. А ужъ тогда ему придется открыть себя.

— А вы знаете, дядя теперь всѣ вечера сидитъ дома, — сказала Володя.

— Вотъ какъ! Что же, онъ предается семейнымъ удовольствіямъ?

— Нѣтъ, онъ сидитъ безвыходно въ своемъ кабинетѣ и надъ чѣмъ-то усиленно работаетъ.

— А, это другое дѣло! Значитъ, вѣрны слухи, что онъ собирается выступить съ какимъ-то важнымъ докладомъ по крестьянскому вопросу. Говорятъ, что это будетъ что-то вроде диссертациі на званіе — вершителя судьбъ. Вотъ мы и посмотримъ, что онъ намъ подаритъ къ новому году.

— А вы допускаете, что тутъ можетъ быть то и другое?

— Можетъ быть и то и другое вмѣстѣ. Въ этомъ то и вся штука. Но боюсь, какъ бы Левъ Александровичъ не сдѣлалъ крупный промахъ въ выборѣ темы для своей диссертациі. Когда дѣло идетъ о тарифахъ и конверсіяхъ, въ которыхъ заинтересовано ничтожное меньшинство, тутъ можно при помощи большого ума и великой ловкости перетасовать карты и такъ и этакъ. Но когда десятка-

мъ милліоновъ людей нужна земля, чтобы кормиться, тутъ, сколько ни тасуй, все къ одному приходитъ: нужна земля! и никакими ловкими ходами ее не замѣнишь. Просящему хлѣба и давай хлѣбъ, а не камень. Онъ его попробуетъ и сейчасъ же увидитъ, что это не хлѣбъ, а камень.

— Такъ вы думаете, Максимъ Павловичъ, что къ новому году дядя получитъ новую власть?

— Если выдержитъ экзамень.

— Что же я долженъ сказать Натальѣ Валентиновнѣ?

— Да я самъ по ней соскучился. Но я до такой степени не выношу вашего петербургскаго холода, что по три дня не выхожу изъ квартиры. Даже въ редакцію посылаю работу и мнѣ приносятъ на домъ корректуру. Скажите, что при первой оттепели прїѣду.

Левъ Александровичъ дѣйствительно уже больше недѣли вечера проводилъ дома. Но отъ этого онъ нисколько не больше принадлежалъ своей семьѣ. Онъ сидѣлъ съ Натальей Валентиновной полчаса послѣ обѣда, а затѣмъ приходилъ чиновникъ Вергесовъ, ко-

тораго онъ приблизилъ къ себѣ и который былъ сотрудникомъ во всѣхъ его работахъ, и они запирались въ кабинетъ на нѣсколько часовъ.

Корещенскій никакъ не участвовалъ въ этой работѣ. Это было самостоятельное и единичное произведеніе Льва Александровича. Онъ очень торопился и именно къ празднику. Такимъ образомъ можно думать, что предположеніе Максима Павловича было не лишено основанія.

Въ это же время произошло событіе, которое для публики не имѣло никакого значенія, но Максима Павловича заставило сдѣлать безконечно изумленные глаза и нѣсколько разъ прочитать извѣстіе, которое онъ нашель въ газетѣ.

Оно было помѣщено въ официальномъ отдѣлѣ. Это было маленькое, въ три строчки, сообщеніе о томъ, что на вакантное, очень отвѣтственное мѣсто по медицинскому управленію назначается докторъ Мигурскій.

Максимъ Павловичъ до такой степени былъ пораженъ этикъ извѣстіемъ, что сейчасъ же послалъ записку Володѣ, прося его

пріѣхать къ нему. Володя явился.

— Вы мнѣ объясните это? — спросилъ его Максимъ Павловичъ, указывая на извѣстіе.

— Нѣтъ, не могу объяснить. Но знаю, что Мигурскій пріѣзжалъ въ Петербургъ. Онъ ѣхалъ въ одномъ поѣздѣ со мной. И когда я объ этомъ сказалъ Натальѣ Валентиновнѣ, она была очень разстроена.

— Узнайте, голубчикъ, узнайте. Я не успокоюсь до тѣхъ поръ, пока вы не объясните мнѣ это. Я не могу спросить объ этомъ Наталью Валентиновну; можетъ быть, ей это будетъ непріятно.

— А вы думаете, что она сможетъ объяснить?

— Но это было бы ужъ слишкомъ, если бы подобное назначеніе было сдѣлано противъ ея воли. Пожалуйста, узнайте, Володя.

И Володя взялъ на себя эту миссію. Въ тотъ же день онъ встрѣтился съ Натальей Валентиновной, держа въ карманѣ газету.

— Вы читали объ этомъ назначеніи? — спросилъ онъ, не называя имени Мигурскаго.

— О какомъ? — спросила Наталья Валенти-

новна.

— Вотъ, — сказалъ Володя и далъ ей прочитать замѣтку. Она прочитала и слегка покраснѣла.

— Уже!.. — вырвалось у нея.

— Такъ что вы этого ожидали?

— Почему вы допрашиваете, Володя?

— Не совсѣмъ для себя. Максимъ Павловичъ сегодня былъ очень обезпокоенъ этимъ. Онъ не понимаетъ и боится, что это сдѣлано по небрежности, безъ вѣдома вашего...

— Нѣтъ, Володя, это не по небрежности. Вы успокойте Максима Павловича. А лучше посоветуйте ему, наконецъ, явиться къ намъ. Я тогда расскажу ему много интереснаго.

Володя поѣхалъ къ Зигзагову и въ точности передалъ ему слова Натальи Валентиновны, Максимъ Павловичъ оживился и сейчасъ же началъ переодѣваться. Черезъ полчаса онъ уже былъ у Натальи Валентиновны.

— Наконецъ-то! Чтобы васъ заманить, нужно чтобъ случилось что-нибудь сказочное.

— Да, вѣдь, это и похоже на сказку.

— Вы могли бы быть въ претензіи за то,

что до сихъ поръ не знали этого. Но вы сами виноваты: больше двухъ недѣль не были у насъ. Такъ вотъ теперь могу сообщить все: я уже не жена Мигурскаго.

— Освободились?

— Да. И это...

— Цѣна?

— А что, вы находите, что моя свобода такой цѣны не стоитъ?

— Полноте. Для вашей свободы нѣтъ цѣны. Но, вѣдь, эта свобода на полчаса...

— Немного больше.

— Да, очень немного.

— Неужели вы не находите разницы?

— Между желѣзными и золотыми цѣпями?

— Хотя бы и такъ.

— Нѣтъ, если рѣчь идетъ о цѣпяхъ, то я нахожу, что и тѣ и другія одинаково крѣпко связываютъ. Вы хотите сказать, что все зависитъ отъ тюремщика?..

— Ну, все равно. Не будемъ говорить объ этомъ. Такъ или иначе, это должно совершиться. Какъ вы могли такъ долго не быть у насъ?

— Это мнѣ стоило большихъ страданій.

Въръте мнѣ. Но у васъ теперь въ домъ поддерживается абсолютная тишина, такъ какъ Левъ Александровичъ пишетъ проектъ русской конституціи...

— Что? Кто это вамъ сказалъ?

— Развѣ вы не видите, что съ моей стороны это только неудачная шутка? Русская конституція, это — неудачная шутка. Но все равно, онъ работаетъ, а я люблю смѣяться и при томъ иначе не умѣю, какъ громко. Не люблю тихаго смѣха. Ахъ, все это чепуха! Просто у меня было уныніе.

— Ну, вотъ, съ уныніемъ-то вы и должны были пріѣхать, чтобы разсѣять его.

— Или заразить имъ васъ?

— Этого не бойтесь. Я никогда не впадаю въ уныніе.

— Я не причисляю васъ къ неунывающимъ россиянамъ.

Но ужъ на этотъ разъ Максимъ Павловичъ остался у Балтовыхъ на весь день. За обѣдомъ онъ встрѣтился съ Львомъ Александровичемъ.

— Мы давно не обѣдали съ вами, — замѣтилъ Левъ Александровичъ.

— Даже съ Наталіей Валентиновной! —
сказалъ Зигзаговъ.

— Да. И это показываетъ, что у васъ были
серьезныя причины.

— Къ сожалѣнію, очень серьезныя. А вы,
Левъ Александровичъ, говорятъ, собираетесь
выступить съ чѣмъ-то такимъ... этакимъ...
необыкновеннымъ...

— Какъ? Говорятъ? Но я рѣшительно ни съ
кѣмъ не говорилъ ни о чемъ подобномъ.

— А міръ все-таки ждетъ.

— Ну, пускай подождетъ... — промолвилъ
Левъ Александровичъ, видимо превращая
разговоръ въ мимолетную шутку и сейчасъ
же заговорилъ о чемъ-то другомъ.

Въ общество давно уже проникли слухи о готовящемся новомъ законѣ по крестьянскому вопросу.

Общество, не только не допущенное къ участию въ дѣлахъ своей страны, но даже лишенное возможности получать свѣдѣнія о ходѣ этихъ дѣлъ, жило сказками.

Подобно голодному, воображеніе котораго всегда рисуетъ ему самыя сытныя и вкусныя блюда, оно при всякихъ слухахъ о готовящихся реформахъ пріурочивало къ нимъ свои, никогда не умиравшія, упованія.

На этотъ разъ фантазія особенно разыгралась оттого, что слухи о реформѣ связывались съ именемъ Балтова, который какъ разъ въ это время занималъ амплуа героя. Его смѣлые шаги въ области финансовой политики давали право рассчитывать на широкій размахъ и въ этомъ вопросѣ. Толковали объ изысканномъ имъ геніальномъ способѣ пріобрѣтенія земли и надѣленія ею крестьянъ. Говорили о томъ, что это будетъ только первый шагъ, за которымъ послѣдуетъ что-то головокружи-

тельное, что реакція дѣлаеть послѣднія
усилія, чтобы сбить съ позиціи новое
свѣтило. Но Балтовъ силенъ и имѣеть всѣ
шансы на побѣду.

И вотъ недѣли за двѣ до праздниковъ вы-
шелъ столь давно ожидавшійся законъ,
долженствовавшій успокоить глухое
волненіе въ деревнѣ.

Законъ былъ ясенъ и простъ. Онъ подтвер-
ждалъ прежнія репрессіи, объявлялъ всякія
надежды эфемерными и вводилъ новыя ка-
ры.

Тогда въ обществѣ, которое ни за что не
хотѣло лишиться имъ же самимъ сочиненны-
хъ надеждъ, стали говорить, что Балтовъ ока-
зался безсильнымъ и реакція побѣдила.

Можеть быть, такія мнѣнія не совсѣмъ са-
мостоятельно зарождались въ обществѣ. Ме-
рещенки тогда сильно размножились и тер-
лись около министерствъ, а въ то же время
ихъ можно было встрѣчать, въ различныхъ
видахъ, и въ гостинныхъ и въ редакціяхъ га-
зетъ. Во всякомъ случаѣ это мнѣніе никто не
опровергъ.

И въ газетахъ появились статьи,

высказывавшія сочувствіе побѣжденному государственному дѣятелю и надежды на то, что его энергія не ослабѣетъ и онъ по прежнему будетъ вести мужественную борьбу съ темными силами реакціи.

Въ такомъ же тонѣ статья появилась и въ той газетѣ, гдѣ работалъ Максимъ Павловичъ. Онъ получилъ газету въ девять часовъ утра на утреннимъ кофе, прочиталъ статью и, быстро одѣвшись, поѣхалъ къ редактору на домъ.

Редакторъ былъ его старый знакомый и хорошо зналъ его способность къ вспышкамъ. Но никогда онъ не видѣлъ его такимъ возмущеннымъ.

— Я только одно хочу установить: заблужденіе это или лицемѣріе? — говорилъ ему Максимъ Павловичъ. — Я признаю оппортунизмъ. Я знаю, что русской газетѣ приходится считаться съ обстоятельствами, защищая свое существованіе; но бываютъ моменты, когда даже существованіе дѣлается преступнымъ.

Редакторъ оказался невиннымъ. Онъ искренно раздѣлялъ мнѣніе о томъ, что Балто-

въ съ своимъ проектомъ былъ съѣденъ реакціей.

— Но если я документально докажу, что онъ-то и есть создатель новаго закона... Вы согласны рисковать?..

Редакторъ былъ человекъ смѣлый. Его газета перебивалась во всякихъ передѣлкахъ.

Максимъ Павловичъ вернулся домой и вызвалъ къ себѣ Володю. — Слушайте, Володя, вы признаете, что гражданскій долгъ иногда становится выше личныхъ отношеній?

— Безусловно, — отвѣтилъ Володя.

— Мы оба многимъ обязаны Льву Александровичу, но народу мы обязаны гораздо больше. Общество заблуждается и мы съ вами должны открыть глаза ему. Разумѣется, это будетъ полный безвозвратный разрывъ съ Львомъ Александровичемъ, а для меня на худой конецъ высылка изъ Петербурга. Но, чертъ возьми, не привыкать стать! Можете вы достать мнѣ копію записки Льва Александровича по-крестьянскому вопросу?

— Не знаю.

— Старайтесь. Общество убѣждено, что его побѣдила реакція, и мы должны установить,

что онъ самъ хуже всякой реакціи. Мой редакторъ согласился рискнуть. Не теряйте времени, Володя. Это нужно дѣлать сейчасъ, по горячему слѣду.

Володя взялся за эту мысль, скрѣпя сердце. Съ одной стороны ему хотѣлось помочь благой цѣли; съ другой же ему приходилось дѣйствовать прямо противъ дяди. У него не было никакого другого способа, кромѣ вѣроломства. Среди чиновниковъ у него не было никакихъ связей. Но для него былъ открытъ кабинетъ дяди.

И вотъ на другой день утромъ, когда Левъ Александровичъ уѣхалъ на службу, Володя вошелъ въ кабинетъ и тщательно пересмотрѣлъ бумаги, какія только были на столѣ и въ незапертыхъ ящикахъ. Онъ нашелъ только ничтожные отрывки, относившіеся къ запискѣ Балтова.

И когда онъ послѣ этой неудачи вышелъ изъ кабинета, то почувствовалъ глубокое облегченіе. Сама судьба помѣшала ему совершить предательство.

Онъ сейчасъ же поѣхалъ къ Зигзагову и сообщилъ ему о своей неудачѣ; и тогда Макси-

ма Павловича осънила мысль.

— Вы будете поражены, Володя. Но я увѣренъ, что лучше этого ничего нельзя придумать. Знаете, къ кому я обращаюсь?

— Не могу представить?

— Къ господину Корещенскому.

— И вы рассчитываете на успѣхъ?

— Безусловно. Падшій ангель... онъ долженъ въ глубинѣ души питать злобу противъ соблазнителя. Къ тому же, вы сами рассказывали о его цинизмѣ. А цинизмъ любитъ рисоваться. Это будетъ для него случай. Однимъ словомъ, я такъ или иначе отыщу его.

И онъ дѣйствительно въ этотъ день настойчиво искалъ Корещенскаго. Онъ поѣхалъ къ нему въ часъ завтрака, но дома не засталъ. Потомъ онъ заѣзжалъ еще нѣсколько разъ и, наконецъ, встрѣтился съ нимъ въ обѣденный часъ.

— Вы? — съ удивленіемъ, и въ то же время съ радостью воскликнулъ Корещенскій.

— Я, я, Алексѣй Алексѣевичъ, къ вамъ по дѣлу, ни въ какомъ случаѣ не требующему свидѣтелей.

— Обѣдали?

— Нѣтъ еще. Даже не завтракалъ, — все ва-
съ разыскивалъ...

— Да, это мудрено. Ну, такъ спустился
внизъ, заберемъ въ отдѣльную комнату и бу-
демъ пировать.

Скоро они были внизу, въ отдѣльномъ ка-
бинетѣ.

— Мы съ вами, Максимъ Павловичъ, ни
разу не повидались, какъ слѣдуетъ, хотя и
живемъ въ одномъ городѣ, — говорилъ
Корещенскій. — Вѣдь были когда-то хороши-
ми пріятелями.

— Многое измѣнилось съ тѣхъ поръ,
Алексѣй Алексѣевичъ, — сказалъ Максимъ
Павловичъ. — Я посидѣлъ немножко въ
тюрьмѣ и, когда вышелъ, не узналъ своего
родного города. Знаете, какъ человѣкъ десят-
ки лѣтъ отсутствовавшій, пріѣзжаетъ на ро-
дину и думаетъ, что заблудился: старые дома
снесены, построены новые въ пять этажей,
бывшія дѣти стали отцами многочисленны-
хъ семействъ, пустоши превратились въ
цвѣтущіе сады, а то и на оборотъ...

— И маленькіе поросята стали большими
свиньями! — добавилъ Корещенскій и

разсмѣялся. — Ну, — милый, обратился онъ къ лакею. Подальъ закуску и иди съ Богомъ; позвонимъ, придешь, а зря не надоѣдай. Я открываю бесѣду, Максимъ Павловичъ, — прибавилъ онъ, когда лакей скрылся.

— Къ этому надо подойти.

— Не подходите, голубчикъ, начинайте прямо.

— Хорошо, я прямо и начну. Вы читаете газеты, слышите отзывы и замѣчанія по поводу новаго закона по крестьянскому вопросу и, конечно, слышали о побѣдѣ реакціи надъ доброжелательными усиліями Льва Александровича Балтова.

— Слышалъ объ этомъ, слышалъ...

— Слышали и дивились?

— Почему вы думаете, что я дивился?

— Потому что помню васъ умнымъ человѣкомъ... И даже вамъ скажу, Алексѣй Алексѣевичъ, что это для меня не тайна. Хитрить не буду. Знаю, что Левъ Александровичъ составилъ записку и эта записка легла въ основу новаго закона и что вы въ ней участія не принимали.

— Да, не принималъ... Это совершенно

вѣрно. Меня отъ этого устранили.

И Максимъ Павловичъ въ послѣднемъ замѣчаніи его разслышалъ какую-то сухую нотку недовольства. Онъ взглядѣлся въ его лицо. Въ немъ было выраженіе сердитаго сарказма.

«Кажется, въ ихъ единеніи что-то раскололось», — подумалъ Максимъ Павловичъ.

— Есть кушанья, которыя Левъ Александровичъ предпочитаетъ кушать одинъ, — продолжалъ Корещенскій. — Это называется; «хлѣбъ соль вмѣстѣ, а табачекъ врозь». А то еще бываютъ такіе мѣшанскіе дома, гдѣ при гостяхъ подаютъ варенье на патокѣ, а когда гости уйдутъ, сами ѣдятъ на сахарѣ...

— Но неужели, Алексѣй Алексѣевичъ, вы жалѣете о томъ, что не участвовали въ дурномъ дѣлѣ? — спросилъ Максимъ Павловичъ.

— Когда человекъ купается въ морѣ дурныхъ дѣлѣ, то лишняя кружка воды... Но, однако, позвольте, Максимъ Павловичъ, сперва установить основную тему разговора. О чемъ мы собственно?

— Именно объ этомъ, Алексѣй Алексѣевичъ. Вы видите передъ собой

человѣка возмущеннаго. Но не смысломъ закона, — къ этому мы привыкли и ничего другого не ждали, — а скверной игрой...

— То-есть?

— Скверной игрой въ прятки.

— Ну, еще чуточку пояснѣй...

— Да чего еще яснѣе? Причемъ тутъ реакція? Реакція, это — спина, за которую прячутся... Развѣ не такъ?

— Совершенно такъ.

— Ну, вотъ. Это только и надо мнѣ отъ васъ слышать. Я то ни одной минуты не заблуждался, но думаете ли вы, что общество должно заблуждаться?

— Оно будетъ заблуждаться. Это его спеціальность. Да и гдѣ вы найдете такихъ смѣльчаковъ, которые вышли бы на площадь и показали пальцемъ куда слѣдуетъ.

— Смѣльчаки найдутся. Но если они окажутся голословными, то это хуже, чѣмъ молчаніе...

— А мы все-таки разговариваемъ съ вами, какъ авгуры. Давайте ка будемъ попрямѣй. Въдь вы, дорогой мой, Максимъ Павловичъ, чего-то отъ меня хотите...

— Да, хочу... Смѣльчакомъ готовъ быть я, но нужно, чтобы у меня въ рукахъ были факты.

— И вы думаете, что я, именно я помогу вамъ достать ихъ?

— Да, я думаю такъ.

— Почему вы такъ думаете?

— По многимъ причинамъ. Прежде всего, я держусь мнѣнія, что человѣкъ въ своей сущности никогда не мѣняется. Обстоятельства могутъ повернуть его всячески, и онъ можетъ казаться и такимъ и инымъ... Но подойди къ нему поближе, раскопай у него въ глубинѣ души и найдешь тамъ неприкосновенной его сущность. Вы именно пошли по обстоятельствамъ. Но сущность ваша сидитъ въ васъ неизменно, она тамъ только притаилась гдѣ-нибудь въ уголкѣ и сидитъ съежившись... Можетъ быть, она спитъ, а, можетъ быть, ей стыдно.

У Корещенскаго какъ-то странно дрогнули углы губъ. — Эхъ, не нужно трогать этого... Коли спитъ, такъ пусть спитъ, а стыдно, такъ пусть прячется.

— Нѣтъ, Алексѣй Алексѣевичъ, мы съ нею

люди свои.

Корещенскій отодвинулъ отъ себя тарелку, поднялся и съ хмурымъ лицомъ нѣсколько разъ медленно прошелся по комнатѣ.

— Ну, — сказалъ онъ, наконецъ, остановившись, — такъ чего же вы отъ меня хотите, Максимъ Павловичъ?

— Помощи.

— Въ какомъ видѣ?

— Въ самомъ натуральномъ. Копію записки Балтова... Вѣдь она у васъ есть?

— Конечно.

— Она мнѣ нужна на двадцать четыре часа.

— Гм... На двадцать четыре часа, только всего... Вы мнѣ испортили аппетитъ.

— О, что вы... Отнесите къ этому спокойнѣе.

— Благодарю васъ за совѣтъ, мой милый. Вы не понимаете, въ какой роли вы являетесь передо мной...

— Змія искусителя?

— Нѣтъ, не змія... О, что змій! Съ зміемъ я справился бы... Справлялся съ крокодилами... Змій есть представитель злого начала... А съ

злымъ началомъ бороться легко. Нѣтъ, тутъ не то. А видите ли, въ послѣднее время, должно быть отъ переутомленія и расшатанности нервовъ, я сталъ впадать въ сантиментализмъ... Меня можно поймать, надо только уловить моментъ. И наше съ вами столкновение подобно тому, какъ если бы человѣкъ, забравшись въ полярныя страны, среди вѣчныхъ снѣговъ и льдовъ, замерзаль и грезились бы ему чудные сны: его прекрасная родина съ зелеными лугами и садами, надъ которыми плыветь чудное теплое солнце... Ахъ, Боже мой, что вы со мной дѣлаете!..

Максимъ Павловичъ смотрѣлъ на этого человѣка и видѣлъ его какъ бы новымъ, по крайней мѣрѣ, въ сравненіи съ тѣмъ, какимъ онъ его представлялъ. Тотъ цинизмъ, который онъ обнаружилъ въ разговорѣ съ Володи, Зигзаговъ понялъ ужъ слишкомъ узко и просто. Тутъ было нѣчто посложнѣе.

Это былъ цинизмъ показной, напущенный на себя человѣкомъ ради самоутѣшенія.

Но въ душѣ у него есть рана, которая болитъ при малѣйшемъ прикосновеніи къ ней.

Тотъ міръ, въ которомъ онъ вращается, не

догадывается объ этой ранѣ и не знаетъ, гдѣ она находится. Поэтому въ томъ мірѣ онъ можетъ безболѣзненно вращаться.

Но вотъ онъ встрѣтился съ человѣкомъ, одно существованіе котораго уже есть прикосновеніе къ его ранѣ, и стонетъ отъ боли.

Корещенскій сѣлъ за круглымъ столомъ, накрытымъ плюшевой скатертью, и подперъ голову рукой.

— Что это съ вами случилось, Алексѣй Алексѣевичъ? — спросилъ Зигзаговъ, желавшій вызвать его на продолженіе разговора.

Корещенскій поднялъ голову и попробовалъ оправиться.

— Нѣтъ, ничего... Минутное малодушіе... Пустяки! Есть пословица; взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ. Платоническая экскурсія въ область добродѣтели... Это, должно быть, случилось съ Адамомъ, когда онъ, выгнанный изъ рая, въ потѣ лица своего снѣдая хлѣбъ свой, иногда невзначай натыкался на изгородь, за которой росли деревья райскія. Стоялъ у изгороди и вздыхалъ, а ар-

хангель грозилъ ему мечомъ. Эхъ, впрочемъ, все пустяки... Итакъ, вы хотите на двадцать четыре часа извлечь изъ меня государственную тайну?

— Тайну государственнаго человѣка... — поправилъ Максимъ Павловичъ.

— Это все равно. У насъ государство отождествляется съ человѣкомъ, который въ данный моментъ держитъ въ рукахъ возжи... Такъ вотъ видите-ли, что я вамъ скажу: во мнѣ сидитъ чертей гораздо больше, чѣмъ ангеловъ... Вы были близки къ тому, чтобы достигнуть вашей цѣли при помощи ангеловъ, но видите, я потрянулъ головой и они отлетѣли. А вотъ, что касается чертей, то черезъ нихъ, я это чувствую, вы скорѣй достигнете цѣли.

— Такъ познакомьте меня съ ними.

— Извольте. Что-жъ. Мы съ вами когда-то сидѣли въ одной тюрьмѣ... Помните, лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, дня четыре, кажется, не больше. Чертей во мнѣ множество, но я представлю вамъ только главнаго. Съ васъ и одного будетъ достаточно, я это предчувствую. Да-съ... Сейчасъ передъ вами былъ изгнанный изъ рая, коему свойственно, стоя у

райскаго забора, проливать сантиментальныя слезы; а теперь передъ вами во весь свой ростъ стоитъ уязвленный чиновникъ-карьеристъ. Любопытно?

— Очень, Алексѣй Алексѣевичъ.

— Извольте. Левъ Александровичъ Балтовъ утвердилъ за мной репутацію рабочей лошади, человѣка неусыпнаго труда. Спитъ полтора часа въ сутки, питается на лету бутербродами... Въ такомъ качествѣ онъ и взялъ меня къ себѣ на подмогу... Тебѣ, молъ, корешки, а мнѣ вершки... Я, положимъ, кротокъ и смиренъ сердцемъ, это что и говорить... Въ прошломъ я былъ изъ тѣхъ, коихъ «изждедутъ и рекутъ всякъ золь глаголь, на вы лжуще»... Но тамъ было еще «мене ради»... Понимаете, тамъ было нѣчто святое, изъ-за чего стоило подставлять спину подъ удары... А здѣсь, позвольте васъ спросить, изъ за чего? Изъ-за одного лишь: изъ-за карьеры. Работать я работаю, ужъ можно сказать, въ поговорку вошелъ, — но и ты, ваше высокопревосходительство, мнѣ поработай. Это единственный правильный служебный принципъ. А вѣдь, я, голубчикъ мой, вотъ уже полгода для его вы-

сокопревосходительства каштаны изъ огня вытаскиваю? И что же? дѣйствительно хвалили, очень даже хвалили. Но какъ только я проявилъ свои щупальцы... Понимаете, есть такіе у всякаго человѣка, — ну съ, такъ вотъ ни въ нѣкоторыхъ вопросахъ, въ коихъ инициатива и разработка принадлежали мнѣ, сдѣлалъ попытку показать что это, молъ, принадлежитъ мнѣ, а его высокопревосходительство здѣсь не при чемъ. Да-съ, такъ стоило мнѣ только показать свои щупальцы, какъ онъ меня сейчасъ же деликатнымъ манеромъ и отодвинулъ въ сторону. Изобрѣлъ онъ нѣкоего чиновника Вергесова. И чуть что показное, выигрышное, сейчасъ онъ Вергесова на сцену, потому что у Вергесова щупальцевъ нѣтъ, или, по крайней мѣрѣ, онъ ихъ еще не считаетъ за благо обнаруживать. И вотъ въ этомъ подломъ дѣлѣ, о которомъ теперь разговоръ идетъ, — они вдвоемъ, запершись въ клѣтъ свою, надъ нимъ работали и Левъ Александровичъ выступилъ безъ меня и помимо меня... Вергесовъ всплываетъ на поверхность. Вергесова онъ держитъ на всякій случай. Онъ звѣздъ съ неба не хватаетъ, но за-

ткнуть его можно куда угодно. Онъ вполне приличень... И вотъ тутъ-то во мнѣ заговорилъ главный чортъ. Такъ мнѣ захотѣлось ему сдѣлать гадость, ему, самому его высокопревосходительству. Ну, вотъ вамъ путь къ вашей цѣли. Будетъ гадость его высокопревосходительству?

— Обязательно.

— Злая, ѣдкая, ядовитая, остроумная, хлесткая, какъ вы умѣете?

— Приложу всѣ способности.

— Не боясь ни огня, ни меча?

— Не привыкать стать.

— А газета?

— Ко всему готова.

— Н-да... А у меня руки чешутся... Чувствительны у насъ стали къ тому, что пишется въ газетахъ... Дѣлаютъ видъ, что презираютъ, а читаютъ въ засосъ и нервничаютъ... Да, хочется, хочется... Неудержимо хочется сдѣлать ему гадость... Подумайте, какъ онъ уменъ! Какъ умѣетъ цѣлую страну держать въ заблужденіи... Но вѣрьте мнѣ, что, какъ только онъ получитъ власть — а онъ получитъ непременно — страна задрожитъ отъ края и

до края... Вѣдь, батюшка мой, какое сердце: стальное!.. Ему рѣшительно все равно до всѣхъ. Идетъ онъ къ возвышенію на всѣхъ парахъ и только одно и видитъ, себя на облацѣхъ небесныхъ, окруженнаго почетомъ и властью... Открыть ему забрало и плюнуть ему въ лицо... Вотъ! Эту драгоцѣнность я ношу съ собой въ карманѣ. Торопитесь взять ее у меня, ибо я теперь въ ражѣ и зажмите крѣпко въ рукѣ и ужъ обратно не давайте. Потому что, вѣдь, черезъ полчаса я начну соображать и взвѣшивать и стану просить васъ вернуть мнѣ... Вотъ кстати сладкое несутъ, скоро разойдемся.

Рѣшительно у него лицо было вдохновенное, когда онъ вынулъ изъ бокового кармана пиджака вчетверо сложенную бумагу и передалъ ее Максиму Павловичу.

Зигзаговъ схватилъ бумагу и поторопился положить ее въ карманѣ. Лакей, вошедши съ сладкимъ блюдомъ, уже не видѣлъ этого жеста.

И тутъ Максимъ Павловичъ началъ торопиться. Сейчасъ же они велѣли принести кофе, ничего больше не пили и черезъ пять ми-

нута уже расплачивались.

«Это побѣда», говорилъ себѣ Максимъ Павловичъ, когда ѣхалъ домой въ извозничьихъ саняхъ; ее надо использовать какъ можно лучше».

Приѣхавъ домой, онъ написалъ записку редактору и тотчасъ отослалъ ее.

«Приготовьте стальной шрифтъ для набора. Завтра будетъ статья. Отъ сего момента до утра буду работать, не смыкая глазъ. Горю божественнымъ огнемъ. Составьте на всякій случай духовное завѣщаніе, я же укладываю чемоданъ для дальняго пути».

И онъ сѣлъ за работу.

Онъ дѣйствительно работаль, не покладая рукъ. Давно уже ему не приходилось писать съ такимъ увлеченіемъ.

Записка Балтова, послужившая основаніемъ для новаго закона, отличалась удивительной опредѣленностью и ясностью. Въ ней даже не было попытокъ уклониться отъ того направленія которое господствовало въ правящихъ сферахъ. Напротивъ, онъ употребилъ весь свой талантъ на изысканіе новыхъ доводовъ и обоснованій для существующаго порядка. И онъ нашелъ ихъ съ той удивительной находчивостью, которую проявлялъ во всемъ.

Очевидно, въ высшихъ сферахъ были сторонники разрѣшенія крестьянскаго вопроса путемъ надѣленія землей, потому что Балтовъ сразу становился на почву полемики съ ними и дѣлалъ это своеобразно и искусно.

Они находили такое надѣленіе единственнымъ справедливымъ разрѣшеніемъ задачи и Балтовъ съ этого начиналъ. Справедливость въ настоящемъ вопросѣ не подлежитъ

спору. Справедливость всегда есть и будеть одна: чтобы по возможности всѣмъ было предоставлено наиболѣе счастливое существованіе. Но политика не знаетъ справедливости, она должна считаться только съ возможностью и выполнимостью.

Далѣе, цѣлымъ рядомъ цифръ, онъ доказывалъ полную возможность и выполнимость надѣленія крестьянъ землей. Свободныхъ земель въ Россіи достаточно и вопросъ могъ бы быть разрѣшенъ въ интересахъ справедливости. Онъ приглашалъ на минуту, вообразить, что все это сдѣлано: крестьяне надѣлены землей въ обиліи. Что дальше?

Дальше поднимается фабричный рабочій, который тоже совершенно справедливо находитъ, что 12–14 часовъ суточной работы является для него крайне обременительнымъ и, требуя для себя справедливости, домогается восьми часового рабочаго дня и, кстати, и увеличенія заработной платы. Требованіе это записка признаетъ безусловно справедливымъ. Восемь часовъ работать для человѣческаго организма предѣль вреднаго усилія, а существующая у насъ заработная

плата слабо прокармливаетъ рабочаго съ семьей.

Опять приглашеніе на минуту вообразить, что эти вполнѣ справедливыя требованія удовлетворены; и на другой день вся русская промышленность находится въ крахѣ. Но пусть они даже не въ крахѣ, а просто справедливость удовлетворена. Что дальше?

Поднимаются ремесленники, которые тоже ставятъ совершенно справедливыя требованія объ улучшеніи своего положенія, вслѣдъ за ними желѣзнодорожные служащіе, затѣмъ прислуга въ частныхъ домахъ, наконецъ чиновники, и всѣ требуютъ справедливости и дѣйствительно справедливости, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія.

Но страна оказывается въ огнѣ, все дезорганизованной промышленность подорвана, законность поколеблена и проч. и проч. Словомъ, картина полного потрясенія.

Въ Россіи жить плохо, въ ней царствуетъ безправіе, невѣжество и бѣдность. Идеаль справедливости, это — свобода, просвѣщеніе и богатство. Это все вѣрно, этого нельзя не признать.

Но попробуйте приподнять уголокъ покрывала, подъ которымъ скрываются эти «чудовища справедливости», какъ они всѣ одно за другимъ высунуть головы съ раскрытыми пастями и сожрутъ ради справедливости всѣ сокровища ума, — науки, искусства, культуру, все, добытое цивилизаціей.

Поэтому не приподымайте уголка покрывала, а тщательно подверните всѣ края его, чтобы не было ни малѣйшей щелочки, чтобы чудовища спали.

Таковъ былъ смыслъ записки Балтова. Составлена она была блестяще, съ богатыми цифровыми данными, съ остроумными ссылками, а выводъ изъ нея былъ ясенъ самъ собой — этимъ выводомъ былъ новый законъ.

Поставивъ послѣднюю точку, Максимъ Павловичъ легъ на диванъ и, не раздѣваясь, заснулъ. Часа въ два онъ уже былъ на ногахъ.

Позавтракавъ, онъ опять сѣлъ за столъ и тщательно пересмотрѣлъ свою статью. Онъ былъ необыкновенно строгимъ судьей своего произведенія. Ему хотѣлось, чтобы въ немъ не было ни одного лишняго слова и чтобы каждое изъ нихъ попадало прямо въ центръ.

Наконецъ, онъ собралъ листы, сложилъ ихъ всѣ вмѣстѣ, свернулъ и положилъ въ карманъ; тогда онъ одѣлся, вышелъ на улицу и поѣхалъ въ редакцію.

Редакторъ былъ уже здѣсь. Хотя статья ему была обѣщана, тѣмъ не менѣе онъ далеко не вполне былъ увѣренъ въ ней. Максимъ Павловичъ былъ человѣкъ настроенія. Нерѣдко идея, которая ему же самому казалась блестящей и захватывала его, вдругъ надоѣдала ему и становилась противной и онъ оставлялъ ее. Но на этотъ разъ ничего подобнаго не случилось.

— Вотъ вамъ. Читайте, — сказалъ Зигзаговъ, вынувъ изъ кармана пачку маленькихъ листковъ, на какихъ онъ обыкновенно писалъ свои статьи.

— Значить, не отмѣнили?

— А вы написали духовное завѣщаніе?

— Да вѣдь не бомба же это.

— Нѣтъ, это бомба, только безъ пороха. Читайте.

И редакторъ читалъ и съ каждой страницей все яснѣе и яснѣе и яснѣе понималъ, что, если и не пора еще составлять духовное

завѣщаніе, то укладываться дѣйствительно надо.

— Вы правы, — сказалъ онъ, — послѣ завтра мы не существуемъ. Но зато мы себя обозначимъ. Статья удивительная, каждое слово — пощечина... Ай-ай, придется ликвидировать дѣла.

— Собираетесь струсить?

— И не подумаю. Вотъ видите, статью отдаю въ наборъ. Позвать ко мнѣ метранпажа!

Пришелъ метранпажъ. — Голубчикъ, вотъ статья, за которую насъ всѣхъ повѣсятъ, такъ ужъ пожалуйста постарайтесь, чтобъ не было ни одной ошибочки. Подобныя вещи должны дѣлаться безошибочно.

Но, сдавъ статью, Максимъ Павловичъ не считалъ себя еще свободнымъ. Онъ вернулся домой и еще посидѣлъ полчаса за письменнымъ столомъ.

Это было письмо Балтову. Онъ считалъ своимъ долгомъ написать его. Вотъ оно:

«Милостивый Государь, Левъ Александровичъ. Въ тотъ моментъ, когда вы читаете это письмо, мы уже враги. Я лично слишкомъ многимъ обязанъ вамъ, чтобы перейти въ это

новое состояніе, не объяснивъ вамъ этого перехода.

Вы, какъ умный и проницательный человекъ, понимаете, что по духу мы всегда были врагами. Но до момента, когда вы приняли первое назначеніе, наше разногласіе могло оставаться въ потенціальномъ состояніи и не становится между нами.

Ко мнѣ вы были добры. Вашъ большой умъ плѣнялъ меня и для меня не было унижительно — пользоваться вашими исключительными услугами: я питалъ къ вамъ „влеченье — родъ недуга“, какое питаю ко всякому выдающемуся человеку.

Но въ тотъ моментъ, когда вы взяли назначеніе, я уже почувствовалъ, что наши отношенія наступаютъ конецъ. Я предвидѣлъ ваше направленіе, и тогда совершенно ясно показалъ вамъ все это.

Вы сковали меня по рукамъ и по ногамъ новой величайшей услугой, — содѣйствіемъ моему освобожденію и, можетъ быть, моей цѣлости. Но бывають обстоятельства, когда человекъ становится въ необходимость разорвать цѣпи благодарности, когда долгъ пора-

бощаетъ въ себѣ челоуѣка со всѣми его частными отношеніями.

Сейчасъ я кончилъ статью, въ которой выступаю вашимъ непримиримымъ врагомъ и вы, прочитавъ ее, почувствуете себя такимъ же по отношенію ко мнѣ. Какъ это ни странно, но именно въ этой статьѣ я проявилъ напряженіе всѣхъ своихъ способностей и чувствую, что она — сильная, что она достойна своего предмета.

Благодарю васъ за все, что вы для меня сдѣлали, и прошу васъ въ дальнѣйшемъ не проявлять по отношенію ко мнѣ никакого великодушія. Максимъ Зигзаговъ».

Затѣмъ Максимъ Павловичъ послалъ за Володей и тотъ сейчасъ же пріѣхалъ.

— Что это у васъ такъ горятъ глаза? — спросилъ Володя, заставшій его за перечитываніемъ письма.

— Прочитайте! — сказалъ Максимъ Павловичъ, указавъ ему на письмо.

Володя прочиталъ. — О чемъ же это?

— Завтра появится статья.

— Вы достали записку? У Корещенскаго?

— Ужъ это останется тайной, Володя. Но

вамъ предстоитъ миссія: это письмо вы должны передать лично вашему дядѣ завтра въ десять часовъ утра.

— Почему въ десять?

— Потому что къ этому времени номеръ газеты будетъ полученъ подписчиками и распроданъ въ розницѣ. Я хочу, чтобъ его прочитало какъ можно больше публики. Понимаете, Володя, — мнѣ кажется, что я въ этой статьѣ израсходовалъ всѣ свои способности и больше никогда ничего сильнаго не напишу.

— Она у васъ?

— Нѣтъ, въ наборѣ. Вы прочитаете ее завтра. Господинъ министръ получаетъ нашу газету. Вы берете на себя миссію..?

— Она неприятна, но я не могу отказаться.

Володя взялъ письмо.

На слѣдующій день среди читателей газетъ можно было замѣтить необыкновенное для столицы движеніе. Въ редакціяхъ, общественныхъ мѣстахъ, конторахъ, въ казенныхъ канцеляріяхъ, всюду только и было рѣчи, что о статьѣ Зигзагова.

Публика была необыкновенно чутка ко всякому свободному слову, которое тѣмъ или

инымъ путемъ проскальзывало въ печати. Малѣйшая удачная обмолвка вызывала разговоры и толкованія.

Зигзаговъ же далъ цѣлую статью смѣлую и важную по своему предмету. Помимо своей цѣли, она была написана увлекательно.

Имя Зигзагова, до тѣхъ поръ пользовавшагося нѣкоторой извѣстностью, вдругъ сразу сдѣлалось большимъ. Его повторяли на всѣхъ перекресткахъ.

Начало статьи заинтриговывало. «Такого то числа, мѣсяца, года, въ россійской столицѣ произошло злодѣяніе, которое совершилъ я. Признаюсь въ этомъ всенародно и не ощущаю ни малѣйшаго угрызенія совѣсти.

Я укралъ тщательно скрываемое отъ глазъ публики произведеніе его высокопревосходительства господина министра Балтова. Это произведеніе есть ничто иное, какъ диссертациія на званіе вершителя судебъ Россіи, каковой постъ въ самомъ близкомъ будущемъ имѣеть быть вакантнымъ.

Мнѣ достовѣрно извѣстно, что защита диссертациіи произошла въ высшемъ государственномъ учрежденіи такого-то числа, о че-

мъ російская публика, очевидно изъ особаго уваженія къ ней была освѣдомлена. Защита была блестящая, министръ удостоенъ искомаго званія и, какъ пробный шаръ, подъ вліяніемъ его идей, на дняхъ вышелъ въ свѣтъ извѣстный всѣмъ законъ о крестьянахъ.

Я чувствую, какъ противъ меня возстала вся Россія. Вѣдь всѣмъ извѣстно, что господинъ министръ Балтовъ есть носитель самихъ благожелательныхъ передовыхъ идей и явился жертвой побѣдившей его реакціи, что онъ наша единственная надежда, и что, не будь его, намъ не на кого было бы надѣяться.

Но я не боюсь возставшей на меня даже цѣлой Россіи, потому что у меня въ рукахъ истина. Истину эту я укралъ, но вѣдь и Прометей въ свое время укралъ божественный огонь, такъ что въ этомъ отношеніи я и не одинокъ.

Я приглашаю всю Россію ознакомиться съ диссертацией господина министра и послѣ того сбросить повязку съ своихъ глазъ и видѣть этого несомнѣнно великаго человѣка въ настоящемъ видѣ.

Кто вамъ сказалъ, что министръ вступалъ въ бой съ реакціей, и что реакція его побѣдила? Самъ господинъ министръ никогда никому не говорилъ этого. Самъ господинъ министръ говоритъ какъ разъ обратное. Вотъ что говоритъ господинъ министръ въ своей диссертациі».

И далѣе шло сжатое и мѣткое изложеніе записки Балтова. По обстановкѣ, по фактамъ, по цифрамъ было совершенно ясно, что авторъ ничего не выдумалъ, что все это не шутка, не литературный пріемъ, а дѣйствительно фактическій матеріаль.

И фигура государственнаго дѣятеля съ каждымъ столбцомъ вырисовывалась все яснѣе и яснѣе, и наконецъ Балтовъ возставалъ передъ публикой совершенно законченнымъ округленнымъ и даже какимъ то властно-холоднымъ реакціонеромъ, отъ котораго Россія могла ожидать только зла.

«Итакъ, возставшая на меня Россія, я вижу, что ты уже положила оружіе. Ты уже сняла съ своихъ глазъ повязку и швырнула ее въ сторону. Ты видишь, что министру Балтову, на котораго ты такъ наивно и довѣрчиво возла-

гала свои упованія, потому что надо же тебѣ, бѣдной, на кого-нибудь уповать, что ему былъ назначенъ экзаменъ и что онъ его выдержалъ блестяще. Онъ получилъ круглыя двѣнадцать и теперь, снявъ съ своей головы забрало, которое скрывало отъ твоихъ глазъ его истинное лицо, вооруженный новой властью, онъ явится достойнымъ продолжателемъ своихъ предшественниковъ.

До сихъ поръ у тебя были тупые и глупые душители, теперь умный тонкій душитель. Сама рѣши, кто лучше и что ты отъ этого выиграешь?»?

Какъ всегда бываетъ, блюстители замѣтили нарушеніе порядка послѣдними. Номеръ газеты со статьей Зигзагова свободно раскупался. Напечатанный въ усиленномъ числѣ экземпляровъ, онъ къ одиннадцати часамъ утра разошелся весь и его уже продавали на улицахъ по увеличенной цѣнѣ.

Володя въ этотъ день проснулся рано. Еще вчера съ вечера онъ былъ разстроенъ и спалъ очень плохо. Въ карманѣ у него лежало письмо, которое онъ былъ долженъ передать дядѣ.

Утромъ онъ первый пришелъ въ столо-

вую, когда всѣ въ домѣ еще спали. Онъ развернулъ газету, въ которой писалъ Максимъ Павловичъ и впился въ статью, не отрывая отъ нея глазъ.

И теперь, послѣ прочтенія статьи, онъ понялъ, какую ужасную задачу взялъ на себя. Какъ на зло, въ этотъ день Левъ Александровичъ спалъ дольше обыкновеннаго. Володя ждалъ его и это ожиданіе измучило его.

Въ половинѣ одиннадцатаго появился Левъ Александровичъ. Онъ былъ разстроены тѣмъ, что такъ поздно всталъ, что случилось съ нимъ чрезвычайно рѣдко. У него немного болѣла голова. Онъ былъ уже одѣтъ, чтобы ѣхать на службу.

Наскоро поздоровавшись съ Володей и Лизаветой Александровной, которая всегда являлась наливать ему кофе, онъ принялся на завтракъ.

Володя понималъ, что свою миссію ему необходимо выполнить сейчасъ же, но присутствіе тетки сильно стѣсняло его. Газеты лежали на столѣ, Левъ Александровичъ не прикоснулся къ нимъ. Ему было некогда.

Быстро допивъ кофе, онъ поднялся.

— Дядя, — сказалъ Володя, — я долженъ передать вамъ письмо.

— Это не особенно спѣшно? Нельзя потомъ? — разсѣянно спросилъ Левъ Александровичъ.

— Нѣтъ, необходимо сейчасъ.

И онъ передалъ ему письмо.

— Я могу прочитать въ дорогѣ? — промолвилъ Балтовъ.

— Да... Но... какъ хотите.

— Отъ кого письмо?

— Отъ Максима Павловича.

Володя случайно взглянулъ на Лизавету Александровну и замѣтилъ, что глаза ея выражали величайшее любопытство.

— Что же тутъ? — нетерпѣливо сказалъ Левъ Александровичъ и быстрымъ движеніемъ разорвалъ конвертъ:— Что такое? въ чемъ дѣло? — спрашивалъ онъ, читая первыя строки и видимо не понимая ихъ настоящаго смысла. — Почему? о чемъ онъ пишетъ?

— Онъ пишетъ о своей статьѣ.

— Какой статьѣ?

— Она помѣщена въ газетѣ сегодня.

— Его статья? Гдѣ же она?

Володя быстро отыскалъ статью и подалъ ее дядѣ. Левъ Александровичъ небрежно прочелъ первыя строки, но затѣмъ внимательно вчитался въ нихъ вторично и, наконецъ, сѣлъ за столъ и погрузился въ чтеніе.

Въ столовой было глубокое молчаніе. Двѣ пары глазъ смотрѣли на Балтова и слѣдили за его движеніями. Володя зналъ все и его интересовала только послѣдовательность событій. А Лизавета Александровна ничего не понимала, но чувствовала, что совершается что-то важное.

Прошло съ четверть часа. Левъ Александровичъ прочиталъ статью до послѣдняго слова, потомъ твердымъ энергичнымъ движеніемъ рукъ сложилъ газету въ нѣсколько разъ и всунулъ ее въ портфель. Выраженіе его глазъ было ледяное.

— Я ѣду въ министерство, — сказалъ онъ, поднявшись. — Мм... впрочемъ, прибавилъ онъ, вынувъ изъ портфеля газету, — пожалуйста, передай это Натальѣ Валентиновнѣ и вотъ это, — и онъ швырнулъ на столъ письмо Зигзагова и, не прибавивъ больше ни слова, быстро ушелъ.

Лизавета Александровна молча проводила его глазами и бросилась къ столу.

— Что онъ сдѣлалъ, этотъ господинъ? — спросила она Володю.

— Написалъ статью о дядѣ, - отвѣтилъ Володя.

— Гнусную? Ну, конечно... Я всегда говорила... Я предостерегала... Покажите письмо, Володя.

— Дядя велѣлъ передать его Натальѣ Валентиновнѣ.

— Я ближе ему, чѣмъ Наталья Валентиновна.

— Я противъ этого не спорю, тетя, — но онъ велѣлъ.

— Володя, мы-же съ вами все-таки свои... Покажите мнѣ письмо.

Володя не находилъ причины отказывать ей, онъ далъ ей письмо.

— Негодяй!.. Я всегда говорила... Я предостерегала... А меня не слушали... Дайте сюда статью...

Она взяла газету и начала читать статью. Но она мало понимала въ ней.

— Такъ онъ, значить, укралъ? воскликну-

ла она.

— Это единственное, что вы поняли, тетя? а вѣдь дѣло-то совсѣмъ не въ этомъ.

— Я понимаю только, что Льву это непріятно, ужасно непріятно... Я это видѣла по его глазамъ...

Володя не хотѣлъ спорить съ нею и ушелъ къ себѣ. У него въ этотъ день были дѣла, но онъ о нихъ и не думалъ. Онъ ходилъ по комнатамъ и все время передъ нимъ носился образъ дяди, какимъ онъ видѣлъ его передъ уходомъ. Выраженіе глазъ его было удивительно. Никогда онъ еще не видѣлъ въ нихъ такого ледяного холода.

И ему казалось, что одинъ этотъ взглядъ рисуетъ передъ нимъ дядю въ новомъ свѣтѣ. Нѣтъ, это не тотъ спокойный и благожелательный человѣкъ, какимъ онъ его себѣ представлялъ. Человѣкъ, у котораго хоть минуту могутъ быть такіе глаза, долженъ быть способенъ на жестокость.

И онъ думалъ о томъ, что какъ разъ теперь надъ Зигзаговымъ, можетъ быть, совершается возмездіе, и не могъ себѣ представить его размѣровъ. Ему хотѣлось поѣхать къ Максиму

Павловичу, онъ даже чувствовалъ, что долженъ быть тамъ въ это время, но онъ былъ связанъ порученіемъ передать письмо и газету Натальѣ Валентиновнѣ.

Да и помимо этого ему хотѣлось видѣть Наталью Валентиновну, такъ какъ для нея вся эта исторія будетъ тяжела. И онъ нетерпѣливо ждалъ, когда она выйдетъ.

И вотъ раздался ея звонокъ. Къ ней въ спальню побѣжала горничная. Онъ вышелъ, чтобъ встрѣтить ее и спросить, скоро ли выйдетъ Наталья Валентиновна.

— Имъ нездоровится. Они приказали кофе принести въ спальню.

Тогда онъ счелъ себя развязаннымъ отъ тяжелаго порученія. Онъ запечаталъ газету и письмо въ конвертъ и отдалъ его горничной.

— Когда Наталья Валентиновна встанетъ, передайте ей! — сказалъ онъ и, одѣвшись, вышелъ на улицу.

XXIII

Было уже около часу, когда онъ пріѣхалъ на квартиру Максима Павловича. Онъ не засталъ его. Тогда онъ направился въ редакцію.

Тамъ онъ нашелъ смятеніе. Послѣ конфискаціи оставшихся номеровъ, редакторъ былъ вызванъ по начальству и вернувшись объявилъ, что газета пріостанавливается на полгода. Но никто не былъ арестованъ, всѣ были невредимы.

Максимъ Павловичъ былъ здѣсь. И у него былъ торжественный видъ. Множество лицъ, знакомыхъ и незнакомыхъ, прибѣгали въ редакцію, отыскивали его, поздравляли и жали ему руку.

Володю онъ встрѣтилъ привѣтливо и сейчасъ же потащилъ его въ отдѣльную комнату.

— Ну, что? передали? — спрашивалъ онъ о своемъ письмѣ. Володя разсказалъ все, какъ было.

— А Наталья Валентиновна?

— Я не видалъ ее сегодня. Я оставилъ для нея статью и ваше письмо къ дядѣ въ кон-

вертъ.

— А! вотъ о ней-то я и хотѣлъ больше всего знать.

— Но васъ не взяли, Максимъ Павловичъ! Впрочемъ, я думаю, что дядя этого и не позволитъ.

— Почему вы такъ думаете?

— Потому что это была бы мелочная месть, недостойная его.

— Ну, хорошо, вы, когда встрѣтитесь съ нимъ, спросите, считаетъ ли онъ это для себя достойнымъ?

Говорить долго съ Максимомъ Павловичемъ ему не пришлось. Зигзагова буквально рвали на части. У него оказалось поклонниковъ и почитателей бездна.

Вся редакція имѣла какой-то праздничный видъ. Не было вовсе впечатлѣнія катастрофы. Въ сущности, никакихъ другихъ послѣдствій нельзя было ждать. Редакція была приготовлена къ погрому.

Удивлялись только чрезвычайной снисходительности, благодаря которой до сихъ поръ лично никого не задержали.

Володя скоро ушелъ. Что-то влекло его

провѣдать Корещенскаго. «Надо посмотрѣть на его лицо!»! сказалъ онъ себѣ.

Онъ пошелъ не въ гостиницу, а въ министерство. Тамъ уже всѣ знали о статьѣ и читали ее. На лицахъ у чиновниковъ были ужасъ и негодованіе.

Корещенскій принялъ его, но успѣлъ сказать всего лишь нѣсколько словъ.

— Вы читали статью Максима Павловича? — спросилъ его Володя.

— Читалъ. Изумительная по ѣдкости статья.

— Что его ожидаетъ?

— Отъ меня ничто. А отъ другихъ, не знаю.

— Думаете-ли вы, что дядя допуститъ суровыя мѣры?

— Думаю ли я? А зачѣмъ вамъ знать, что я думаю? Чиновникъ долженъ думать о дѣлахъ своего вѣдомства. А это дѣло принадлежитъ къ вѣдомству полиціи. Значитъ, тамъ объ этомъ и думаютъ.

Звонокъ оторвалъ его отъ разговоровъ: его призвали къ телефону. Говорилъ самъ Левъ Александровичъ.

— Ну, вотъ видите, — сказалъ Корещенскій

Володѣ, - некогда говорить съ вами. Самъ Левъ Александровичъ зоветъ меня къ себѣ.

И они разстались. Помѣщеніе, которое занималъ въ министерствѣ Левъ Александровичъ, было довольно далеко отъ кабинета Корещенскаго, хотя и въ томъ же зданіи. Нужно было пройти длинный корридоръ, потомъ опять рядъ комнатъ. Корещенскій все это продѣлалъ, и вошелъ въ кабинетъ очень мрачнаго стіля. Левъ Александровичъ былъ одинъ.

— Вы, конечно, читали статью Зигзагова? — прямо спросилъ его Балтовъ.

— Да, я читаю все, что онъ пишетъ, — отвѣтилъ Корещенскій.

— Что вы объ этомъ думаете?

— Статья удивительная по смѣлости.

— Какимъ образомъ въ его руки могла попасть записка? Она была разослана только опредѣленнымъ лицамъ.

— Опредѣленные лица — весьма неопредѣленное понятіе, Левъ Александровичъ. Развѣ вы думаете, что среди нихъ все исключительно ваши друзья?

— Я этого не думаю. Но въ этомъ кругу не

принято отдавать подобныя вещи для пользованія. Вамъ, вѣроятно, это тоже извѣстно, Алексѣй Алексѣевичъ. Господинъ Зигзаговъ ставитъ меня въ непріятное положеніе — не противодѣйствовать тѣмъ мѣрамъ, какія будутъ приняты противъ него. Но я собственно не за этимъ обезпокоилъ васъ, Алексѣй Алексѣевичъ. Не знаю, извѣстенъ ли вамъ мой взглядъ на это дѣло. Я держусь мнѣнія, что разъ у насъ не существуетъ представительнаго образа правленія, то за всѣ мѣропріятія отвѣчаемъ мы, а не общество. И слѣдовательно, общество должно знать только то, что мы по нашимъ соображеніямъ находимъ нужнымъ сообщить ему. Моя записка, какъ вы знаете, не предназначалась для подобныхъ сообщеній. Кто-то совершилъ нескромность — это дѣло его совѣсти. Но я не вижу никакой надобности расписываться подъ тѣмъ, что угодно было высказать господину Зигзагову. Вы понимаете мою мысль, Алексѣй Алексѣевичъ?

— Насколько я понимаю, вы, Левъ Александровичъ, желаете опроверженія?

— Совершенно вѣрно. Необходимо утвер-

дительно заявить, что свѣдѣнія, сообщенныя въ статью Зигзагова, несоотвѣтствуютъ истинѣ. Вы, конечно, этого взгляда не раздѣляете.

— Не то, что не раздѣляю, боюсь, что мы не имѣемъ возможности сдѣлать такое заявленіе.

— Почему мы не имѣемъ возможности?

— Потому что записка ваша имѣется у многихъ лицъ, и не на всѣхъ въ одинаковой степени вы можете положиться.

— Да, это доказано уже передачей записки Зигзагову. Но никто не рѣшится открыто выступить измѣнникомъ. Подобныя вещи дѣлаются изъ подъ полы, а на это мы можемъ не обращать вниманія.

— Если вы желаете, я это сдѣлаю.

— Да, я прошу васъ.

— Больше ничего, Левъ Александровичъ?

— Сейчасъ ничего не имѣю. Ахъ виновать.

Хотя этого нельзя было предвидѣть, но это можетъ произвести дурное впечатлѣніе, что чуть не наканунѣ опубликованія своей статьи, авторъ ея обѣдалъ съ такимъ официальнымъ лицомъ, какъ вы... Вы не на-

ходите, что это неловко?

Корещенскій въ упоръ посмотрѣлъ на него.

— Можетъ показаться еще болѣе страннымъ, что авторъ статьи былъ принятъ въ вашемъ домѣ, какъ свой человѣкъ, и еще болѣе — недавно освобожденъ изъ тюрьмы подъ вашимъ вліяніемъ.

— Во первыхъ, у меня въ домѣ, а не въ ресторанѣ, а во вторыхъ, я не просилъ о его освобожденіи. Вообще, это общее наше несчастье, эта давняя дружба съ Зигзаговымъ.

«Значить, за мной уже учрежденъ тайный надзоръ, — думалъ Корещенскій, возвращаясь къ себѣ. — Не пора ли и мнѣ укладывать чемоданъ и отыскивать себѣ мѣстожителство?»

Но онъ въ точности исполнилъ порученіе Балтова и составилъ опроверженіе въ томъ смыслѣ, какъ тотъ говорилъ. Для него однако было ясно, что Левъ Александровичъ нисколько не заблуждается. Если онъ знаетъ объ обѣдѣ его съ Зигзаговымъ и придаетъ этому значеніе, то, значить, догадывается и о передачѣ ему записки.

Вообще для него было совершенно ясно, что Балтовъ ему уже не довѣряетъ.

Отъ Корещенскаго Володя отправился домой. Онъ хотѣлъ видѣть Наталью Валентиновну. Онъ нашель ее въ будуарѣ. Лицо ея было очень блѣдно.

— Вы, Володя? Объясните мнѣ, что все это значить? Какъ могло все это случиться?

— Это случилось, Наталья Валентиновна.

— Но почему? Зачѣмъ? Для чего это понадобилось Максиму Павловичу?

— Наталья Валентиновна, мнѣ очень трудно отвѣтить на этотъ вопросъ.

— Нѣтъ, я прошу васъ. Вы должны сказать мнѣ все, что думаете. Почему онъ нашель нужнымъ сдѣлать это?

— Но какъ почему? Онъ писатель. Въ сущности, это былъ его долгъ... Вѣдь ясно же, что онъ написалъ правду...

— Можетъ быть, можетъ быть... Я въ этомъ такъ мало понимаю. Но если ужъ это было необходимо, развѣ не могъ это сдѣлать ктонибудь другой? Зачѣмъ Максиму Павловичу вмѣшиваться въ политику, къ которой онъ въ сущности равнодушенъ?

— Нѣтъ, Наталья Валентиновна, это вовсе не политика. — Это — извините меня... Я говорю о своемъ дядѣ... Это просто обманъ.

— Вы тоже такъ думаете, Володя?

— Я убѣжденъ въ этомъ.

— Нѣтъ, не можетъ быть... Я теряюсь. Я не могу такъ думать... Я всегда думала, что сильному человѣку не надо прибѣгать къ обману. А вѣдь Левъ Александровичъ сильный.

— Да, но онъ дѣйствуетъ въ такой средѣ, гдѣ нужна не сила, а что-то другое.

— Не понимаю, не понимаю... Что же теперь съ Максимомъ Павловичемъ?

— Пока ничего. Я видѣлъ его два часа тому назадъ. Газетъ конецъ, ее завтра закроютъ. А онъ на свободѣ.

— О, еще бы! Я увѣрена, что Левъ Александровичъ не допуститъ сдѣлать ему вредъ.

— Я въ этомъ нисколько не увѣренъ, Наталья Валентиновна. У дяди были такіе холодные глаза, какихъ я никогда не видалъ еще у человѣка.

Изъ передней послышался звонокъ. Вошелъ лакей и принесъ письмо.

— Это мнѣ? — спросила Наталья Валенти-

новна.

— Нѣтъ, это имъ.

Оказалось, что письмо было Володѣ. Онъ распечаталъ и увидѣлъ внизу подпись редактора закрытой газеты.

«Только что Максима Павловича арестовали. Сообщаю вамъ это, по его просьбѣ, которую онъ успѣлъ мнѣ высказать».

Володя отдалъ письмо Натальѣ Валентиновнѣ. — Вотъ вамъ и опроверженіе, — прибавилъ онъ.

Наталья Валентиновна на это не сказала ни слова. Она была подавлена всѣмъ происшедшимъ, а послѣднее извѣстіе какъ бы доказало ее.

Въ семь часовъ пріѣхалъ Левъ Александровичъ. Онъ прошелъ прямо къ себѣ въ кабинетъ и черезъ нѣсколько минутъ вышелъ оттуда въ пиджакѣ. Онъ не любилъ дома оставаться въ мундирѣ.

Ни въ лицѣ его, ни въ походкѣ, ни въ голосѣ, не было никакихъ признаковъ волненія. Онъ даже улыбался, когда здоровался съ Натальей Валентиновной. — Отчего ты такая блѣдная сегодня? — спросилъ онъ,

цѣлуя ея руку.

Она взглянула на него вопросительнымъ, глубоко непонимающимъ взглядомъ. Володи здѣсь не было, они были вдвоемъ.

— Ты спрашиваешь? — промолвила она.

— Неужели на тебя такъ подѣйствовала эта неприятная исторія съ статьей? Но увѣрю тебя, что я пережилъ это довольно спокойно. Если въ первую минуту я возмутился, то лишь съ точки зрѣнія отношенія къ людямъ. Я давно началъ сомнѣваться въ томъ, что къ нимъ стоитъ относиться искренно и доброжелательно. И во мнѣ всегда что-то возмущается, когда они своимъ поведеніемъ подтверждаютъ эти сомнѣнія.

— Скажи мнѣ, Левъ Александровичъ, то, что онъ написалъ, правда или ложь? Но только скажи мнѣ правду, это совершенно необходимо.

Левъ Александровичъ пытливо посмотрѣлъ ей въ глаза, прежде чѣмъ отвѣтитъ.

— Видишь-ли, что я тебѣ на это скажу, — промолвилъ онъ:— вотъ этотъ пиджакъ, который на мнѣ — есть пиджакъ, и онъ предна-

значень для того, чтобы его носить. Не такъ ли? И когда я его ношу, то этому никто не удивляется, и всякій скажетъ, что я правъ, нося свой пиджакъ. Но завтра этотъ пиджакъ украдетъ какой-нибудь посторонній человѣкъ и, если онъ станетъ его носить, то мы скажемъ, что онъ не правъ, нося этотъ пиджакъ, хотя все таки останется истиной, что пиджакъ есть пиджакъ и предназначенъ для того, чтобы его носить.

— Это для меня слишкомъ не просто, Левъ Александровичъ, — возразила Наталья Валентиновна: — если бы ты могъ отвѣтить прямо.

— Потомъ прямой отвѣтъ самъ собой явится. Это только сравненіе. Я составилъ записку и предназначилъ ее для извѣстной цѣли. Записка эта моя собственность и я имѣю право предназначить ее для какой мнѣ угодно цѣли. Никто, а въ томъ числѣ и Зигзаговъ, не посвященъ въ мои планы. Но если бы я хотѣлъ, чтобы Зигзаговъ такъ или иначе воспользовался моей запиской, я далъ бы ему ее. Но я этого не сдѣлалъ. Значитъ, я не далъ ему права пользоваться ею. Онъ пишетъ, что укралъ ее, и публика понимаетъ, что это только ли-

тературный приемъ, но это не приемъ: онъ дѣйствительно укралъ ее, какъ могъ бы украсть и мой пиджакъ. Слѣдовательно, какъ бы онъ ею не воспользовался, все равно, онъ воспользовался краденой вещью, а значитъ въ основаніи его поступка лежитъ ложь.

Изъ всего этого объясненія Натальѣ Валентиновнѣ стало ясно, что все, сказанное Максимомъ Павловичемъ о запискѣ, было правда и она больше не добивалась отъ Льва Александровича прямого отвѣта.

— Скажи мнѣ еще, — промолвила она:— я не одобряю его поступка, — но развѣ это такое преступленіе, чтобы сажать въ тюрьму?

— Кто сказалъ тебѣ, что его посадили въ тюрьму?

— Я знаю.

— Значитъ, ты знаешь больше, чѣмъ я... Тебя извѣстили?

— Да.

— Корещенскій?

— Нѣтъ, редакторъ прислалъ Володѣ записку — по просьбѣ Максима Павловича — о томъ, что онъ арестованъ.

— Возможно. Это въ порядкѣ вещей.

— Я думала, ты не допустишь, чтобы человекъ былъ арестованъ за то, что высказалъ о тебѣ неодобрительное мнѣніе. Зигзаговъ не правъ въ своемъ отношеніи къ тебѣ, я это повторяю, но это частное дѣло. Мы часто бываемъ неправы по отношенію другъ къ другу, но за это не сажаютъ въ тюрьму.

— Это мнѣніе не обо мнѣ, а о государственномъ дѣятелѣ. По всей вѣроятности, это требуетъ ареста, но вѣдь ты знаешь, что это зависитъ не отъ меня.

— Ты помогъ ему освободиться отъ серьезнаго процесса...

— Да, и результатомъ этого было то, что онъ — извини пожалуйста — подложилъ мнѣ свинью... И вотъ что, Наташа, ты знаешь, что я для тебя многое способенъ сдѣлать даже противъ себя, но и ты должна щадить меня. И это мнѣ будетъ большимъ облегченіемъ, если мнѣ не будетъ нужно теперь хлопотать въ пользу Зигзагова. Ты должна понимать, что мнѣ вовсе не свойственно чувство мести, но я не могу способствовать дезорганизаціи общества, въ особенности въ виду нѣкоторыхъ обстоятельствъ...

— Тебѣ предложили тотъ постъ, о которомъ онъ пишетъ.

— Онъ мнѣ не предложенъ, но...

— Но онъ тебѣ достанется?

— При нѣкоторой логичности — да. Могутъ сдѣлать еще одну ошибку, но это будетъ только кратковременной отсрочкой. Я говорю это тебѣ, Наташа, только тебѣ: что внѣ меня нѣтъ выхода. И потому мы обязаны отдалять отъ себя всѣ предметы, могущіе бросить хотя бы тончайшую тѣнь. Пойдемъ обѣдать, Наташа.

Во время обѣда всѣмъ было тяжело. О Зигзаговѣ ни было сказано ни слова. Володя упорно молчалъ, а Левъ Александровичъ не смотрѣлъ на него.

Наталья Валентиновна замкнулась въ себя и щеки ея еще больше поблѣднѣли. Лизавета Александровна отъ внутренняго волненія стучала тарелками.

Только Левъ Александровичъ говорилъ, но и то было видно, что онъ, чувствуя общее настроеніе, избобрѣталъ темы, и голосъ его раздавался съ какимъ-то безнадежнымъ одиночествомъ.

Послѣ объѣда всѣ разошлись по своимъ комнатамъ. Наталья Валентиновна, сидѣвшая одиноко въ будуарѣ, слышала, какъ черезъ гостинную точно проплыла какая-то тѣнь. Она почему-то подумала, что это Лизавета Александровна пошла въ кабинетъ.

И въ самомъ дѣлѣ это такъ и было. Лизавета Алекоандровна вошла въ кабинетъ и осторожно притворила за собой дверь.

— Ты отдыхаешь? — спросила она, видя, что Левъ Александровичъ сидитъ въ креслѣ, прислонившись къ спинкѣ его и закинувъ назадъ голову.

— А что?

— Видишь ли, Левъ, я читала эту статью и... И письмо. Я вижу, что онъ, этотъ человѣкъ, сдѣлалъ противъ тебя гадость, но я не понимаю, что именно. Я въ этихъ дѣлахъ такъ мало смыслю.

— Я не въ состояніи тебѣ объяснить это, Лиза, — суховатымъ тономъ сказалъ Левъ Александровичъ:— это надо понимать, а объяснить нельзя.

— Но это очень вредно для тебя?

— Ничего подобнаго. Для меня въ этомъ

нѣтъ ничего вреднаго. И если хочешь знать правду, то даже полезно.

— Да? Въ самомъ дѣлѣ?

— Въ самомъ дѣлѣ, Лиза... Видишь ли, это часто бываетъ, что враги наши, желая принести намъ зло, приносятъ намъ выгоду.

— Я беспокоюсь, Левъ. Но если это такъ, то...

— Да, да, Лиза, ты успокойся, это такъ. Конечно, я не пошлю ему благодарственный адресъ. Но я могу даже сказать тебѣ: никогда я не получалъ такихъ доказательствъ довѣрія, какъ именно послѣ этой статьи. Довольно съ тебя?

— О, да! — съ замѣтно прояснившимся лицомъ воскликнула Лизавета Александровна и оставила его отдыхать.

Но онъ оставался въ домѣ еще не болѣе четверти часа. Онъ опять облачился въ официальную одежду, забѣжалъ къ Натальѣ Валентиновнѣ, поцѣловалъ ея руки и сказалъ, что у него сегодня цѣлая куча дѣлъ, и что онъ вернется поздно.

Когда онъ ушелъ, Наталья Валентиновнѣ стало еще тяжелѣй. У ней явилось странное

чувство, какъ будто въ этомъ домѣ, на ея спиной дѣлается что-то такое, чего она не знаетъ, и главное — хотятъ, чтобы она не знала.

О чемъ, напримѣръ, Левъ Александровичъ могъ въ продолженіе десяти минутъ говорить съ своей сестрой при закрытыхъ дверяхъ? У нихъ нѣтъ ровно ничего общаго. А между тѣмъ она прошла къ нему и вышла отъ него на цыпочкахъ, неслышными шагами.

Почему Левъ Александровичъ такъ спокоенъ, когда статья Зигзагова причинила ему большую непріятность? Значить, случилось что-нибудь такое, что загладило эту непріятность.

Вдругъ она вспомнила что Максимъ Павловичъ въ тюрьмѣ. Быстро она отправилась къ комнатѣ Володи и постучалась.

— Войдите, — сказалъ Володя.

Она вошла и сейчасъ же опустилась на диванъ. Она измучилась одинокимъ сидѣньемъ у себя въ будуарѣ и чувствовала слабость.

— Окажите мнѣ услугу, Володя. Узнайте гдѣ нибудь, куда увезли Максима Павловича и что ему грозитъ?

— Теперь? — спросилъ Володя, взглянулъ на часы. Было уже около девяти.

— Если можно...

— Я попробую. Можетъ быть, редакторъ знаетъ.

— Я буду вамъ очень благодарна, Володя.

— Что же вы съ этимъ сдѣлаете, Наталья Валентиновна? Вѣдь вы не можете посѣтить его.

— Я не знаю, что я могу. Но мнѣ бываетъ ужасно больно, когда на этого человѣка обрушиваются грубыя невзгоды... У него такая нѣжная и хрупкая душа. Онъ неправъ, неправъ, а все-таки... Узнайте, Володя.

Володя сейчасъ же всталъ и пошелъ въ переднюю одѣваться. Онъ направился въ редакцію.

Тамъ не было никого и никакой работы. У сторожа онъ узналъ, что редакторъ живетъ въ томъ же домѣ, только по другой лѣстницѣ. Онъ вошелъ къ нему, но ничего не узналъ.

— Самъ ничего не могу добиться. Если узнаете, пожалуйста сообщите и мнѣ.

Володѣ оставалось одно: обратиться къ Корещенскому. Онъ такъ и сдѣлалъ и тутъ ему

было больше удачи. Неожиданно онъ засталъ его дома.

Алексѣй Алексѣевичъ былъ мраченъ; онъ ничего не зналъ относительно мѣстопробыванія Зигазгова, но онъ былъ любезенъ, отправился внизъ и позвонилъ куда-то въ телефонъ. Черезъ пять минутъ онъ вернулся и сообщилъ, что Максимъ Павловичъ въ предварительномъ заключеніи.

— А что ему грозитъ? — спросилъ Володя.

— Этого тамъ не знаютъ. Но я думаю, что его вышлютъ куда-нибудь подальше.

— Не на родину?

— Это было бы для него удовольствіе, а въ такихъ случаяхъ не стараются доставить удовольствіе! — сказалъ Корещенскій.

Володя вернулся домой и сообщилъ Натальѣ Валентиновнѣ добытыя имъ свѣдѣнія.

XXIV

Все то, что происходило въ эти дни, какъ-то страннымъ образомъ вліяло на душу Натальи Валентиновны.

Она походила на человѣка, спокойно прожившаго много лѣтъ въ домѣ и вдругъ узнавшаго, что подъ поломъ этого дома давнымъ давно уже живетъ гнѣздо ядовитыхъ змѣй и ужасъ сковываетъ его при мысли объ опасности, какая грозила ему каждую минуту въ прошломъ.

Наталья Валентиновна принадлежала къ людямъ, не способнымъ вникать въ сущность того или много направленія и активно примыкать къ той или другой партіи. Она умѣла только чувствовать правду и симпатизировать.

Левъ Александровичъ въ ея глазахъ не принадлежалъ ни къ какой партіи. Для нея это былъ человѣкъ сильный умомъ и волей, самъ создавшій все для себя, вонъ изъ ряда выходящій по сравненію съ людьми, которые попадались ей въ жизни.

Люди, которыхъ онъ считалъ своими дру-

зьями, были симпатичны. Въ отношеніи къ нимъ онъ проявлялъ себя мягкимъ, добрымъ, благожелательнымъ.

Зигзаговъ же причислялъ себя къ борющейся партіи и онъ несомнѣнно принадлежалъ къ ней, потому что вмѣстѣ съ другими терпѣлъ гоненія и лишенія. То его, хотя и не надолго, сажали въ тюрьму, то высылали въ дальнія мѣста, то запрещали ему писать, то грозили ему участіемъ въ серьезномъ процессѣ съ серьезной карой.

Но она не вникала глубоко въ сущность его направленія, а только чувствовала, что въ этой сторонѣ его жизни есть правда, что онъ это дѣлаетъ безкорыстно, не для себя, а для чего то высшаго. И это вызывало въ ней симпатію.

Теперь она вдругъ почувствовала себя въ глубокомъ затрудненіи. Съ одной стороны — человекъ, котораго она любитъ и потому отдаетъ себя и свою жизнь, съ другой же, въ лицѣ Максима Павловича, правда, къ которой всегда лежало ея сердце.

И эти люди вдругъ стали врагами, и, какъ можно судить, уже непримиримыми.

Разобраться во всем случившемся ей было очень трудно. Она внимательно читала статью Максима Павловича и понимала въ ней все и, какъ читательница, она увлекалась блескомъ его таланта, заражалась его ядовитостью и готова была рукоплескать ему.

Но вдругъ въ головѣ ея являлась мысль:— это политика, это борьба, они люди различныхъ партій. Я въ этомъ слишкомъ мало понимаю, чтобы судить безошибочно.

Но, помимо этого, въ лицѣ Зигзагова она потеряла человѣка, къ которому питала какую-то трогательную, почти нѣжную дружбу. Это была уже серьезная потеря, которую она явственно ощущала.

Всегда судьба этого человѣка ее заботила, всегда она готова была отдать многое, чтобы помочь ему и выручить его. И вотъ теперь никто не знаетъ, что грозитъ ему.

На слѣдующій день она почувствовала мучительную тревогу. Нельзя сидѣть спокойно, не зная, что дѣлается съ человѣкомъ, которому нѣсколько дней тому назадъ дружески пожималъ руку.

Но вѣдь она знаетъ, что и онъ питаетъ къ

ней самая искренняя чувства, и была уверена, что и теперь не смотря на то, что онъ такъ рѣшительно объявилъ войну Льву Александровичу, по отношенію къ ней онъ остался тѣмъ же.

И она представляла его себѣ въ тюрьмѣ, одинокимъ, заброшеннымъ, лишеннымъ свѣта и воздуха, что онъ такъ всегда любилъ, покинутого друзьями... И ей стало стыдно за то, что она сидитъ дома и ничего ради него не предпринимаетъ.

Льва Александровича она увидѣла только за обѣдомъ. И онъ поразилъ ее своимъ настроеніемъ. Даже въ обычное время, когда все шло исправно, онъ рѣдко бывалъ такимъ.

Какая-то бьющая ключемъ живость, проявлявшаяся въ говорливости, веселости, остроуміи. Казалось, онъ не могъ удержать въ себѣ слова — и это онъ, всегда такой сдержанный и уравновѣженный.

Она только слушала его и, думала о томъ, чтобы въ глазахъ ея не выразилось удивленіе.

Послѣ обѣда онъ по обыкновенію съ полчасидѣлъ въ ея будуарѣ. Тутъ она спросила

его.

— Отчего это ты сегодня такъ возбужденъ? Ты чѣмъ-то очень доволенъ. Это рѣдко бываетъ съ тобой.

— Все идетъ хорошо, прямо къ цѣли, Наташа... Человѣкъ бываетъ доволенъ, когда видитъ результаты своей работы, когда онъ можетъ ихъ осязать... А мои пальцы начинаютъ ихъ чувствовать...

— Я вѣдь ничего этого не знаю, Левъ Александровичъ.

— Да, ты не знаешь, это правда. Я странный человѣкъ. Я до такой степени люблю дѣйствовать на свой единоличный рискъ и страхъ, что даже самому близкому человѣку какъ будто боюсь отдать хоть каплю изъ нихъ. Я люблю сообщать только результаты.

— Я не хочу нарушать твою привычку, я только говорю, что не знаю, чтобы ты не удивлялся, если видишь съ моей стороны мало сочувствія.

— Скоро первое января, Наташа, тогда все узнаешь... Я только говорю тебѣ, что все идетъ, какъ я хочу.

— Ты уже уѣзжаешь?

— Да, мнѣ пора. Теперь, въ концѣ года, у насъ идетъ бѣшенная работа.

— Погоди минуту... Ты знаешь, гдѣ содержится Зигзаговъ? Въ предварительномъ...

— А тебѣ развѣ сообщили?..

— Къ сожалѣнію, ты и въ этомъ примѣняешь свой «страхъ и рискъ» и я принуждена узнавать это отъ другихъ. Володя спросилъ Корещенскаго, а онъ у кого-то узналъ по телефону. Но ты знаешь, что его ожидаетъ?

— Я объ этомъ не думалъ.

— Я хотѣла бы, чтобы ты объ этомъ подумалъ, Левъ Александровичъ.

— А ты меня удивляешь, Наташа... Я, конечно, не злопамятенъ... Но Зигзаговъ явно сталъ моимъ врагомъ. А ты болѣешь о немъ, какъ о другѣ.

— Да, потому что я не чувствую его своимъ врагомъ. Онъ врагъ твоей политики. Если бы вы когда нибудь встрѣтились, какъ частные люди, вы пожали бы другъ другу руки... Ты вѣроятно будешь сердиться, но я все таки прошу тебя, если его ожидаетъ что нибудь тяжелое, отведи отъ него.

— Я могу сказать тебѣ прямо, Наташа. сейчасъ я для Зигзагова пальцемъ не двину. Что съ нимъ сдѣлають, я не знаю и не могу знать, или скорѣе не долженъ. По всей вѣроятности, его вышлютъ куда нибудь не въ особенно пріятныя мѣста. Вообще, я не думаю, чтобы его ожидало что нибудь утѣшительное. Но послѣ перваго января, разумѣется, если я не ошибусь въ своихъ расчетахъ, я сдѣлаю для него гораздо больше, чѣмъ ты думаешь. Тогда я никого не буду долженъ просить объ этомъ. Тогда будетъ достаточно мнѣ мигнуть глазомъ... Довольно съ тебя?

— О, да... Этого совершенно достаточно. Но я хотѣла бы еще одно: повидаться съ нимъ.

— Зачѣмъ?

— Чтобъ сказать ему это.

— Гм... Да, пожалуй... Это не будетъ лишнее. При томъ же теперь, пока ты еще не носишь мою фамилію, ты можешь это сдѣлать. Это ничему не помѣшаетъ, если онъ будетъ знать, что мы съ тобой великодушнѣе, чѣмъ онъ; но этого нельзя сдѣлать черезъ меня.

— Черезъ кого же?

— Да самое лучшее — ты позови къ себѣ

Корещенскаго. Онъ это устроить тебѣ.

— Ты его увидишь сегодня?

— По всей вѣроятности. Но все-таки ты позови его помимо меня. Я не долженъ даже косвеннымъ образомъ вмѣшиваться въ это. И вообще обо мнѣ по этому поводу съ Корещенскимъ ни слова... И кромѣ того, Наташа, ты какъ нибудь обойдись безъ записки. Самое лучшее — пусть сдѣлаетъ это Володя. Они вѣдь пріятели, — прибавилъ онъ съ иронической усмѣшкой. — Корещенскій принимаетъ Володю даже въ Министерствѣ. — Когда приходится переходить черезъ пропасть по тоненькой жердочкѣ, перекинутой черезъ нее, надо быть очень осторожнымъ.

Володя пошелъ къ Корещенскому на другой день утромъ, когда тотъ еще былъ дома. Алексѣй Алексѣевичъ обѣщаль оторвать полчаса отъ своего служебнаго времени и быть у Натальи Валентиновны около полудня. И онъ это исполнилъ.

— Я вамъ нуженъ, — говорилъ онъ, цѣлуя ея руку, — это такой рѣдкій подарокъ для меня. Ну, давайте же мнѣ самое трудное, самое головоломное, почти неисполнимое

порученіе. Я хочу по крайней мѣрѣ передъ вами отличиться.

— Можетъ быть, это такъ и будетъ, Алексѣй Алексѣевичъ, сказала Наталья Валентиновна, — устройте мнѣ свиданіе съ Максимомъ Павловичемъ.

— Что-о? Вамъ? Послѣ всего, что было? — съ удивленіемъ спросилъ Алексѣй Алексѣевичъ.

— То, что было, принадлежитъ къ области, о которой я слишкомъ мало смыслю. А съ Максимомъ Павловичемъ мы старые хорошіе друзья. Я надѣюсь, что это не повредитъ Льву Александровичу. Это можно?

— Нѣтъ ничего невозможнаго на свѣтѣ! конечно, можно... Вѣдь онъ не на лунѣ, а всего только на Шпалерной... Но сперва надо узнать, здѣсь-ли онъ еще. Можетъ быть, его куда нибудь уже угнали.

— Такъ узнайте-же какъ можно скорѣе и устройте. Для вашего спокойствія могу вамъ по секрету сообщить, что Левъ Александровичъ противъ этого ничего не будетъ имѣть.

— А-а... Ну, прекрасно, я вамъ это устрою по телефону.

— Такъ пойдите въ кабинетъ. Тамъ есть телефонъ.

— О, что вы, голубушка, развѣ можете вынести подобную вещь частный телефонъ? Нѣтъ, я это сдѣлаю изъ Министерства. Черезъ часъ пришлите ко мнѣ Володю и онъ принесетъ вамъ все, что нужно.

Онъ уѣхалъ. Володя былъ снаряженъ къ нему и скоро принесъ ей свѣдѣнія.

Максимъ Павловичъ былъ еще здѣсь. Посѣщеніе устроено. Въ три часа она должна быть на мѣсть.

— Я васъ провожу туда, — сказалъ Володя.

— Развѣ и вамъ можно?

— Нѣтъ, я только провожу васъ и подожду тамъ. Алексѣй Алексѣевичъ совѣтуетъ не ѣхать въ своемъ экипажѣ, а взять извозчичій. Это предосторожность. Ахъ, знаете, я убѣдился, что вся дѣятельность чиновниковъ состоитъ изъ предосторожностей.

Въ третьемъ часу они вышли изъ дома и взяли извозчика.

Максимъ Павловичъ былъ предупрежденъ о предстоящемъ посѣщеніи. Онъ только не зналъ, кто его посѣтитъ. Къ нему являлись

очень многие, вся редакция и даже совершенно незнакомые люди. Но въ болѣе ранній часъ, скоро послѣ полудня. Въ три часа обыкновенно даже не было пріема. Поэтому онъ интересовался этимъ визитомъ.

Когда дверь въ его комнату растворилась и вошла дама, съ лицомъ, прикрытымъ густой, черной вуалью, онъ вскочилъ съ кровати, на которой сидѣлъ и установился на нее глазами.

Онъ слабо различалъ черты ея лица, но по тонкой стройной фигурѣ почти уже догадался, что это Наталья Валентиновна.

Она ни одной секунды, не оставила его въ заблужденіи, и сейчасъ же подняла вуаль.

— Вы? Боже мой! Не ждалъ... Говорилъ Зигзаговъ, цѣлуя у ея руки. — Вотъ стулъ — единственный; садитесь, дорогая, милая, добрая... Какъ же это могло случиться?

— Погодите, дайте собраться съ духомъ, — сказала Наталья Валентиновна, осматривая комнату, — здѣсь не такъ плохо, какъ...

— Какъ я заслуживаю? Не правда ли?

— Почти правда, Максимъ Павловичъ. Да, да, почти правда...

Это была маленькая комната съ небольшоимъ окномъ, выходившимъ во дворъ и дававшимъ достаточно свѣта. У стѣны стояла узенькая кровать, на ней былъ тюфякъ, прикрытый бѣльемъ и одѣяломъ, и подушка. Былъ столъ, простой ясеневый, и стулъ.

Комната вовсе не имѣла тюремнаго вида, а скорѣе дешеваго номера въ плохонькой гостинницѣ.

— Какъ, — воскликнулъ Зигзаговъ, взглянувъ на затворенную дверь. — Даже жандарма нѣтъ? Это первый случай. Обыкновенно я изливаю свои чувства къ друзьямъ въ присутствіи жандарма, который, впрочемъ, благосклоненъ и, когда мы начинаемъ говорить о политикѣ, онъ закрываетъ уши. Вотъ что значить — могущественная покровительница. Но радъ я вамъ ужасно. Ну, браните, браните, я готовъ слушать отъ васъ самыя жестокія слова.

— Буду бранить, — сказала Наталья Валентиновна, — зачѣмъ вы предпочли поступить безумно? Если это было нужно по вашимъ соображеніямъ, вы могли поручить кому-нибудь изъ вашихъ друзей.

— Ну, нѣтъ. Эту честь и это удовольствіе я не уступилъ бы никому.

— А теперь вамъ плохо.

— Все равно, милая Наталья Валентиновна, когданибудь было бы плохо, раньше или позже. Теперь по крайней мѣрѣ по хорошему поводу. А что, вамъ извѣстна моя судьба?

— Нѣтъ, этого я никакъ не могла еще узнать.

— А мнѣ извѣстна. Хотите, я вамъ расскажу? Меня пошлютъ на югъ, въ нашъ родной городъ, но не долго я тамъ буду свободно посѣщать тѣ уголки, въ которыхъ мы съ нами часто сиживали — на бульварѣ, за городомъ на берегу моря, или у милыхъ нѣмцевъ — помните? Очень скоро ко мнѣ придутъ и возьмутъ меня и посадятъ. А затѣмъ — 5-го января я явлюсь на скамью подсудимыхъ по извѣстному вамъ процессу.

— Какъ? Вы думаете, что васъ опять привлекутъ?

— Да какъ же иначе? Я былъ освобожденъ незаконно, благодаря лишь благосклонности господина министра. Теперь я лишилъ себя этой благосклонности и, само собою

разумѣтся, меня должны взять.

— Этого не будетъ, Максимъ Павловичъ. Я вамъ ручаюсь. Этого не будетъ.

— То-есть вы хотите настоять на этомъ передъ его высокопревосходительствомъ? А я васъ умоляю не настаивать. Простите мнѣ, вы такъ добры ко мнѣ, что этого я не долженъ бы говорить вамъ, но не могу не сказать: отъ Льва Александровича я больше никакой услуги не приму.

— Какъ вы можете не принять, если онъ самъ сдѣлаетъ ее?

— Не приму. Буду кричать, протестовать... Это была слабость съ моей стороны, что я согласился тогда выйти изъ тюрьмы. Я долженъ былъ испить чашу до дна, какъ испиваютъ ее другіе. Я, положимъ, радъ, потому что это дало мнѣ возможность написать мою статью; впрочемъ, я не долженъ такъ говорить съ вами.

— Нѣтъ, нѣтъ, говорите все... Все это вѣдь относится не къ Льву Александровичу, а къ министру, а вы знаете, я съ министромъ почти незнакома.

— Блаженъ, кто можетъ отдѣлять

человѣка отъ его дѣятельности... Но не будемъ спорить. Я просто буду восхищаться вашей добротой.

— Я должна передать вамъ слова Льва Александровича: что послѣ новаго года онъ сдѣлаетъ для васъ много хорошаго.

— Ради Бога, ради Бога... Пусть онъ не дѣлаетъ для меня ничего хорошаго! Я объ этомъ прошу. Нѣтъ, нѣтъ. Ни въ какомъ случаѣ. Наибольшее добро, какое онъ можетъ для меня сдѣлать — это не дѣлать для меня никакого добра.

— Но почему? Почему?

— Потому что это меня обременяетъ. Я не въ состоянїи отвѣтить на это благодарностью, я не могу оправдать его добро. Я окажусь еще разъ неблагодарнымъ и это будетъ уже слишкомъ.

— Вы, значитъ, никогда не думаете сдѣлаться благоразумнымъ?

— Я возненавидѣлъ бы себя въ тотъ мигъ.

— За что?

— Благоразуміе противно моей натурѣ.

— И это говорите вы, вы вѣчный искатель красоты?

— Да, да. Красоты... Развѣ то, что я сдѣлалъ, не красиво? Торжественно, на глазахъ у всей Россіи, приподнять забрало и открыть лицо, которое такъ тщательно скрывалось. Но это единственное, что я сдѣлалъ въ своей жизни красиваго.

— Ахъ, Боже мой... Но неужели же я не могу что-нибудь для васъ сдѣлать?

— Да вы ужъ сдѣлали. Вы пришли ко мнѣ, не смотря ни на что. Что же еще можно сдѣлать больше? Пожелайте мнѣ счастливаго пути. Вѣдь путь несомнѣнно предлежитъ. А если вся эта исторія для меня кончится благополучно, то все же наше свиданіе послѣднее.

— Почему послѣднее? Почему?

— Да вѣдь вы чуть не на дняхъ превратитесь въ ея высокопревосходительство госпожу Балтову, тогда ужъ нельзя будетъ посѣщать въ тюрьмѣ политическихъ...

— Но можно встрѣчаться съ ними на свободѣ?

— Нѣтъ, нѣтъ, голубушка. Я желаю вамъ всякаго счастья на министершиномъ посту, но скажемъ другъ другу прямо, что мы тогда уже не встрѣтимся.

Послышался осторожный тихій стукъ въ дверь.

— Что это? — спросила Наталья Валентиновна.

— Это значить, что вамъ пора уходить. Прощайте, крѣпко, крѣпко пожимаю вашу руку!

— Скажите, Максимъ Павловичъ, неужели вы не допускаете, что можете со временемъ помириться съ Львомъ Александровичемъ?

— Я, можетъ быть, и смогу... Во мнѣ слишкомъ много сидитъ пытливаго философа, чтобы я не нашелъ въ человѣкѣ подходящихъ для себя сторонъ... Но онъ никогда со мной не примирится.

— Вы ошибаетесь.

— Нѣтъ, я не ошибаюсь. Для меня это поразительно ясно. Я задѣлъ его самое чувствительное мѣсто. Я не сказалъ этого слова въ своей статьѣ и вамъ не скажу его, но каждый «проницательный читатель» себѣ его скажетъ.

— Какое слово?

— Нѣтъ, нѣтъ, оно васъ обидитъ. Я его не произнесу.

— Я должна знать его. Вы даже не представляете, до какой степени я должна знать его, и вы должны сказать. Если оно несправедливо, вы отвѣтите за него передъ моею душою. Скажите скажите...

— Вы этого требуете? Пусть. Я въ сущности назвалъ его шарлатаномъ.

— А... — Наталья Валентиновна слегка вскрикнула. — Это слово точно ножомъ рѣзнуло ее по сердцу.

— Нѣтъ, нѣтъ... Это несправедливо... Неужели вы такъ о немъ думаете?

— Простите, дорогая... — сказалъ Зигзаговъ и, схвативъ ея руки, крѣпко пожалъ ихъ. — Въ сущности, все это мы говоримъ, а развѣ можно знать, что будетъ съ нами? Вотъ мы враждуемъ, а можетъ статься, что черезъ годъ мы будемъ рядомъ болтаться на одной висѣлицѣ.

— Какія мысли!.. И вы съ такими мыслями отпускаете меня?

— Забудьте... Прощайте... Вотъ опять стучать. Это уже нетерпѣніе. Кланяйтесь Володѣ, пусть придетъ ко мнѣ... Онъ еще у васъ живетъ?

— Да.

— Ну, онъ скоро переѣдетъ.

— Онъ здѣсь внизу ждетъ меня.

— Почему же онъ не вошелъ?

— У него нѣтъ разрѣшенія.

— Какія у насъ строгости: племянникъ министра не можетъ навѣстить друга. Идите, благодарю. — Онъ еще разъ пожалъ ея руку и отпустилъ ее.

Дня черезъ четыре послѣ этого свиданія Наталья Валентиновна получила письмо, на конвертѣ котораго стоялъ штемпель: «почтовый вагонъ», на адресъ она сразу узнала руку Зигзагова и торопливо распечатала письмо. Оно состояло изъ двухъ строкъ.

«Ѣду въ родной городъ. Повидимому, свободенъ, но имѣю право жить только тамъ. Вспоминаю васъ и мучительно жалѣю, что никогда больше не увижу».

Почему-то послѣ прочтенія этой коротенькой записки, Наталья Валентиновна сдѣлалось больно и въ тоже время страшно. Какъ будто выполнялось начало предсказанія, сдѣланнаго самимъ Максимомъ Павловичемъ. Онъ говорилъ, что его водворятъ въ родномъ городѣ. Если и дальнѣйшее оправдается, то это будетъ ужасно.

Максимъ Павловичъ дѣйствительно ѣхалъ на югъ. Его выпустили изъ заключенія и предоставили право жить въ родномъ городѣ. Но онъ ни на минуту не сомнѣвался въ томъ, что это только ловушка. Онъ совершенно яс-

но представлялъ себѣ планъ, по которому дѣйствовалъ относительно его Балтовъ.

Онъ именно былъ увѣренъ, что никто иной, какъ Балтовъ. Ему было извѣстно, что въ сущности неофициально онъ уже всемогущъ. Онъ точно видѣлъ этого человѣка насквозь и понималъ, что вся прежняя доброта его къ нему и готовность оказывать услуги, покоилась на умномъ разчетѣ.

Въ южномъ городѣ ему надо было имѣть партію среди популярныхъ людей. Въ особенности для него было важно сочувствіе журнальнаго міра; но чувство жалости и вообще какое бы то ни было «стѣсняющее чувство», ему чуждо.

И онъ зналъ, что Балтовъ также холодно и спокойно оплатитъ ему, какъ оказывалъ услуги.

Въ южный городъ Максимъ Павловичъ пріѣхалъ героемъ. Курчавинъ, Богъ знаетъ откуда и какимъ образомъ пронюхавшій, что онъ ѣдетъ на родину, устроилъ ему помпезную встрѣчу.

На вокзалѣ онъ собралъ изрядную толпу обывателей, его встрѣтили рѣчами и повезли

прямо съ вокзала въ редакцію, гдѣ былъ приготовленъ званнйй завтракъ.

Органъ, слѣдившій за Зигзаговымъ, не ожидалъ этого, не приготовился и растерялся.

Максимъ Павловичъ помѣстился въ гостинницѣ, такъ какъ былъ совершенно увѣренъ въ томъ, что ему не долго придется наслаждаться свободой.

И дѣйствительно, всего дней пять онъ отдыхалъ. Ему предоставили даже встрѣтить праздникъ и пронести первый день Рождества въ кругу знакомыхъ, а въ ночь съ первого на второй день его уже взяли и посадили въ ту самую тюрьму, изъ которой не такъ давно выручилъ его Балтовъ. Максимъ Павловичъ подчинился этому, какъ должному.

Въ тюрьмѣ его встрѣтили товарищи по предстоящему въ самомъ скоромъ времени процессу и тутъ же онъ узналъ, что къ нему предъявляются прежнія обвиненія въ полной мѣрѣ.

Его начали таскать на допросы и изъ хода дѣла онъ видѣлъ, что для него это должно кончиться не шуткой. Уже онъ началъ пріучать свое воображеніе къ каторгѣ.

Но произошло нѣчто такое, на что онъ никакъ не рассчитывалъ. Прошелъ новый годъ. Въ тюрьму проникло извѣстіе о перемѣнѣ, происшедшей въ высшихъ сферахъ. Недавній вершитель судебъ Россіи, своимъ рѣзкимъ беспощаднымъ образомъ дѣйствій озлобившій всѣхъ и неугодившій даже тѣмъ, для кого работалъ, былъ удаленъ въ отставку и судьбы Россіи были вручены новому свѣтилу — Льву Александровичу Балтову.

Максимъ Павловичъ сказалъ себѣ: «ну, теперь я окончательно погибъ!» и рѣшилъ, что на судѣ постараются приписать ему еще большія вины, чѣмъ тѣ, въ какихъ онъ сейчасъ уличался.

И всѣ въ тюрьмѣ ждали дня, когда начнется процессъ. Нѣсколько главныхъ дѣятелей знали навѣрное, что черезъ недѣлю будутъ повѣшены. Ни у кого не было ни малѣйшей иллюзіи, въ особенности послѣ того, какъ явившійся съ свободы и при томъ изъ Петербурга Зигзаговъ разъяснилъ, что такое Балтовъ и чего отъ него ожидать можно.

И вдругъ наканунѣ перваго судебного засѣданія въ тюрьму пришло предписаніе

освободить Зигзагова отъ обвиненія и привлечь его въ качествѣ свидѣтеля. Это извѣстіе всѣхъ, прикосновенныхъ къ дѣлу, огорошило.

Когда объ этомъ сообщили Максиму Павловичу, онъ устроилъ бурную, неожиданную для него самого, сцену. Онъ протестовалъ, кричалъ, топалъ ногами.

— Я не хочу, не хочу этой свободы, я желаю быть съ другими! пусть судятъ, пусть вѣшаютъ...

Но свобода ему была суждена. Она была предписана высшимъ начальствомъ.

Какое-то особенное нервное состояніе овладѣло имъ и тюрьма была свидѣтельницей небывалаго зрѣлища: челоѣка насильно освобождали. Онъ упирался, хватался за столъ, за нары, за дверь, чтобы остаться въ тюрьмѣ и подвергнуться безпощадному, заранѣе опредѣленному рѣшенію, а его тащили вонъ изъ тюрьмы и вытащили. Онъ былъ освобожденъ.

Въ гостиницу онъ пріѣхалъ часовъ въ девять вечера и туда сейчасъ явился Курчавинъ.

Но издатель велъ себя совсѣмъ иначе,

чѣмъ въ день его прїѣзда изъ Петербурга. Онъ какъ будто былъ смущенъ чѣмъ-то.

— Что вы на меня смотрите такими стеклянными глазами? — раздражительно спрашивалъ его Зигзаговъ.

Но Курчавинъ не рѣшался объяснить.

А дѣло было въ томъ, что освобожденіе Максима Павловича сопровождалось предварительнымъ распространеніемъ извѣстія о немъ по городу. Среди людей, интересовавшихся завтрашнимъ процессомъ, неизвѣстно, какимъ образомъ распространился слухъ о полученномъ изъ Петербурга телеграфномъ приказаніи.

Такъ какъ это было уже вторичное освобожденіе Зигзагова, то, естественно, на этомъ остановились и стали обсуждать на всѣ лады.

Можетъ быть крылатое слово, которое родилось въ этотъ вечеръ, было и подсказано кѣмъ-нибудь, и въ то время какъ Максимъ Павловичъ въ тюрьмѣ боролся изъ за своего права остаться въ ней, оно уже переходило изъ устъ въ уста.

Курчавинъ слышалъ его и сильно коле-

бался, ъхать-ли ему къ Зигзагову? Онъ рѣшился ъхать, но былъ остороженъ и, идя къ нему въ номеръ, оглядывался.

— Скажите, что такое случилось? Почему вы такъ странно ведете себя? — спрашивалъ его Зигзаговъ.

— Что вы, помилуйте, Максимъ Павловичъ, это вамъ кажется, вы разстроены, такъ это отъ того, — отвѣчалъ Курчавинъ и видимо вилялъ и въ тоже время не умѣлъ скрытъ этого.

Но больше всего поразило Максима Павловича, что никто изъ друзей не явился къ нему. Если о его освобожденіи зналъ Курчавинъ, то значить, знали и другіе.

Ночь спалъ онъ отвратительно. Какія-то неопредѣленныя, но скверныя предчувствія тревожили его.

А утромъ ему предстояло итти въ судъ. Онъ не зналъ, что будетъ тамъ дѣлать и у него даже была мысль вовсе не итти. Но затѣмъ пришло въ голову, что, можетъ быть, онъ дастъ полезное для кого-нибудь свидѣтельство.

И онъ отправился въ судъ.

Въ свидѣтельской комнатѣ онъ встрѣтилъ нѣсколько знакомыхъ, которые недавно еще на торжественномъ завтракѣ привѣтствовали его рѣчами, какъ героя.

При его появленіи они повернулись къ нему спинами. Онъ стоялъ какъ вкопанный, и смотрѣлъ на это, не понимая. Въ головѣ его носились какія-то мысли, но онъ никакъ не могъ принести ихъ въ порядокъ.

Начался судъ. Сперва позвали другихъ, потомъ его.

Уже при его появленіи въ залѣ среди присутствовавшей публики пронесся какой то странный шопоть.

Голова его была въ туманѣ. Онъ чувствовалъ, какъ будто подъ нею виситъ тяжелая туча, изъ которой вотъ вотъ долженъ разразиться убійственный громъ.

Его допрашивали, онъ ничего не могъ сказать. Онъ смотрѣлъ на скамью подсудимыхъ. Тамъ сидѣли его вчерашніе товарищи. Но онъ явственно видѣлъ, что на лицахъ у нихъ выражается презрѣніе.

Онъ слышалъ обращенные къ нему вопросы защитника. Упоминается фамилія Балтова.

Министръ Балтовъ...

«Свидѣтель Зигзаговъ, вы были въ близкихъ отношеніяхъ съ господиномъ министромъ Балтовымъ, вы пользовались его довѣріемъ»...

— Что это такое? Зачѣмъ объ этомъ говорятъ? Развѣ это относится къ дѣлу?

Онъ весь дрожалъ, онъ смутно чувствовалъ, что туча уже разразилась, и громъ грянулъ, но только онъ не слышалъ. Онъ какъ будто оглохъ и ослѣпъ.

Онъ, кажется, что-то отвѣчалъ на вопросы, но едва-ли впаадъ.

— Свидѣтель, вы свободны...

Ему предоставили уйти изъ зала и онъ вышелъ. Невѣрными шагами онъ шелъ по корридору суда. Шаги его по каменному поду гулко раздавались подъ высокими сводами.

Онъ явственно ощущалъ жажду встрѣтить какое-нибудь знакомое лицо и попросить, чтобы ему объяснили. Его умъ какъ будто ослабѣлъ. Онъ самъ не могъ осилить того, что происходило.

И вотъ вдали онъ видитъ знакомое лицо. Одинъ изъ бывшихъ у него на вечерахъ.

Человѣкъ, только случайно не попавшій вмѣстѣ съ другими въ тюрьму. Онъ торопливо идетъ къ нему и останавливаетъ его.

— Слушайте, слушайте... Объясните мнѣ... нервнымъ надломленнымъ голосомъ говоритъ Максимъ Павловичъ.

Но тотъ отступаетъ отъ него на нѣсколько шаговъ.

— Отойдите, пожалуйста... Я не разговариваю со шпионами... И онъ быстро уходитъ, а Зигзаговъ остается на мѣстѣ, какъ будто приросшій къ полу.

Онъ старается сообразить: что это? почему? откуда? Какъ это могло случиться?

У него является внутреннее движеніе пойти обратно, вбѣжать въ залъ суда и громко на весь міръ крикнуть:

«Это неправда, это клевета, ложь»!..

Не онъ не двигается съ мѣста.

Но вдругъ, точно молнія освѣтила его голову, и онъ разомъ понялъ все.

Балтовъ, Балтовъ... Такъ вотъ она мѣсть этого холоднаго человѣка съ ледянымъ взоромъ. Вотъ почему онъ освободилъ его накануне суда. Ну, да, конечно, это все должно бы-

ло навести на подозрѣнія. Онъ, значитъ, былъ подосланъ въ тюрьму, чтобы вывѣдывать...

Да нѣтъ, тутъ надо идти дальше: онъ предоставлялъ свою квартиру для вечеровъ, въ ней жили, строили планы, рѣшали... А Балтовъ въ это время уже былъ въ Петербургѣ и онъ, Зигзаговъ, былъ дружески связанъ съ его домомъ. Вотъ откуда эта странные вопросы защитника, вотъ чѣмъ объяснятся презрительныя лица сидѣвшихъ на скамьѣ подсудимыхъ.

Мысли эти, какъ потокъ лавы, ворвались въ его голову. Онъ схватился за виски и выбѣжалъ изъ корридора на лѣстницу, а потомъ, накинувъ на плечи пальто, на улицу.

Поднявъ воротникъ пальто и надвинувъ на лобъ шляпу, онъ быстрыми шагами пошелъ къ своей гостинницѣ. Онъ точно боялся, что кто нибудь изъ знакомыхъ встрѣтитя съ нимъ и, узнавши его, броситъ ему въ лицо презрительное слово.

Онъ пришелъ домой, сѣлъ за столъ, схватилъ листъ бумаги и перо и началъ быстро и нервно писать.

Много часовъ онъ просидѣлъ надъ этимъ

письмомъ, постоянно отрывался, задумывался, вскакивалъ и бросался ходить по комнатѣ и опять садился за столъ. Письмо было не длинно, но каждое слово въ немъ било выковано изъ стали.

Онъ писалъ:

«Это письмо сегодня будетъ опущено въ ящикъ. Оно будетъ въ дорогѣ два дня и на третій день утромъ за вашимъ кофе вы будете читать его. Я буду жить эти два дня и еще одну ночь. И въ тотъ моментъ, когда вы будете читать это письмо, здѣсь, въ этой комнатѣ, гдѣ я пишу его, раздастся выстрѣлъ, но на этотъ разъ рука моя не дрогнетъ и пуля дойдетъ до того мѣста, куда я ее пошлю. На этотъ разъ я умру.

Вы должны знать, почему я умру, или даже умеръ уже въ ту минуту, когда вы читаете это письмо.

Господинъ Балтовъ отомстилъ мнѣ такъ, какъ умѣютъ мстить только министры. Да, министерская месть!

Я объявилъ его шарлатаномъ — на весь міръ объявилъ его шарлатаномъ, и теперь всѣ уже знаютъ, что онъ шарлатанъ, фокус-

никъ, прѣстиджитаторъ высшей школы, и за это я отдаю мою жизнь. Плата хорошая, да и товаръ не дурной. Они стоятъ другъ друга.

Найдите же, какъ это было. Меня послали въ родной городъ, чтобы здѣсь разыграть на моей жизни тонко и подло задуманный планъ.

Меня арестовали, посадили въ тюрьму. Но наканунѣ суда мнѣ дали свободу, и привлекли къ процессу въ качествѣ свидѣтеля.

Вы понимаете? Нѣтъ? Я тоже не понималъ, а теперь понялъ, послѣ того, какъ мнѣ бросили въ лицо слово: шпіонъ! шпіонъ господина Балтова.

Я свидѣтель на судѣ. Но смыслу дѣла я долженъ быть судимъ и наказанъ, но я — только свидѣтель, свидѣтель господина Балтова.

Я слышу презрительный шопоть, ко мнѣ поворачиваются спинами, отъ меня отскакиваютъ, мнѣ не подають руки.

Да вѣдь это же ясно: я, никто другой, какъ я былъ главной пружиной въ этомъ дѣлѣ. Я предоставлялъ свою квартиру для того, чтобы слѣдить, доносить, я выдалъ всѣхъ и, ради правдоподобія, просидѣлъ нѣсколько недѣль

въ тюрьмѣ.

Вы понимаете, въ чьей головѣ могъ родиться такой гениально предательскій планъ? Въ одной головѣ во всей Россіи: въ головѣ господина министра, Балтова. Да, безъ сомнѣнія, мои прежніе друзья показали всю свою ограниченность, узкость и тупость, но господа Балтовы на эти качества и рассчитываютъ, вся ихъ карьера на нихъ основана. Расчетъ вполнѣ оправдался.

Но, клянусь вамъ, я умираю не потому, что мнѣ стыдно встрѣчаться съ этими людьми, — мнѣ легко было бы доказать ихъ ошибку; но мнѣ противно жить среди людей, настолько ничтожныхъ, что на ихъ тупыхъ головахъ господа Балтовы могутъ играть, какую имъ угодно мелодію, и всякій смѣлый политическій пройдоха можетъ пользоваться ими и передвигать ихъ, какъ пѣшекъ. Скучно жить среди такихъ „братъевъ“ ...

Но всякій умирающій имѣетъ право высказать свое желаніе. Его могутъ исполнить, могутъ и презрѣть, ему уже будетъ это все равно, онъ ничего не почувствуетъ.

И вотъ мое завѣтное желаніе: не соединяй-

те вашей чистой, кристальной, прекрасной и горячей души съ душой господина Балтова, съ душой, которая подобна холодной грязной лужѣ, гдѣ медленно шевелятся змѣи.

Два дня и одну ночь я буду сидѣть въ стѣнахъ моей комнаты — одинъ. Никто ко мнѣ не придетъ — одни изъ презрѣнія, другіе изъ трусости. Два дня и одну ночь я буду томиться жизнью, которую уже глубоко ненавижу. Буду дѣлать это ради васъ, чтобы вы первая узнали о моей смерти. Прощайте, другъ. Максимъ Зигзаговъ».

Много разъ онъ перечитывалъ это письмо, зачеркивалъ въ немъ слова и фразы и замѣнялъ ихъ другими. Онъ работалъ надъ нимъ, какъ надъ любимымъ литературнымъ произведеніемъ.

Наконецъ, онъ переписалъ его въ послѣдній разъ, запечаталъ въ конвертъ, собственноручно наклеилъ марки и велѣлъ отнести на почту.

Послѣ этого уже никто не видѣлъ его въ городѣ. Всѣ думали, что онъ исчезъ, и въ этомъ находили лучшее доказательство того что слухи о его роли въ процессѣ справедливы.

Но прошли два дня и одна ночь и городъ
былъ пораженъ неожиданнымъ извѣстіемъ.

Между тѣмъ въ Петербургѣ разыгрывались событія, среди которыхъ были и такія, какихъ никто не могъ бы предположить

Балтовъ дѣйствительно сдѣлался всемогущимъ, и съ перваго же дня его назначенія на новый постъ общество увидѣло, что въ его лицѣ Россія пріобрѣла злѣйшаго врага и мучителя.

По всей странѣ раздался громъ новаго Юпитера, тысячи новыхъ арестовъ были его новогоднимъ подаркомъ. Забрало, поднятое надъ его лицомъ Зигзаговымъ, теперь валялось у его ногъ, онъ уже не считалъ нужнымъ прикрываться имъ.

Произошли новыя назначенія. Среди нихъ были и неожиданныя. Всѣ, конечно, ждали, что въ числѣ сотрудниковъ новаго министра будетъ Корещенскій, который работалъ съ нимъ съ начала его карьеры. Но вмѣсто этого, узнали новое имя, которое до сихъ поръ не разу не было произнесено громко. Имя это было Вергесовъ.

Корещенскій же остался въ тѣни. Затѣмъ

въ служебныхъ сферахъ произошло то естественное движеніе, которымъ сопровождается всякая переменна лицъ. На мѣсто, которое занималъ прежде Балтовъ, было назначено другое лицо. Это лицо явилось, окруженное своими помощниками и клевретами и оказалось, что Алексѣю Алексѣевичу на его прежней службѣ нечего дѣлать.

Положеніе его сдѣлалось невозможнымъ. Онъ обратился къ своему новому начальнику и встрѣтилъ съ его стороны любезный холодъ. У него были другія идеи и потому онъ принужденъ отказаться отъ услугъ Корещенскаго.

Тогда Алексѣю Алексѣевичу оставалось одно: поѣхать къ самому Балтову и поговорить съ нимъ. Онъ явился къ Льву Александровичу утромъ, когда тотъ былъ еще обыкновенно дома. На этотъ разъ онъ не воспользовался своимъ правомъ входить въ его кабинетъ безъ доклада, а послалъ свою карточку.

Льву Александровичу подали ее, когда онъ былъ въ столовой.

— Просите въ кабинетъ, — сказалъ Левъ Александровичъ.

Корещенскаго проводили въ кабинетъ. Здѣсь онъ прождалъ минутъ десять. Явился Балтовъ въ мундиръ новаго вѣдомства. Какъ то безъ всякаго выраженія онъ подалъ ему руку и пригласилъ сѣсть.

— Чѣмъ могу служить вамъ, Алексѣй Алексѣевичъ? — спросилъ онъ съ такимъ видомъ, какъ будто не имѣлъ никакого представленія о положеніи дѣлъ Корещенскаго.

— Я явился къ вамъ, чтобы выяснить свое положеніе, — сказалъ Корещенскій.

— А что? развѣ оно не достаточно ясно? — съ тонкой, едва замѣтной усмѣшкой спросилъ Балтовъ.

— Боюсь, что въ немъ все слишкомъ ясно. На прежней моей службѣ я уже не нуженъ. Тамъ новые люди и новые идеи. Вамъ не угодно было пригласить меня къ себѣ. Повидимому, я нахожусь въ томъ положеніи, когда подають въ отставку.

Левъ Александровичъ чуть замѣтно утвердительно кивнулъ головой.

— Это зависитъ уже не отъ меня. Алексѣй Алексѣевичъ, а отъ вашего новаго начальни-

ка.

— Я знаю. Но, такъ какъ я вами былъ приглашенъ на службу, то я считаю необходимымъ именно васъ спросить: вполнѣ ли правильный выводъ я сдѣлалъ.

— Повидимому, это такъ.

— Теперь мнѣ остается спросить васъ еще объ одномъ: чему я обязанъ такимъ исходомъ?

— Мнѣ кажется, Алексѣй Алексѣевичъ, что, если вы внимательно обсудите всѣ обстоятельства, то сами отвѣтите на этотъ вопросъ.

— Я не знаю, Левъ Александровичъ, какія именно обстоятельства моей частной жизни вамъ извѣстны.

— Мнѣ извѣстны всѣ, рѣшительно всѣ обстоятельства.

— Такъ что, я жилъ, окруженный наблюдателями?

— Мы всѣ живемъ, окруженные наблюдателями. Я удивляюсь, какъ вы, состоя на службѣ и занимая видный постъ, этого не узнали! Повѣрьте, что и я, не смотря на то, что обладаю могущественными полномочіями, нисколько не избавленъ отъ

этого рода наблюденія.

— Насколько я понялъ, вы находите мое дальнѣйшее пребываніе на службѣ невозможнымъ?

— Въ моемъ вѣдомствѣ я не нашель бы для васъ работы, Алексѣй Алексѣевичъ.

— Почему?

— Видите ли, во всякомъ вѣдомствѣ есть дѣла, которыя составляютъ его тайну, а въ томъ, во главѣ котораго я стою въ настоящее время, тѣмъ болѣе. Ваши же принципы позволяютъ вамъ дѣлиться этими свѣдѣніями съ людьми, не имѣющими никакого отношенія къ служебному вѣдомству.

Корещенскій понялъ все. Онъ прервалъ Балтова на полусловѣ и быстро поднялся.

— Я подаю въ отставку! — сказалъ онъ, поклонился и вышелъ. Левъ Александровичъ не остановилъ его ни однимъ словомъ и не пошелъ вслѣдъ за нимъ.

Въ тотъ же день Корещенскій подалъ въ отставку и получилъ ее чрезвычайно быстро. Очевидно, она уже была заготовленіи и состоялась бы даже безъ его просьбы.

Все это происходило въ первую недѣлю по-

слѣ новаго года. А на югѣ въ это время начался процессъ, извѣстія о которомъ съ жадностью ловились въ Петербургѣ. Были въ обществѣ легковѣрные люди, воображавшіе, что именно на этомъ процессѣ Балтовъ покажетъ свой «новый курсъ».

Самъ Левъ Александровичъ былъ теперь весь поглощенъ новой дѣятельностью, у него не было свободной минуты. Организація заново вѣдомства, пріемы новыхъ людей, сортировка прежнихъ дѣятелей, все это отнимало у него всѣ часы.

Наталья Валентиновна видѣла его только мелькомъ, когда онъ забѣгалъ къ ней, чтобы поцѣловать ея руку. Володя приходилъ къ ней съ блѣднымъ лицомъ и докладывалъ о новыхъ мѣрахъ, которыя всѣ были ясны и не оставляли никакихъ сомнѣній. Наталья Валентиновна выслушивала его и они въ угрюмомъ молчаніи проводили время.

Однажды онъ сообщилъ ей о томъ, что Максимъ Павловичъ на югѣ арестованъ и очень былъ пораженъ тѣмъ, что она на это совсѣмъ не откликнулась, только въ глазахъ ея онъ замѣтилъ какое-то странное глубокое

выраженіе.

Какъ-то разъ, здороваясь съ нею передъ обѣдомъ, Левъ Александровичъ сказалъ ей.

— Ну, я, кажется, угодилъ тебѣ, Наташа. Твой другъ Зигзаговъ былъ арестованъ тамъ, но это зависѣло не отъ меня. Сегодня послано распоряженіе о его окончательномъ освобожденіи. Завтра начнется процессъ, но онъ въ немъ явится только свидѣтелемъ, ему не грозитъ никакая опасность.

Наталья Валентиновна просвѣтлѣла и посмотрѣла на него съ благодарностью.

Прошло еще три дня. Володя принесъ извѣстіе объ окончаніи процесса.

— И что-же? — спросила Наталья Валентиновна.

— Четыре смертныхъ казни! — отвѣтилъ Володя.

Лицо Натальи Валентиновны потемнѣло. Она не слѣдила за процессомъ, она не знала лично никого изъ участвовавшихъ, она только видѣла ихъ на вечеринкахъ у Максима Павловича. Лично ничья судьба не была ей близка, но ей было мучительно сознавать, что эти казни будутъ совершены подъ покровомъ

вительствомъ Льва Александровича.

— Неужели это совершится? — спросила она Балтова въ тотъ же день.

— Милая Наташа, это не я присудилъ ихъ... Мнѣ не принадлежитъ право присуждать и миловать. Но Зигзаговъ свободенъ, чего же тебѣ еще нужно? Это наибольше, что я могъ сдѣлать. Какъ ни дорога ты мнѣ, но мы не можемъ по своимъ личнымъ симпатіямъ передѣлать всю юстицію... Намъ, Наташа, надо сегодня же рѣшить нашъ вопросъ, который для меня важнѣе всѣхъ моихъ служебныхъ дѣлъ. Ничто уже не мѣшаетъ намъ обвѣнчаться и я все приготовилъ для этого. Мы сдѣлаемъ это безъ всякаго шума. Въ маленькой домово́й церкви, въ присутствіи нѣсколькихъ довѣренныхъ лицъ. Это должно пройти совершенно незамѣтно, но, конечно, оно сейчасъ же будетъ замѣчено и сыграетъ свою роль. Ты готова?

— Я всегда къ этому готова, Левъ Александровичъ, — сказала Наталья Валентиновна, но въ голосъ ея какъ будто не доставало энергии и твердости.

Несомнѣнно, это было отраженіе тѣхъ то-

нительныхъ состояній, которыя она пережила въ послѣднее время.

Но Левъ Александровичъ не замѣтилъ этого. Онъ считалъ этимъ разговоръ конченныиъ. Онъ только прибавилъ.

— Мы сдѣлаемъ это въ будущее воскресенье. Это отниметъ у насъ полтора часа времени, не больше. Я такъ дорожу временемъ, — прибавилъ онъ смѣясь, — что даже на такое событіе, какъ наше вѣнчаніе, не могу удѣлить больше, какъ полтора часа. Но зато, милая Наташа, лѣтомъ я возьму отпускъ и мы съ тобой отдохнемъ какъ слѣдуетъ за границей.

И вдругъ однажды ей подали письмо съ почеркомъ Зигзагова. Это тѣмъ больше удивило ее, что она уже не ждала отъ него письма. Послѣдняя его записка съ дороги была какъ бы прощаніемъ.

Она сидѣла въ своемъ будуарѣ, тотчасъ послѣ утренняго кофе. Прочитанное письмо лежало у нея на колѣняхъ. Лицо ея, казалось, вдругъ, въ одно мгновенье, похудѣло и на немъ легли глубокія темныя тѣни.

Такъ просидѣла она нѣсколько часовъ. Въ квартирѣ была тишина. Ей казалось, что она

уже не живетъ, а замуравлена подъ землею въ глубокомъ темномъ склепѣ. Въ головѣ ея мелькали мысли, какъ бы оторвавшіяся отъ событій ея Петербургской жизни, и всѣ, какъ одна, они говорили о томъ, что она давно уже не живетъ настоящей своей жизнью.

Что-то враждебное ея душѣ все время совершается вокругъ нея. Это ежеминутно давить и оскорбляетъ ее, а она старательно отталкиваетъ все это отъ себя. Она обманываетъ себя. Ради душевнаго спокойствія, она оплела себя сѣтью лжи. Но это письмо, точно острый ножъ, рѣзануло по тѣмъ сѣтямъ и они прорвались въ тысячѣ мѣстъ, и вотъ настоящая живая ложь вцѣпилась въ нее своими когтями. И какъ будто передъ ея глазами открылось что-то новое...

Послышались торопливые шаги, она прислушалась. Это — Володя, это его шаги.

Онъ какъ-то стремительно приближался и вотъ онъ вбѣжалъ въ комнату. Въ рукахъ у него бумага.

— Что это?

— Телеграмма. Сейчасъ получилъ отъ редактора Курчавина. Съ юга... Невѣроятно...

ужасно...

— Что, Володя, что?

— Максимъ Павловичъ застрѣлился. Сегодня въ одиннадцатъ часовъ утра. Вотъ прочитайте.

Онъ поднесъ къ ея лицу телеграмму, она прочитала: «выстрѣломъ изъ револьвера въ високъ. Смерть была моментальна»...

И Володя смотрѣлъ на Наталью Валентиновну и изумлялся тому, что извѣстіе какъ будто не произвело на нее никакого впечатлѣнія.

Но что за лицо у нея! Онъ никогда еще не видалъ его такимъ.

Она медленно подняла руку, взяла письмо, лежавшее у нея на колѣняхъ, и сказала ему.

— Читайте это, Володя...

Володя взялъ письмо. Прошло минутъ пять. Руки его задрожали и онъ съ силой скомкалъ въ нихъ бумагу.

— Слушайте, Наталья Валентиновна, — глубокимъ надорваннымъ голосомъ сказалъ онъ:— послѣ этого... я не могу оставаться въ домѣ моего дяди...

— Вы не слышите? — спросилъ онъ, при-

стально взглянувъ на нее и видя, что глаза ея устремлены куда-то въ неуловимую точку.

Она вздрогнула и повернула лицо къ нему.

— Что вы сказали, Володя?

— Я говорю, что больше ни одной минуты не могу оставаться въ домъ моего дяди. Я сейчасъ переѣзжаю...

И онъ сдѣлалъ уже шагъ по направленію къ двери.

— Пойдите... Я тоже должна что-то сдѣлать... — промолвила она и приложила ладонь ко лбу, какъ бы помогая своимъ мыслямъ собраться въ одну точку.

— Что вы сдѣлаете? — съ удивленіемъ и даже съ легкимъ опасеніемъ спросилъ Володя, потому что у нея было такое необыкновенно странное лицо.

— Я сейчасъ скажу вамъ...

Володя стоялъ и ждалъ. Она усиленно думала, затѣмъ отняла руку отъ своего лба и быстро поднялась.

— Да. Я тоже.

— Что?

— Тоже, что и вы... Я тоже сейчасъ уйду изъ этого дома.

— Куда?

— Куда-нибудь... Въ гостинницу, конечно... Скажите, теперь въ банкѣ еще можно... Я полгода не брала своей ренты... Это составитъ... достаточно. Впрочемъ, завтра, все равно... Но оставаться не могу. Вы понимаете, Володя, понимаете? Не могу ни минуты, понимаете?..

Володя еще не понималъ. Ему трудно было сразу представить себѣ, что Наталья Валентиновна способна на такой рѣшительный шагъ. Оставить Льва Александровича послѣ того, какъ она жила съ нимъ въ одной квартирѣ, развелась съ мужемъ и была наканунѣ вѣнчанія...

Но ему стояло только стать для нея на свою собственную точку зрѣнія, чтобы понять. Эти четыре казни въ самомъ началѣ дѣятельности дяди, а въ особенности этотъ ужасный конецъ Максима Павловича. Это — пятая казнь... И вѣдь для него было несомнѣнно, что Максимъ Павловичъ совершенно правильно растолковалъ дѣйствія его дяди.

Да, именно такъ это и было. Дядя хотѣлъ сдѣлать ему репутацію шпіона. Онъ восполь-

зовался для этого дружескими отношеніями Зигзагова къ его дому, къ нему самому. Это отвратительно. Это самое худшее изъ всего, что произошло.

И Наталья Валентиновна совершенно также поняла все это. Иначе, не зачѣмъ было бы несчастнаго Максима Павловича сажать вторично въ тюрьму. Это и было сдѣлано для того, чтобы новымъ освобожденіемъ наканунѣ процесса обратить на него вниманіе, потому что прежнее уже было забыто.

Разомъ освѣтился типъ: человѣкъ, не отступающій ни передъ чѣмъ ради своей цѣли и въ данномъ случаѣ, даже не великой, а мелочной и ничтожной.

И вдругъ ее охватила брезгливость къ этому человѣку, къ его близости, къ его дому, даже къ его имени, и она разомъ безвозвратно рѣшила: сейчасъ уйти.

— Володя, помогите мнѣ; сперва я уйду, потомъ вы... Я ничего не возьму съ собой, это можно послѣ. Пока я одѣнусь, вы сходите въ дѣтскую; пусть Васю одѣнутъ и нянька съ нимъ... Скажите — гулять.

Володя уже понялъ и больше для него не

требовалось никакихъ объясненій. Онъ отправился въ дѣтскую, гдѣ Вася проводилъ время съ своей нянькой.

— Няня, одѣньте Васю и сами одѣньтесь. Наталья Валентиновна хочетъ вмѣстѣ прогуляться, — сказалъ онъ.

Та была нѣсколько удивлена. Обыкновенно гуляла съ мальчикомъ она одна. Наталья Валентиновна иногда каталась съ нимъ въ экипажѣ.

Въ то время, какъ въ дѣтской одѣвали Васю, Наталья Валентиновна у себя въ спальнѣ переодѣвалась. Въ послѣднее время она почти не выходила изъ капота, теперь она переодѣвалась въ платье. Она дѣлала это быстро.

Затѣмъ она вынула изъ комода необходимое бѣлье, капотъ, кой что для Васи и завернула все это въ бумагу.

Володя былъ растерянъ. Хотя онъ и понималъ уже ея настроеніе, но не могъ себѣ представить, какъ все это произойдетъ и что изъ всего этого получится. Наталья Валентиновна не обнаружила ни малѣйшаго колебанія.

Когда она уже была одѣта, ей пришла

мысль написать два слова Льву Александровичу, но она сейчас-же отмѣнила это. Лучше она сдѣлаетъ это въ гостинницѣ и оттуда пришлетъ. Тамъ можно написать болѣе обдуманно и это будетъ лучше. Къ тому же у нея было такое состояніе, что хотѣлось какъ можно скорѣе уйти, а письмо задержало бы.

Вася тоже былъ готовъ и явился къ ней съ нянькой, которая была уже одѣта.

— Возьмите это, няня, — сказала Наталья Валентиновна, передавая ей свертокъ съ бѣльемъ. Нянька съ недоумѣніемъ посмотрѣла на нее.

— Это нужно... занести въ магазинъ! — пояснила Наталья Валентиновна. — Пойдемте.

Они вышли въ переднюю и стали надѣвать калоши. Вдругъ появилась Лизавета Александровна.

— Вы кататься? — спросила она.

— Нѣтъ, мы пѣшкомъ, — отвѣтила Наталья Валентиновна и прибавила:— няня, идите впередъ съ мальчикомъ. И няня съ мальчикомъ вышли на лѣстницу.

— Я васъ догоню, — сказалъ Володя, провожая Наталья Валентиновну.

Какъ только она вышла, онъ сейчасъ же отправился въ свою комнату. Онъ хотѣлъ уложить вещи въ чемоданъ, но сообразилъ, что это потребуетъ времени. Онъ рѣшилъ вернуться для этого. Теперь же онъ схватилъ пальто и быстро побѣжалъ внизъ. Онъ нагналъ ихъ на улицѣ.

— Какія здѣсь есть гостинница? — опросила Наталья Валентиновна.

— Есть Англія... Впрочемъ, нѣтъ, туда не надо. Тамъ останавливался Мигурскій; поѣзжайте въ Грандъ-Отель. Я вслѣдъ за вами, чтобы устроить васъ. Вотъ извозчикъ.

Онъ подошелъ къ извозчику и сказалъ, ему: — Отвези этихъ дамъ на Морскую, въ Грандъ-Отель.

Потомъ онъ усадилъ ихъ и они уѣхали, а самъ взялъ другого извозчика и велѣлъ ѣхать быстро, чтобы обогнать ихъ и встрѣтить въ гостинницѣ.

Черезъ полчаса, устроивъ Наталью Валентиновну съ Васей и нянькой въ двухъ небольшихъ комнатахъ, онъ вернулся домой, уложилъ свой чемоданъ и, улучивъ минуту, когда въ передней никого не было, вынесъ его

на лѣстницу.

— Уѣзжаете? — спросилъ его швейцаръ.

— Нѣтъ, переѣзжаю на свою квартиру, — отвѣтилъ онъ.

— А какой же адресъ?

— Я потомъ найду и скажу.

И онъ поѣхалъ въ ту же гостиницу, гдѣ устроилась Наталья Валентиновна. Здѣсь онъ занялъ номерокъ въ другомъ этажѣ и рѣшилъ завтра-же подыскать комнату.

Разспросы со стороны няньки — почтенной разсудительной старухи — Наталья Валентиновна отстранила. Еще когда они сѣдѣли въ экипажѣ, она тихонько сказала ей.

— Пожалуйста, няня, ничему не удивляйтесь и не спрашивайте. Я потомъ все объясню вамъ; такъ надо.

И няня подчинилась, конечно, сообразивъ, что между Натальей Валентиновной и Балтовымъ произошелъ разрывъ.

Но Васю трудно было удовлетворить неопредѣленными отвѣтами, а опредѣленнаго Наталья Валентиновна пока дать не могла и мальчикъ все время приста-валъ къ ней. Наконецъ, она ему сказала:

— Вася, если ты меня любишь, повѣрь мнѣ, что такъ надо... Я сама еще не знаю, что будетъ дальше. А теперь не спрашивай меня, потому что отъ этого мнѣ больно.

И Вася смирился и замолкъ. Вообще, настроеніе въ двухъ комнатахъ занятаго ими номера было унылое. Кой-какъ разположились, Наталья Валентивовна сѣла за письмо. Она написала его сразу, безъ поправокъ. Оно какъ то вылилось у нея.

Вотъ что она написала:

«Левъ Александровичъ, я уѣхала изъ вашего дома, потому что больше не могу жить въ немъ. Сдѣлать это наканунѣ нашего предположеннаго вѣнчанія лучше, чѣмъ на другой день послѣ него. И — если только можно сегодня употребить это слово — я рада, что рѣшила сдѣлать это теперь. Вотъ письмо, полученное мною отъ Зигзагова. Если бы даже не было ничего другого, то этой исторіи было бы достаточно, чтобы я не сдѣлалась вашей женой. Но эта исторія была, была, и вы, какъ человекъ независимый и гордый, не должны отрицать того,

что было. Получена телеграмма, извѣщающая о томъ, что Зигзаговъ дѣйствительно застрѣлился сегодня въ одиннадцать часовъ утра и такимъ образомъ выполнилъ свое обѣщаніе. Эта смерть ужасна и она вполнѣ достаточна, чтобы мы съ вами не могли никогда быть счастливы вмѣстѣ. Вы не сочтете вмѣшательствомъ въ ваши личныя дѣла, если я скажу, что четыре казни, къ которымъ приговорены бывшіе товарищи несчастнаго Максима Павловича, не могли бы способствовать моему спокойному существованію бокъ-о-бокъ съ вами. Да, теперь я увидѣла, что и статья Зигзагова была справедлива, и что вообще вы — жестокой и безпощадный человекъ. Вотъ объясненіе моего поступка, другихъ нѣтъ.

Не знаю, какъ вы къ нему отнесетесь. Можетъ быть, примете равнодушно и спокойно. Тѣмъ лучше. Но если бы случилось иначе, то на этотъ случай я твердо заявляю какъ, что мое рѣшеніе не поверхностно и не мимолетно. Оно созрѣвало уже давно, но я сама не знала объ этомъ. Я только испытывала

безотчетное недовольство и безпокойство. Сегодня же я узнала, что оно у меня совершенно созрѣло и готово. Я еще не знаю, что сдѣлаю съ собой. Но по всей вѣроятности поѣду на югъ, на старое мѣсто.

Лично вамъ желаю наибольшаго счастья, а для Россіи, которая теперь въ вашихъ рукахъ, желаю побольше мягкости и человѣчности. Н. В.»

Письмо это вмѣстѣ съ письмомъ Зигзагова Наталья Валентиновна отправила съ посыльнымъ Балтову.

Левъ Александровичъ пріѣхалъ домой часовъ въ семь, чрезвычайно пріятно настроенный. На службѣ у него были какія-то удачи: онъ, подымаясь наверхъ, даже шутилъ съ швейцаромъ, что было для него ужъ совершенно исключительно.

Но когда онъ вошелъ въ квартиру, то сейчасъ же почувствовалъ какую-то неладность.

— Барыня у себя? — спросилъ онъ лакея, разумѣя, какъ всегда, подъ барыней Наталью Валентиновну.

Лакей отвѣтилъ:

— Лизавета Александровна въ гостиной-съ.

— А Наталья Валентиновна?

— Ихъ еще нѣтъ-съ.

— Что значитъ еще?

— Они съ Васей и няней ушли рано и не возвращались.

Онъ вошелъ въ гостиную и нашель тамъ Лизавету Александровну.

У нея было странно многозначительное, но въ то же время необыкновенно замкну-

тое лицо, которому она хотѣла придать выраженіе непроницаемости. Но она этого не съумѣла сдѣлать, и онъ, глядя на нее, сейчасъ же почувствовалъ, что есть что-то необычное.

— Гдѣ же Наталья Валентиновна? — спросилъ Левъ Александровичъ мимоходомъ.

— Она гулять пошла... — отвѣтила Лизавета Александровна и выразительно поджала нижнюю губу.

Онъ прошелъ дальше и вошелъ въ кабинетъ, и она слѣдила за нимъ глазами и осталась въ гостиной и даже подошла къ двери кабинета, какъ только можно было, ближе.

Она, конечно, не знала еще ничего опредѣленнаго, но чувствовала, что произошло нѣчто роковое. Первое — слишкомъ продолжительное отсутствіе Натальи Валентиновны. Она даже не завтракала дома, это было въ первый разъ. И гдѣ она могла завтракать — съ Васей и нянькой? У нея въ Петербургѣ не было никакихъ связей.

Развѣ у Корещенскаго? Но тотъ теперь въ такомъ положеніи что ему не до завтраковъ.

А главное — посыльный и письмо. Правда, посыльный ничего не объяснилъ. Она,

разумѣтся, допрашивала его, но ничего не добилаь. Посыльный былъ умный и очевидно получилъ инструкціи.

«Приказано доставить и больше ничего», вотъ былъ его отвѣтъ.

Она долго разсматривала конвертъ, вертѣла его и такъ, и этакъ. Почеркъ ей казался знакомымъ, но она почти не знала почерка Натальи Валентиновны и ничего не могла рѣшить навѣрно. Но все вмѣстѣ обѣщало какую-то исторію, которую она предчувствовала.

Вѣдь, все утро она прислушивалась къ тому, что дѣлалось въ будуарѣ; она вообще всю жизнь къ чему-нибудь прислушивалась. Какіе-то странные разговоры съ Володей. Долгое молчаніе, потомъ восклицанія.

О Володѣ она не подумала. Онъ часто по цѣлымъ днямъ не бывалъ дома. Ей даже и въ голову не пришло, что онъ можетъ уѣхать изъ дома съ чемоданомъ. Подобная мысль просто не могла зародиться въ ея головѣ. Молодой человекъ живетъ въ домѣ своего могущественнаго дяди — да кто же откажется отъ такого счастья?

И теперь она съ замирающимъ сердцемъ прислушивалась къ кабинету. Тамъ, на письменномъ столѣ, на очень видномъ мѣстѣ, такъ что нельзя не замѣтить, она сама положила письмо.

Но очевидно Левъ Александровичъ въ первую минуту не замѣтилъ его. Онъ прошелъ прямо въ сосѣдную комнату, примыкавшую къ кабинету, гдѣ онъ обыкновенно переодѣвался, она поняла это по его мягкимъ шагамъ.

Минуты черезъ три онъ вышелъ и вдругъ неожиданность. Онъ быстро подошелъ къ двери и плотно притворилъ ее. Этого она никакъ не могла предусмотрѣть и ей оставалось просто ждать результатовъ.

Левъ Александровичъ, переодѣвшись и вернувшись въ кабинетъ, дѣйствительно сейчасъ замѣтилъ письмо. Онъ взялъ его, распечаталъ, читалъ и не вѣрилъ.

Что это? Это можетъ быть только мистификаціей. Никакихъ предшествовавшихъ признаковъ. Никогда ни слова недовольства, всегда самое нѣжное отношеніе. Нѣтъ, нѣтъ, это шутка.

Но эти мысли промелькнули въ его головѣ лишь въ первую минуту, а затѣмъ вдругъ почему-то стало казаться, что это не только возможно, но и неизбежно должно было случиться.

Не въ его характеръ было бѣжать съ письмомъ вонъ изъ кабинета и производить допросъ о томъ, какъ и когда и при какихъ обстоятельствахъ это случилось. Онъ долженъ былъ самъ единолично воспринять и пережить, и это онъ дѣлалъ.

Онъ переживалъ. Для этого онъ и притворилъ дверь. Никто не долженъ былъ присутствовать при его душевной работѣ; хотя онъ зналъ, что ни Лиза, никто другой не рѣшится войти къ нему въ кабинетъ безъ зова, все же онъ не могъ вынести присутствія другого человѣка вблизи. Щель въ двери уже была покушеніемъ на его самостоятельность, на его одиночество.

Онъ долго стоялъ передъ окномъ и нѣсколько разъ перечитывалъ письмо Наташи Валентиновны. Письмо Зигзагова онъ прочиталъ только одинъ разъ и положилъ его на столъ.

Скоро первоначальное настроеніе улеглось и онъ началъ разсуждать спокойно и логически. Тогда онъ сталъ размѣренными шагами ходить по кабинету.

Потеря Натальи Валентиновны для него была очень тяжела. Онъ любилъ ее, въ этомъ онъ не фальшивилъ ни передъ нею, ни передъ собой. Присутствіе въ домѣ этой женщины радовало его и давало душѣ его отдыхъ.

Но онъ долженъ былъ признать, что дальше предѣловъ этой квартиры, шире круга домашней жизни, ея вліяніе на него не распространялось. Никогда у него не было даже мысли въ своей государственной дѣятельности принимать въ расчетъ ея симпатіи и антипатіи. Отдѣльные случаи — его снисходительность къ ея другу Зигзагову — это было личное одолженіе, подобныя льготы онъ дѣлалъ и другимъ по частной просьбѣ.

И не потому это было такъ, чтобы онъ не уважалъ ея мнѣній, ставилъ ее въ грошъ, а потому, что воля его органически не могла подчиниться волѣ другого, хотя бы и близкаго и дорогого человѣка. Таковъ онъ весь отъ головы до ногъ.

Наталья Валентиновна душа не сложная, но опредѣленная. Она сдѣлана изъ одного цѣльнаго металла, но металлъ этотъ крѣпокъ, его нельзя согнуть, а сломать слишкомъ трудно.

И когда онъ думалъ о томъ, какъ она жила всѣ эти мѣсяцы въ Петербургѣ, то понималъ, что это было насиліе надъ ней, которое она какъ бы допускала временно въ ожиданіи переменъны.

Его она представляла себѣ другимъ. Въ южномъ городѣ кругъ ихъ интересовъ былъ безконечно уже, чѣмъ здѣсь, и тамъ его личность въ своемъ настоящемъ свѣтѣ не проявлялось. Но здѣсь, въ особенности въ послѣднее время, она начала проявляться, а теперь это пойдетъ все шире и шире. И каждый день, каждый часъ будетъ приносить ей факты, которые будутъ становить ее на дыбы. И будетъ расти между ними стѣна...

Его положеніе обязываетъ къ тому, чтобы у него въ домѣ была жена, чтобы этотъ домъ былъ полонъ общества, разнообразнаго, блестящаго, съ которымъ надо ладить. Нужна извилистая эластическая душа. Нужно свѣтское

искусство, фальшь, лицемеріе, ложь, качества, которыя всегда найдутся у любой свѣтской женщины, которыя прививаются ей воспитаніемъ, и которыхъ нѣтъ и не можетъ быть у Натальи Валентиновны.

Онъ говорилъ ей, что рассчитываетъ на ея умъ, — и умъ у нея есть, — хорошій, доброкачественный, тонкій. Но правда ли, нуженъ ли умъ, а не хитрость и ловкость, на которыя она вовсе не способна? Свѣтскія женщины такъ ловко умѣютъ ладить съ людьми, — такъ неужели же среди нихъ такъ много ума?

Потеря страшно тяжела, но, можетъ быть, въ концѣ концовъ окажется, что это одна изъ удачъ, предупредительно посылаемыхъ ему судьбой.

Такъ онъ думалъ. Зная его отношеніе къ Натальѣ Валентиновны, никто не могъ бы предсказать такого исхода его мыслей.

Если бы онъ способенъ былъ подчиняться первымъ сердечнымъ побужденіямъ, то, конечно, прочитавъ письмо, онъ помчался бы къ ней, просилъ бы вернуться, умолялъ бы. И такое движеніе у него было, но оно оставалось въ его душѣ развѣ нѣсколько секундъ, а

затѣмъ уступило мѣсто разуму.

И вотъ выводъ: это надо пережить, съ этимъ надо примириться.

Затѣмъ онъ, какъ бы совершенно покончивъ съ этимъ главнымъ вопросомъ, перешелъ къ вопросу о средствахъ. Естественно, чтобы онъ предложилъ Натальѣ Валентиновнѣ хорошее обезпеченіе, его это не затруднило бы нисколько, а онъ зналъ, что ея личныя средства не велики.

Но онъ не любилъ пустыхъ словъ и безцѣльныхъ дѣйствій. Подобное предложеніе какъ бы требовалось положеніемъ дѣла, и не сдѣлать его даже кажется неловкимъ. Но онъ зналъ характеръ и взгляды Натальи Валентиновны и былъ совершенно увѣренъ, что она не приметъ никакой денежной помощи.

Нѣтъ, это дѣйствительно все кончено. Она, съ свойственнымъ ей чутьемъ, почувствовала это и за себя, и за него. Ему было некогда. Можетъ быть, если бы у него было время, онъ самъ пришелъ бы къ тому же выводу...

И вотъ каковъ былъ практическій результатъ его размышленій. Онъ сѣлъ къ столу и

написаль:

«Глубокоуважаемая Наталья Валентиновна! Потеря для меня страшно тяжела. Зная меня, вы въ этомъ не усомнитесь, но она логически необходима и неизбѣжна. Я размышлялъ долго и добросовѣстно. Молить васъ — не принесетъ пользы. Я знаю васъ и ни на что не могу надѣяться.

Прошу васъ только никогда не забывать, что въ моей душѣ, какъ бы ни была она холодна и черства — а это такъ и есть — всегда будетъ горѣть теплый огонекъ — лампада передъ вашимъ образомъ — единственной женщины, которую я любилъ во всю мою жизнь и единственнаго человѣка. А значить — когда бы и при какихъ бы обстоятельствахъ я ни понадобился вамъ — я всегда къ вашимъ услугамъ, со всѣмъ моимъ положеніемъ и достояніемъ. Возвращаю вамъ письмо Зигзагова. Л. Балтовъ».

Онъ запечаталъ письмо и позвонилъ. Вошелъ лакей.

— Это письмо отправьте по адресу. Пусть его снесетъ посыльный съ улицы. Попросите ко мнѣ Лизавету Александровну.

Лакей ушелъ и черезъ минуту явилась Лизавета Александровна.

— Лиза, — сказалъ Левъ Александровичъ безъ всякаго волненія въ голосъ, дѣловито и холодно:— Наталья Валентиновна больше не будетъ жить съ нами; она ушла не только изъ дома, но и изъ моей жизни.

— Неужели? — воскликнула Лизавета Александровна и въ глазахъ ея блеснула безумная радость.

Онъ сдѣлалъ рукой останавливающій жестъ.

— Обсуждать этого мы съ тобою не будемъ, Лиза. Прошу тебя, отбери все, рѣшительно все, что принадлежитъ Натальѣ Валентиновнѣ, Васъ и его нянькѣ и хорошенько, тщательно, бережно уложи, отошли въ Грандъ-Отель. Если можно, сдѣлай это сегодня послѣ обѣда. А теперь пообѣдаемъ.

И они пошли обѣдать. И Лизавета Александровна — даже она — изумлялась, съ какимъ спокойнымъ видомъ онъ ѣлъ супъ и другія блюда. Никакого волненія, никакой печати страданія не было у него на лицѣ, хотя она и знала, что онъ искренно любилъ Наталью Ва-

лентиновну.

«Вотъ человекъ, который съумѣлъ подчинить всѣ свои чувства своему разсудку», думала она и изумленіе передъ братомъ у нея превращалось въ какой-то трепеть передъ его величіемъ.

— А почему нѣтъ Володи? — спросилъ Левъ Александровичъ.

— Они, — осмѣлился доложить лакей, — уѣхали съ чемоданомъ. Швейцару сказали, что на свою квартиру...

— Возможно ли? — воскликнула Лизавета Александровна.

— Это въ порядкѣ вещей, — сказалъ Левъ Александровичъ и больше объ этомъ въ теченіе обѣда не поднималось вопроса.

* * *

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургѣ можно было видѣть господина средняго роста, плечистаго, съ густо обросшимъ лицомъ, въ широкомъ длинномъ пальто англійскаго покроя, въ цилиндрѣ, ѣздящаго ежедневно около двѣнадцати часовъ дня въ красивомъ экипажѣ, запряженномъ парой доброкачественныхъ коней, изъ своей квартиры на Ки-

рочной улицѣ въ одинъ изъ крупныхъ частныхъ банковъ и возвращавшагося оттуда часамъ къ пяти.

По вечерамъ въ дѣловое время его можно было встрѣтить въ засѣданіяхъ не одного правленія крупнаго коммерческаго предпріятія. Если на улицѣ онъ кому нибудь раскланивался, то это было непременно солидное лицо, извѣстное въ коммерческомъ или административномъ мірѣ.

Въ другое время, особенно весной и лѣтомъ, его можно было встрѣтить въ томъ же экипажѣ на стрѣлкѣ, а ночью въ загородномъ саду, большею частью въ отдѣльномъ кабинетѣ, ужинающимъ съ веселымъ обществомъ, гдѣ изъ хорошенькихъ дамскихъ устъ слышались хотя и грубоватыя слова, но на настоящемъ французскомъ языкѣ.

Но постоянно онъ былъ въ движеніи, въ дѣловомъ или увеселительномъ. Казалось, у этого человѣка былъ избытокъ энергіи и онъ просто не зналъ, куда ее дѣвать.

Въ квартирѣ его на Кирочной улицѣ, просторной, богато и со вкусомъ убранной, гдѣ онъ жилъ одинъ, изрѣдка бывали вечера,

собиравшіе не мало гостей и обходившіеся ему недешево. И среди гостей попадались между прочимъ и сановники, носившіе на своей груди важные ордена и разноцвѣтныя ленты.

И всѣ дѣловые люди въ Петербурга знали, что этотъ человѣкъ, носящій фамилію — Корещенскій, благодаря своимъ связямъ, составленнымъ во время государственной службы, какъ-то стремительно быстро пошелъ на вверхъ по лѣстницѣ дѣловой карьеры.

Послѣ своей отставки онъ растерялся, но не на долго, Вѣдь онъ стоялъ въ центрѣ, изъ которыхъ исходило направленіе всѣхъ дѣлъ Россіи. У него, конечно, было много враговъ, но вражда эта была основана исключительно на боязни его хорошихъ способностей и энергіи и на зависти. Каждому казалось, что онъ именно ему-то и перебьетъ дорогу.

Но какъ только онъ ушелъ въ отставку, враги потеряли весь свой ядовитый ароматъ и почувствовали къ нему расположеніе. И тогда къ нему явились съ предложеніями изъ коммерческаго міра и ему ровно ничего не

стоило занять богатую позицію. Затѣмъ явились дополнительные статьи въ другихъ учрежденіяхъ, и въ скоромъ времени Корещенскій безъ особаго труда уже зарабатывалъ колоссальныя деньги.

Правда, и здѣсь онъ остался превосходнымъ работникомъ и его хорошо одаренная голова всегда выдѣляла его на первый планъ. Онъ умѣлъ и отстаивать интересы учрежденія, и оказать услуги нужнымъ сановнымъ лицамъ, отъ которыхъ «многое» зависѣло, и получить заказъ, и ловко, чистенько отблагодарить.

Словомъ, вдругъ открылись въ немъ практическія способности, и онъ уже нисколько не жалѣлъ ни о профессорской карьерѣ, ни о потерянномъ служебномъ положеніи.

И такъ какъ онъ оставилъ службу, вслѣдствіе того, что разошелся во взглядахъ съ главнымъ вершителемъ внутренней политики Балтовымъ, который къ этому времени уже успѣлъ заслужить всеобщую ненависть, то въ видѣ придатка ко всѣмъ этимъ благамъ, онъ былъ еще носителемъ репутаціи передо-

вого человѣка.

Но это — да и ничто другое — не помѣшало ему возобновить пріятныя отношенія къ своему прежнему патрону. И онъ, правда, изрѣдка, главнымъ образомъ для поддержанія связей, бывалъ у Балтова на пріемахъ и вечерахъ, которые теперь часто устраивались въ министерской квартирѣ.

Тамъ была уже новая хозяйка, — красивая, породистая женщина, недавно носившая княжескій титулъ, который она предпочла фактическому могуществу.

Левъ Александровичъ женился безъ любви, но и безъ какого либо значительнаго расчета. Ему нужна была свѣтская женщина и онъ такую нашелъ.

Наталья Валентиновна не больше недѣли оставалась въ гостинницѣ. Изъ министерской квартиры ей прислали цѣлый возъ принадлежащихъ ей вещей. Тутъ были между прочимъ и драгоценности, которыя были ей подарены Балтовымъ. Но она отобрала только то, что считала дѣйствительно ей принадлежащимъ, остальное отправила обратно. На это не послѣдовало никакого возраженія.

Затѣмъ она собралась и уѣхала въ южный городъ. Здѣсь она завела сношенія съ остатками того кружка, къ которому принадлежалъ когда то Зигзаговъ. Это были немногіе, случайно уцѣлѣвшіе отъ погрома, кончившагося четырьмя, дѣйствительно совершенными, казнями и многими ссылками.

Ей это далось нелегко. Къ ней относились недовѣрчиво. Ея недавняя близость съ Балтовымъ служила ей преградой.

Но пріѣхалъ Володя. Въ Петербургѣ ему какъ-то ничто не удавалось. Точно какой то злой рокъ висѣлъ надъ нимъ. Онъ вернулся въ родной городъ, чтобы здѣсь заняться своей адвокатской профессіей.

Несмотря на родство съ Балтовымъ, его личность не была подвержена сомнѣнію. Ему довѣряли. И вотъ ему то и удалось растопить ледъ, мѣшавшій сближенію Натальи Валентиновны съ людьми, которые ей были нужны.

А нужны они были ей для дѣла, которое она считала своимъ священнымъ долгомъ. Она поставила задачей своей жизни возстановить доброе имя Максима Павловича.

Послѣ того, какъ онъ застрѣлился, правда, явилось колебаніе, и многіе стали думать, не впали ли они въ ошибку? Но не кому было воспользоваться этимъ настроеніемъ. Курчавинъ и его обычные сотрудники очень скоро забыли о своемъ «украшеніи». Люди эти были большею частью равнодушные, а для многихъ изъ нихъ добровольное устраненіе себя Зигзаговымъ было чистымъ выигрышемъ. Онъ своимъ талантомъ, своей необходимостью, устранялъ ихъ отъ первыхъ ролей въ журналистикѣ. Теперь они выплыли на поверхность.

Наталья Валентиновна энергично принялась за осуществленіе своей задачи. Она собирала у себя людей, говорила имъ о прошломъ, приводила доказательства. Предсмертное письмо Зигзагова къ ней было яркой иллюстраціей его ужасной душевной драмы. И оно сыграло важную роль. Его отослали за границу и напечатали въ одномъ изъ русскихъ органовъ, съ трудомъ тогда проникавшихъ въ Россію.

И она видѣла, что мало-по-малу ледъ растаялъ, имя Зигзагова совершенно очистилось

отъ прилипшей къ нему грязи и онъ былъ признанъ честнымъ борцомъ за всѣмъ дорогое дѣло освобожденія родины.

Съ Балтовымъ она никогда не встрѣчалась.

Конецъ.

1906